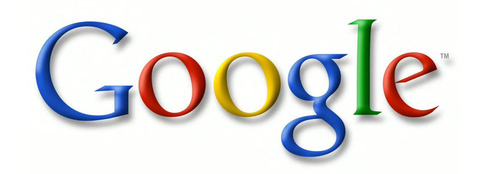
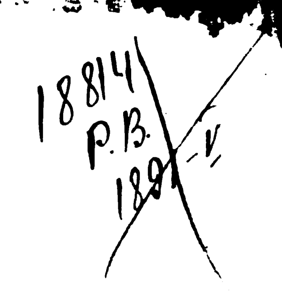
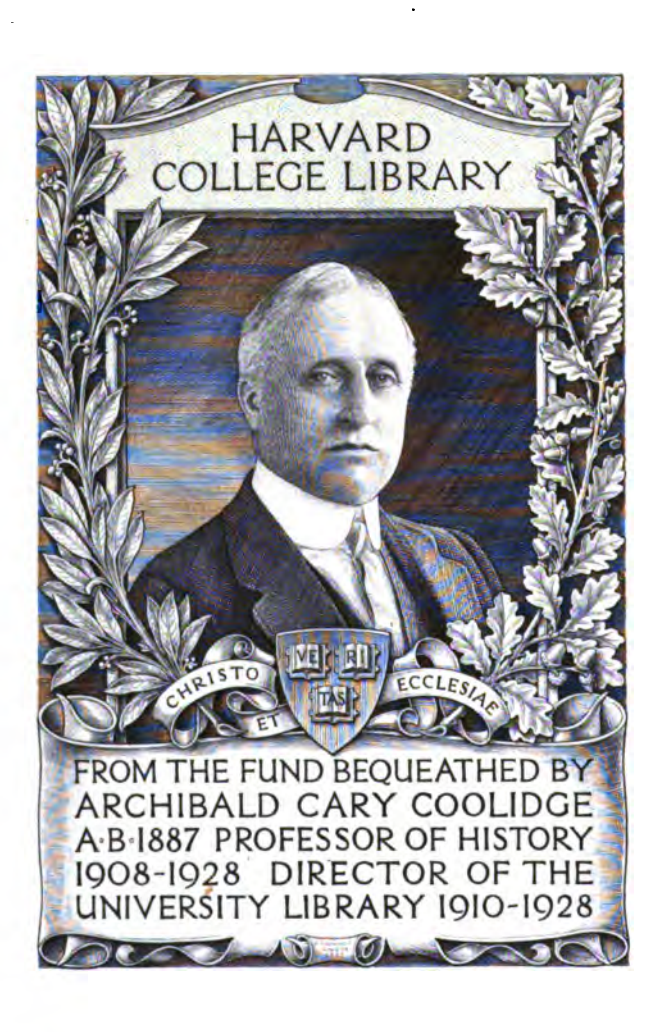

18814
P.B.
189

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

Вышелъ 4-го мая.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

214

ТОМЪ ДВѢСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

1891.

МАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

XVIII вѣка). Сост. архимандритъ Леонидъ. Спб. 1891.—Павелъ Строевъ. Описаніе рукописей монастырей: Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго. Сообщ. арх. Леонидъ. Съ предисловіемъ и указателемъ Николая Барсукова. Спб. 1891 г. — III. Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая 1822—1827. Спб. 1891 г.—IV. Организація полеваго хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвообороты. А. С. Ермолова. Изд. II. Спб. 1891 г.— **Иностранной.** Les grands ecrivains français. Theophile Gautier, par Maxime Du-Camp. Paris. 1890.

XVII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ. Присоединеніе къ православію Великой Княгини Елисаветы Өеодоровны —Мѣры къ выселенію евреевъ изъ Москвы.— Законъ объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака.—Льгота для оставляющихъ отечество обывателей Царства Польскаго.—Варшавскіе безпорядки.—Управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ.— Новое доказательство прочности нашего государственнаго кредита. — Небывалый случай въ лѣтописяхъ финансовыхъ сдѣлокъ.—Кончина Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Парижъ, 19-го апрѣля (1-го мая) 1891 г. **С. С. Татищева.**

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

БОЖЬЯ ВОЛЯ.

Романъ въ четырехъ частяхъ, **Мавра Іокаи.** (Съ венгерскаго). Часть 1-ая.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

214

ТОМЪ ДВѢСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

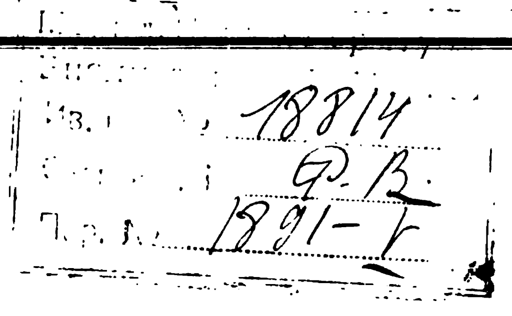
1891.

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", В. Подъяч., № 39.
1891.

МІРОВОЙ РАЗДѢЛЪ.

Отъ Тильзита до Эрфурта.

По неизданнымъ источникамъ [1]).

VII.

Вступая въ единоборство съ Наполеономъ, Императоръ Александръ чувствовалъ необходимость сосредоточить противъ него совокупность вооруженныхъ силъ своихъ. За отдѣленіемъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Персіи, въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Далмаціи, всѣ прочія были предназначены принять участіе въ войнѣ съ Франціей.

Осенью 1806 года военно-сухопутныя силы Россіи, не считая мѣстныхъ инспекцій, Кавказской и Сибирской, состояли всего изъ четырнадцати дивизій. Въ то время дивизія соотвѣтствовала нынѣшнему корпусу, включая всѣ три рода оружія, въ составѣ отъ 18 до 21 баталіона пѣхоты, отъ 20 до 25 эскадроновъ конницы; число орудій было отъ 60 до 72 на каждую, сверхъ того казаки и роты понтонныя и піонерныя, что̀ въ общей сложности составляло около 15.000 человѣкъ. Рѣшено сформировать двадцать новыхъ пѣхотныхъ и десять кавалерійскихъ полковъ, кадры для которыхъ частью вызваны даже изъ Сибири. Послѣдствіемъ было образованіе четырехъ новыхъ дивизій: 15-ю составили войска, находившіяся на Іоническихъ островахъ и въ Далмаціи; 16-я организовалась въ Смоленскѣ, 17-я въ Москвѣ, 18-я въ Калугѣ. Объявленъ рекрутскій наборъ, сперва по четыре, а затѣмъ и по пяти человѣкъ съ 500 душъ; преобразована артиллерія, усилено производство

[1]) См. „Русск. Вѣст." 1891 г. кн. II.

казенныхъ оружейныхъ заводовъ, увеличено самое ихъ число, заготовлены запасные парки, провіантскіе магазины, перевозочныя средства. Наконецъ, Высочайшимъ манифестомъ повелѣно составить ополченіе, названное „внутреннею временною милиціей“ въ 612.000 ратниковъ, взятыхъ изъ 31-й губерніи, которыя распредѣлялись на 7 областей. Ружьями, въ коихъ былъ недостатокъ, вооружили только пятую часть ополчанъ, остальныхъ же снабдили пиками и копьями [1]).

Армія, направленная къ берегамъ Нѣмана и Вислы, получила названіе „заграничной“. Она раздѣлялась на три отдѣльныхъ корпуса. Первымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ дивизій: 2-й графа Остермана-Толстаго, 3-й—Сакена, 4-й князя Голицына и 6-й Седморацкаго, начальствовалъ баронъ Беннигсенъ; вторымъ, изъ дивизій: 5-й Тучкова, 6-й Дохтурова, 8-й Эссена 3-го и 14-й—Анрепа,—графъ Буксгевденъ; третьимъ—генералъ Эссенъ 1-й, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ дивизіи: 9-ю князя Волконскаго и 10-ю Меллеръ-Закомельскаго, отряженныя отъ Днѣпровской арміи, во главѣ которой генералъ Михельсонъ вступалъ тогда же въ Молдавію и Валахію. Такимъ образомъ, за исключеніемъ трехъ дивизій (11-й, 12-й и 13-й), оставленныхъ Михельсону, 1-ой, въ составъ коей входила гвардія, охранявшая С.-Петербургъ, 15-ой, воевавшей на Адріатическомъ побережьѣ, и не считая несформированныхъ еще 16-й, 17-й и 18-й дивизій, всѣ дѣйствующія русскія войска были двинуты къ западной границѣ Имперіи.

Въ этотъ періодъ Александровскаго царствованія въ высшихъ военныхъ кругахъ, также какъ и въ дипломатіи, нѣмецкій элементъ преобладалъ уже надъ русскимъ. Всѣми тремя отдѣльными корпусами командовали генералы съ нѣмецкими именами: Беннигсенъ, Буксгевденъ, Эссенъ 1-й. Изъ десяти начальниковъ дивизій четыре были нѣмцы. Нѣмцы же занимали большею частью и штабныя должности. Но „общее мнѣніе“ [2]),—какъ тогда выражались громко,—настаивало на томъ, чтобы главное начальство надъ арміей ввѣрено было природному русскому. Уступая его давленію, Императоръ Александръ назначилъ главнокомандующимъ старика фельдмаршала графа

---

1) Манифестъ объ ополченіи отъ 30 ноября (12 декабря) 1806 г.

2) Именно это выраженіе употреблено въ отношеніяхъ министра иностранныхъ дѣлъ барона Будберга къ главнокомандующему въ Москвѣ генералу Тутолмину и къ послу въ Лондонѣ графу Воронцову отъ 8 (20) января 1807 г.

Каменскаго, придавъ ему въ помощники и руководители генерала Кнорринга. Фельдмаршалу Государь предоставлялъ полную свободу распоряжаться арміей по усмотрѣнію въ увѣренности, „что предначертанія его обратятся къ пораженію непріятелей, къ славѣ отечества и къ общему благу“. При этомъ ему вмѣнялось, однако, въ обязанность, въ случаѣ успѣха, преслѣдовать французовъ, впрочемъ не подвергая арміи опасности; ни подъ какимъ видомъ не вступать въ переговоры о мирѣ или даже о перемиріи съ Наполеономъ, „который“—какъ сказано въ рескриптѣ—„не признаетъ никакой святости обязательствъ своихъ“, и обезпечить себя на случай неудачи нѣсколькими укрѣпленными пунктами [1]).

Какъ ни были значительны русскія силы, отправленныя въ поле противъ „общаго врага Европы“, Императоръ Александръ сознавалъ, что безъ сочувствія прочихъ европейскихъ государствъ ему не легко будетъ побороть его, а потому всѣ усилія русскаго двора были снова направлены къ возрожденію всеобщей коалиціи противъ Франціи. Настойчивыя требованія предъявили мы правительствамъ англійскому и шведскому, дабы вызвать ихъ изъ бездѣйствія, въ Вѣну же послали особаго уполномоченнаго, столь извѣстнаго впослѣдствіи Поццо-ди-Борго, съ цѣлью убѣдить Австрію принять участіе въ войнѣ и ударить во флангъ французской арміи въ то время, какъ она будетъ атакована русскими съ фронта. Корсиканскій дипломатъ везъ два собственноручныя письма Александра Павловича къ императору Францу и къ брату его эрцгерцогу Карлу.

Въ первомъ письмѣ Государь напоминалъ, что онъ не утвердилъ мирнаго договора, заключеннаго съ Франціей потому, что договоръ этотъ не согласовался съ выгодами его союзниковъ, и увѣрялъ, что въ настоящую минуту еще менѣе расположенъ принять миръ, коимъ непріятель захотѣлъ бы отнять у Европы послѣднюю надежду на освобожденіе, лишивъ его возможности придти къ ней на помощь. Собственныхъ силъ его достаточно, чтобы отстоять свои права, но ихъ не хватитъ на избавленіе Европы отъ обуревающихъ ее бѣдствій. „Ваше Величество“—продолжалъ Александръ,—„располагаете значительными средствами и положеніе ваше выгодно въ виду разрозненности силъ непріятельскихъ. Участь вселенной во мно-

[1]) Императоръ Александръ фельдмаршалу графу Каменскому 10 (22) ноября 1806 г.

гомъ будетъ зависѣть отъ рѣшенія, которое вы примете". Государь выражалъ убѣжденіе, что величайшая опасность для Австріи заключается въ бездѣйствіи и что козни французовъ въ Польшѣ грозятъ цѣлости австрійскихъ владѣній. Въ заключеніе же обѣщалъ, въ случаѣ если императоръ австрійскій соединится съ нимъ, не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не будутъ достигнуты общими усиліями надежныя ручательства для обѣихъ имперій, а также близко принять къ сердцу славу и благополучіе Франца I, какъ древняго союзника Россіи, и монарха, лично споспѣшествовавшаго спасенію и свободѣ Европы" [1]).

Обращеніемъ къ эрцгерцогу Александръ хотѣлъ предотвратить противодѣйствіе его желаніямъ этого вліятельнаго члена Габсбургскаго дома, слывшаго за главнаго поборника австрійскаго нейтралитета. Русскій императоръ искалъ подѣйствовать на его самолюбіе, превозносилъ его воинскія дарованія и ожидалъ онъ нихъ успѣха „праваго дѣла", пророча Карлу славу „безпримѣрную въ исторіи" [2]).

Такъ старались у насъ дѣйствовать на воображеніе австрійцевъ, возбуждая въ нихъ соревнованіе къ великому освободительному подвигу. Но доводы эти и разсужденія были чужды пониманію русскаго народа. Чтобы воодушевить его противъ врага на случай вторженія въ наши предѣлы, прибѣгли къ иному средству. Изображали Наполеона злодѣемъ и ненавистникомъ не только Россіи, но и самой вѣры православной. Въ объявленіи, разосланномъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ по Высочайшему повелѣнію по всѣмъ приходамъ и церквамъ и которое должны были читать во всеуслышаніе каждый воскресный и праздничный день по окончаніи литургіи, императоръ французовъ обвинялся въ отложеніи отъ христіанства во время революціи, въ идолопоклонствѣ, въ проповѣди мусульманства, въ возстановленіи еврейскаго синедріона, того самаго, что осудилъ на распятіе Спасителя, въ намѣреніи соединить іудеевъ, гнѣвомъ Господнимъ разсѣянныхъ по всей землѣ, и, устремивъ ихъ на церковь Христову, самого себя превозгласить Мессіею. Православные христіане приглашались противостать ему, какъ подобаетъ защитникамъ славы Божіей и вѣрнымъ сынамъ Россіи; доказать, „что онъ тварь, совѣстью сожженная и до-

---

[1]) Императоръ Александръ императору Францу 12 (24) ноября 1806.
[2]) Онъ же эрцгерцогу Карлу отъ того же числа и года.

стойная презрѣнія", отъ которой отступила Божія благодать; не вѣрить ему, испровергнуть его злодѣйства и наказать безчеловѣчія [1]).

Полный разрывъ съ Франціей запечатлѣнъ мѣрою, принятою относительно пребывающихъ въ Россіи природныхъ французовъ, а также уроженцевъ земель, подвластныхъ французской имперіи. Всѣ они были высланы заграницу, за исключеніемъ лишь тѣхъ, что пожелали принять русское подданство. Наконецъ, былъ удаленъ и французскій консулъ въ С.-Петербургѣ, Лессепсъ, безпрепятственно остававшійся въ русской столицѣ во время Аустерлицкаго похода. Отпуская его, баронъ Будбергъ сказалъ ему: „Императоръ хочетъ мира, но мира прочнаго и почетнаго. Онъ сдѣлаетъ большія усилія, дабы достигнуть его, и если онъ прибѣгъ къ столь могущественнымъ способамъ, то только съ этою цѣлью. Если же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, успѣхъ не оправдаетъ его надежды, то за нимъ, по крайней мѣрѣ, останется утѣшительное сознаніе, что онъ далъ Европѣ новое доказательство своей честности и вѣрности по отношенію къ союзникамъ".

Слова министра иностранныхъ дѣлъ служили выраженіемъ личнаго образа мыслей Государя. Но не всѣ совѣтники Александра раздѣляли его взглядъ, что только война можетъ привести къ миру. Чарторыйскій и Новосильцовъ были совершенно инаго мнѣнія. Оба хотя и находились не у дѣлъ, но сохранили съ Императоромъ прежнія, близкія, чисто дружественныя отношенія. Въ концѣ декабря они подали Его Величеству довѣрительную записку, составленную княземъ Адамомъ, въ которой доказывали необходимость до начатія военныхъ дѣйствій на Вислѣ вступить съ Франціей въ мирные переговоры.

Записка указывала прежде всего на неравенство силъ обѣихъ сторонъ еще до столкновенія между ними. Раздавивъ Пруссію, Наполеонъ располагаетъ средствами не одной Фран-

[1]) Объявленіе Св. Сунода послѣдовало по именному указу отъ 13 (25) декабря 1806 г. Совершенно справедливо замѣчаетъ генералъ Шильдеръ въ изслѣдованіи своемъ: *Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Императора Александра I, гл. 1, стр. 285*: „Въ виду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполнѣ понятнымъ народу, но за то, когда впослѣдствіи война закончилась дружественнымъ договоромъ съ Франціей, послѣдній неизбѣжно получилъ въ глазахъ народной массы окраску какъ бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе".

ціи, но и Италіи и Германіи; войска его дошли до Вислы, заняли Варшаву, воззванія же возбуждаютъ въ полякахъ надежду на возстановленіе ихъ родины. Между тѣмъ, русская армія едва успѣла собраться на западной границѣ Имперіи. Она у насъ—единственная. И рекрутскій наборъ, и ополченіе доставятъ воиновъ для ея подкрѣпленія не ранѣе будущей весны. До тѣхъ поръ одного пораженія достаточно, чтобы открыть французамъ доступъ въ принадлежащія Россіи польскія области и возбудить въ нихъ возстаніе.

Противъ вступленія съ непріятелемъ въ переговоры о мирѣ можно предъявить одно только возраженіе: примирительная попытка несогласна съ достоинствомъ Россіи и можетъ быть истолкована какъ признакъ слабости. Но вѣдь энергія и настойчивость также имѣютъ свои предѣлы, перейдя которые онѣ становятся упрямствомъ, дерзостью или безуміемъ. Обстоятельства измѣнились совершенно. Въ началѣ царствованія Александра Россія опиралась на союзниковъ. Нынѣ союзники наши пали одинъ за другимъ. Французская Имперія обнимаетъ едва не всю Европу. Россіи приходится промышлять о самой себѣ. Если ей удастся заключить выгодный миръ, то это благодѣтельно отразится и на союзныхъ съ нею государствахъ. Итакъ, нужно стремиться къ миру, искать вступить въ мирные переговоры безъ малѣйшаго отлагательства.

Положеніе Россіи пока еще довольно благопріятно. Военная сила ея непоколебима. Но непріятель, конечно, постарается какъ можно скорѣе измѣнить это положеніе въ свою пользу, напасть на насъ, разбить, и тогда придется мириться при совершенно иной обстановкѣ. Къ тому же, объявивъ французскому сенату свои условія мира, Бонапартъ въ сущности сдѣлалъ на пути примиренія первый шагъ.

Далѣе въ запискѣ излагались основанія, на которыхъ, по мнѣнію Чарторыйскаго и Новосильцова, слѣдовало предложить миръ Франціи.

1) Не заботясь объ Англіи, Пруссіи или какой-либо другой державѣ и объ условіяхъ умиротворенія ихъ съ Франціей, Россія выражаетъ согласіе на учрежденіе Наполеономъ новыхъ второстепенныхъ государствъ подъ его покровительствомъ.

2) Она ставитъ единственнымъ условіемъ, но условіемъ *sine qua non*, чтобы французскія войска удалились за Веверъ или, по меньшей мѣрѣ, за Эльбу и не переступали вновь эту черту безъ предварительнаго уговора съ нею.

3) Россія очищаетъ мѣстности, занятыя ею въ Турціи, возвращаетъ Каттаро и, если нужно, то удаляется даже съ Іоническихъ островoвъ.

4) Въ свою очередь, Франція отказывается отъ Далмаціи, въ крайнемъ случаѣ—отъ Каттаро, и обѣ державы ручаются за независимость и цѣлость Оттоманской Порты.

5) Сицилія сохраняется за королемъ Фердинандомъ IV.

6) Сардинія оставляется королю Сардинскому.

7) Если Англія согласится возвратить Франціи и союзникамъ ея колоніи, утвердивъ за собою Мальту, Цейлонъ и мысъ Доброй Надежды, то Россія приступаетъ къ миру, заключенному на этихъ основаніяхъ между Франціей и Англіей.

8) Если къ миру приступитъ и Швеція, то Россія и Франція поручится за цѣлость ея владѣній.

9) Далмація, Каттаро и Іоническіе острова могутъ послужить вознагражденіемъ королямъ Сардиніи и Сициліи, а также предметомъ обмѣна съ Австріей.

10) Такое же назначеніе получатъ варварійскія владѣнія на сѣверо-африканскомъ берегу, уничтоженіе которыхъ давно уже замышляется Бонапартомъ.

На такихъ основаніяхъ должно немедленно предложить миръ Наполеону чрезъ консула Лессепса, возвращающагося во Францію, поручивъ ему испросить паспортъ для отправленія уполномоченнаго, а если возможно, то и установить перемиріе на извѣстный срокъ. Такое предложеніе не представляетъ ни малѣйшихъ неудобствъ, такъ какъ военныя приготовленія продолжались бы своимъ чередомъ. Выгоды же его неисчислимы. Императоръ Александръ доказалъ бы лишній разъ свѣту искренность своего миролюбія. Получилась бы возможность выяснить виды и намѣренія Наполеона, а еслибы послѣдній отказался отъ переговоровъ, то тѣмъ самымъ возбудилъ бы противъ себя всеобщее негодованіе. Наконецъ, еслибъ удалось заключить миръ, то это позволило бы Россіи отдохнуть и оправиться, выиграть драгоцѣнное время, дабы возстановить и организовать свои силы, снова войдти въ соглашеніе съ державами, сохранившими малѣйшую тѣнь независимости, и выждать менѣе несчастныя обстоятельства, словомъ,— завязать новую цѣпь событій, которую пока еще невозможно и вообразить [1]).

[1]) Князь Чарторыйскій Императору Александру I-му 21 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.), и приложенная къ письму записка.

Въ приведенной запискѣ поражаетъ умолчаніе о предметѣ, наиболѣе близкомъ сердцу Чарторыйскаго: участи польскихъ областей, фактически уже отпавшихъ отъ Пруссіи со времени появленія французскихъ орловъ между Одеромъ и Вислой. Объясняется это тѣмъ, что князь Адамъ еще ранѣе высказался по этому вопросу въ другой запискѣ, подъ которой подписался онъ одинъ. Въ ней онъ указывалъ, какъ на единственное средство, которое, по мнѣнію его, могло удержать поляковъ отъ подчиненія Наполеону,—провозглашеніе самого Императора Александра королемъ независимой Польши.

Такой рѣшительный шагъ — разсуждалъ Чарторыйскій — совершенно видоизмѣнилъ бы соотношеніе силъ борющихся сторонъ. Вмѣсто того, чтобы обрѣсти въ польскихъ подданныхъ Россіи ревностныхъ сторонниковъ, Наполеонъ встрѣтилъ бы противниковъ въ полякахъ, подданныхъ Пруссіи. Мало того: возстановленная Польша воздвиглась бы между двумя колоссами: имперіями русской и французской въ качествѣ аванпоста Россіи, и за этою твердою оградой Россія явилась бы неуязвимой, недоступной нападенію извнѣ, положивъ начало той вожделѣнной связи, которая призвана сплотить вокругъ нея всѣ разрозненныя вѣтви древней славянской семьи.

Мѣру эту слѣдуетъ принять немедленно, дабы предупредить Бонапарта, который, провозгласивъ самъ независимость Польши, облегчитъ себѣ тѣмъ наступленіе къ русскимъ предѣламъ. Намъ же она обезпечитъ надъ нимъ побѣду, лишивъ его могучихъ способовъ дѣйствія и передавъ ихъ въ наши руки. Затѣмъ князь Адамъ разсматриваетъ и опровергаетъ одно за другимъ возраженія, которыя могутъ быть противопоставлены его задушевной мысли.

Первое возраженіе чисто политическое: Позволительно ли отторгнуть отъ имперіи польскія области, вошедшія въ составъ ея по тремъ раздѣламъ? Но вѣдь это отторженіе, доказываетъ Чарторыйскій, только кажущееся. Польская корона будетъ нераздѣльна съ русскимъ престоломъ, вслѣдствіе чего Россія не только не лишится ничего, но пріобрѣтетъ въ дѣйствительности всю Польшу. Раздѣлъ Польши между тремя державами—величайшая политическая ошибка, вынужденная обстоятельствами, первоначальная причина всѣхъ бѣдствій и золъ, подавляющихъ Европу. Почему же не исправить ее, когда къ тому представляется возможность? Конечно, чтобы достигнуть преслѣдуемой цѣли, необходимо воодушевить поляковъ, даровавъ имъ

также образъ правленія и законы, согласные съ ихъ національными желаніями. Всякія полумѣры могутъ принести только вредъ. Нужно, чтобы благодѣянія русскаго императора превысили прельщенія Бонапарта: они-то и составятъ между польскимъ народомъ и имперіей связь крѣпкую и нерасторжимую.

Второе возраженіе истекало изъ личныхъ чувствъ Александра къ Пруссіи и ея государю: Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ земли, принадлежащія побѣжденному союзнику, не подвергнется ли Россія упреку въ томъ, что обогатилась на его счетъ? Князь Адамъ горячо возстаетъ противъ такого разсужденія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду,—говоритъ онъ,—что надъ Пруссіей уже господствуетъ Бонапартъ на правахъ побѣдителя и готовится возбудить возстаніе въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы завладѣть собственностью союзника, а о предупрежденіи дѣятельнаго и непреклоннаго завоевателя, о томъ, чтобы вырвать у него добычу, которая, оставаясь въ его рукахъ, неминуемо зажжетъ пожаръ во всей имперіи. Оставить ему польскія области Пруссіи значитъ обречь и наши собственныя въ жертву его кознямъ. Напротивъ, предлагаемая Чарторыйскимъ мѣра обратится на пользу самой Пруссіи, давъ Россіи возможность выдержать борьбу съ Наполеономъ и при заключеніи мира добиться вознагражденія Бранденбургскому дому за понесенныя имъ утраты.

Но возстановленіе польскаго королевства подъ скипетромъ русскаго Императора не возбудитъ ли неудовольствія Австріи и не возстановитъ ли ее противъ Россіи? Этого слѣдуетъ избѣжать вступленіемъ съ Вѣнскимъ дворомъ въ довѣрительныя объясненія. Одно изъ двухъ: или Австрія уже уступила Галицію Наполеону или уступка эта еще не состоялась? Въ первомъ случаѣ, должно захватить и Галицію, отнявъ ее у Бонапарта; во второмъ—ограничиться овладѣніемъ польско-прусскими областями, представивъ Австрія всю пользу этой мѣры для собственной ея безопасности, и успокоить ее насчетъ ея польскихъ владѣній, отложивъ до болѣе благопріятнаго времени дружественное съ нею соглашеніе, въ силу котораго Галиція возсоединится съ польскимъ государствомъ, Австрія же получитъ приличное вознагражденіе.

Возстановленіе Польши не поведетъ ли къ продолженію войны съ Франціей? Чарторыйскій увѣрялъ, что, напротивъ, оно непремѣнно ускоритъ заключеніе мира. Нескончаемая война была бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ установленія въ Польшѣ

французскаго господства, тогда какъ присоединеніе ея къ Россіи доставитъ послѣдней средство одержать побѣду и, слѣдовательно, положить войнѣ скорый конецъ.

Принявъ такое рѣшеніе, нужно тотчасъ же привести его въ исполненіе, предваривъ о томъ Вѣнскій дворъ и возбудивъ въ королѣ прусскомъ надежду на вознагражденіе. Слѣдуетъ немедленно заготовить воззванія генераловъ, начальствующихъ русскими войсками, къ населенію, окружныя обращенія лицамъ, наиболѣе вліятельнымъ въ странѣ, наставленія русскимъ властямъ о мягкомъ обращеніи съ поляками, о поддержаніи строгой дисциплины въ арміи, о созывѣ поголовнаго польскаго ополченія, наконецъ, приступить безотлагательно и къ самой организаціи новаго государства, согласуя неотъемлемыя права монарха съ національными учрежденіями, дорогими сердцу поляковъ [1]).

Предвидя сопротивленіе своему предложенію, со стороны министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторыйскій настаивалъ на удаленіи генерала Вязмитинова и барона Будберга и просилъ Александра подвергнуть записку его обсужденію въ „комитетѣ“, составленномъ, какъ бывало прежде, изъ четырехъ друзей его юности: Кочубея, Новосильцова, Строгонова и самого князя Адама.

Отвѣтъ Государя проливаетъ яркій свѣтъ на странныя отношенія, сохранившіяся между нимъ и поименованными совѣтниками первыхъ лѣтъ его царствованія, которые всѣ, за исключеніемъ Кочубея, уже болѣе полугода волей-неволей устранились отъ власти. Александръ на отрѣзъ отказалъ смѣнить двухъ министровъ, службою которыхъ онъ былъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что не находилъ имъ достойныхъ преемниковъ. Онъ предпочиталъ Вязмитинова кандидату „комитета“ на должность военнаго министра, генералу Сухтелену, и не допускалъ мысли о порученіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ Панину или Моркову. „Нужно“, писалъ онъ Чарторыйскому, „чтобы я уважалъ тѣхъ, съ кѣмъ работаю; только подъ этимъ условіемъ могу я дарить ихъ своимъ довѣріемъ“, и тутъ же напоминалъ ему, что самъ онъ, въ бытность свою министромъ, подвергался подозрѣніямъ и нареканіямъ общественнаго мнѣнія. Что же касается до вопроса о провозглашеніи себя польскимъ королемъ, то Государь соглашался обсудить его въ „комитетѣ“, вызываясь объяснить въ немъ свою точку зрѣнія и побужденія, руководящія

[1]) Князь Чарторыйскій Императору Александру 5 (17) декабря 1806 г.

его поведеніемъ. Предварительнымъ условіемъ онъ ставилъ слѣдующее взаимное обязательство четырехъ членовъ „комитета“: чтобы, несмотря на все, что можетъ быть высказано въ средѣ онаго, личныя отношенія ихъ къ нему не подвергались измѣненію, „по примѣру членовъ англійскаго парламента, которые, въ пылу рвенія къ общему благу, наговоривъ другъ другу въ засѣданіи самыхъ крѣпкихъ непріятностей, становятся снова при выходѣ наилучшими въ мірѣ друзьями“. Письмо Александра къ бывшему его министру заключалось словами: „весь вашъ сердцемъ и душой“ [1]).

Неизвѣстно, состоялось ли обсужденіе въ „комитетѣ“ польскихъ замысловъ Чарторыйскаго, но во всякомъ случаѣ они нисколько не повліяли на рѣшеніе Императора Александра. Не трудно однако угадать, что именно побудило его оставить безъ послѣдствій какъ эти мечтательные планы, такъ и болѣе благоразумный совѣтъ вступить въ мирные переговоры съ Франціей: то было неудержимое влеченіе Государя къ прусской королевской четѣ, состраданіе, внушенное ему ея несчастіемъ, великодушная рѣшимость во что бы ни стало возстановить ее на низверженномъ Наполеономъ престолѣ. Въ такомъ намѣреніи утверждали его увѣренія Фридриха-Вильгельма, что, связавъ судьбу свою съ его судьбою, король никогда уже болѣе не измѣнитъ своей политики, и Пруссія навсегда останется соединенною съ Россіей неразрывными узами союза государственнаго и личной дружбы монарховъ.

Такъ мыслилъ, чувствовалъ, вѣровалъ Александръ Павловичъ. Между тѣмъ, происшествія, совершавшіяся при прусскомъ дворѣ въ Кёнигсбергѣ, не вполнѣ отвѣчали его предположеніямъ.

Отказъ короля Фридриха-Вильгельма III утвердить перемиріе, заключенное его уполномоченными, раздражилъ Наполеона. Онъ узналъ о немъ на пути изъ Берлина въ Познань, отъ возвратившагося изъ Остероде Дюрока. Тотчасъ же приказалъ онъ вызвать въ Познань обоихъ прусскихъ уполномоченныхъ: генерала Цастрова и маркиза Луккезини. Продержавъ ихъ тамъ болѣе недѣли, онъ отпустилъ ихъ обратно съ письмомъ къ Фридриху-Вильгельму, въ которомъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Ваше Величество отреклись отъ своихъ уполномоченныхъ, не утвердивъ то, что было сдѣлано ими, а

---

[1]) Императоръ Александръ князю Чарторыйскому, декабрь 1806 г

потому мы находимся далѣе чѣмъ когда-либо отъ соглашенія. Объявивъ мнѣ, что вы кинулись въ объятія русскихъ, Ваше Величество вынуждаете меня не пренебрегать всѣмъ, что можетъ быть мнѣ полезно, и принять мѣры противъ этихъ новыхъ противниковъ. Будущее покажетъ Вашему Величеству, есть ли принятое вами рѣшеніе наилучшее и наиболѣе дѣйствительное? Все могло устроиться цѣною немногихъ жертвъ. Взявъ корнетъ въ руки, вы начали играть въ кости: онѣ и рѣшатъ игру"[1]).

Еще грознѣе звучало прощальное слово Наполеона обоимъ прусскимъ посланцамъ. Онъ не колеблясь заявилъ Цастрову и Луккезини, что такъ какъ король самъ не хочетъ отдѣлить судьбы своей отъ судебъ Россіи, то, если русскіе будутъ побиты, не будетъ больше прусскаго короля. Въ то же время онъ предупредилъ ихъ, что заключитъ миръ не иначе, какъ заодно со всѣми державами, находящимися въ войнѣ съ Франціей. Случай къ тому уже представлялся ему въ предшедшемъ году въ Пресбургѣ, и онъ, къ сожалѣнію, упустилъ его. Условіями мира онъ поставляетъ: полную свободу мореплаванія; возвращеніе Англіею колоній, похищенныхъ ею у Франціи, Голландіи и Испаніи; утвержденіе независимости Порты Оттоманской и возстановленіе прежняго порядка въ Молдавіи и Валахіи. Лишь по удовлетвореніи всѣхъ перечисленныхъ требованій, онъ согласится высказаться на счетъ будущей участи Пруссіи[2]).

Короля не на шутку испугали сообщенія, привезенныя его уполномоченнымъ изъ главной квартиры императора французовъ. Первымъ ихъ послѣдствіемъ была отмѣна предположеннаго возведенія въ званіе министра иностранныхъ дѣлъ неугоднаго Наполеону барона Гарденберга и назначеніе на эту важную должность того самаго генерала Цастрова, подпись котораго красовалась подъ неутвержденнымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ перемиріемъ. Новый министръ убѣдилъ короля попытаться склонить Императора Александра ко вступленію въ мирные переговоры съ Наполеономъ. Въ письмѣ, которое повезъ въ С.-Петербургъ чрезвычайный посланецъ, подполковникъ Круземаркъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, изложивъ условія, предъявленныя императоромъ французовъ генералу Цастрову, находилъ ихъ заслуживающими серьезнаго вниманія и могу-

---

[1]) Наполеонъ Фридриху-Вильгельму III 24 ноября (6 декабря) 1806 г.

[2]) См. Hardenberg's Denkwürdigkeiten III стр. 241 и V стр. 419.

щими привесть къ примиренію. Согласіе Наполеона вести переговоры съ совокупностью воюющихъ державъ, король признавалъ положительно выгоднымъ, хотя и полагалъ, что мирныя совѣщанія не должны пріостановлять хода военныхъ дѣйствій. Окончательное разрѣшеніе вопроса онъ, разумѣется, предоставлялъ русскому Императору, присовокупляя по этому поводу: „Какое бы рѣшеніе вы ни приняли, прошу васъ быть увѣреннымъ, что, вступая съ вами въ объясненіе по сему предмету, я не могъ имѣть намѣренія отдѣлить свою судьбу отъ вашей. Нѣтъ, Государь, мы останемся навѣкъ соединенными, и никогда я не приму иной системы, какъ нерасторжимый союзъ между Россіей и Пруссіей. Еслибы даже мнѣ пришлось подвергнуться новымъ опасностямъ и испытать новыя неудачи, я не измѣнюсь въ отношеніи къ вамъ. Я соблюду вамъ непоколебимую твердость и отплачу полною взаимностью за вашу довѣрчивую дружбу“. Въ томъ же письмѣ король извѣщалъ Государя, что ввѣряетъ фельдмаршалу графу Каменскому главное начальство надъ всѣми своими войсками и приметъ мѣры для обезпеченія продовольствія русской арміи. Онъ увѣдомлялъ его также о назначеніи преемникомъ Гаугвицу генерала Цастрова и выражалъ надежду, что Императоръ Александръ одобритъ выборъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ [1]).

Какъ мыслилъ самъ этотъ министръ, явствуетъ изъ инструкціи, коею былъ снабженъ Круземаркъ. Положеніе Пруссіи представлялось генералу Цастрову отчаяннымъ: единственнымъ исходомъ изъ него считалъ онъ мирные переговоры съ Наполеономъ. Прусскому посланцу поручалось убѣдить русскій дворъ воспользоваться согласіемъ императора французовъ вести ихъ со всѣми союзными дворами и отправить въ его главную квартиру уполномоченнаго, пригласивъ и Англію сдѣлать то же безъ малѣйшаго отлагательства.

Къ инструкціи приложены были двѣ записки. Въ первой, маркизъ Луккезини объяснялъ причины, побудившія его подписать предложенное Наполеономъ перемиріе. Главнымъ поводомъ выставлялъ онъ потерю арміи и крѣпостей. Но сверхъ того, онъ имѣлъ въ виду задержать наступленіе французовъ къ Вислѣ, помѣшать имъ войдти въ отдѣльное соглашеніе съ Россіей помимо Пруссіи, а также предупредить возстаніе поля-

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ Императору Александру 10 (22) декабря 1806 г.

ковъ. Наконецъ, онъ хотѣлъ, чтобы Пруссія перестала служить театромъ войны, подвергаясь опасности, при каждой побѣдѣ французовъ, совершенно исчезнуть въ качествѣ независимой державы. Въ защиту того же акта, Цастровъ въ своей запискѣ приводилъ военные доводы. Онъ доказывалъ трудность, даже невозможность одолѣть Наполеона, располагающаго двухсоттысячною арміей, уже достигшею Вислы и опирающеюся на три оборонительныя линіи въ тылу, а именно, на Одеръ, на Шпрее и Гавель, и на Эльбу. Если Наполеонъ, разсуждалъ онъ, двинется впередъ къ Нареву, противъ русскихъ, то остаткамъ прусскихъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ Лестока, придется отступить безъ боя; Данцигъ и Грауденцъ тотчасъ же будутъ осаждены французами, а если русскіе подвергнутся пораженію, то имъ ничего инаго не останется, какъ удалиться за Нѣманъ. Но и оттуда ихъ вытѣснятъ французы, и тогда русская армія вынуждена будетъ продолжать отступленіе до Вильны и даже до Западной Двины, что-де неминуемо повлечетъ возстаніе въ принадлежащихъ Россіи польскихъ областяхъ, которыя не замедлятъ занять французы [1]).

О своемъ вступленіи въ должность министра иностранныхъ дѣлъ и цѣли отправленія въ С.-Петербургъ подполковника Круземарка Цастровъ не преминулъ сообщить Талейрану оффиціальною нотою [2]).

Всѣ эти мѣры свидѣтельствовали о полномъ упадкѣ духа короля Фридриха-Вильгельма и его ближайшихъ совѣтниковъ. Внезапно блеснулъ лучъ надежды. Въ Кёнигсбергѣ узнали о первомъ столкновеніи русскихъ съ Наполеономъ и объ отраженіи ими французскаго нападенія.

VIII.

Обратимся къ военнымъ дѣйствіямъ, имѣвшимъ, какъ увидимъ, рѣшительное вліяніе на ходъ событій политическихъ.

Изъ трехъ корпусовъ, составлявшихъ русскую заграничную армію, первымъ вступилъ въ Пруссію корпусъ Беннигсена. Генералъ этотъ перешелъ границу у Гродно 22 октября (3 ноября). Ему было уже извѣстно о разгромѣ пруссаковъ подъ

[1]) Записки Луккезини и Цастрова, приложенныя къ инструкціямъ Круземарка.

[2]) Цастровъ Талейрану 22 декабря 1806 г.

Іеною и Ауерштедтомъ и о движеніи французовъ къ Берлину. Не зная, какое рѣшеніе приметъ король прусскій, Императоръ Александръ предписалъ Беннигсену не переходить черезъ Вислу, но расположиться со своимъ корпусомъ на правомъ берегу ея, между Варшавою и Торномъ, и потомъ „дѣйствовать по усмотрѣнію" [1]). Исполняя это приказаніе, Беннигсенъ въ началѣ (половинѣ) ноября остановился подъ Остроленкой. Тамъ получилъ онъ приглашеніе отъ короля прусскаго, подчинившаго ему и свои войска, идти къ сѣверу, чтобы преградить французамъ путь къ Кёнигсбергу. Русскій генералъ возразилъ, что не считаетъ себя въ правѣ оставить безъ прикрытія границы самой Россіи, коимъ угрожаетъ непріятель, направляющійся къ Варшавѣ, и предложилъ стать съ главными силами при Пултускѣ, выдвинувъ авангарды къ Вислѣ, и въ этой позиціи ожидать развитія дѣйствій французовъ и прибытія изъ Россіи свѣжихъ войскъ. Король не настаивалъ и предоставилъ генералу полную свободу дѣйствій [2]). Онъ самъ посѣтилъ его лагерь въ Пултускѣ, подтвердилъ ему свое рѣшеніе не вступать болѣе въ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ и предоставить жребій Пруссіи Императору Александру, обѣщавъ принять на себя заботу о подкрѣпленіи русскихъ войскъ всѣми, оставшимися въ его распоряженіи, средствами [3]). Къ концу ноября (началу декабря) изъ четырехъ дивизій, составлявшихъ корпусъ Беннигсена, три подъ его полнымъ начальствомъ находились вокругъ Пултуска, а четвертая, генерала Седморацкаго, занимала Прагу, предмѣстье Варшавы на правомъ берегу Вислы. Лестокъ съ пруссаками стоялъ у Торна, Барклай-де-Толли съ небольшимъ русскимъ отрядомъ—у Плоцка. Одинъ баталіонъ пѣхоты, два эскадрона конницы и двѣ сотни казаковъ, при двухъ орудіяхъ, подъ командой полковника Юрковскаго, были отряжены на лѣвый берегъ Вислы. Слабый прусскій гарнизонъ занималъ Варшаву.

14 (26) ноября произошла первая схватка между авангардомъ Юрковскаго и наступающими французами. Малочисленный русскій отрядъ, исполняя приказаніе Беннигсена, отступалъ въ порядкѣ къ Вислѣ, перешелъ ее у Праги и присоединился къ дивизіи Седморацкаго. Одновременно пруссаки

[1]) Императоръ Александръ Беннигсену 24 октября (5 ноября) 1806 г.

[2]) Беннигсенъ Римскому-Корсакову 16 (28) ноября 1806 г.

[3]) Графъ Петръ Толстой Императору Александру 17 (29) ноября 1806 г.

очистили Варшаву и сожгли мостъ на Вислѣ. Два дня спустя кавалерія Мюрата заняла безъ боя столицу бывшаго королевства польскаго.

Прошло еще два дня; французы дѣятельно готовились къ переправѣ чрезъ Вислу, собирая перевозочныя средства. Опасаясь быть обойденнымъ съ лѣваго фланга, прикрытаго австрійскою границею, начинавшеюся вдоль Вислы, въ 15 верстахъ выше Варшавы, генералъ Седморацкій самовольно очистилъ Прагу и съ дивизіей своею поспѣшно отступилъ къ Пултуску. Это вынудило Беннигсена отвести къ Остроленкѣ главныя свои силы, предписавъ и Барклаю-де-Толли направиться туда же отъ Плоцка, а Лестоку отойти отъ Торна и занять позицію у Страсбурга. Послѣдствіемъ была безпрепятственная переправа французовъ чрезъ Вислу въ трехъ пунктахъ: въ Торнѣ, въ Плоцкѣ и въ самой Варшавѣ. Рѣшеніе свое не защищать линію Вислы Беннигсенъ оправдывалъ какъ протяженіемъ этой линіи, такъ и превосходными силами непріятеля, а также опасеніемъ обхода имъ съ лѣваго фланга, въ томъ предположеніи, что онъ не стѣснился бы нарушить австрійскій нейтралитетъ и перейдти Вислу выше Варшавы.

Пока корпусъ Беннигсена отступалъ отъ Вислы къ Нареву, къ Остроленкѣ приближался корпусъ графа Буксгевдена, а корпусъ генерала Эссена I-го подходилъ къ Бресту. Сосредоточенію трехъ русскихъ корпусовъ въ трехъугольникѣ, образуемомъ Вкрою и Бугомъ и пересѣкаемомъ Наревомъ, отвѣчало наступательное движеніе къ Вислѣ наполеоновской арміи тремя путями: Бернадоттъ, Ней и кавалерійскій корпусъ Бессьера шли къ Торну; Сультъ и Ожеро къ Плоцку; Даву, Ланнъ и гвардія—къ Варшавѣ. 7 (19) ноября въ штабъ-квартиру Беннигсена въ Остроленку пріѣхалъ новый главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Каменскій. Въ тотъ же самый день прибылъ въ Варшаву Наполеонъ.

Обѣ арміи стояли лицомъ къ лицу, отдѣленныя небольшимъ пространствомъ отъ 20 до 30 верстъ, готовыя сразиться. Армія русская состояла изъ десяти дивизій, раздѣленныхъ на три корпуса: Беннигсена, Буксгевдена и Эссена I-го. У перваго значилось по спискамъ: 78 баталіоновъ, 80 эскадроновъ, 8 казачьихъ полковъ, 23 артиллерійскія и 6 піонерныхъ и понтонныхъ ротъ, всего 69.000 человѣкъ съ 276 орудіями; у втораго: 78 баталіоновъ, 85 эскадроновъ, 5 казачьихъ полковъ, 18 артиллерійскихъ и 4 піонерныхъ и понтонныхъ ротъ, всего около

40.000 человѣкъ съ 216 орудіями; у третьяго: 42 баталіона, 40 эскадроновъ, 4 казачьихъ полка, 11 артиллерійскихъ и 3 піонерныхъ и понтонныхъ ротъ, всего 22.000 человѣкъ съ 122 орудіями. Въ общей сложности заграничная армія насчитывала, такимъ образомъ, 198 баталіоновъ, 205 эскадроновъ, 17 казачьихъ полковъ, 52 артиллерійскія и 13 піонерныхъ и понтонныхъ ротъ, съ 614 орудіями, и численностью въ войскахъ въ 131.000 человѣкъ. Въ дѣйствительности же людей подъ знаменами было гораздо меньше. Число ихъ въ корпусѣ Беннигсена не превышало 60.000, въ корпусахъ же Буксгевдена и Эссена I-го разность между списками и наличностью была еще значительнѣе. Во всѣхъ трехъ корпусахъ насчитывалось въ строю никакъ не болѣе 110.000 человѣкъ. Присоединивъ къ нимъ прусскій отрядъ генерала Лестока въ составѣ 19 баталіоновъ, 55 эскадроновъ и 11 батарей, получимъ общую сумму въ 125.000 воиновъ подъ знаменами.

Имъ противустояла „Великая армія“ подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона. Изъ числа 10 корпусовъ, ее составлявшихъ, не считая гвардіи и кавалерійскаго резерва, 2-ой Мармона занималъ Далмацію; 8-ой Мортье—наблюдалъ за шведами, засѣвшими въ Стральзундѣ, и сдерживалъ сѣверную Германію; 9-й сводный изъ нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ подъ начальствомъ принца Іеронима Бонапарта осаждалъ силезскія крѣпости, а 10-й формировался изъ польскихъ ополченій и подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Италіи, и предназначался для осады Грауденца и Данцига, подъ командой маршала Лефевра. Къ Вислѣ стянулъ Наполеонъ на небольшомъ пространствѣ отъ Гродно до Варшавы корпуса: 1-й—Бернадотта, 3-й—Даву, 4-й—Сульта, 5-й—Ланна, 6-й—Нея и составлявшіе резервъ арміи—гвардію, гренадеръ Удино и кавалерійскій корпусъ Мюрата. Общая сложность этихъ боевыхъ частей была никакъ не менѣе 160.000 человѣкъ [1]).

Впрочемъ перевѣсъ французскихъ силъ надъ русскими выражался далеко не въ одномъ численномъ ихъ превосходствѣ.

---

[1]) Численность русскихъ и прусскихъ войскъ приведена по строевымъ рапортамъ, напечатаннымъ въ приложеніяхъ къ главѣ XVII Исторіи Александра I, генерала Богдановича, II, стр. 23—28; боевая наличность французской арміи—по Тьеру (Histoire du Consulate et de l'Empire VII стр. 258—259). Тьеръ вообще склоненъ уменьшать численность французскихъ силъ. У Mathieu Dumas: Precis des operations militaires, боевая наличность ихъ показана гораздо значительнѣе.

Выше было уже замѣчено, что въ заграничную армію вошли за исключеніемъ гвардіи, оставленной въ С.-Петербургѣ, да трехъ дивизій, введенныхъ въ Дунайскія Княжества — всѣ дѣйствующія войска имперіи. Собранная въ Вильнѣ резервная армія генерала Римскаго-Корсакова состояла всего на всего изъ одного мушкетерскаго полка, 21 гарнизоннаго баталіона, 6 казачьихъ полковъ и 13 запасныхъ эскадроновъ. Назначеніе ея было образованіе рекрутъ, поступавшихъ по набору, и пополненіе убыли дѣйствующихъ частей. Три новыя дивизіи, формировавшіяся въ Москвѣ, Калугѣ и Смоленскѣ, не могли быть готовыми къ походу ранѣе весны. Шести-сотъ-тысячное ополченіе давало ратниковъ лишь на бумагѣ. Лишь къ концу войны удалось извлечь изъ него годныхъ въ дѣло 18 стрѣлковыхъ баталіоновъ, всего 10.800 человѣкъ, снабженныхъ ружьями и отправленныхъ въ армію.

Между тѣмъ, совокупность вооруженныхъ силъ, коими располагалъ Наполеонъ, въ концѣ 1806 года, простиралась до 600.000 дѣйствительныхъ воиновъ, не считая вспомогательныхъ войскъ голландскихъ, швейцарскихъ и нѣмецкихъ. 20.000 отборнаго войска занимали Далмацію, 40.000 — сѣверную Италію, 50.000—Неаполитанское королевство. Полки, входившіе въ составъ этихъ частей, равно и Великой арміи, состояли изъ двухъ боевыхъ баталіоновъ, третьи же баталіоны, запасные, были расположены во Франціи—вдоль Рейна и морскихъ береговъ, въ Италіи — въ крѣпостяхъ Пьемонта и Ломбардіи. Въ нихъ обучались новобранцы призыва 1806-го и даже 1807-го года и слѣдовали затѣмъ въ дѣйствующую армію, составляя временные „маршевые“ полки (régiments de marche).

Подъ бдительнымъ и неустаннымъ руководствомъ и надзоромъ геніальнаго организатора, какимъ былъ Наполеонъ, эта сложная машина дѣйствовала съ поразительною правильностью и точностью, тѣмъ болѣе что все нужное для вооруженія, обмундированія и продовольствія войскъ имѣлось въ изобиліи въ многочисленныхъ складахъ, устроенныхъ какъ въ самой Франціи, такъ и въ завоеванныхъ земляхъ. Необыкновенное искусство проявлялъ Наполеонъ въ умѣніи пользоваться средствами непріятельской страны такъ, чтобы, по выраженію его, „война питала войну“. Прусскія крѣпости обращались въ плацъ-д'армы французской арміи; въ Потсдамѣ образовано большое кавалерійское депо; французы-администраторы во всѣхъ занятыхъ областяхъ взимали обычные налоги, да сверхъ того чрез-

вычайныя военныя контрибуціи. Даже въ Польшѣ, гдѣ Наполеонъ явился освободителемъ, онъ требовалъ отъ поляковъ рекрутъ для образованія новыхъ частей и хлѣба и жизненныхъ припасовъ для прокормленія людей и лошадей „Великой арміи“. Эти громадныя средства были сосредоточены въ рукахъ полководца, геній и воля котораго руководили всѣмъ, все направляли къ достиженію имъ же намѣченныхъ цѣлей.

Совершенно иную картину представляла въ этомъ отношенія русская армія. Во всемъ терпѣла она нужду и недостатокъ: въ оружіи, въ боевыхъ снарядахъ, но въ особенности въ продовольствіи. Главная тому причина была скудость денежныхъ средствъ. Истощенная чрезмѣрными расходами предшедшаго года, государственная казна пополнялась лишь усиленнымъ выпускомъ ассигнацій, быстро падавшихъ въ цѣнѣ. Англія отказывала въ займѣ, а Пруссія, на защиту которой мы обнажали мечъ, требовала, чтобы за все поставляемое ею для нашей арміи платилось наличными деньгами. Но даже и подъ этимъ условіемъ прусскія власти неохотно дѣлились съ русскими войсками продовольственными запасами. Такъ напримѣръ, когда французы были уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Варшавы, мѣстный прусскій комендантъ не согласился на то, чтобы собранные въ этомъ городѣ склады хлѣба были перевезены на правый берегъ Вислы и пока Беннигсенъ сносился съ королемъ, склады достались непріятелю. Въ довершеніе всего интендантская часть или, какъ тогда она называлась, провіантское и коммисаріатское вѣдомства находились въ самомъ плачевномъ состояніи, являя изъ себя настоящіе притоны взяточничества и казнокрадства.

Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею Императоръ Александръ назначилъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго, „полагаясь на мысли всего государства“, какъ сказано въ рескриптѣ къ нему, но „противъ своей воли“, въ чемъ самъ Государь признавался впослѣдствіи. Боевое прошлое этого военачальника не представляло ничего выдающагося. Началось оно въ семилѣтнюю войну, при открытіи которой молодой Каменскій поступилъ волонтеромъ во французскія войска и съ ними совершилъ походы 1758 и 1759 годовъ. Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ русскую армію. Въ первую турецкую войну, при Екатеринѣ II, онъ съ отличіемъ дѣйствовалъ на Дунаѣ и достигъ чина генералъ-аншефа, но притязаніе его во время второй турецкой войны, по отъѣздѣ Потемкина изъ

арміи, вступить въ командованіе ею навлекло на него гнѣвъ Государыни и имѣло послѣдствіемъ увольненіе отъ службы. Опала Екатерины была для Павла I достаточнымъ поводомъ взыскать Каменскаго почестями: въ короткое время онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, пожалованъ орденомъ Св. Андрея и фельдмаршальскимъ жезломъ, но уже въ 1797 году впалъ въ немилость Императора и получилъ чистую отставку. Девять лѣтъ провелъ онъ въ своемъ помѣстьѣ, откуда былъ вызванъ въ концѣ 1806 года для принятія главнаго начальства надъ арміей, выступавшей въ походъ противъ Наполеона.

Новый главнокомандующій слылъ за человѣка своенравнаго и жестокаго. Въ проявленіи внѣшнихъ странностей онъ любилъ подражать великому Суворову. Въ личныхъ сношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ выказывалъ онъ независимый образъ мыслей, который выражался съ крайнею рѣзкостью. Онъ воспротивился отправленію въ армію Цесаревича Константина Павловича и даже самому Государю прямо объявилъ: „Если Ваше Величество поѣдете въ армію, то за вами послѣдуютъ туда же ваши придворные и парадные офицеры и все будетъ потеряно". Напротивъ, инспектору всей артиллеріи, уже начинавшему входить въ силу Аракчееву, онъ предписалъ немедленно отправиться въ главную квартиру. Когда же тотъ сослался на нездоровье, то фельдмаршалъ представилъ Государю, что болѣзнь его любимца—притворство, что подъ его начальствомъ артиллерія находится въ величайшемъ безпорядкѣ, что необходимо смѣнить его, равно какъ и генералъ-интенданта арміи, князя Д. П. Волконскаго, близкаго родственника другаго царскаго любимца, князя П. М. Волконскаго, и вліятельнаго фельдмаршала графа Салтыкова. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти требованія главнокомандующаго при дворѣ и въ ближайшихъ къ Императору военныхъ кругахъ. Самое назначеніе Каменскаго встрѣчено было тамъ недружелюбно. Теперь стали говорить, что онъ просто сумасшедшій. Главнымъ его порицателемъ явился оберъ-гофмаршалъ, графъ Н. А. Толстой, братъ котораго, графъ Петръ Александровичъ, призванъ былъ въ качествѣ дежурнаго генерала быть однимъ изъ непосредственныхъ сотрудниковъ главнокомандующаго. Уступивъ общественному мнѣнію, желавшему видѣть во главѣ арміи полководца съ русскимъ именемъ, придали ему въ надзиратели и совѣтники нѣмца, генерала Кнорринга. Другой нѣмецъ, генералъ Штейнгель, за-

нималъ должность генералъ-квартирмейстера. Планъ кампанiи, врученный Каменскому при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга, составленъ былъ недавно перешедшимъ въ русскую службу прусскимъ генераломъ Пфулемъ [1]).

При такихъ условiяхъ вполнѣ понятна неохота, съ которою семидесятилѣтнiй старикъ брался за дѣло, сопряженное съ тяжкою для него отвѣтственностью. Онъ медлилъ прибытiемъ въ армiю и съ дороги жаловался Государю на упадокъ силъ и тѣлесные недуги. „Я лишился почти послѣдняго зрѣнiя, — писалъ онъ Его Величеству изъ Вильны, — ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу и принужденъ употреблять къ тому глаза моихъ товарищей. Боль въ глазахъ и въ головѣ; не способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте мнѣ, если можно, наставника, друга, вѣрнаго сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ армiи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованiю столь обширнымъ войскомъ“ [2]). Два дня по прибытiи въ главную квартиру онъ въ еще болѣе настоятельныхъ выраженiяхъ повторилъ просьбу о сложенiи съ него непосильнаго бремени: „Старъ я для армiи; ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣни, какъ другiе; мѣстъ на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на разсмотрѣнiе малѣйшую часть переписки, въ шести бумагахъ состоящую, которую долженъ былъ имѣть однимъ днемъ, чего долго выдержать не могу, для чего дерзаю испрашивать себѣ перемѣны. Подписываю, не знаю что“.

Таковъ былъ вождь, противупоставленный Наполеону во главѣ всѣхъ вооруженныхъ русскихъ силъ.

7 (19) декабря, въ день прибытiя императора французовъ въ Варшаву и графа Каменскаго въ Пултускъ, французская армiя уже владѣла обоими берегами Вислы. Лѣвое крыло ея, корпуса Бернадотта и Нея и конница Бессьера стояли у Торна; вокругъ Плоцка расположился центръ: корпуса Сульта и Ожеро; впереди Варшавы остановились Даву, Ланнъ, гвардiя и кавалерiйскiе резервы Мюрата, составлявшiе правое крыло.

Русская армiя занимала слѣдующiя позицiи: на крайнемъ правомъ флангѣ у Страсбурга—прусскiй отрядъ Лестока; Бен-

[1]) См. донесенiя королю Густаву IV шведскаго посла въ С.-Петербургѣ Стедингка, отъ 30 ноября (12 декабря) и 28 декабря 1806 г. (9 января 1807 г.).

[2]) Графъ Каменскiй Императору Александру, ноябрь 1806 г.

нигсенъ — у Пултуска, Буксгевденъ — позади его, у Остроленки; передовые отряды: Барклая-де-Толли — у Сохочина и Колозомба на Вкрѣ, графа Остермана-Толстаго — у Чарнова при впаденіи Вкры въ Наревъ, Багговута — у Зегрже на Наревѣ. Эссенъ со своимъ корпусомъ не покидалъ Бреста, отстоя отъ мѣста расположенія главныхъ силъ болѣе, чѣмъ на полтораста верстъ.

На другой же день по пріѣздѣ въ Варшаву, Наполеонъ рѣшилъ произвести общее наступленіе. Намѣреніе его было правымъ своимъ крыломъ атаковать главныя русскія силы съ фронта, центромъ обойти ихъ съ праваго фланга и дѣйствовать на ихъ сообщенія, а лѣвымъ крыломъ прервать ихъ связь съ пруссаками и отбросить послѣднихъ къ сѣверу, послѣ чего, окруживъ русскую армію съ трехъ сторонъ и отрѣзавъ ей путь къ отступленію, нанести ей рѣшительное пораженіе, и окончить кампанію однимъ громовымъ ударомъ. Съ этою цѣлью Ней, Бернадоттъ и Бессьеръ получили приказаніе идти отъ Торна чрезъ Страсбургъ къ Сольдау, прямо на прусскій отрядъ Лестока, а Сультъ и Ожеро — перейдти Вкру у Сохочина и Колозомба. Себѣ Наполеонъ предоставлялъ во главѣ корпусовъ Даву, Ланна, гвардіи и кавалеріи Мюрата произвести главное нападеніе на центръ русской позиціи. Переходъ французовъ въ наступленіе назначенъ былъ на 11 (23) декабря.

За два дня, а именно 9 (21), генералъ Барклай-де-Толли донесъ въ главную квартиру о скопленіи противъ него значительныхъ непріятельскихъ силъ, принадлежащихъ, по показанію плѣнныхъ французовъ, къ корпусамъ Сульта и Ожеро. Не зная объ одновременномъ движеніи впередъ всѣхъ корпусовъ великой арміи, графъ Каменскій рѣшилъ самъ перейти въ наступленіе и отбросить двухъ вышеназванныхъ маршаловъ за Вислу. Для сего, онъ приказалъ корпусу Беннигсена отъ Пултуска идти къ Сохочину и Колозомбу и тамъ, переправясь чрезъ Вкру, атаковать непріятеля; корпусу Буксгевдена раздѣлиться на двѣ части: съ двумя дивизіями слѣдовать отъ Остроленки чрезъ Маковъ и Голыминъ также къ Вкрѣ и составить правое крыло Беннигсена, а двѣ другія дивизіи послать лѣвымъ берегомъ Нарева къ Попову, для вступленія въ связь съ корпусомъ Эссена, которому приказано выступить изъ Бреста и идти съ нимъ на соединеніе.

Предписанныя фельдмаршаломъ движенія начались 10(22) декабря и продолжались весь слѣдующій день, когда французы,

форсируя переправы чрезъ Вкру и Наревъ въ трехъ мѣстахъ, сами атаковали наши передовые отряды. Генералы Барклай-де-Толли, графъ Остерманъ-Толстой и Багговутъ медленно и въ совершенномъ порядкѣ отступили предъ превосходными силами непріятеля.

Узнавъ о приближеніи французовъ, фельдмаршалъ остановилъ наступательное движеніе своихъ войскъ, приказавъ Беннигсену сосредоточиться у Стрекочина, а Буксгевдену поставить одну дивизію у Голымина, другую у Макова, остальныя двѣ оставить у Попова. Приказанія эти уже не могли быть исполнены частью нашихъ войскъ.

По переходѣ Нарева и Вкры Наполеонъ нѣсколько измѣнилъ свой первоначальный планъ. Онъ вознамѣрился правымъ крыломъ отрѣзать русской арміи переправу чрезъ Наревъ у Пултуска, для чего направилъ къ этому городу корпусъ Ланна, подкрѣпленный одною изъ дивизій Даву. Полагая главныя русскія силы у Голымина, самъ онъ двинулся къ этому мѣстечку съ остальными дивизіями Даву, съ гвардіей и конницей Мюрата, направивъ туда же и весь корпусъ Ожеро. Назначеніе Сульта, Бернадотта, Нея и Бессьера осталось прежнее.

Появленіе Ланна подъ Пултускомъ побудило Беннигсена покинуть Стрекочинъ и съ большею частью своего корпуса снова занять этотъ городъ и переправу на Наревѣ, которые до его прихода генералу Багговуту удалось отстоять отъ стремительнаго натиска непріятеля. Но четыре пѣшіе, пять конныхъ и два казачьи полка, принадлежавшіе къ Беннигсенову корпусу, не могли послѣдовать за нимъ. Быстрое наступленіе корпуса Даву преграждало имъ путь къ Пултуску. Они направились къ Голымину, гдѣ соединились съ одною изъ дивизій корпуса Буксгевдена.

Безсвязныя передвиженія русскихъ войскъ, то подвигавшихся впередъ, то оступавшихъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, имѣли то благое и совершенно неожиданное послѣдствіе, что привели въ недоумѣніе Наполеона. Великій полководецъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что̀ бы могли означать эти переходы взадъ и впередъ, на видъ совершенно безразсудные, и счелъ ихъ даже за сложный и хитрый, неразгаданный имъ манёвръ противника. Подозрѣніе это побудило его задержать на одинъ день наступленіе гвардіи и кавалерійскаго резерва. Лишь къ вечеру 13 (25) декабря онъ двинулся съ ними снова къ Голымину.

Приказавъ всѣмъ разрозненнымъ русскимъ отрядамъ сосредоточиться вокругъ Пултуска, графъ Каменскій рѣшился было принять сраженіе подъ этимъ городомъ. Уже составлена была диспозиція на слѣдующій день, но заключеніе ея показываетъ, что русскій главнокомандующій не надѣялся на успѣхъ. „При несчастливой удачѣ нашей"—гласило оно,—„ретирада всего войска будетъ на россійскія границы уже не на Гродно, а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги не извѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману; дровъ вездѣ и фуражъ, и подводы брать, чтобъ ни въ чемъ остановки не было, а вошедъ въ границу, послѣ таковаго несчастія—явиться къ старшему" [1]).

Ночь съ 13 (25) на 14 (26) декабря была мрачная, бурная: дулъ сильный вѣтеръ, бушевала вьюга, разметая биваки, туша костры какъ у русскихъ, такъ и у французовъ. Послѣ долгихъ колебаній фельдмаршалъ внезапно принялъ рѣшеніе, поразившее всѣхъ его окружающихъ. Въ три часа съ половиною утра онъ послалъ за генераломъ Беннигсеномъ и въ присутствіи графовъ Толстаго и Остермана вручилъ ему письменное повелѣніе: „Я раненъ, верхомъ ѣздить не могу, слѣдственно и командовать арміей. Вы коръ-дарме вашъ привели разбитый въ Пултускъ; тутъ оно открыто и безъ дровъ и безъ фуража, потому пособить надо и такъ какъ вчера сами отнеслись къ графу Буксгевдену, думать должно о ретирадѣ въ наши границы, что̀ и выполнить сегодня. Съ собой возьмите обѣ дивизіи коръ-дарме графа Буксгевдена, Эссенову и Анрепову, которыя ретираду вашу прикроютъ. Вы имѣете состоять съ полученія сего въ командѣ графа Буксгевдена; онъ расположенъ въ двухъ миляхъ отсюда въ Маковѣ" [2]). Приказаніе отступать къ русскимъ границамъ было, сверхъ того, непосредственно отправлено фельдмаршаломъ начальникамъ дивизій. Не взирая на убѣжденія генераловъ, свидѣтелей этой сцены, графъ Каменскій тотчасъ сѣлъ въ дорожную кибитку и поѣхалъ въ Остроленку, гдѣ помѣстился въ госпиталѣ. Оттуда онъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Императору Александру пытался оправдать свое бѣгство изъ арміи, оставленіе отвѣтственнаго поста главно-

---

[1]) Графъ Каменскій начальникамъ дивизій дѣйствующей арміи 13 (25) декабря 1806 г.

[2]) Графъ Каменскій барону Беннигсену 14 (26) декабря 1806 г.

командующаго въ рѣшительную минуту первой встрѣчи съ непріятелемъ:

„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ получилъ садну отъ сѣдла, которая сверхъ прежнихъ перевязокъ моихъ совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такою обширною арміею, а потому я командованіе оной сложилъ на старшаго по мнѣ генерала графа Буксгевдена, отославъ къ нему все дежурство и все принадлежащее къ оному, совѣтовавъ имъ, если хлѣба не будетъ, ретироваться ближе во внутренность Пруссіи, потому что оставалось хлѣба только-что на одинъ день, а у иныхъ полковъ ничего, какъ о томъ дивизіонные командиры Остерманъ и Седморацкій объявили, а у мужиковъ все съѣдено; я и самъ, пока вылѣчусь, остаюсь въ госпиталѣ въ Остроленкѣ, о числѣ котораго вѣдомость всеподданнѣйше подношу, донося, что если армія простоитъ въ нынѣшнемъ бивакѣ еще пятнадцать дней, то весной ни одного здороваго не останется. Притомъ откровеннымъ сердцемъ передъ Государемъ открываюсь, что по нынѣшнему короткому пребыванію при арміи, нашелъ себя несхожимъ на себя: нѣтъ той резолюціи, нѣтъ того терпѣнія къ трудамъ и ко времени, а болѣе всего нѣтъ прежнихъ глазъ, а безъ нихъ полагаться должно на чужіе рапорты, не всегда вѣрные. Графъ Буксгевденъ, смѣло надѣюсь, выполнитъ все, какъ и я; ни малѣйшаго неустройства въ коръ-дарме его не примѣчено. Человѣку лѣтъ моихъ рѣдкому вынесть можно нынѣшніе биваки. Увольте старика въ деревню, который и обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія вашего о томъ ожидать буду здѣсь при госпиталѣ, дабы не играть ролю писарскую, а не командирскую при войскѣ. Отлученіе меня отъ арміи ни малѣйшаго разглашенія не произведетъ, что ослѣпшій отъѣхалъ отъ арміи; таковыхъ какъ я, въ Россіи—тысячи [1])“.

Фельдмаршалъ уѣхалъ, но армія осталась на мѣстѣ. Генералъ Беннигсенъ взялъ на себя не исполнять приказанія, отданнаго очевидно въ состояніи умственнаго разстройства [2]).

[1]) Графъ Каменскій Императору Александру 18 (30) декабря 1806 г.

[2]) Иностранный наблюдатель, внимательно слѣдившій за событіями, писалъ по этому поводу изъ С.-Петербурга: „фельдмаршалъ Каменскій потерялъ голову или его заставили потерять ее, потому что для нѣкоторыхъ ручныхъ фокусовъ (tours de main) всѣ мы—только дѣти, сравнительно съ русскими“. (Графъ Іосифъ де-Местръ министру иностранныхъ дѣлъ короля Сардинскаго 22 декабря 1806 г. (3 января 1807 г.).

Поспѣшно отступивъ съ частями, расположенными вокругъ Пултуска, онъ обрекъ бы на жертву непріятелю разрозненные отряды, не успѣвшіе соединиться съ главными силами. Чтобы дать имъ время собраться, онъ рѣшился не избѣгать боя и дать отпоръ наступающимъ французамъ.

14 (26) декабря усиленный одною изъ дивизій Даву, корпусъ Ланна атаковалъ крѣпкую позицію, занятую Беннигсеномъ впереди Пултуска, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Къ вечеру русскіе перешли въ наступленіе и оттѣснили французовъ на цѣлыя двѣнадцать верстъ. Поле сраженія осталось за нами, усѣянное непріятельскими трупами, но и нашъ уронъ былъ значителенъ: у насъ выбыло изъ строя 3.500 человѣкъ.

Въ сраженіи подъ Пултускомъ перевѣсъ силъ былъ на нашей сторонѣ: 40.000 русскихъ сражалось противъ 30.000 французовъ, но въ тотъ же самый день при Голыминѣ горсть русскихъ, принадлежащихъ къ разнымъ дивизіямъ и случайно сошедшихся въ этой мѣстности подъ начальствомъ двухъ храбрецовъ, генераловъ князя Голицына и Дохтурова, отбила нападеніе непріятельскихъ корпусовъ Даву и Ожеро, руководимыхъ и направляемыхъ самимъ Наполеономъ. Еще далѣе къ сѣверу, подъ Сольдау, прусскій корпусъ Лестока, несмотря на отчаянное сопротивленіе, былъ выбитъ изъ занятой позиціи и отброшенъ къ Нейденбергу.

Такимъ образомъ, въ достопамятный день 14 (26) декабря бой кипѣлъ въ трехъ мѣстахъ на протяженіи линіи въ девяносто верстъ длиною, и только въ одномъ пунктѣ французы могли похвалиться успѣхомъ. При Голыминѣ они были отражены, не взирая на громадный перевѣсъ въ силахъ, а подъ Пултускомъ сами потерпѣли пораженіе. Правда, далеко не всѣ части французской арміи принимали участіе въ дѣлѣ, а именно корпуса Ланна, Даву, Ожеро и Нея. Движеніе гвардіи и кавалерійскаго резерва было, какъ мы видѣли, задержано наканунѣ самимъ Наполеономъ, и они пришли къ Голымину лишь на слѣдующій день; Сультъ, который долженъ былъ поддержать Ожеро, также не поспѣлъ къ мѣсту боя, задержанный непроходимою грязью по грунтовымъ дорогамъ въ болотистой мѣстности, гдѣ вязли люди и лошади, тонули пушки и обозы. Наконецъ, Бернадоттъ, шедшій по промежуточному направленію между Неемъ и Ожеро на перерѣзъ сообщеній пруссаковъ съ русскими, не встрѣтилъ на своемъ пути непріятеля. Но и съ нашей стороны лишь меньшая часть арміи дралась въ этотъ

день, а именно: три дивизіи подъ Пултускомъ да подъ Голыминымъ шесть полковъ пѣхоты и семь кавалеріи. Остальныя части въ дѣлѣ не участвовали по дальнему разстоянію отъ мѣста боя. Не говоря уже о корпусѣ Эссена 1-го, едва выступившаго изъ Бреста и тотчасъ же возвратившагося туда въ силу непосредственно полученнаго отъ графа Каменскаго приказанія, двѣ дивизіи Анрепа и Эссена 3-го, отряженныя отъ корпуса Буксгевдена за Наревъ къ Попову, простояли тамъ въ бездѣйствіи. Даже самъ Буксгевденъ, утромъ 14 (26) декабря уже шедшій изъ Макова въ Пултускъ съ дивизіей Тучкова, повернулъ назадъ, узнавъ объ отъѣздѣ фельдмаршала изъ арміи, и когда Беннигсенъ послалъ графа Толстаго звать его къ себѣ на помощь, отказался исполнить это требованіе, хотя разстояніе отъ Макова до Пултуска было всего въ пятнадцать верстъ.

Какъ бы то ни было, успѣшное отраженіе французовъ произвело на армію ободряющее впечатлѣніе. Въ донесеніи къ Государю Беннигсенъ сильно преувеличилъ значеніе одержанной имъ побѣды, увѣряя, что разбилъ самого Наполеона во главѣ цѣлыхъ трехъ корпусовъ. Въ дѣйствительности честь эта выпала на долю генераловъ князя Голицына и Дохтурова, хотя и не разбившихъ императора французовъ, но все же мужественно отбившихъ направляемыя лично имъ превосходныя силы непріятеля.

Нежданная вѣсть о побѣдѣ извлекла на минуту короля прусскаго изъ состоянія унынія, въ коемъ находился онъ со дня Іенскаго разгрома. Фридрихъ-Вильгельмъ поспѣшилъ поздравить съ нею Императора Александра, приписывая ее дарованіямъ барона Беннигсена и выражая надежду, что за этимъ первымъ успѣхомъ послѣдуютъ дальнѣйшіе, ибо,—присовокуплялъ онъ,—положеніе дѣлъ таково, что нуждается въ быстромъ возстановленіи. Со своей стороны король обѣщалъ всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли, подтверждая твердую свою рѣшимость оставаться вѣрнымъ другомъ русскаго Государя [1]).

Адъютантъ короля, маіоръ Клюксъ, везшій это письмо въ С.-Петербургъ, былъ направленъ туда не прямымъ путемъ, а чрезъ главную квартиру русской арміи, гдѣ ему поручалось убѣдить нашихъ военачальниковъ преградить французамъ

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ Императору Александру 19 (31) декабря 1806 г.

доступъ къ Кенигсбергу. Прусскому офицеру довелось быть тамъ свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища: пререканій и раздоровъ между русскими генералами и полнаго безначалія.

Отъѣзжая изъ арміи, графъ Каменскій сдалъ главное начальство надъ нею старшему изъ обоихъ корпусныхъ командировъ графу Буксгевдену, не подчинивъ ему, однако, отдѣльнаго корпуса Эссена 1-го. Распоряженію этому не хотѣлъ подчиниться баронъ Беннигсенъ. Гордый побѣдою, одержанною имъ надъ французами, онъ въ донесеніи Государю жаловался на Буксгевдена, утверждая, что побѣда была бы еще рѣшительнѣе, еслибы этотъ генералъ не отказался придти къ нему на помощь съ двумя дивизіями [1]). Буксгевденъ оправдывался, ссылаясь на полученное отъ фельдмаршала приказаніе: пріостановить движеніе къ Пултуску и отступать къ границамъ Имперіи. „Не могъ я предписанія сего ослушаться“, писалъ онъ Императору Александру, „строго умѣя повиноваться начальству, яко то первѣйшая въ военной службѣ обязанность [2]).

Войска, дравшіяся при Голыминѣ, отошли къ Макову и соединились тамъ съ корпусомъ Буксгевдена. Опасаясь быть обойденнымъ французами съ праваго фланга, и Беннигсенъ рѣшился отступить отъ Пултуска къ Остроленкѣ, гдѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарева и сжегъ за собою мостъ чрезъ эту рѣку, не взирая на то, что на правомъ берегу ея оставались двѣ дивизіи Буксгевдена и примкнувшія къ нимъ части его собственнаго корпуса. Раздвоенной русской арміи пришлось продолжать отступленіе обоими берегами: правымъ берегомъ шелъ Буксгевденъ съ дивизіями Тучкова и Дохтурова и съ полками, приведенными изъ-подъ Голымина княземъ Голицынымъ; лѣвымъ—Беннигсенъ со своимъ корпусомъ, а за нимъ отрѣзанныя отъ Буксгевдена дивизіи Анрепа и Эссена 3-го, возвратившіяся изъ-подъ Попова. Беннигсенъ упорно избѣгалъ не только соединенія, но и встрѣчи съ Буксгевденомъ, въ ожиданіи Высочайшаго повелѣнія о томъ, кому быть главнокомандующимъ. На неоднократныя предложенія послѣдняго перейдти на правый берегъ Нарева онъ возражалъ, что льдины на рѣкѣ не позволяютъ навести понтоннаго моста.

---

[1]) Беннигсенъ Императору Александру, 28 декабря 1806 г. (9 января 1807 г.).

[2]) Буксгевденъ Императору Александру, 22 декабря 1806 г. (3 января 1807 г.).

Отступленіе происходило въ страшную распутицу. Войска тонули въ грязи, изнемогали, тѣмъ болѣе, что не было и рѣчи о какихъ-либо подвозахъ продовольствія. Солдаты, дабы не умереть съ голода, вынуждены были сами добывать себѣ пищу отъ жителей. Послѣдствіемъ было развитіе randoмародёрства и бродяжничества. Отставшіе солдаты грабили не только селенія, но и почтовыя станціи. По общему свидѣтельству, безпорядки эти приняли ужасающіе размѣры, въ особенности въ корпусѣ Беннигсена, крайне небрежно относившагося къ вопросу о пропитаніи ввѣренныхъ ему войскъ.

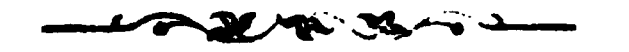
Такъ обѣ колонны, разъединенныя Наревомъ, дошли до Новограда. Здѣсь съѣхались, наконецъ, оба соперника, и 19 (31) декабря состоялся военный совѣтъ, въ коемъ принялъ участіе и прибывшій въ армію уже по отъѣздѣ фельдмаршала упомянутый выше генералъ Кноррингъ. Онъ былъ старше чиномъ не только Беннигсена, но и Буксгевдена, что̀, разумѣется, только усложнило неурядицу. Съ общаго согласія генералы положили, однако, перевести всю армію на правый берегъ Нарева и идти съ нею къ Іоганисбергу, въ восточной Пруссіи, пригласивъ генерала Эссена 1-го придвинуть свой корпусъ въ томъ же направленіи. Но соединеніе отрядовъ Беннигсена и Буксгевдена могло состояться лишь десять дней спустя въ Тыкочинѣ, гдѣ былъ на Наревѣ постоянный мостъ.

Къ счастью, злополучныя условія, при которыхъ состоялось отступленіе русской арміи, оставались неизвѣстными Наполеону. Занявъ Голыминъ и Пултускъ, онъ не пошелъ за нею далѣе. Отказъ отъ преслѣдованія былъ недобровольный. Наполеона вынуждало къ тому не одно дурное состояніе дорогъ, на которое указывалъ онъ въ своихъ бюллетеняхъ, какъ на неодолимое препятствіе, называя непроходимую грязь, найденную имъ въ Польшѣ, „пятою стихіею". Его ослабилъ, истощилъ и значительный уронъ, понесенный французами въ дѣлахъ 14 (26) декабря. Четыре дня спустя онъ остановилъ наступательное движеніе своей арміи и велѣлъ ей расположиться на зимнихъ квартирахъ, а самъ воротился въ Варшаву.

По обыкновенію, императоръ французовъ провозгласилъ себя побѣдителемъ, и французскіе историки донынѣ повторяютъ это смѣлое притязаніе. Но несостоятельность его очевидна уже изъ того, что ни единая изъ цѣлей, коими задавался Наполеонъ, переходя за Вислу, не была имъ достигнута въ семидневномъ походѣ. Русская армія не разбита, и война не окон-

чена однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Не удалось ни отрѣзать нашъ лѣвый флангъ отъ Нарева, ни опрокинуть центръ, ни обойдти насъ съ лѣваго фланга и, зайдя намъ въ тылъ, преградить путь къ отступленію. Даже связь русскихъ съ пруссаками не могла быть прервана французами. Уронъ ихъ, конечно, превосходилъ наши потери, а единственными трофеями были нѣсколько пушекъ, завязшихъ въ грязи и съ величайшимъ трудомъ вытащенныхъ изъ нея только весною. Отразивъ непріятельскій напоръ, русскія войска отошли на весьма незначительное разстояніе и заняли фланговую позицію, одинаково преграждавшую французамъ доступъ и въ Восточную Пруссію, и къ границамъ Россіи. Результаты эти были достигнуты при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ отсутствіе единства командованія, благодаря исключительно доблести частныхъ начальниковъ и безпримѣрнымъ мужеству и стойкости офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Грозный отпоръ Наполеону дали, конечно, не тупые и бездарные генералы нѣмецкаго происхожденія, стоявшіе во главѣ русской рати, не гановерецъ Беннигсенъ или остзеецъ Буксгевденъ, спорившіе другъ съ другомъ изъ-за власти. Далъ его измокшій, прозябшій, голодный русскій солдатъ, смиренный, но великій подвижникъ, всегда и безъ всякихъ разсужденій готовый по Царскому призыву пролить кровь и жертвовать жизнью во славу русскаго оружія, за честь родной земли.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Старина и мое дѣтство.[1]

(*Продолженіе*).

XV.

Послѣ смерти моей бабушки, домъ ея принялъ другую физіономію. Стѣны оклеили новыми обоями. Въ кабинетѣ дяди сдѣлали деревянную перегородку вмѣсто холстинныхъ рамъ, за которыми стояла кровать его. Спальная моей бабушки совсѣмъ преобразилась: исчезла вѣковая ниша и все, что было за этой нишей, только щелка въ дверяхъ, ведущая въ гостиную для подглядыванія, осталась въ томъ же нетронутомъ видѣ. Несомнѣнно, все недвижимое имущество моей бабушки было заложено въ ломбардъ. Старшій сынъ ея и родной дядя мой, постоянно проживавшій въ Петербургѣ, Дмитрій Яковлевичъ Кафтыревъ, отказался отъ Симбирскаго имѣнія около 600 душъ, испугавшись долговъ, на немъ лежащихъ, и предложилъ его брату Александру, но и тотъ отказался; такъ оно и пошло на продажу съ молотка. Дядѣ Александру Яковлевичу досталось село Смолеевка, въ Ряжскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи; теткамъ Вѣрѣ и Аннѣ деревни Артемьево и Костолыгино (въ Тверской губерніи); моей матери—сельцо Лозынино (въ той же губерніи въ Калязинскомъ уѣздѣ).

Знаю, что всѣ эти подробности никому не интересны. Кому какое дѣло, чѣмъ кто владѣлъ тому назадъ полвѣка, или какіе проѣдалъ доходы? Скажу только, что доходы моей матери и тетокъ были весьма незначительны.

Конечно, никто еще изъ насъ не чувствовалъ недостатка,

---

[1]) См. „Русск. Вѣст." 1890 г. кн. VI.

такъ какъ жизнь была дешева. Изъ Смолеевки пастухъ пригонялъ барановъ — а изъ дальнихъ деревень, по прежнему, шли мороженыя туши, поросята, мука, крупа, медъ, толокно, грибы, пряники, холстъ и проч. и проч. Но и тетки мои и мать моя для того, чтобъ избавиться отъ ломбарда, должны были везти въ Москву продавать бриллiанты, доставшiеся имъ отъ моей бабушки. Сколько мнѣ помнится, дѣлежъ домашняго скарба, въ особенности мѣховыхъ вещей, прошелъ не безъ спора. По крайней мѣрѣ, я помню, что отецъ мой чего-то не хотѣлъ уступать, или что-то такое ему не хотѣли уступить, онъ ворчалъ... но всѣ эти споры или препирательства не доходили до ссоръ, и всѣ наши семейныя отношенiя оставались такими же, какими были и до смерти бабушки.

Доставшееся намъ сельцо Лозынино, конечно, возбудило въ отцѣ моемъ желанiе поглядѣть на это сельцо и заняться хозяйствомъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, мы сѣли въ кибитку и на перекладныхъ направили путь свой на Москву, добраться до которой было далеко не такъ легко и скоро, какъ въ наше, желѣзными дорогами сокращенное, путевое время. Потому ли, что я былъ старшiй сынъ, или потому, что чуткая мать понимала, какъ страстно я былъ привязанъ къ ней, я всюду—даже на богомолье, сопровождалъ ее съ моей неизмѣнной нянею, Матреной. Такъ поѣхали мы вчетверомъ и въ Москву, остановились въ домѣ какой-то купчихи Деминой, недалеко отъ Сухаревой башни въ переулкѣ за Спасскими казармами. Что-за особа была эта Демина (вдова), въ какихъ такихъ отношенiяхъ она была къ семейству Кафтыревыхъ, почему она принимала, или лучше сказать, считала за долгъ принимать у себя въ домѣ семью мою—покрыто мракомъ неизвѣстности. Меня это интересовало гораздо меньше, чѣмъ бассейнъ, полный воды, чистой какъ кристаллъ, проведенной изъ Мытищъ, на одинъ изъ этажей Сухаревой башни, куда меня водили, или тѣ картинки съ каррикатурами на Наполеона, которыя украшали ту угловатую комнату, гдѣ въ гостяхъ у Деминой, на тюфякахъ, постланныхъ на полу, ночевали мы.

Простясь съ Деминой, разумѣется, послѣ закуски, пирога и кофе, въ той же крытой кибиткѣ черезъ Троицко-Сергiевскую лавру двинулись мы за сорокъ верстъ отъ лавры въ наше Лозынино. Помню, какъ долго и скучно тащились мы непроходимыми болотами, по безконечнымъ ухабистымъ гатямъ, окруженнымъ кочками, тростниками, мелкимъ лознякомъ и

жорами. Позднѣе узналъ я, что русло рѣки Дубны извивается посреди этихъ самыхъ болотъ, безплодныхъ и непроходимыхъ. На ихъ окраинѣ—или на чертѣ весенняго разлива Дубны, на отлогой возвышенности, за нѣсколько верстъ, увидали мы березовую рощу, что росла не далѣе, какъ въ 200 саженяхъ отъ нашей усадьбы.

XVI.

Усадьба наша состояла изъ начатой постройки бревенчатаго дома, или сруба съ прорѣзанными окнами, почти что доведеннаго подъ кровлю. Кругомъ этого сруба лежали бревна и щепки. На дворѣ—былъ старый небольшой флигелекъ, гдѣ, судя по всему, жилъ человѣкъ, привыкшій къ нѣкоторой роскоши, но кто именно: мой ли дѣдъ, или кто-нибудь изъ баръ-помѣщиковъ временъ Екатерины?

Во флигелѣ было всего только двѣ небольшія комнатки и передняя, оклеенныя когда-то очень яркими и недешевыми французскими обоями; въ одномъ простѣнкѣ висѣло небольшое венеціанское зеркало въ старинной золоченой рококо рамѣ, а на стѣнахъ были подъ стеклами сохранившіеся офорты—изображенія какихъ-то англійскихъ полководцевъ и государственныхъ людей въ костюмахъ 16-го и начала 17-го столѣтія. Въ обѣихъ комнаткахъ было по два небольшихъ окошечка. Въ передней расположилась наша Матрена. Для моего отца и матери сколотили кровать и поставили ее въ первой же комнаткѣ, направо отъ входа. Тутъ же была и моя спальная (я спалъ на диванѣ, подпертый стульями). Слѣдующая вторая комната была нашей столовой.

Что же дальше?

Дальше я помню, что, ложась спать, я иногда не скоро засыпалъ и слушалъ, какъ отецъ мой, лежа на постели, опершись на подушку, а головой склонясь къ столику, съ сальной свѣчой и неизбѣжными щипцами для нагара,—читалъ вслухъ моей матери исторію Россійскаго государства Карамзина. Читалъ, какъ будто въ рукахъ его былъ псалтырь или священное писаніе, и сквозь дремоту мнѣ слышалось безпрестанно повторяемое имя царя Іоанна и разсказы объ его грозныхъ и страшныхъ казняхъ. Иногда отецъ мой вполголоса дѣлалъ свои замѣчанія: замѣчалъ, что Карамзинъ слишкомъ смѣлъ;

что про царей такъ писать не слѣдуетъ, „нельзя", что надо даже удивляться, какъ всё это позволено.

Помню, что когда наступила жатва, я уходилъ въ недалекое отъ насъ поле. Отецъ мой считалъ снопы (не въ этомъ ли и состояли всѣ его хозяйственныя хлопоты?), а я, если день былъ сильно вѣтреный, бѣгалъ какъ сумасшедшій, растопыривъ руки, и махалъ ими какъ крыльями, воображая, что онѣ меня поднимутъ на воздухъ и я улечу (не были ли это самыя поэтическія минуты во дни моего деревенскаго пребыванія въ Лозынинѣ).

Припоминая такую завидную глупость, смѣю думать, что я былъ еще очень молодъ и наивенъ, но—не странно ли,—даже въ эти наивные, ребяческіе годы стоило мнѣ увидать хоть сколько-нибудь смазливое женское личико, и я вдругъ становился ниже травы—тише воды, и уже не позволялъ себѣ никакого дурачества.

Дворъ нашъ, широкій и заросшій травой, былъ окруженъ небольшими постройками, старыми сараями, кладовой и амбаромъ. Помню, какъ староста подбиралъ ключи отъ одной изъ дверей и долго подобрать не могъ. Когда, наконецъ, кладовая была отперта, стали выносить изъ нея сундуки и всякій хламъ. Изъ всего вынесеннаго на Божій свѣтъ, больше всего мнѣ памятенъ сундукъ съ старинными допетровскимъ почеркомъ исписанными свитками. Какъ ни былъ я глупъ, догадывался, что они были писаны еще при московскихъ царяхъ, и какъ ни былъ уменъ, не понималъ, на что все это нужно, и къ ихъ сохраненію не обнаружилъ никакого поползновенія. Такъ всѣ эти свитки и погибли: остались ли они лежать и догнивать въ той же кладовой, или они пошли на оклейку зимнихъ рамъ—не знаю. Несомнѣнно, что и отецъ мой, учившійся въ Нѣжинѣ, на мѣдныя деньги, такъ же какъ и я, ребенокъ, не понималъ ихъ значенія, а мать моя, хоть и была гораздо образованнѣе моего папа, смотрѣла на все его глазами и съ нимъ не спорила. Изъ числа грошевыхъ драгоцѣнностей, вынесенныхъ изъ кладовой, едва-ли не болѣе чѣмъ пожелтѣвшіе документы, привлекли мое вниманіе сломанные стѣнные часы. Я ими овладѣлъ и, изучая ихъ таинственный для меня механизмъ, такъ звенѣлъ, задѣвая за молотокъ, который когда-то билъ часы, что надоѣлъ этимъ звономъ отцу, и онъ прогналъ меня изучать механизмъ часовъ куда-нибудь подальше отъ флигеля. Живо помню небольшой садъ, который примыкалъ

къ двору. Дворъ былъ четыреугольный, и садъ былъ четыреугольный, и прудъ, уже подернутый зеленью и окруженный со всѣхъ сторонъ въ два ряда посаженными липами и березами, былъ такой же четыреугольный.

Когда я бродилъ по нашему запущенному саду и подходилъ къ плетню, ко мнѣ подбѣгали крестьянскіе мальчики, и я съ ними знакомился, иногда перелѣзалъ къ нимъ черезъ плетень, и помню—одинъ изъ нихъ не разъ бралъ меня къ себѣ верхомъ на плечи и пускался вмѣстѣ со мною скакать галопомъ по щебню, вокругъ недостроеннаго дома. Иногда мы играли въ лошадки, и у меня была цѣлая четверка босоногихъ коней. Мальчишки, которые со дня рожденія своего не видали никакой господской ферулы, обращались со мной за панибрата. Одинъ изъ нихъ, рыжій и веселый, показывалъ мнѣ языкъ или по-дружески билъ меня по плечу. Меня какъ бы тянуло къ нимъ и въ то же время конфузило или коробило ихъ такое вольное со мной обращеніе. Во мнѣ просыпался барченокъ, требующій по отношенію къ своей личности какъ бы нѣкоторой субординаціи или уваженія. Конечно, это чувство, которое не разъ закрадывалось въ мою душу, я ничѣмъ не обнаруживалъ, такъ какъ оно было инстинктивно, и я самъ не зналъ—хорошее ли это чувство или дурное. Во всякомъ случаѣ оно было простительно для мальчугана, выросшаго среди крѣпостныхъ и даже на себѣ не разъ испытавшаго ихъ рабское растлѣвающее подобострастіе. Развѣ Николка, сынъ Трофима, могъ такъ вольно, такъ по-братски со мной обращаться? развѣ отецъ, мать, даже нянька не отодрали бы его за ухо, еслибы онъ осмѣлился высунуть мнѣ языкъ или хлопать меня по плечу!

Такъ, во имя психологической правды, я сознаюсь, что, возясь съ крестьянскими мальчуганами, я не разъ морщился отъ того, что вовсе не внушалъ имъ ни малѣйшаго уваженія. Каяться въ этомъ я не стану, потому что и теперь я потерялъ бы всякое уваженіе прислуги, еслибы посадилъ ее у себя въ кабинетѣ. Не видѣлъ я прислуги, сидящей рядомъ со мной за обѣденнымъ столомъ ни у Некрасова, ни у Чернышевскаго, ни даже у графа Л. Н. Толстаго. Это не значитъ, чтобы они были спѣсивы; это значитъ только, что жизнь говоритъ одно, а теорія или идеалы равенства—другое. На почвѣ воспитанія, одинаковости умственнаго развитія и таланта, мы, слава Богу, уже давно потеряли всякую сословную спѣсь. Князь Одоевскій и

прасолъ Кольцовъ могли сходиться и обѣдать за однимъ столомъ, какъ равный съ равнымъ. Только интересы науки, искусства и политики сближаютъ людей всевозможныхъ сословій. Всякое другое равенство до сихъ поръ оказывается ефемернымъ. У каждаго лакея есть своя спѣсь, и онъ самъ не сядетъ за столъ нанимающаго его барина, хотя бы тотъ и приглашалъ его,— не сядетъ и потому, что ему гораздо веселѣе обѣдать въ своей компаніи съ людьми одинаковыхъ съ нимъ понятій. Такъ истинное равенство только и зиждется на одинаковости воспитанія, на возможности обмѣна идей и взаимнаго пониманія.

Въ сороковыхъ годахъ, за Кавказомъ, въ Гуріи, въ Имеретіи, я самъ видѣлъ, какъ люди, подающіе кушанья, садились обѣдать за одинъ и тотъ же столъ со своими помѣщиками, и это, конечно, происходило не отъ ихъ либерализма и не отъ высокости ихъ развитія, а потому, что оба они, и слуга и баринъ, думали, напримѣръ, что облака ничто иное, какъ морскія губки, поднимающіяся съ моря, а дождь ничто иное, какъ вѣтеръ, который выжимаетъ ихъ. Они одинаково были невѣжественны, одинаковы по нравамъ и воспитанію; но ихъ равенство тотчасъ же нарушалось, когда баринъ кончалъ курсъ въ университетѣ, а его прислуга оставалась такою же безграмотной. Дѣти разныхъ сословій легче всего сходятся, какъ равные съ равными, когда интересы игры сближаютъ ихъ. Интересы игры сближали меня въ Лозынинѣ и съ крестьянскими босоногими мальчуганами; но вѣроятно, даже и въ томъ возрастѣ, во мнѣ пробуждались уже и другіе интересы, которые и затрогивали во мнѣ сознаніе какого-то превосходства надъ тѣми, кто съ такимъ ребяческимъ усердіемъ на своей спинѣ возилъ меня. Пусть это было и дурное чувство, но я не хочу скрывать его и очень радъ, что память мнѣ сохранила много изъ того, что происходило въ тайникахъ души моей, какъ дурнаго, такъ и хорошаго.

XVII.

Да простятъ мнѣ читатели всякаго рода отступленія особливо отступленія такого рода, которыя требуютъ обстоятельнаго анализа, а не поверхностнаго изложенія личнаго мнѣнія. Если же я ихъ не вычеркиваю, то ради того только, чтобъ мои воспо-

минанія не утомили васъ своимъ однообразно-повѣствовательнымъ тономъ.

Тогдашнія наши провинціи (т. е. тому назадъ слишкомъ полвѣка) были биткомъ набиты какъ крупными, такъ и мелкими—небогатыми владѣльцами земли и крестьянъ. Всѣ они знали другъ друга, ссорились, мирились, волочились за сосѣдками, охотились, пьянствовали или, порыскавши по Европѣ, безплодно мечтали о новыхъ порядкахъ. Наше Лозынино со всѣхъ сторонъ было окружено помѣщичьими усадьбами. Направо шелъ проселокъ къ усадьбѣ нѣкоего Баранова, налѣво въ усадьбы г.г. Бѣшенцевыхъ и Палибиныхъ. Это были наши ближайшіе сосѣди. Но усадьба Барановыхъ была пуста, такъ какъ самъ баринъ разъ поѣхалъ въ лѣсъ и въ лѣсу убитъ своими крестьянами, а наслѣдники его были еще въ отсутствіи. Чаще всего приходилось намъ ѣздить къ Бѣшенцевымъ и Палибинымъ.

Самъ Бѣшенцевъ былъ уѣзднымъ исправникомъ; у него была жена, пожилая, въ нравственномъ отношеніи безукоризненная женщина и мать многочисленнаго семейства. Я засталъ у ней немалое количество дочекъ. Меньшая изъ нихъ, Маша, была однихъ лѣтъ со мною; Анна была нѣсколько старше. Я помню ея удивительно-тонкій профиль, и были минуты, когда мнѣ было досадно, что она не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Предчувствовалъ ли я, что лѣтъ черезъ 15 или 17 эта Анюта будетъ играть не малую роль въ моей жизни, что я буду звать ее сестрой, и что она, какъ жоржзандистка, послужитъ прототипомъ для характера Эвиной въ моемъ романѣ „*Дешевый городъ*". Но объ этомъ еще рѣчь впереди, я былъ еще ребенкомъ, молоденькая Анна, будущая эмансипированная дама, вправѣ была не обращать на мое присутствіе ни малѣйшаго вниманія. У Бѣшенцевыхъ былъ и сынокъ, Миша, едва ли не единственный, бѣлокурый мальчикъ лѣтъ пяти, у котораго была страсть подражать попамъ, у себя въ дѣтской пѣть по-церковному и махать самодѣльнымъ игрушечнымъ кадиломъ... Матери его такая игра вовсе не нравилась... Ей казалось, что онъ не долговѣченъ и самъ себѣ какъ бы пророчитъ отпѣваніе.

Самъ Бѣшенцевъ, какъ кажется, вполнѣ оправдывалъ свою фамилію: его боялись; онъ былъ горячъ и вспыльчивъ. Но я, конечно, не могу знать, насколько онъ былъ честенъ и полезенъ на мѣстѣ своего служенія.

Разъ мы пріѣхали къ Бѣшенцевымъ къ обѣду. Помню, въ ихъ залѣ длинный столъ и по крайней мѣрѣ человѣкъ тридцать обѣдающихъ. Между гостями мы застали какого-то стараго, проѣзжаго генерала. Генералъ сидѣлъ около хозяйки и жаловался на отвратительные пути сообщенія,—на ухабы, на мосты и проч. и проч., а Бѣшенцевъ безпрестанно вставалъ изъ-за стола и всячески старался ему угодить и угостить его превосходительство. Не былъ ли этотъ генералъ посланъ на ревизію... Съ нимъ былъ не то писецъ—не то лакей,—играющій роль его дядьки. И что же?—Хозяинъ не рѣшился ни отослать его въ людскую, ни посадить съ собой за столъ, а велѣлъ ему накрыть особенный столикъ въ углу той же залы—и ему подносили тѣ же кушанья, какъ и намъ—и тѣмъ же шампанскимъ наполняли бокалъ его. Это не могло не обратить моего вниманія. Ни раньше, ни позже я не помню такого курьеза.

Палибины жили недалеко отъ Бѣшенцевыхъ. Я могъ бѣгать изъ одной усадьбы въ другую и нерѣдко бѣгалъ отъ Бѣшенцевыхъ къ Палибиной, такъ какъ подружился съ ея старшимъ сынкомъ Николаемъ, и отъ Палибиной бѣгалъ къ Бѣшенцевымъ, такъ какъ ихъ Машенька очень, очень мнѣ нравилась, такая была интересная, живая, веселая дѣвочка.

Разъ мать моя и наши сосѣди собрались въ березовую нашу рощу (отъ которой теперь, какъ говорятъ, и слѣду нѣтъ), собрались грибы искать. Роща была еще такъ густа и тѣниста, что я и Маша Бѣшенцева—мы оба потеряли своихъ родителей. Бросились направо, налѣво, кричали—и никакъ не могли найти всей честной компаніи. Эге! сказалъ я, не пошли ли они къ намъ въ Лозынино чай пить; кажется, всѣ хотѣли сегодня собраться у насъ! И вотъ, не долго думая, мы по межамъ черезъ поле, побѣжали въ Лозынино, перелѣзли черезъ плетень и вбѣжали въ нашъ флигель. Насъ встрѣтила Матрена и удивленная сказала, что никого нѣтъ. Что же оставалось дѣлать, какъ не бѣжать назадъ по тому же направленію? Дѣвочка и хохотала и чуть не плакала. Не успѣли мы войти въ рощу, какъ намъ на встрѣчу показались наши матери и вся компанія. Старуха Бѣшенцева строго опросила свою дочь, и мнѣ пришлось слышать, какъ ее стыдили и дѣлали ей выговоръ, точно она совершила какой-то проступокъ, неприличный, недостойный сколько-нибудь порядочной дѣвочки. Я же на нашъ побѣгъ изъ рощи смотрѣлъ, какъ на какое-то въ высшей степени интересное, романическое приключеніе.

У Палибиныхъ, несмотря на лѣтнее время, бывали и танцовальные вечера подъ музыку одного или двухъ скрипачей. Танцовали и большіе и дѣти, при открытыхъ окнахъ, и, разумѣется, не позднѣе 10—11-ти часовъ вечера всѣ расходились. Въ то непросвѣщенное время я не помню ни карточныхъ столовъ, ни танцевъ всю ночь до разсвѣта, ни постояннаго брянчанья фортепьяно (хотя фортепьяно и водилось въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ). Этимъ я не могу сказать, чтобы не было вообще карточной игры или гульбы до разсвѣта, но хочу только сказать, что это не было до такой степени повсемѣстно, какъ въ наше просвѣщенное время. Играли въ карты только по страсти къ картамъ, а не ради пріятнаго провожденія времени отъ скуки и пустоты душевной. Проигрывали и выигрывали цѣлыя состоянія, а не рубли и копѣйки, какъ въ наше время. Гуляли по ночамъ кутилы или мечтатели, но не помѣщичьи семьи, изъ которыхъ выходили полезные дѣятели на разныхъ поприщахъ службы. Такъ двое сыновей вдовы Палибиной, какъ я слышалъ, были впослѣдствіи не послѣдними инженерами и много на своемъ вѣку поработали.

По серединѣ проселочной дороги, по которой мы ѣздили къ Бѣшенцевымъ, стоялъ овинъ. Разъ, ночью онъ почему-то загорѣлся. Наши люди увидѣли зарево и разбудили насъ. Я наскоро одѣлся и побѣжалъ. Помню сбѣгающійся народъ, какого-то скачущаго по дорогѣ всадника (не становаго ли?) суматоху, бочку съ водой, которую откуда-то привезли и которая нисколько не помѣшала овину сгорѣть до основанія.

Это тоже было необыкновенное происшествіе, о которомъ по возвращеніи въ Рязань я всѣмъ любилъ разсказывать не безъ паѳоса и, быть можетъ, не безъ поэтическихъ преувеличеній.

XVIII.

На обратномъ пути черезъ Москву я помню только, что мы были въ Кремлѣ и видѣли то мѣсто, куда упалъ когда-то Царь-колоколъ. Колоколъ этотъ былъ въ ямѣ, точно въ могилѣ. Яма эта сверху была задѣлана досками съ окошечкомъ или отверстіемъ по срединѣ. Я, ставъ на колѣни, нагнулся, заглянулъ въ эту яму и ничего не видалъ, кромѣ какого-то металлическаго тусклаго отблеска на днѣ. Заходили мы и въ старый Александровскій кремлевскій дворецъ, нынѣ уже не су-

ществующій. Не знаю, былъ ли это тотъ самый дворецъ, изъ оконъ котораго Наполеонъ глядѣлъ на пожаръ Москвы, или онъ былъ построенъ послѣ 1812 года? Меня водили изъ комнаты въ комнату, и я ничего не помню, кромѣ большихъ копій, сдѣланныхъ сепіей съ картинъ религіознаго содержанія, и между ними копію съ Рождества Корреджіо. Припоминаю я это и самъ сомнѣваюсь, какъ могли быть во дворцѣ не оригиналы, а копіи, да еще нарисованныя одной коричневой сепіей. (Впрочемъ не были ли это копіи, сдѣланныя одной изъ великихъ княженъ, сестеръ Александра I).

Осенью мы вернулись въ Рязань на свою квартиру и застали въ ней нѣкую Аграфену Ивановну, которая, по просьбѣ матери моей, жила у насъ и надзирала за дѣтьми (моими братьями). Кто такая была эта Аграфена Ивановна — не знаю. Помню только ея голосъ и ея круглое, слегка рябоватое и уже не молодое лицо, круглыя очки, отороченный сборками тюлевый чепчикъ стараго фасона и чулокъ со стальными спицами въ рукахъ съ короткими и мягкими пальцами. Вѣроятно, это была одна изъ городскихъ кумушекъ, давно знакомая моей матери. Она и мнѣ была симпатична, и я любилъ, когда она приходила къ намъ. Но, замѣтьте, припоминая мое дѣтство, я не помню около насъ ни одной нѣмки, ни одной польки, ни одной француженки. Даже учительница французскаго языка, мадамъ Тюрбертъ, была чистокровная русская. Оттого ли это, что я росъ въ провинціи, или оттого, что мы были не на столько богаты, чтобъ выписывать иностранцевъ и иностранокъ? Послѣдствіемъ такого чисто русскаго воспитанія было то, что въ юности я не могъ говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ, и заговорилъ по-французски не раньше моего пребыванія въ Парижѣ (1858 — 59 гг.). Обязанъ ли я этимъ чистотѣ русскаго языка въ моихъ посильныхъ литературныхъ произведеніяхъ — я не могу сказать, такъ какъ французское воспитаніе Пушкина, а затѣмъ и Тютчева нисколько не мѣшало имъ проникаться духомъ русскаго языка, знать его въ совершенствѣ и пользоваться его неисчерпаемыми богатствами. Быть можетъ, и то, что этому ихъ знанію способствовала деревня, постоянно русская, несмѣняемая прислуга и въ особенности русскія няньки, нерѣдко на всю жизнь занимающія въ сердцѣ бывшихъ дѣтей мѣсто наравнѣ съ самыми близкими родными ихъ.

Въ Рязани на первое время по пріѣздѣ мать моя часто по-

сѣщала сестеръ своихъ, и тамъ опять я встрѣтился съ Наденькой. Пока я былъ въ деревнѣ, я совершенно забывалъ о ея существованіи. Деревенскія впечатлѣнія какъ бы затушевали образъ хорошенькой дѣвочки; а она лѣтъ до двѣнадцати дѣйствительно была хороша, какъ херувимъ, не вербный, а настоящій — такой, какимъ его изображала кисть великихъ итальянскихъ художниковъ. Помню прелестный, почти фарфоровый цвѣтъ лица съ тончайшимъ румянцемъ и голубыми жилками, большіе голубые искристые глаза и массу русыхъ локоновъ, ниспадающихъ на ея бѣлыя плечики. И вотъ, когда опять я увидалъ ее сидящей рядомъ со мной на диванѣ въ той комнатѣ, гдѣ умерла моя бабушка, я онѣмѣлъ, оцѣпенѣлъ отъ избытка того охватившаго меня чувства, которое нельзя назвать ни страстью, ни даже любовью, а скорѣй благоговѣйнымъ, духъ захватывающимъ волненіемъ. Я не смѣлъ ни заговорить громко, ни двигаться... А она смѣялась, разспрашивала меня, брала меня за руку. Но не долго, не болѣе года продолжалось такое мое настроеніе. Впрочемъ, прежде, чѣмъ перейду я не только къ моему совершенному охлажденію къ этому херувиму, но и къ чувству, похожему на ненависть, разскажу, какое меня постигло горе.

Мы переѣхали на другую квартиру съ Введенской улицы на Дворянскую, въ домъ приходскаго дьячка Якова. По-прежнему въ домѣ было не болѣе шести комнатъ: передняя, небольшая зала, гостиная, спальная моей матери, дѣтская и дѣвичья или людская; по-прежнему кухня помѣщалась на дворѣ въ отдѣльномъ строеніи (я не помню въ Рязани ни одной квартиры съ кухней рядомъ съ комнатами или въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ мы квартировали). Мать моя была беременна восьмымъ ребенкомъ, но мы, дѣти, какъ кажется, мало обращали на это вниманія. Разъ весной, вечеромъ, въ залу, гдѣ мы играли, входитъ Гаретовская (жена учителя гимназіи, постоянная повивальная бабушка при родахъ моей матери) и говоритъ намъ: дѣти, не шумите, мама ваша очень больна. Хоть намъ и не вѣрилось, такъ какъ мама съ нами обѣдала, но все же мы притихли и пошли спать. Не помню, въ которомъ часу по-полуночи кто-то сталъ будить меня. Раскрываю глаза—въ дѣтской горитъ свѣча; ребенокъ, сестра моя, сидитъ на своей постелькѣ и испуганными глазами смотритъ въ сумракъ слабоосвѣщенной комнаты; надо мною стоитъ няня, совсѣмъ одѣтая, со слезами на глазахъ... Вставай! говоритъ она: мама твоя

помираетъ, иди проститься съ ней... Меня охватило ужасомъ, я вскочилъ съ постели и какъ былъ босикомъ, въ одной рубашкѣ, бросился въ спальную моей матери. Тамъ я засталъ Гаретовскую, отца и моихъ тетокъ. Мать мою въ сидячемъ положеніи поддерживали подъ-руки; глаза были закрыты, нижняя челюсть отвисла и ротъ былъ какъ бы раскрытъ, но это не выражало собой ни ея крика, ни ея удивленія,—это выражало что-то особенное—смерть. Меня не допустили броситься и обнять ее; я упалъ на колѣни передъ образомъ и сталъ молиться... Я сталъ просить Бога о томъ, чтобъ Онъ воскресилъ мать мою. Вся эта сцена была отчасти воспроизведена мною въ романѣ „Признанія Сергѣя Челыгина“, хотя мать Челыгина нисколько, ни на волосъ, не похожа была на мать мою. Ея смерть тоже обрисована иначе, такъ какъ мать моя умерла отъ родовъ (въ эту ночь родился младшій братъ мой Павелъ), а госпожа Челыгина отъ простуды и душевныхъ потрясеній. Въ этомъ романѣ обстановка тоже совершенно иная, ибо дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ концѣ царствованія Александра I. Когда я началъ печатать этотъ романъ въ Литературной Библіотекѣ, одна газета увѣряла публику, что я началъ свою автобіографію, чтὸ очень польстило моему авторскому самолюбію. Все въ романѣ этомъ сочинено, кромѣ наблюденія надъ своимъ собственнымъ развитіемъ въ дѣтствѣ, и кромѣ анализа чувствъ, дѣйствительно мною въ дѣтствѣ испытанныхъ.

Мать мою похоронили въ Ольговомъ монастырѣ въ 12 верстахъ отъ Рязани по столбовой Астраханской дорогѣ. Почему почтовую дорогу на Орелъ и Воронежъ называли тогда Астраханской, такъ же какъ и заставу города, такъ же какъ и улицу, которая вела къ этой заставѣ,—не знаю.

Ни о моихъ слезахъ, ни о моемъ отчаяніи я говорить не стану... Скажу только, что страшно пугало и тревожило мое воображеніе—это мысль, что мать моя была похоронена живая, такъ какъ я еще наканунѣ похоронъ видѣлъ на ея щекахъ румянецъ. Эта мысль была такъ ужасна, что не давала мнѣ спать, и я старался не думать.

XIX.

Все почти иначе пошло послѣ смерти моей матери. Отецъ мой былъ еще съ нами и, по обыкновенію, не говоря ни слова,

ходилъ изъ угла въ уголъ. Большая двухспальная кровать стала нашимъ ложемъ, такъ какъ въ дѣтской помѣстилась кормилица съ новорожденнымъ Павломъ, сестра моя... и братъ мой Петръ, которому, я полагаю, не было еще четырехъ лѣтъ. Прошло лѣто, прошла зима. Въ эту зиму уже не было у насъ и въ поминѣ тѣхъ игръ, которыя затѣвали мы на старой квартирѣ. Здѣсь кстати упомяну я и объ этихъ играхъ. Мы, старшіе братья, уговаривались въ продолженіи цѣлой недѣли копить всякаго рода сласти, даже просили давать намъ чай въ прикуску и прятали въ карманы куски сахару. Мало того, мы собирали огарки отъ восковыхъ свѣчъ у образовъ и тоже прятали, и вотъ, когда наступало воскресенье и когда наши няньки уходили къ заутрени, я просыпался, и у насъ, въ одной изъ кроватей устраивался пиръ, угощенье и освѣщенье восковыми огарками. При этомъ я разсказывалъ братьямъ моимъ волшебныя сказки. Задняя стѣнка моей кровати очень была похожа на дверку; я увѣрялъ ихъ, что за этой дверкой живетъ волшебникъ, описывалъ имъ его черты, его дочерей и мои похожденія. Что такое я имъ разсказывалъ, хоть убейте, не могу себѣ даже представить, но должно быть все это было настолько занимательно, что всѣ не только меня слушали, но и вѣрили мнѣ. Подушка была нашимъ столомъ, всѣ мы сидѣли вокругъ, поджавши ноги, и не только лакомились, даже пили какое-то нами самими изобрѣтенное вино (помню, какъ одну склянку съ такимъ виномъ мы велѣли Николкѣ вынести на морозъ, какъ онъ забылъ намъ принести ее, какъ наше питье превратилось въ куски льда и какъ склянка при этомъ лопнула). Одного я не могу припомнить, куда и какъ прикрѣпляли мы зажженные огарки. Мы были такъ глупы, что и не подозрѣвали, какъ были опасны наши затѣи: мы не только могли испортить наши желудки, поѣдая на тощакъ конфекты, финики, сахаръ и всякую всячину, мы могли нашими огарками поджечь пологъ и произвести пожаръ. Къ счастью, мать разъ нечаянно рано утромъ зашла къ намъ въ дѣтскую, увидѣла наше пиршество и запретила навсегда такого рода нелѣпое воскресное времяпровожденіе.

Всѣ подобныя вышеизложенныя пиршества уже не приходили мнѣ въ голову съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились матери. Я помню цѣлые часы унынья, жажду уйти въ монастырь или въ лѣсъ—спасаться, и за тѣмъ нѣчто въ родѣ сомнѣнія... Какъ! иногда я думалъ: неужели во мнѣ и настолько нѣтъ вѣры,

что я не могъ моею горячей молитвой воскресить мать мою?!

Чтеніе давно уже было моимъ любимымъ занятіемъ. Въ это время я читалъ какой-то старинный сборникъ разсказовъ, повѣстей и стихотвореній, напечатанный въ два столбца и озаглавленный—не помню именно какъ озаглавленный. Напишу если справлюсь въ публичной библіотекѣ.

Наступила новая весна. Отецъ мой готовился въ дальній путь—за Кавказъ на службу. Тетка Вѣра и Анна Яковлевны Кафтыревы, въ отсутствіе отца, принимали насъ на свое попеченіе. Мы должны были переселиться въ ихъ, бывшій бабушкинъ, домъ, на той же Дворянской улицѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ отецъ отдалъ меня въ первый классъ 4-хъ классной рязанской гимназіи. Потомъ онъ уѣхалъ. Къ теткамъ мы еще не перебрались и жили на той же квартирѣ подъ надзоромъ Матрены или, лучше сказать, безъ всякаго надзора.

Тутъ у меня завелось новое знакомство, и это замѣтно стало развлекать меня. Между нашей квартирой и сосѣднимъ домомъ былъ пустой закоулокъ съ слѣдами двухъ грядъ, заросшихъ травой и притоптанныхъ людьми, которые тутъ развѣшивали бѣлье свое. У забора росли двѣ вербы; на закоулокъ этотъ изъ сосѣдняго дома выходило окошко. Въ этомъ окошкѣ стало появляться личико мальчика, блѣднаго, худенькаго, съ остренькимъ носикомъ и веселыми глазками. Я сталъ черезъ заднее крыльцо выбѣгать и съ нимъ разговаривать. Разъ я зарядилъ порохомъ дѣтское шведской работы охотничье ружьецо, пришелъ въ закоулокъ и спросилъ сосѣда, можно ли стрѣлять. Онъ засмѣялся и сказалъ: стрѣляйте... Я выстрѣлилъ въ заборъ. Въ окнѣ за мальчикомъ появилось новое лицо, смугло-красное какъ мѣдь, четыреугольное, съ отвислымъ подбородкомъ и выпуклыми глазами. Это былъ отецъ мальчика, старикъ Кублицкій, вдовецъ-помѣщикъ и порядочный пьянчуга. Узнавши, что это я выстрѣлилъ, онъ сталъ пугать меня полиціей, стыдить и мнѣ жестоко выговаривать. Я, конечно, вѣрилъ, что за мой выстрѣлъ меня, чего добраго, могутъ взять въ полицію и внутренно встревожился, но, слава Богу, на улицѣ не было ни души, а тѣмъ паче не обрѣталось ни одного буточника, ни одного квартальнаго. Отъ Матрены однако жъ мнѣ тоже досталось порядкомъ.

Разъ я зашелъ въ садъ и чрезъ плетень познакомился съ сосѣднимъ мальчикомъ Мишей. Онъ мнѣ очень понравился.

Я перелѣзъ къ нему въ другой садъ чрезъ низенькій досчатый заборикъ и тотчасъ же поступилъ въ его армію. У него была сабля, у меня ружье, у его слуги-мальчика палка и барабанъ —все, что нужно для маршировки, команды и воинственныхъ замысловъ.

Но и литературные вкусы и любовь къ чтенію тоже отчасти сближали насъ. Разъ я прочиталъ ему стихи свои, которые начинались такъ:

Природа мать нѣжна,
Моря, небеса,
Луга ароматны,
Поля и лѣса.

Дальше не помню. Эти стишки очень понравились Мишѣ, и онъ за это далъ прочесть мнѣ стихи своего двоюроднаго брата—тоже Кублицкаго. Это былъ какой-то наборъ словъ, но и въ этомъ наборѣ словъ я старался подмѣтить *нѣчто* и желалъ познакомиться съ авторомъ.

XX.

Чтобъ познакомиться съ авторомъ, надо было ѣхать въ деревню къ родному дядѣ Миши Кублицкаго, и эту поѣздку онъ обѣщалъ мнѣ устроить, т. е. выхлопотать у отца позволеніе взять лошадей и небольшія крытыя дрожки. Кажется мнѣ, что по поводу этой поѣздки и я заходилъ на дворъ къ Кублицкимъ и видѣлъ отца его, похаживавшаго по двору, и въ халатѣ на распашку распекавшаго крѣпостныхъ людей и покуривающаго коротенькую трубочку. Старикъ картавилъ, какъ бы сюсюкалъ, безпрестанно сплевывалъ въ сторону и, посмѣиваясь, выставлялъ наружу свои кривые, до черноты закоптѣлые зубы. Почему-то старикъ, несмотря на мой выстрѣлъ, благоволилъ ко мнѣ, и, какъ мнѣ помнится, только при мнѣ далъ Мишѣ согласіе на нашу поѣздку (деревня была отъ Рязани не подалеку).

Никогда не забуду я этой поѣздки. Дядю Миши застали мы въ залѣ за длиннымъ семейнымъ обѣденнымъ столомъ. Онъ былъ тоже въ халатѣ, лицо у него было обрюзглое и покрытое сѣдой щетиной. Онъ ѣлъ за троихъ. Въ комнатѣ сильно пахло щами и чиненнымъ кашей бараньимъ бокомъ. Мишинъ дядя посадилъ насъ за столъ и ворчалъ, и посмѣивался въ одно и то же время. Семья его (а въ томъ числѣ и юный черно-

глазый поэтъ, испитой отрокъ лѣтъ четырнадцати) сидѣли молча. Слышалось только чавканье да стукъ ножей и вилокъ. По угламъ залы стояли на колѣнкахъ босоногіе грязные мальчишки; лакеи, подающіе кушанья, были съ продранными локтями. Вся эта сцена, достойная Щедринской сатиры, показалась мнѣ омерзительной. Въ особенности сцена, когда хозяинъ за обѣдомъ подозвалъ одного изъ мальчишекъ и сталъ кормить его оплеухами. Я ждалъ конца нашей трапезы, какъ узникъ —свободы. Даже знакомиться съ поэтомъ прошла у меня всякая охота. Кажется мнѣ, что послѣ обѣда мы скоро уѣхали...

Миша посмѣивался надъ дядей.—Что дѣлать, братецъ мой, говорилъ онъ: свинья-то онъ свинья! изъ свиней свинья... ну, да что же дѣлать!.. Я далъ себѣ слово никогда не ѣздить въ деревню къ дядѣ Миши Кублицкаго.

Еслибы мнѣ суждено было быть сатирикомъ, я бы изъ моей поѣздки вынесъ не мало наблюденій, и подробности не ускользнули бы отъ моего вниманія. Но я былъ слишкомъ, такъ сказать, субъективенъ для того, чтобы останавливаться на темныхъ или грязныхъ сторонахъ дѣйствительности. Только то, что влекло меня, скорѣе всего запечатлѣвалось въ моей, къ сожалѣнію, односторонней памяти. Какіе-нибудь жонглеры —и тѣхъ я помню лучше, чѣмъ тысячи такихъ нравственныхъ уродовъ, какимъ показался мнѣ Мишинъ дядя и какихъ не мало встрѣчалъ я на жизненномъ пути своемъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

РАЗСКАЗЪ МОЕЙ МАТЕРИ

объ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ [1]).

(*Окончаніе*).

III.

Мать моя первый разъ представилась Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ черезъ *пятнадцать лѣтъ* послѣ выхода своего изъ Екатерининскаго института, и Государыня не забыла ее.

Все это время мать моя жила въ деревнѣ: сначала – въ семьѣ своего свекра, подъ Мещовскомъ, а потомъ, по смерти его,— въ небольшомъ имѣніи мужа (въ томъ самомъ Кудиновѣ, о которомъ я писалъ въ своемъ предисловіи). Въ полевое хозяйство она тогда мало входила; занимался имъ отецъ и, кажется, занимался плохо. У матери были уже дѣти на возрастѣ, и ее начиналъ заботить недостатокъ средствъ для ихъ воспитанія. Изрѣдка она уѣзжала на зиму въ Петербургъ, но больше для развлеченія; ни въ запискахъ ея не видно, ни мнѣ неизвѣстно— была ли у нея мысль рано или поздно хлопотать о помѣщеніи хотя бы старшаго ребенка въ какое-нибудь казенное заведеніе.

Неожиданный пріѣздъ Императрицы-Матери въ Калугу рѣшилъ, такъ сказать, судьбу почти всѣхъ ея дѣтей.

Вотъ какъ матушка начинаетъ разсказъ о первомъ своемъ представленіи Государынѣ:

„Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи коихъ я занималась большею частью воспитаніемъ дѣтей моихъ, передавая имъ тѣ познанія, которыми воспользовалась въ бытность мою въ институтѣ.

---

[1]) См. Р. В. кн. IV. 1891 г.

„По кончинѣ Его Величества Императора Александра Павловича, Императрица Елизавета Алексѣевна возвращалась изъ Таганрога, черезъ Калугу. По этому случаю ожидали въ тотъ же городъ и Императрицу Марію Ѳеодоровну. Слухъ объ этомъ распространился, но до меня дошелъ позднѣе, потому что я жила въ деревнѣ; какъ скоро же я объ этомъ узнала, желаніе мое видѣть Ея Величество такъ было велико, что я тотчасъ отправилась въ Калугу.

„Пріѣхавъ въ городъ, я узнала, что уже третій день какъ Государыня прибыла сюда. Я прямо поѣхала къ губернаторшѣ [1]), которую я не имѣла удовольствія знать, и была въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ,—какъ себя ей отрекомендовать? Къ счастью моему, я нашла у нея близкую ея родственницу, а мою давнишнюю знакомую. Эта добрая и почтенная особа [2]), узнавъ отъ меня, въ чемъ состоитъ дѣло, отрекомендовала меня губернаторшѣ и просила для меня ея покровительства. Губернаторша спросила у меня: „Que desirez vous, madame?“. Я отвѣчала: „Madame! je désire avoir le bonheur d'être présentée à Sa Majesté L'Impératrice“.

„— Je ne sais, madame, si cela se peut faire, car la présentation générale a eu lieu hier soir; quant à être présentée seule, il faut une faveur particulière pour cela.

„Я огорчилась, покраснѣла, и слезы навернулись на глазахъ. Добрая княгиня Ек. А. Оболенская, замѣтивъ это, объяснила губернаторшѣ, что такъ какъ я воспитанница Императрицы, то, можетъ быть, мнѣ и не откажутъ. Губернаторша обратилась ко мнѣ и сказала: „Tranquillisez vous, madame; aujourd'hui j'ai l'honneur de diner chez Sa Majesté; je verrai la dame d'honneur, je lui exprimerai votre desir“.

„Я изъявила ей свою благодарность, и она у меня спросила: „Dites, je vous prie, madame, sous quel nom dois je vous annoncer?“

„— Je suis mariée à M. Leontieff, mais Sa Majesté ne peut me connaitre que sous mon nom de demoiselle. Ayez la bonté de nommer une D-elle Karabanoff, élève de l'Institut de S-te Cathérine, de la 4-ème sortie“.

---

[1]) Княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская, урожденная графиня Нелединская-Мелецкая.

[2]) Княгиня Екатерина Алексѣевна Оболенская, урожденная графиня Мусина-Пушкина.

Примѣч. Ѳ. П. Леонтьевой.

„Оставивъ у губернаторши мой адресъ, я поблагодарила обѣихъ княгинь Оболенскихъ и отправилась въ домъ къ моимъ роднымъ, у которыхъ намѣрена была квартировать, пока пробуду въ Калугѣ“.

Изъ разсказовъ матери, помню очень хорошо, что отецъ мой и вообще *всѣ семейные* смотрѣли на намѣреніе ея добиться представленія Императрицѣ—какъ на несбыточную фантазію. Всѣ, кто посмѣлѣе, кто болѣе робко, но все же высказывали ей сомнѣнія, чтобы въ такое краткое пребываніе свое въ Калугѣ Царица могла бы ее принять. И эти сомнѣнія домашнихъ, конечно, удвоили смущеніе и волненіе молодой женщины, въ тайнѣ сердца своего пламенно желавшей доказать всѣмъ, что вѣра ея въ обожаемую Императрицу не тщетна, что она, Карабанова, питомица незабвеннаго для нея института,—не забыта державной попечительницей этого училища.

„Сколько разныхъ чувствъ, продолжаетъ она свой разсказъ, волновали мою душу въ ожиданіи отвѣта. Боязнь отказа, желаніе видѣть Императрицу, страхъ, что черезъ столько лѣтъ я не могла остаться въ ея памяти,—такъ былъ великъ, что, несмотря на вниманіе добрыхъ родныхъ,—я не въ состояніи была обѣдать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, мы увидали проскакавшаго мимо оконъ и въѣхавшаго къ намъ на дворъ жандарма; я обомлѣла и не могла встать съ мѣста. Одна изъ моихъ родственницъ побѣжала въ прихожую, чтобы узнать, зачѣмъ пріѣхалъ жандармъ; оттуда она возвратилась ко мнѣ съ раскрытой запиской и кричала мнѣ: „Réjouissez vous, rejouissez vous; Sa Majesté a la bonté de vous recevoir“. Я не вѣрила ей, вырвала записку; она была отъ губернаторши, и я прочитала слѣдующее:

„C'est avec bien du plaisir, madame, que je vous transmêt l'ordre de Sa Majesté. Ce soir à 8 heures Elle aura la bonté de vous recevoir. Je suis, etc. etc.“

„Я была внѣ себя отъ радости. Милые родные напомнили мнѣ о моемъ туалетѣ, принялись меня одѣвать, и къ 8 часамъ я была уже у крыльца того дома, который занимала Императрица. Швейцаръ провелъ меня къ княгинѣ Волхонской (штатсъ-дамѣ Ея Величества), которая послала тотчасъ доложить Императрицѣ обо мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ камеръ-лакей и, обратясь къ княгинѣ, сказалъ: „Пожалуйте“.

„Княгиня пошла впередъ; я за ней, едва передвигая ноги, такъ казалось мнѣ страшно. Страхъ этотъ продолжался не

*

долго; лишь только увидѣла я эти благостію дышущія черты, лишь только услышала я этотъ знакомо-привѣтливый голосъ,— я совсѣмъ ободрилась и, при словахъ Ея Величества: „Bonjour, mon enfant! Je suis charmée de vous voir“,—я хотѣла упасть къ ея ногамъ, но она меня не допустила и нѣсколько разъ обняла.

„Что это было за чудное существо! Я нашла мало перемѣны въ лицѣ Императрицы, а материнская заботливость ея объ насъ, ея воспитанницахъ, все та же. Разспрашивая меня въ подробностяхъ обо всемъ, что до меня касается, какъ я живу, чѣмъ занимаюсь, есть ли у меня садъ, строевой лѣсъ, далеко-ли имѣніе мое отъ Калуги, она между прочимъ спросила:

„— Avez vous des enfants?

„— Plusieurs, Votre Majesté.

„— Quel âge a votre fille ainée?

„ – Onze ans.

„— Mon enfant, il faut songer à la placer.

„— Ma fille ne dépend pas de moi.

„— Comment cela?

„ – Ma mère l'a pris chez elle dès sa naissance et ne veut pas s'en séparer.

„— Ah! c'est autre chose.

„— Mais puisque Votre Majesté a tant de bonté pour moi, j'ose la supplier pour mon fils; il a 13 ans, et il est inscrit au Corps des pages depuis plusieurs années, mais jusqu'à présent je n'ai pas pû le placer.

„— Eh bien! mon enfant, j'en parlerai à mon fils et nous arrangerons la chose.

„Со слезами на глазахъ я упала передъ ней на колѣни; она тотчасъ меня подняла и обняла.

„— Si vous avez ici les papiers qui concernent votre fils, apportez les moi demain matin à 10 heures. Si vous ne les avez pas ici, ainsi vous les apporterez à Moscou. N'est ce pas, mon enfant, que vous viendrez pour le couronnement?

„— Absolument, Votre Majesté, si Vous me le permettez.

— Oui, oui; venez, nous arrangerons mieux les affaires.

„Тутъ Ея Величество подошла ближе ко мнѣ и начала поправлять на мнѣ чепчикъ и шемизетку, и сказала, обратясь къ княгинѣ:

„— Comme c'est agréable de voir, qu'ayant quitté l'institut

depuis plusieurs années, et habitant toujours la campagne, elle se tient si bien; elle soigne sa toilette; elle n'a presque pas changée.

„Я нѣсколько разъ цѣловала благодѣтельную руку, ласкавшую меня во время этихъ словъ.

„— Votre Majesté, сказала я, c'est l'éducation que j'ai reçu à l'Institut, qui est la cause principale de tout cela. J'aime tant l'Institut, que j'ai taché de regler toutes mes occupations d'après les habitudes que j'y ai contractés.

„— Bien, très bien! mon enfant! и она расцѣловала меня.

„Какая чудная память была у Ея Величества. Она назвала мнѣ фамиліи многихъ дѣвицъ, бывшихъ одного со мною выпуска. Наконецъ, отпуская меня, сказала:

„— Adieu! mon enfant! Je vous remercie beaucoup d'être venue me voir!

„Я обняла ея колѣни; она меня поцѣловала и прибавила:

„— Ainsi donc à demain!

„— Votre Majesté! Vos ordres seront remplis!

„Съ этими словами я вышла.

„Не стану описывать, какъ я была тронута этимъ милостивымъ пріемомъ; я плакала отъ умиленія. Успокоившись нѣсколько,— я прямо поѣхала къ губернаторшѣ, и, нашедъ у нея княгиню Оболенскую, ея родственницу, изъявила имъ обѣимъ мою благодарность за ходатайство. Онѣ приняли участіе въ моей радости.

„Съ вечера я приготовила всѣ бумаги и легла отдохнуть въ ожиданіи назначеннаго часа.

„На другой день, ровно въ 10 час. утра, взявъ бумаги, поѣхала къ Императрицѣ. Подъѣзжая ко дворцу мнѣ странною показалась необыкновенная тишина около него, тогда какъ наканунѣ по этой улицѣ безпрестанно ѣздили экипажи и народъ толпился передъ воротами; у меня невольно какъ-то сердце сжалось. Въѣзжаю на дворъ, къ крыльцу; выходитъ служивый и спрашиваетъ, что мнѣ нужно, я говорю, что, по приказанію Императрицы, я пріѣхала съ бумагами.

„*Служивый*. Да Императрицы нѣтъ!

„*Я*. Какъ нѣтъ? Да гдѣ жъ она?

„*Служивый*. Сегодня, въ 6 часовъ утра, уѣхала въ Бѣлевъ.

„*Я*. Зачѣмъ?

„*Служивый*. Получила извѣстіе, что Императрица Елизавета

Алексѣевна занемогла очень въ Бѣлевѣ и далѣе ѣхать не можетъ.

„Это извѣстіе меня поразило и огорчило; я долго оставалась въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать; но, увидавъ бумаги, лежавшія возлѣ меня, я рѣшилась ѣхать къ губернаторшѣ и просить ея совѣта. Когда я ей объяснила все касательно приказа Ея Величества о моихъ бумагахъ и о моемъ недоумѣніи, какъ поступить въ семъ случаѣ, губернаторша совѣтовала мнѣ возвратиться въ деревню, а бумаги взяла у меня, чтобы передать ихъ своеручно г. Вилламову. Поблагодаривъ губернаторшу за ея доброе расположеніе, а родныхъ моихъ за гостепріимство, я уѣхала въ деревню; тѣмъ болѣе я спѣшила ѣхать, что у меня оставался въ деревнѣ больной ребенокъ, котораго по пріѣздѣ я нашла почти выздоровѣвшимъ.

„Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи моемъ въ деревню, я получила отъ княгини Екатерины Алексѣевны Оболенской (которая жила въ моемъ сосѣдствѣ) приглашеніе пріѣхать къ ней для переговоровъ о моемъ дѣлѣ. Я немедленно поѣхала къ ней, и вотъ что̀ она мнѣ сообщила: что князь Хованскій [1]), проѣзжая изъ Калуги въ Смоленскъ, заѣзжалъ къ ней и поручилъ ей передать мнѣ слѣдующее:

„По возвращеніи Ея Величества изъ Бѣлева, многія особы, желая изъявить горестныя свои чувствованія по случаю кончины Императрицы Елизаветы Алексѣевны, представлялись Ея Величеству. Императрица, обошедъ всѣхъ и замѣтивъ, что г-жи Леонтьевой не было, обратилась ко мнѣ и сказала:

„— Je ne vois pas m-me Leontieff; je lui'ai dis de m'apporter ses papiers; elle aura été bien desappointée en ne me trouvant pas à l'heure indiquée".

„Губернаторша, услышавъ эти слова, объяснила, что г-жа Леонтьева привозила свои бумаги въ назначенный часъ, но, не заставъ Ея Величества, поручила ихъ ей, а она передала оныя г-ну Вилламову. На это Императрица отвѣчала:

„— C'est bien, madame.– Elle m'a promis de venir pour le couronnement; je la verrai et nous arrangerons son affaire".

„Потомъ, похваливъ г-жу Леонтьеву, какъ она вела себя въ институтѣ и какъ теперь занимается въ деревнѣ, Ея Величество, обратясь ко мнѣ, прибавила:

---

[1]) Князь Николай Николаевичъ Хованскій, генералъ-губернаторъ Калужской и другихъ губерній. *Прим. Ѳ. П. Леонтьева.*

„— Prince! je recommande m-me Leontieff à votre protection toutes les fois qu'elle la reclamera.

„— Ce sera mon devoir, Votre Majesté, отвѣчалъ онъ “.

„Можетъ ли мать заботиться о своихъ дѣтяхъ больше, нежели Ея Величество заботилась о своей воспитанницѣ. Я не могла слышать всего этого безъ слезъ.

„Добрая и почтенная княгиня Оболенская, догадываясь, что, по моему маленькому состоянію, у меня долженъ быть недостатокъ въ деньгахъ для поѣздки на коронацію, предложила мнѣ нѣкоторую сумму. И такъ, всѣ препятствія были отдалены, я отправилась въ Москву съ старшимъ сыномъ, и пріѣхала туда за нѣсколько дней до параднаго въѣзда царской фамиліи. По пріѣздѣ моемъ, я немедленно отправилась къ Императрицѣ, которая занимала въ то время, неподалеку отъ Москвы, дачу г-на Апраксина. Я прямо явилась къ штатсъ-дамѣ княгинѣ Волхонской; она тотчасъ пошла доложить обо мнѣ Государынѣ. Ея Величество приказала мнѣ сказать, что, когда она можетъ меня принять, она прикажетъ меня увѣдомить.

„Въ ожиданіи приказанія, я употребила свое время на отысканіе г-жи Хитрово, благодѣтельницы моей, помѣстившей меня въ институтъ, также и другихъ моихъ знакомыхъ и родныхъ. Всѣ они приняли участіе во мнѣ, и каждый изъ нихъ помогалъ мнѣ по своему достоянію и разумѣнію, кто деньгами, кто протекціей, кто совѣтами.

„Съ радостью и умиленіемъ смотрѣла я на парадный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ!“

Прерываю здѣсь записки матери, чтобы съ ея же словъ (почему-то ею не записанныхъ) прибавить про коронацію Императора Николая Павловича нѣсколько подробностей, не лишенныхъ, мнѣ кажется, историческаго интереса. Изъ окна на Тверской она прекрасно видѣла торжественный въѣздъ царской фамиліи изъ Петровскаго дворца, а потомъ самое коронаціонное шествіе по Кремлю съ такой же эстрады, какія и въ нынѣшній разъ были построены для избранныхъ лицъ общества. „Намъ всѣмъ, которые глядѣли изъ оконъ какъ только могли внимательнѣе, Государь показался невеселымъ и задумчивымъ, когда онъ проѣзжалъ верхомъ по улицѣ... (говорила матушка). Многіе въ Москвѣ это замѣтили: не мы одни... Императрица Александра Θеодоровна тоже была какъ будто невесела... Только *моя* Марія Θеодоровна не хотѣла унывать...

Она улыбалась въ каретѣ; сидѣла прямо, глядѣла то въ ту, то въ другую сторону и махала народу платкомъ"...

По увѣренію матушки, энтузіазма при въѣздѣ не было; тѣхъ дружныхъ, потрясающихъ, восторженныхъ криковъ народнаго привѣта, какіе мы привыкли слышать во время двухъ послѣднихъ коронаціонныхъ торжествъ, тогда не было слышно. „Едва едва... кой-гдѣ прокричатъ ура,—и все утихнетъ"...

Я могу ручаться, конечно, только за вѣрность словъ матери, но не за вѣрность ея впечатлѣнія.

Передо мной очень хорошая книга, изданная недавно г-номъ Н. Л. подъ заглавіемъ—„Въ ожиданіи коронаціи". Я нарочно справлялся въ ней о коронаціи Императора Николая I. Въ описаніи Свиньина говорится: „о радостныхъ кликахъ народа, собравшагося вокругъ Петровскаго дворца", когда Государь прибылъ изъ Петербурга; что касается до „въѣзда" собственно,— то у Свиньина что-то тоже умолчено объ энтузіазмѣ толпы и, признаюсь, что въ этомъ случаѣ замѣчанія иностранца Мармона, герцога Рагузскаго, внушаютъ мнѣ больше довѣрія со стороны исторической истины; тѣмъ болѣе, что маршалъ Мармонъ былъ иностранецъ, Россіи вовсе не враждебный. Онъ тоже ни слова не говоритъ объ энтузіазмѣ, описывая день въѣзда. По крайней мѣрѣ, въ книгѣ г. Н. Л. я этого не нашелъ.

„Въѣздъ, говоритъ г. Н. Л., не произвелъ на него (на маршала Мармона) *особеннаго впечатлѣнія*"...

Но у того же г. Н. Л. дальше (на стр. 72) находимъ слѣдующія слова:

„Описавъ, какое *огромное впечатлѣніе* произвелъ въ Москвѣ *неожиданный пріѣздъ изъ Варшавы великаго князя Константина Павловича и его участіе въ торжествѣ коронаціи, герцогъ Рагузскій*"... и т. д.

Вотъ эти-то слова, по моему мнѣнію, и подтверждаютъ вполнѣ разсказъ моей матери и не только подтверждаютъ, но и объясняютъ его точно также, какъ объясняла она его сама.

Она объясняла нѣкоторую холодность первой встрѣчи *сомнѣніями по поводу всѣмъ извѣстнаго вопроса о престолонаслѣдіи*. Большинство не только простаго народа, но и такъ называемаго общества, не могло знать объ отреченіи великаго князя Константина Павловича отъ престола и о существованіи завѣщанія Государя Александра I-го въ пользу втораго брата Николая Павловича. Мать увѣряла, что многіе думали, будто великій князь Константинъ Павловичъ отстраненъ несправед-

ливо, и чувство законности было не удовлетворено въ сердцахъ русскихъ людей. Они не были прямо недовольны; они были въ раздумьи и въ нѣкоторомъ охлаждающемъ сомнѣніи.

По словамъ матушки, настроеніе почти мгновенно измѣнилось, какъ только великій князь прискакалъ изъ Варшавы ко дню коронаціи. Она разсказывала даже, будто бы августѣйшіе братья встрѣтились у самыхъ дверей того самаго стариннаго дворца, который находится близъ Чудова монастыря. Двери этого дворца были открыты на угловой балконъ, и народъ, который цѣлый день толпился на площади, видѣлъ, какъ сперва великій князь преклонилъ колѣни передъ младшимъ братомъ, и какъ Государь поспѣшилъ, будто бы, отвѣтить ему тѣмъ же. Они обнялись послѣ этого при изступленномъ и внезапно радостномъ возгласѣ всей толпы.

Не знаю, насколько вѣрны эти подробности; матушка не была сама на площади и своими глазами этого не видала; но если самый фактъ этого взаимнаго колѣнопреклоненія и братскихъ объятій передъ толпой народа и не вѣренъ, то, все-таки, важна, такъ сказать, „легенда“ такого рода, ходившая по Москвѣ и не въ одномъ простомъ народѣ, а и въ той средѣ второстепеннаго дворянства, къ которой принадлежала моя мать. Подобная легенда объясняетъ очень многое, и скорѣе къ чести тогдашняго общества и народа, чѣмъ къ безчестію. Не строгость же молодаго царя къ крамольникамъ 14 декабря могла заставить задуматься такое множество русскихъ людей разнообразныхъ общественныхъ положеній... Недовольными этой строгостью могли быть только нѣкоторые близкіе друзья и родные казненныхъ или сосланныхъ; но и то неизвѣстно: въ дворянскомъ обществѣ того времени было такое сильное чувство *политической законности*, такая давняя привычка любить и чтить власть, данную Богомъ, и такая *потребность довѣрія* къ этой власти, что поверхностный и полуромантическій либерализмъ блестящей петербургской молодежи не могъ глубоко проникнуть въ здоровыя сердца и чрезвычайно спокойные умы большинства тогдашнихъ дворянъ, какъ знатныхъ, и власть имѣвшихъ, такъ и провинціальныхъ или земскихъ основательныхъ и хозяйственныхъ не по-нынѣшнему! Что касается до простаго народа, то здѣсь и сомнѣній быть не можетъ, что ему до той заслуженной кары, которая постигла декабристовъ,—не было никакого дѣла;—тогда не было ни дешевыхъ газетъ, ни телеграфовъ, ни нынѣшней свободной болтовни; народъ былъ

тогда удаленнѣе отъ политики, чѣмъ теперь, и едва-ли изъ тысячи человѣкъ одинъ, въ толпѣ простыхъ москвичей, зналъ обо всей этой исторіи военнаго бунта передъ Зимнимъ Дворцомъ.

И, сверхъ того, кому не извѣстно, что русскій простолюдинъ цѣнитъ и уважаетъ русскаго барина только какъ *царскаго слугу*, а совсѣмъ не какъ „ландлорда" и собственника. Иные наши дворяне и теперь стараются себя увѣрить въ противномъ; но жизнь безпрестанно опровергаетъ ихъ. Это до того вѣрно, что во времена крѣпостнаго права, когда случался гдѣ-нибудь крестьянскій бунтъ, то помѣщики имѣли обычай надѣвать или свой отставной, или даже просто *дворянскій мундиръ* и ордена, какіе были, и въ этомъ видѣ шли смѣлѣе усмирять разъяренную толпу. *И почти всегда успѣвали*... Одинъ видъ *царскаго мундира* отрезвлялъ крестьянъ...

Я считаю поэтому, что большинство москвичей 20-хъ годовъ, во время коронаціи Государя Николая Павловича, было на короткое время въ нѣкоторомъ нравственномъ колебаніи— никакъ не по поводу умѣренныхъ и справедливыхъ строгостей, а по поводу престолонаслѣдія.

Какъ только пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, и какъ только увидали москвичи и всѣ собравшіеся въ Москву люди, что царственные братья въ полномъ согласіи и что Константинъ Павловичъ принимаетъ участіе въ церемоніяхъ коронаціи и шествуетъ рядомъ съ Государемъ по Кремлю, такъ всѣ сомнѣнія и колебанія исчезли, и восторгу уже не было конца.

„Черезъ нѣсколько времени (такъ продолжается разсказъ матери) дворцовый ѣздовой привезъ мнѣ записку отъ фрейлины Екатерины Михайловны Кочетовой; она увѣдомляла меня, что Императрица приказываетъ мнѣ явиться къ ней завтрашній день въ 10 часовъ утра. Радость моя была велика, но и волненіе мое равнялось моей радости. Я почти всю ночь не спала и очень рано встала. Это утро, одѣвшись въ бѣлое кисейное платье и простой чепчикъ, я къ 10 часамъ была у дворца и прямо прошла къ Волхонской, которая, принявъ меня очень ласково, послала доложить Императрицѣ обо мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ скороходъ и попросилъ меня идти за нимъ. Онъ провелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ на террасу, окружавшую дворецъ, и сказалъ мнѣ:

„— Извольте пройти по террасѣ за уголъ дворца; тамъ вы увидите Ея Величество.

„И точно, въ скоромъ времени я увидѣла Императрицу! Ея Величество сидѣла передъ столомъ, покрытымъ бумагами: у другаго конца стола сидѣлъ г. Вилламовъ. Когда Императрица замѣтила, тотчасъ сказала:

„— Ah! vous voilà, mon enfant. Venez, venez.

„Я пошла скорыми шагами и стала на колѣни; Ея Величество обняла меня вокругъ шеи рукой, и во все время разговора я оставалась въ этомъ пріятномъ для меня положеніи; наконецъ, Императрица заключила сими словами:

„— Mon fils va venir dans une demie-heur; je vous présenterai à lui, mon enfant, et alors notre affaire sera tout à fait arangée.

„Я такъ была тронута, что слезы у меня показались на главахъ, и я, чтобы скрыть ихъ, нагнула голову къ Императрицѣ на колѣни и поцѣловала ихъ; она тихонько приподняла мнѣ голову и, замѣтивши слезы, обратилась къ г. Вилламому съ сими словами:

„— Voyez comme elle est contente; c'est une preuve qu'elle Nous aime; elle pleure, cela me fait bien du plaisir de voir cet attachement pour la Famille Imperiale.

„Потомъ, расцѣловавъ меня, прибавила:

„— Allez, mon enfant, attendre dans l'appartement de la P-sse Volhonsky jusq'à ce que je vous fasse chercher.

„Возвратясь въ комнаты княгини Волхонской, я не застала ея дома. Оставшись одна, я ходила по комнатѣ и думала: вѣрно, Императрица имѣетъ намѣреніе представить меня великому князю Михаилу Павловичу; говорятъ, онъ начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Черезъ нѣсколько минутъ, я услышала барабанный бой; горничная вбѣжала ко мнѣ въ комнату и сказала:

„— Вотъ Государь ѣдетъ!

„Я бросилась смотрѣть въ окно и думаю: дай-ка посмотрю хорошенько на царя; кто знаетъ, приведетъ ли Богъ еще когда-нибудь его видѣть! Государь подъѣхалъ, вышелъ изъ коляски и вошелъ въ сѣни; а я опять сѣла у окна.

„Черезъ нѣсколько минутъ горничная опять поспѣшно вошла ко мнѣ и говоритъ:

„— Камеръ-лакей Императрицы васъ спрашиваетъ.

„Я тотчасъ вышла и спросила у него:

„— Что вамъ надобно?

„— Васъ ли Императрица желаетъ представить Его Величеству?

„Я замялась и отвѣчала:

„— Не знаю!

„Онъ спросилъ мою фамилію и, услыхавъ ее, сказалъ:

„— Пожалуйте за мной.

„Ноги у меня подкосились, и я, едва переступая, шла вслѣдъ за камеръ-лакеемъ; страхъ быть представленной Его Величеству такъ былъ великъ, что меня чуть-чуть не била лихорадка. Прошедъ нѣсколько комнатъ, камеръ-лакей остановился въ одной изъ нихъ и, указавъ дверь направо, сказалъ:

„— Войдите туда!

„Я бросила свою шаль на первомъ стулѣ и, тихонько вошедши въ комнату, остановилась у притолки и, не смѣя почти поднять глазъ, замѣтила, что Императрица опять сидѣла у стола, покрытаго бумагами; передъ ней стоялъ прекрасный молодой мужчина и читалъ внимательно какое-то письмо. Императрица, увидѣвъ меня, обратилась къ молодому мужчинѣ и сказала:

„— Voici m-me Leontieff.

„Я подняла глаза и увидѣла, что этотъ мужчина взглянулъ на меня; какой взглядъ! Это Императоръ!

„Я вздрогнула и опять низко поклонилась. Государь, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „Очень радъ, что могу быть вамъ полезенъ“. Я еще ниже поклонилась; но этотъ голосъ и эти слова меня оживили; я сдѣлалась смѣлѣе и все смотрѣла на Государя. Между тѣмъ Императрица встала и начала выхвалять меня Государю; говорила о моемъ прилежаніи и поведеніи въ институтѣ, о моемъ образѣ жизни въ деревнѣ, о занятіяхъ моихъ съ дѣтьми и хозяйствомъ. Я покраснѣла и стояла, потупивъ глаза. Наконецъ и самъ Императоръ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ:

„— Много ли у васъ дѣтей?

„— Шестеро, Ваше Величество.

„— Который годъ старшему?

„— Тринадцать лѣтъ, Ваше Величество.

„— Вы такъ молоды, а имѣете уже тринадцатилѣтняго сына!

„— Я вышла замужъ очень молода, Ваше Величество, тотчасъ послѣ выпуска изъ института.

„— Кто записалъ вашего сына въ пажи?

„— Онъ записанъ по просьбѣ двоюроднаго брата моего, генерала Леонтьева [1]).

„ — А!.. А давно ли вашъ сынъ записанъ?

„— Вотъ уже восемь лѣтъ будетъ скоро!

„— Почему же онъ до сихъ поръ не въ корпусѣ?

„— Братъ обѣщалъ ходатайствовать о помѣщеніи его, когда лѣта выйдутъ; но братъ умеръ...

„— Знаю! А какъ была ваша фамилія въ дѣвицахъ?

„— Карабанова, Ваше Величество.

„— Не родственникъ ли вамъ Карабановъ, который былъ у меня въ инженерахъ?

„— Это мой двоюродный братъ, а родной мой братъ служилъ въ конной гвардіи.

„— Знаю, знаю; онъ потомъ перешелъ въ конные егеря?

„— Такъ точно, Ваше Величество.

„Минутное молчаніе.

„Надобно замѣтить, что въ продолженіи всего разговора Императоръ иначе не говорилъ со мной, какъ по-русски. Подумала я: видно не очень хорошо знаетъ по-французски; да, нѣтъ, знаетъ и хорошо. Онъ съ Императрицей-то все говорилъ по-французски; такъ видно не любитъ иностраннаго языка. Какъ мнѣ это понравилось; вотъ, подумала я, настоящій русскій царь!

„Послѣднія слова Государя были: „Я желаю видѣть вашего сына: обмундируйте его и представьте ко мнѣ“.

„Я низко поклонилась; Государь тоже мнѣ поклонился; я поняла, что мнѣ надобно уйти, и подошла къ Императрицѣ, которая сказала мнѣ:

„— Lorsque votre fils pourra être présenté à l'Empereur, faites moi prévenir par la P-sse Volhonsky.

„Я хотѣла встать на колѣни; Императрица не допустила, и, расцѣловавъ меня, сказала:

„— Au revoir, mon enfant!

„Государь опять стоялъ у стола съ бумагами; я расцѣловала у Императрицы руки, вышла въ дверь и тотчасъ сошла внизъ, отыскала своего человѣка и уѣхала къ себѣ совершенно счастливая“.

Матушка, отъ избытка ли старинной почтительности, или по

---

[1]) Генералъ-маіоръ Иванъ Сергѣевичъ Леонтьевъ, бывшій командиръ гусарской дивизіи. *Прим. Ѳ. П. Леонтьевой.*

ошибкѣ многихъ людей способныхъ, но литературно не совсѣмъ опытныхъ, еще разъ и въ этомъ мѣстѣ не рѣшалась досказать на бумагѣ одно очень наглядное свое замѣчаніе... „Государь (разсказывала она мнѣ) не былъ тогда такимъ полнымъ, какимъ онъ сталъ позднѣе; онъ былъ очень худъ, очень высокъ и постоянно немного гнулся“. Всѣмъ знакомые портреты Государя Николая I сдѣланы въ года его полной возмужалости и зрѣлости. Многіе изъ насъ, еще живущихъ, сами встрѣчали и видали его вблизи. Всматриваясь въ эти черты истинно рыцарскія, властныя до грозности, и въ то же время чѣмъ-то духовнымъ и высокимъ озаренныя, понимаешь легко, съ одной стороны—искреннюю любовь Пушкина къ этому царю и его стихи: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ...“, а съ другой тотъ благотворный страхъ, который онъ умѣлъ внушать безъ труда и, нерѣдко, нечаянно.

Гораздо рѣже встрѣчаются копіи съ большаго портрета его, писаннаго, вѣроятно, около того времени, о которомъ разсказывала моя мать, т. е. когда Государь былъ еще моложавъ и худъ, усы брилъ по модѣ 20-хъ годовъ, и когда волосы на головѣ его были густы. Онъ написанъ почти въ профиль: молодое лицо правильно и довольно строго; но видна еще почти только *натура*, а не тотъ ужь вполнѣ выработанный жизнью колоссальный образъ властителя, которымъ я только-что восхищался. Мнѣ случилось видѣть и еще одинъ любопытный, гравированный портретъ Николая Павловича. Онъ вмѣстѣ съ портретами другихъ августѣйшихъ братьевъ и сестёръ покойнаго Государя (тоже гравированными) находится въ канцеляріи русскаго посольства въ Царьградѣ. На этой гравюрѣ вел. кн. Николаю Павловичу не болѣе 15—18 лѣтъ, а можетъ быть и менѣе; чтобы опредѣлить возрастъ вѣрнѣе, нужно бы сообразить его съ цифрами годовъ рожденія, или брака, а на это я не имѣю теперь средствъ, по чертамъ же этого поясного портрета я не берусь даже рѣшить и то: юноша ли изображенъ на немъ, или отрокъ; юноши очень красивые собой всегда почти бываютъ долго моложавы. Я не разъ внимательно смотрѣлъ на эту гравюру: что-за прелестное личико! Правильное, строгое линіями, нѣжное какъ у молодой красавицы-дѣвушки, но по выраженію глазъ и губъ серьезное, немного даже угрюмое, и въ то же время наивное; такое лицо, какое бываетъ у юношей гордыхъ и сдержанныхъ, вдумчивыхъ и твердыхъ, но немного еще застѣнчивыхъ. Прелестное лицо!

Императрица Марія Θеодоровна и Государь Александръ Павловичъ сумѣли во-время прочесть на томъ юношески-прелестномъ личикѣ, которымъ я любовался въ Константинопольскомъ посольствѣ,—начертанія будущей силы... Ихъ выборъ далъ Россіи великаго Государя, еще вовсе исторіей нашей неоцѣненнаго и непонятаго какъ должно. Императоръ Николай I—это нашъ Людовикъ XIV; и доказать это было бы вовсе не трудно, еслибы и безъ того мои примѣчанія не казались бы мнѣ слишкомъ длинными...

Далѣе мать пишетъ:

„Дорогой я размышляла обо всемъ, что со мною было; о доброй Императрицѣ, о прекрасномъ Императорѣ; о томъ, какъ я сначала его боялась, и какъ онъ меня ободрилъ своимъ милостивымъ обращеніемъ; припоминала всѣ его слова и остановилась на томъ, что Государь приказалъ обмундировать сына и представить ему. Какъ же съ этимъ быть, подумала я; сына-то здѣсь нѣтъ,—да и обмундировать-то не на что! Ну!—впрочемъ, не хочу теперь объ этомъ думать; лучше разскажу мужу о моей радости, а тамъ что̀ Богъ дастъ!

„Когда я пріѣхала домой, мужъ мой выбѣжалъ ко мнѣ на крыльцо съ вопросомъ:—„Ну что?" Я бросилась къ нему на шею со слезами и сказала: „Слава Богу, Петръ принятъ; самъ Государь лично объ этомъ мнѣ объявилъ и приказалъ его представить!"—„Какъ же это?"

„Я хотѣла было сначала разсказать о моемъ пріѣздѣ къ Императрицѣ, но мужъ мой остановилъ меня этими словами: „что касается до милостиваго пріема Ея Величества—я все знаю!"—„Это отъ кого? при этомъ никого не было, кромѣ г-на Вилламова?"—„Неправда; тысячи человѣкъ это видѣли; вотъ какъ я узналъ. Карета твоя стояла противъ террасы, на которой сидѣла Императрица; народъ тутъ толпился и смотрѣлъ на нее; и наши люди, чтобъ лучше видѣть, влѣзли на кузовъ; въ самое то время ты подходила къ Ея Величеству; и какъ наши люди, такъ и прочіе, видѣли милостивое и ласковое обращеніе ея съ тобой; и такъ теперь разсказывай далѣе!" У мужа въ это время были гости, наши родные;—надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ они слушали мой разсказъ о милостивомъ царскомъ обращеніи, и какъ восхищались, я только плакала и едва могла говорить отъ слезъ.

„Когда мы остались съ мужемъ одни, начали разсуждать о томъ, какъ бы привезти сына въ Москву; это первое дѣло; а

объ обмундировкѣ послѣ; и такъ мы положили на томъ, чтобы просить моего роднаго брата привезти его съ собой. Братъ мой въ это время находился въ отпуску по домашнимъ дѣламъ; имѣніе его было недалеко отъ моего, и онъ самъ намѣревался пріѣхать къ коронаціи. Я тотчасъ написала къ брату обо всѣхъ обстоятельствахъ, просила его заѣхать за сыномъ и привезти его съ собой. Въ скоромъ времени я получила отвѣтъ отъ брата;—онъ пишетъ, что постарается исполнить по моему желанію и даже очень скоро, потому что время коронаціи приближалось. Успокоившись на этотъ счетъ, я воспользовалась свободнымъ временемъ, чтобы повидаться съ доброй моей покровительницей г-жею Хитрово; знавши, какое теплое участіе она принимала всегда въ моихъ дѣлахъ, желала я ей сообщить о царской милости. Она очень радовалась за меня и спросила, что я намѣрена дѣлать съ обмундировкой сына и что оная можетъ стоить; я на это отвѣчала, что я еще объ этомъ дѣлѣ ничего не предпринимала до пріѣзда сына и ничего не знаю о цѣнѣ. На другой день, поутру, благодѣтельная г-жа Хитрово, которая знала мои небольшія средства, прислала мнѣ 200 рублей ассигнаціями для обмундированія сына.

„Вознагради ее Господь хотя въ той жизни за ея доброту!

Наконецъ пріѣхалъ братъ, привезъ сына; мы занялись его обмундировкой, и чего недоставало къ подарку г-жи Хитрово, то добавилъ братъ. Сынъ былъ совершенно готовъ; и я, по приказанію Императрицы, поѣхала къ княгинѣ Волхонской просить, чтобы она доложила объ этомъ Императрицѣ; но она не приняла меня по причинѣ болѣзни. Очень разстроенная этимъ непріятнымъ случаемъ, я не знала, къ кому прибѣгнуть.

„Возвратясь домой и поплакавъ о моей неудачѣ, мнѣ вздумалось свозить сына моего къ г-жѣ Хитрово. Я сочла обязанностью, чтобы онъ самъ, лично, благодарилъ ее за обмундировку. Между разговорами дошла рѣчь до княгини Волхонской, и я разсказала о своемъ горѣ. Добрый мой геній и тутъ мнѣ помогла; она тотчасъ снабдила меня письмомъ къ фрейлинѣ Кочетовой. Предувѣдомила меня, гдѣ находится Императрица, и научила, какъ поступить. Я не замедлила на другой же день отправиться въ домъ графа Разумовскаго, который тогда занимала Императрица. Явилась къ крыльцу фрейлины Кочетовой, послала къ ней письмо г-жи Хитрово и велѣла ей доложить, что я сама здѣсь и дожидаюсь ея отвѣта. Г-жа Кочетова тотчасъ меня приняла и на первый ея вопросъ—чего я желаю,—

я объяснила ей, что Императрица приказала мнѣ доложить ей чрезъ княгиню Волхонскую, когда сынъ мой будетъ готовъ для представленія Его Величеству; что я была у княгини Волхонской, но она отказала меня принять по болѣзни. Г-жа Кочетова подтвердила, что княгиня точно больна; но если я хочу, то она сама сейчасъ пойдетъ доложить Ея Величеству обо мнѣ. Я чрезвычайно этому обрадовалась и просила ее исполнить ея доброе предложеніе. Г-жа Кочетова пошла къ Императрицѣ, попросивъ меня дожидаться ея возвращенія.

Оставшись одна, я ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и была въ раздумьѣ на счетъ ожидаемаго отвѣта отъ Императрицы. Вспомнила обо всемъ, что было, и подумала—сколько въ продолженіе всего этого времени перешло въ моей бѣдной головѣ различныхъ думъ и предположеній; сколько трепетало мое сердце отъ разныхъ ожиданій, отказовъ, пріемовъ, дурныхъ и хорошихъ.

„Г-жа Кочетова скоро возвратилась и сказала мнѣ:—L'Impératrice me charge de vous dire, madame, que lorsque Sa Majesté l'Empereur pourra recevoir monsieur votre fils, Elle vous fera prevenir.

„Поблагодаривъ г-жу Кочетову, я попросила позволенія написать ей мой адресъ. Она тотчасъ подала мнѣ листъ бумаги, на которомъ я написала, что прошу г-жу Кочетову взять на себя трудъ увѣдомить меня, когда Его Величество назначитъ день для представленія ему моего сына, и, подписавъ свою фамилію, прибавила свой адресъ. Поблагодаривъ еще разъ г-жу Кочетову и простясь съ нею, я поѣхала домой почти совершенно успокоенная.

„Прошло болѣе недѣли послѣ этого свиданія, а отзыва отъ г-жи Кочетовой не было. Я начинала безпокоиться, какъ однажды, во время обѣда, получила отъ нея записку: она въ короткихъ словахъ увѣдомляла меня, чтобы завтрашній день я съ сыномъ пріѣхала къ ней въ 10 часовъ утра. Я очень обрадовалась, и на другой день въ назначенный часъ отправилась къ ней“.

Не знаю почему, въ этой рукописи мать моя выпустила разсказъ о снѣ, который она видѣла наканунѣ того дня, въ который ей пришлось представляться Императору Николаю Павловичу вмѣстѣ съ братомъ моимъ Петромъ. Сонъ этотъ записанъ у меня въ особой тетради вмѣстѣ съ другими ея снами. Вотъ онъ:

„Въ 1826 году, въ коронацію Императора Николая I, я была въ Москвѣ. Всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ извѣстно, какъ я и старшій мой сынъ Петръ, 13-лѣтній мальчикъ, были милостиво приняты Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Однажды я вижу во снѣ, что мнѣ кто-то говоритъ:—не желаю ли я видѣть знаменитаго льва, который привезенъ въ Москву и бережется въ извѣстномъ домѣ, на который мнѣ указали. Я, взявши сына за руку, пошла въ означенный домъ. Въ первой комнатѣ, въ которую мы вошли, стоялъ сторожъ, одѣтый повоенному. Я спросила, гдѣ левъ? Онъ указалъ мнѣ на дверь; я вошла въ нее. Это была большая зала, очень свѣтлая; вокругъ стояли стулья и столы въ простѣнкахъ. Къ одной сторонѣ, въ углу, было какое-то возвышеніе, въ родѣ лежанки; къ нему было три ступеньки и вокругъ колонны; какъ залъ, такъ возвышеніе, ступеньки и колонны—все было бѣлаго цвѣта. Льва не было въ залѣ; нѣсколько времени я была въ недоумѣніи—что дѣлать. Наконецъ рѣшилась: пошла къ возвышенію, взошла по ступенькамъ, сѣла и велѣла сыну сѣсть подлѣ себя. Противъ мѣста, занимаемаго нами, была дверь въ стѣнѣ. Немного посидѣли молча, и сынъ мой, наклонивъ голову, положилъ ее ко мнѣ на колѣни; у него были короткіе волосы, но во снѣ они казались длинными и висѣли у меня по колѣнямъ. Онъ, казалось, заснулъ. Вдругъ дверь, бывшая предъ нами, тихо отворилась и оттуда вышелъ большой левъ, удивительной красоты: грива, складъ, взглядъ—все прекрасно!

„Левъ нѣсколько пріостановился, поглядѣлъ на насъ и началъ тихими шагами къ намъ подходить. Я, признаться, струсила; сынина голова все еще лежала у меня на колѣняхъ. Подошедши къ намъ, левъ началъ всходить на ступеньки и, когда его голова поравнялась съ Петровой головой, левъ высунулъ языкъ, откинулъ имъ назадъ волосы, которые висѣли у Петра на лицѣ, потомъ началъ его лизать по лицу. Это продолжалось нѣсколько секундъ, а потомъ все исчезло, и я проснулась. Подумавъ немного о моемъ снѣ, я опять заснула.

„Вставши въ обыкновенный свой часъ, т. е. въ 8 часовъ, я вспомнила обо снѣ и думала, что̀ бы онъ значилъ, но никому объ нѐмъ не говорила.

„Въ 12 часовъ пріѣхалъ ѣздовой изъ дворца и подалъ мнѣ записку отъ фрейлины Кочетовой. Записка была слѣдующаго содержанія: „что, по приказанію Ея Величества, я должна сегодня въ два часа пополудни быть во дворцѣ, и съ сыномъ, и

дожидаться у г-жи Кочетовой въ комнатѣ, пока Императрица пришлетъ за мною“.

„Въ половинѣ втораго я была у г-жи Кочетовой въ комнатахъ; часа въ два съ небольшимъ, камеръ-лакей Императрицы пришелъ за мной. Мы оба съ сыномъ пошли и, вошедъ въ Императрицынъ кабинетъ, мы нашли тамъ и самого Императора, который, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе, подошелъ къ сыну и занимался имъ; разспрашивалъ у него о разныхъ вещахъ, приличныхъ лѣтамъ сына моего; нѣсколько разъ ласкалъ его, то по плечу, то по головѣ и, наконецъ, объявилъ намъ обоимъ, что онъ беретъ его въ Пажескій корпусъ.

„Изъявивъ нашу безпредѣльную признательность Ихъ Величествамъ, мы откланялись. Пріѣхавъ домой, я разсказала домашнимъ объ моемъ снѣ и потомъ объ милостивомъ пріемѣ Ихъ Величествъ“.

Что же это? Неужели этотъ сонъ не былъ предвозвѣстникомъ?

Однако и все это серьезное дѣло не обошлось и безъ забавнаго.

Прежде чѣмъ дать мѣсто продолженію разсказа матери объ этомъ вторичномъ ея представленіи Государю, приведу здѣсь разсказъ нашей старой няни о томъ, какъ мать сбиралась ѣхать во дворецъ. Няня эта была тогда еще молодой горничной. Она была вольная; жила по найму; женщина была умная и способная; разсказывать подробности умѣла очень хорошо.

Помню, какъ она описывала наружность и туалетъ моей матери при этомъ второмъ представленіи.

Мать моя, тогда, по словамъ няни, была очень хороша собой и самый скромный туалетъ умѣла носить такъ, какъ будто на ней была роскошная одежда. Одѣта она была въ бѣломъ mousseline de Perse платьѣ, вышитомъ по тогдашней модѣ пунцовой шерстью; на головѣ пунцовый токъ и пукли à la Sevigné. Все шло отлично. Свои лошади, хорошая четверня съ форейторомъ, въ каретѣ, были уже у подъѣзда. Въ гостиной сидѣли, въ ожиданіи появленія матушки, отецъ мой и дядя, братъ матери, молодой полковникъ. Горничная, передъ выходомъ госпожи, пошла въ прихожую освѣдомиться о чемъ-то. Входитъ и слышитъ *ужасный* запахъ. У дверей стоитъ выѣздной лакей, тоже вольнонаемный, въ парадной ливреѣ. Откуда же этотъ запахъ? Оказывается, что у лакея болѣлъ палецъ на рукѣ, и онъ догадался, для утоленія боли, приложить любимое

*

простолюдинами, но самое, *непозволительное* средство. Горничная тотчасъ же прогнала его и сама побѣжала къ Ѳедору Михайловичу Бѣлкину, богатому родственнику отца моего, жившему черезъ нѣсколько домовъ. Господъ дома не было, но она умоляетъ ихъ выѣзднаго лакея съѣздить съ ея госпожей во дворецъ. Тотъ, понимая *всю важность минуты* и не задумываясь, отлучается безъ спроса у господъ, тотчасъ одѣвается и является вслѣдъ за горничной къ каретѣ. Какъ ни быстро все это было сдѣлано, но все же нужно было время, матушка же между тѣмъ вышла къ мужу и брату, готовая съ ними проститься. Тутъ она узнаетъ, что случилось. Она была необыкновенно вспыльчива. Схватываетъ съ головы токъ и букли, бросаетъ ихъ на полъ, кричитъ, что все пропало, что къ пріему опоздала и т. д. Мужъ и братъ „видавшій виды“ оба, среди этой бури, на цыпочкахъ удаляются изъ гостиной. Крики продолжаются, но новый лакей и горничная, уже на мѣстахъ; смотрятъ на часы; времени еще много. Горничная беретъ токъ, расправляетъ его круглымъ утюгомъ; букли тоже взбиваются; опять голова убрана, опять мать та же красавица; немного успокоенная, она садится въ экипажъ и уѣзжаетъ совершенно благополучно.

Возвращеніе же ея послѣ описаннаго ею представленія было самое свѣтлое и радостное.

„Когда я пріѣхала (пишетъ мать), она, т. е. г-жа Кочетова, выслала ко мнѣ свою горничную, велѣла меня провести къ себѣ въ пріемную комнату и просила меня подождать, пока она кончитъ свой туалетъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла нарядно одѣтая; послѣ нѣкоторыхъ обоюдныхъ привѣтствій, я спросила у нея о причинѣ такого ранняго grande toilette, она отвѣчала мнѣ, что сегодня Императрица принимаетъ поздравленія по случаю коронованія Императора. Сказавъ это, она пригласила меня идти къ Императрицѣ. Пришедши въ ближайшую комнату около императрицыныхъ, она оставила меня въ ней, а сама пошла далѣе. Я, между тѣмъ, находилась въ большомъ безпокойствѣ, услышавъ, что парадное представленіе, а я въ такомъ простомъ и ничтожномъ костюмѣ; но успокоивала себя, вспоминая милости Императрицы и полагая, что она проститъ мнѣ мое непарадное одѣяніе. Г-жа Кочетова скоро возвратилась и объявила мнѣ отъ имени Императрицы, чтобы я нѣсколько подождала, пока Ея Величество кончитъ свой туалетъ. Г-жа Кочетова опять ушла; я сѣла на диванъ; сынъ мой стоялъ подлѣ меня.

„Черезъ нѣсколько минутъ, въ ту комнату, гдѣ я дожидалась, вошелъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ почтеннымъ и умнымъ лицомъ, волосы съ просѣдью, одѣтъ по-кучерски, но богато, и двѣ медали на кафтанѣ. Вошедши, онъ поклонился намъ обоимъ съ сыномъ; мы ему отвѣчали тѣмъ же; и онъ сталъ поодаль къ стѣнѣ.

„Такъ прошло нѣсколько минутъ; потомъ послышались скорые мужскіе шаги изъ дальнихъ, внутреннихъ комнатъ, и вслѣдъ за этимъ дверь, бывшая близъ дивана, на которомъ я сидѣла, съ шумомъ отворилась на обѣ половины; ее отворилъ скороходъ и пошелъ далѣе къ другимъ дверямъ. Я невольно встала съ мѣста и чего-то ожидала; смотрю—въ растворенную дверь входитъ молодая особа, милой наружности, въ простомъ утреннемъ костюмѣ; за ней дитя лѣтъ четырехъ, съ ангельскимъ личикомъ. Дама, увидавши всѣхъ насъ тутъ стоявшихъ, привѣтливо поклонилась, а я присѣла низко, совсѣмъ по-институтски. Дама съ дитятей скрылись въ противоположныя двери. Я замѣтила, что человѣкъ въ кучерской одеждѣ поклонился очень низко, но не инстинктивно такъ,какъ я, а съ какимъ-то сознаніемъ; на лицѣ его была замѣтна пріятная улыбка. Я не могла воздержаться и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, спросила у него, не знаетъ ли, кто такая дама, которая сейчасъ прошла; онъ отвѣчалъ мнѣ:—„Это Ея Величество Императрица, Александра Ѳеодоровна, и великая княжна Ольга Николаевна“.

„Я очень обрадовалась, что имѣла счастіе ихъ видѣть; а между тѣмъ съ удивленіемъ смотрѣла на кучера и думала,—что это за человѣкъ, который такъ знаетъ царскую фамилію.

„Въ это время вошелъ камеръ-лакей Императрицы и сказалъ мнѣ, что Ея Величество меня спрашиваетъ. Мы оба съ сыномъ вошли въ пріемную Императрицы, и она тотчасъ вышла ко мнѣ, прекрасно одѣтая и съ орденской лентой. Какъ она была еще хороша и какъ величественна!—Я не могла на нее налюбоваться. Она подала мнѣ руку; я поцѣловала эту руку, преклонивъ колѣни.—Императрица сказала:—„L'Empereur va se rendre chez moi: attendez là, mon enfant, dans ma chambre de toilette“. Я поклонилась и хотѣла уйти; какъ вдругъ Государыня, обратясь въ сторону, сказала по-русски:—„А, здравствуй, Илья!“—Я взглянула и увидѣла, что это былъ тотъ самый человѣкъ въ кучерскомъ кафтанѣ. Такъ вотъ тотъ самый Илья, подумала я, кучеръ покойнаго Императора

Александра Павловича, человѣкъ почтенный и заслуженный. Я его никогда не видала и пріостановилась, чтобы на него посмотрѣть. Императрица сдѣлала ему нѣсколько привѣтствій на русскомъ языкѣ и отпустила его, а сама вошла въ свой кабинетъ.

„Я осталась съ сыномъ во внутреннихъ императрицыныхъ комнатахъ, расхаживала по уборной и спальнѣ; съ любопытствомъ все разсматривала. Вдругъ услышала шорохъ въ проходной комнатѣ; я скоро подошла къ дверямъ и увидѣла идущаго черезъ ту комнату молодаго генерала. Онъ, увидѣвъ пажа, стоящаго у притолки, остановился, посмотрѣлъ на него, потомъ спросилъ у кого-то, кто это?—Ему отвѣчали:—„Г-жа Леонтьева съ сыномъ“.—Этотъ молодой генералъ фамильярно вошелъ въ кабинетъ къ Императрицѣ; я тотчасъ спросила объ немъ; мнѣ сказали, что это былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Ахъ! подумала я, какой счастливый сегодня для меня день.

„Черезъ нѣсколько минутъ Императрица Марія Ѳеодоровна вышла изъ своего кабинета и вошла въ уборную, и, увидѣвъ меня, сказала: — „Mon enfant, l'Empereur ne viendra pas aujourd' hui; mais demain à la même heure, vous-vous rendrez chez m-lle Kochetoff et vous attendrez mes ordres“.—Я присѣла; Ея Величество подала мнѣ руку, и, сказавъ: „A demain“!—пошла въ залъ, гдѣ ее ждали для представленія всѣ особы, имѣющія на то право. Великій князь, проходя черезъ ту же комнату, опять остановился, посмотрѣлъ на моего сына и, сказавъ: — „Новобранецъ, къ намъ“! — вышелъ. Императрица Александра Ѳеодоровна, также осчастлививъ меня нѣсколькими вопросами и привѣтствіями, пошла за Императрицей Маріей Ѳеодоровной, а я съ сыномъ вышла и уѣхала.

„Вотъ еще примѣръ материнской заботливости покойной Императрицы о той, которая имѣла счастіе воспитываться подъ ея высокимъ покровительствомъ. Между особами, представлявшимися Ея Величеству, находилась двоюродная сестра моя [1]). Императрица, сдѣлавъ ей нѣсколько привѣтствій, спросила—знакома ли она со мной?—Услышавъ отъ сестры утвердительный отвѣтъ, Ея Величество сказала ей:—„Je la recommande à votre bienveillance“.—Г-жа Леонтьева, какъ умная

---

[1]) Любовь Николаевна Леонтьева, урожденная графиня Зубова. *Прим. Ѳ. П. Леонтьевой.*

и желающая мнѣ добра женщина, отвѣчала:—„Votre Majesté, ma cousine n'aspire qu'à vos bontés.—Императрица на это возразила:—„Oh! quant à moi et l'Empereur - nous ne l'oublierons pas“.

„Божественная душа!

„Въ назначенный день и часъ я съ сыномъ опять явилась къ г-жѣ Кочетовой.—Въ скоромъ времени вошелъ уже знакомый мнѣ камеръ-лакей и безъ всякихъ разспросовъ прямо сказалъ мнѣ: — „Его Величество пріѣхалъ; пожалуйте“!—Я тотчасъ встала и пошла за нимъ; но съ какими различными чувствами отъ перваго раза;—тогда я трепетала, а теперь радость моя видѣть Его Величество была неописанна.

„Вошедши въ императрицынъ кабинетъ, я нашла тамъ Ихъ Величествъ разговаривающихъ между собою; увидѣвъ меня съ сыномъ, оба подошли къ намъ. Императрица меня поцѣловала, а Государь приласкалъ сына и сказалъ:—„Какой молодецъ вашъ сынъ“!—Надобно сознаться, что сынъ мой былъ точно молодецъ; высокъ ростомъ и очень хорошъ собой. Его Величество по милости своей сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ касательно моего сына. Императрица, обратясь къ Государю, опять повторила похвалы моему поведенію въ институтѣ, образу воспитанія, даваемаго мною дѣтямъ моимъ, и проч. и проч. Его Величество слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ, милостивая моя благодѣтельница заключила столь важными для меня словами:—„Mon fils! quo qu'il m'arrive, je recommande madame Leontieff à votre protection et à vos bontés; je sais, qu'elle le mérite. Государь сдѣлалъ головой знакъ согласія, а я не выдержала, упала передъ Императрицей на колѣни. Когда она меня заставила встать, я подошла къ Его Величеству и почти до земли поклонилась ему. Государь мнѣ сказалъ: „Теперь надобно представить вашего сына въ Пажескій корпусъ, а чтобы вамъ не возить его въ Петербургъ, то отдайте его здѣсь, въ Москвѣ; онъ поѣдетъ съ тѣми пажами, которые привезены сюда!“— „Ваше Величество! Къ кому прикажете мнѣ адресоваться объ этомъ?“—„Къ Дибичу; я ему прикажу, а вы навѣдайтесь у него!“ Сказавъ эти слова, Императоръ опять приласкалъ моего сына и слегка мнѣ поклонился. Откланявшись Его Величеству, я подошла къ Императрицѣ, стала передъ ней на колѣни; она наклонилась ко мнѣ, обнимала и цѣловала меня нѣсколько разъ; я прижала ея руку къ губамъ, и слезы текли

на эту благодѣтельную руку; она сдѣлала знакъ, что хотѣла меня поднять, я поспѣшно встала. Она меня еще разъ поцѣловала, и я отошла отъ нея, обтирая глаза. Когда я подошла къ дверямъ, Императрица меня воротила и опять стала со мной прощаться, но не допустила меня стать на колѣни, крѣпко меня прижала и сказала: — „Mon enfant! Je vous bénis; ne m'oubliez pas". Я чувствовала, что скоро зарыдаю, и поспѣшно вышла изъ комнаты.

„Мы сошли съ лѣстницы и хотѣли ѣхать; но этого нельзя было сдѣлать; у подъѣзда стояла царская коляска, и тотъ самый Илья сидѣлъ на козлахъ; моя карета была далеко; подъѣхать было невозможно, тьма народу; пѣшкомъ также нельзя было идти, дождь шелъ препорядочный, и я, чтобы переждать его, остановилась въ сѣняхъ въ углу; облокотясь на окно, безсмысленно смотрѣла въ него, думая только объ Императрицѣ и о томъ, что я, можетъ быть, никогда болѣе её не увижу. Я такъ задумалась, что не слыхала шаговъ по лѣстницѣ; сынъ мой слегка толкнулъ меня, я оборотилась и увидѣла Императора, сходящаго съ лѣстницы. Замѣтивши насъ, Его Величество къ намъ подошелъ, приласкалъ моего сына и сказалъ:

„— Молодецъ! Славный будетъ у меня гренадеръ!"

„— Лишь бы былъ угоденъ Вашему Величеству"! сказала я.

„Государь отвѣчалъ:

„— Если будетъ брать примѣръ съ своей матушки, такъ будетъ хорошъ"!

„Сказавъ это, Государь сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Народъ разошелся; мой экипажъ подъѣхалъ, и мы отправились домой.

„По приказанію Государя я навѣдалась у графа Дибича и отдала сына въ число пажей, пріѣхавшихъ въ Москву. Послѣ того мы пробыли еще нѣсколько дней въ столицѣ, простились съ сыномъ, благословили его на службу царскую и уѣхали въ деревню".

Опредѣленіемъ старшаго моего брата въ пажи не ограничились милости Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ моей покойной матери.

Государыня твердо держалась тѣхъ словъ, которыя она сказала при выпускѣ воспитанницъ Екатерининскаго института еще въ 11 году; когда г-жа Брейткопфъ хвалила ей мою мать: „Bien, mon enfant, je ne l'oublierai pas". Государыня и внѣ любимыхъ ею училищъ не хотѣла забывать и терять изъ вида

тѣхъ дѣвицъ, которыхъ она считала достойными своего вниманія.

Конечно, отъ Оболенскихъ и Хитровыхъ Ея Величество имѣла свѣдѣнія о томъ, какъ умно и хорошо мать моя устроила свою жизнь при небольшихъ средствахъ, и какъ она добросовѣстно исполняетъ материнскій долгъ свой, обучая по *институтскимъ тетрадкамъ* нѣсколькихъ дѣтей разомъ, такъ какъ о наймѣ хорошей гувернантки по средствамъ и думать было невозможно.

Черезъ годъ, не болѣе, послѣ коронаціи былъ принятъ въ пажи и второй мой братъ. Мальчикъ подалъ самъ Государю прошеніе на маневрахъ подъ Вязьмою. Тогда Императрица Марія Θеодоровна еще здравствовала; но и по кончинѣ ея еще на нѣсколько времени сохранилась у членовъ царскаго дома память о покровительствѣ, которое покойная Государыня оказывала моей матери, и еще двое другихъ братьевъ моихъ были устроены очень скоро въ военно-учебныя заведенія, а сестра опредѣлена въ тотъ же самый Екатерининскій институтъ на иждивеніе Императрицы Александры Θеодоровны.

Объ этомъ мать моя долго мечтала, и мечта ея сбылась, разумѣется, благодаря все тому же слѣду, который оставила по себѣ скончавшаяся Императрица-мать.

„Въ 1827 году назначены были маневры подъ Вязьмой. Матушка моя, имѣвшая небольшую дачу въ семи верстахъ отъ города, пригласила меня пріѣхать со всѣмъ семействомъ смотрѣть маневры. Я съ большимъ удовольствіемъ поѣхала; я никогда не видала маневровъ; къ тому же надѣялась увидѣть гдѣ-нибудь царя.

„Когда я пріѣхала къ матушкѣ, она мнѣ сказала, что имѣетъ надобность подать прошеніе царю, но не знаетъ, какъ это сдѣлать.

„— Что же васъ затрудняетъ? спросила я“.

„— А вотъ что! Говорятъ, будто надобно сперва адресоваться съ просьбой къ вашему генералъ-губернатору князю Хованскому, который теперь въ Вязьмѣ по случаю маневровъ, а такъ какъ я его не знаю, то и не могу ни на что рѣшиться“.

„— Если вамъ нужно, maman, видѣть князя Хованскаго, такъ позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ сдѣлать вамъ маленькую протекцію“, сказала я смѣючись.

„— Какъ же это; развѣ ты съ нимъ знакома“?

„— Немножко! Если угодно, я напишу письмо къ князю

Хованскому и попрошу его, чтобы онъ назначилъ, когда онъ можетъ васъ принять".

„Матушка была очень довольна, и я тотчасъ написала къ князю письмо, въ которомъ упомянула о рекомендательныхъ словахъ Императрицы обо мнѣ, и просила покорно принять меня„ и матушку мою, назначивъ намъ время, когда мы можемъ къ нему явиться, не отягощая его. Тотъ же день получили отвѣтъ; аудіенція была назначена на другой день въ 6 часовъ послѣ обѣда. Между тѣмъ, разсуждая о матушкиной просьбѣ, я подумала—почему же бы и мнѣ не воспользоваться симъ случаемъ, и не попросить Государя о другомъ моемъ сынѣ, который тоже уже былъ на возрастѣ. Богъ знаетъ—представится ли еще подобный случай!

„Въ назначенное время мы съ матушкой отправились, и дорогой я рѣшилась непремѣнно поговорить съ княземъ объ моемъ дѣлѣ. Князь Хованскій тотчасъ же насъ принялъ, и я, отрекомендовавъ матушку, отошла въ сторону, предоставляя ей говорить о своемъ дѣлѣ. Когда она кончила, я просила князя, чтобъ онъ взялъ на себя трудъ доложить Государю, что я здѣсь и умоляю Его Величество позволить мнѣ еще разъ имѣть счастіе быть ему представленной. Князь Хованскій обѣщалъ, и мы съ матушкой откланялись и уѣхали.

„Когда Государь пріѣхалъ въ Вязьму,—то помѣщики всякій день туда пріѣзжали, чтобы взглянуть на царя. Въ особенности дамы безпрестанно толпились около крыльца того дома, который занималъ Государь, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ могли только его увидѣть. Мы съ матушкой тоже всякій день пріѣзжали въ городъ и проводили время у одной родственницы нашей, нанимавшей тамъ квартиру. Однажды я шла пѣшкомъ около занятаго Государемъ дома; князь Хованскій подъѣхалъ къ крыльцу, вышелъ изъ коляски и, замѣтивъ меня, сказалъ:

„— A l'instant même je veux tâcher de présenter à Sa Majesté votre supplique verbale".

„— Mille remercimens, M-r le Prince. Que le bon Dieu vous soit en aide!"

„По случаю присутствія Государя въ Вязьмѣ, къ маневрамъ съѣхались дворянскіе предводители всѣхъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Между ними находились двое моихъ родственниковъ: родной дядя и двоюродный братъ. Въ самый тотъ же день, какъ я встрѣтилась съ княземъ Хованскимъ, онъ давалъ

обѣдъ, на который были приглашены всѣ предводители, въ томъ числѣ и мои родные. Князь, знавши, что одинъ изъ нихъ мнѣ дядя, поручилъ ему передать мнѣ, что онъ докладывалъ обо мнѣ Его Величеству и какой былъ отвѣтъ его. Я съ матушкой по обыкновенію проводила день у нашей родственницы. По окончаніи княжескаго обѣда, оба наши родственника-предводители пріѣхали къ ней же. Дядя, увидавъ меня, тотчасъ подошелъ ко мнѣ и тономъ нѣсколько ироническимъ сказалъ:

„— Племянница! Князь Хованскій поручилъ мнѣ вамъ передать, что на какую-то вашу черезъ него просьбу (мнѣ вѣдь неизвѣстно — о чемъ вы просили) Его Величество отказалъ“.

„Я стояла какъ громомъ пораженная; и грустно, и стыдно было при всѣхъ услышать эти ужасныя слова. Я еще не успѣла опомниться, какъ другой предводитель, двоюродный братъ мой, началъ говорить такъ:

„— Дядюшка! Позвольте вамъ напомнить что вы не такъ передали слова князя Хованскаго сестрѣ“.

„— А какъ же, сударь“?

„— Да вотъ какъ-съ! Я вѣдь рядомъ съ вами сидѣлъ и очень хорошо слышалъ отъ слова до слова“.

„Потомъ, оборотясь ко мнѣ, двоюродный братъ продолжалъ:

„— Князь Хованскій сказалъ дядюшкѣ: „г-нъ Карабановъ, передайте вашей племянницѣ, г-жѣ Леонтьевой, что я, по желанію ея, докладывалъ Государю, и вотъ что Его Величество поручилъ мнѣ ей сказать: „что Его Величество очень сожалѣетъ, что не можетъ исполнить ея просьбы *здѣсь*“ (вѣдь я тоже не знаю, о чемъ вы просили Его Величество, прибавилъ братъ, смѣясь); но приказалъ сказать г-жѣ Леонтьевой, что если она имѣетъ какую-нибудь до него просьбу,—то чтобы объяснила объ этомъ письменно, и Его Величество за удовольствіе сочтетъ для нея это сдѣлать“.

„Тутъ нѣсколько голосовъ разомъ заговорили: „О! это большая разница!“—„Это совсѣмъ не то!“—„То, да не то...“ и т. п. Я молча посмотрѣла на дядю, который былъ очень сконфуженъ; потомъ поблагодарила брата за пріятную вѣсть и попросила матушку ѣхать домой, чтобы къ завтрашнему дню приготовить прошеніе.

„— Вотъ, сказала я дорóгой матушкѣ, какъ иногда участь человѣка зависитъ отъ одного ничтожнаго слова, или отъ того, что одинъ человѣкъ былъ въ этой комнатѣ, а не въ той. Не

случись тутъ брата, я не знала бы, что подумать объ отказѣ Государя, и не смѣла бы просить его о другомъ сынѣ".

„По пріѣздѣ въ деревню, я употребила вечеръ и часть ночи, чтобы написать прошеніе, сперва начерно̀, потомъ набѣло̀. Къ свѣту оно было готово, и я легла немного отдохнуть. Намъ съ тетушкой сказали, что Государь намѣренъ былъ ѣхать куда-то очень рано утромъ, и въ 9 часовъ возвратится. Намъ хотѣлось къ этому часу быть въ городѣ, и потому, рано вставши, мы отправились;—матушка, съ своимъ прошеніемъ, а я—съ своимъ. Я взяла также съ собой сына, о которомъ просила. Я не могла рѣшиться стоять у крыльца съ просьбой; но поставила тамъ сына; велѣла ему прибрать прошеніе подъ курточку, а какъ увидитъ подъѣзжающаго Государя, чтобъ приготовилъ и подалъ Его Величеству. Во время маневровъ и параднаго осмотра, я нѣсколько разъ показывала сыну Государя, и онъ меня увѣрилъ, что не ошибется. Сама же я осталась съ каретой въ переулкѣ, противъ самаго подъѣзда, такъ что мнѣ все было видно. Черезъ полчаса я услышала стукъ экипажа, и Государь первый подъѣхалъ, вышелъ изъ коляски и пріостановился на крыльцѣ, взглянулъ на моего сына, державшаго запечатанный пакетъ. Его Величество подозвалъ вблизи стоявшаго полковника въ жандармскомъ мундирѣ, что-то сказалъ ему, указывая на моего сына; полковникъ подошелъ къ сыну, взялъ у него изъ рукъ пакетъ и вошелъ въ сѣни. Я все видѣла и молилась. Государь, постоявъ еще нѣсколько секундъ на крыльцѣ, ушелъ; тогда я знаками позвала къ себѣ сына; когда онъ пришелъ, я спросила у него, что Государь ему сказалъ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что Государь ему ничего не говорилъ, но только усмѣхнулся, увидѣвъ его; потомъ позвалъ полковника и сказалъ ему: „Бибиковъ! возьми этотъ пакетъ и положи у меня въ кабинетѣ на столѣ!" Я перекрестилась, перекрестила сына, поцѣловала его со слезами и уѣхала.

„Въ прошеніи моемъ Государю я упомянула только о милостивомъ его пріемѣ въ Москвѣ и умоляла помѣстить другаго моего сына въ одно изъ заведеній, въ которое Его Величество заблагоразсудитъ! Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, я получила по почтѣ пакетъ съ печатью царской канцеляріи. Мы жили въ это время въ городѣ, потому что мужъ мой служилъ. Былъ праздникъ; мы всей семьей собрались идти къ обѣднѣ; когда я увидѣла пакетъ съ печатью, адресованный на мое имя, я

обомлѣла и не рѣшалась распечатать его. Мужъ мой вошелъ, взялъ у меня пакетъ, распечаталъ его, тихо прочиталъ письмо и сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ:

„— Благодари Господа! Борисъ принятъ въ пажи“.

„Я тутъ же упала на колѣни; заплакала и долго не могла остановить слезъ; всѣ знакомые, видѣвшіе это, интересовались знать причину; мнѣ было совѣстно, но не могла воздержаться отъ слезъ. Мужъ мой увѣдомлялъ каждаго, кто спрашивалъ; и по окончаніи обѣдни всѣ пріѣхали къ намъ поздравить съ милостью царской.

„Слѣдующій 1828 г. былъ для меня несчастливъ. Богу угодно было отнять у меня мою высокую покровительницу! Ужасная вѣсть о кончинѣ Ея Величества Императрицы Маріи Өеодоровны сразила меня.

„Несмотря на всѣ предосторожности и приготовленія, съ которыми мнѣ объявили объ этой бѣдственной для меня потерѣ, я не могла твердо ея перенести. Семейные мои старались меня утѣшать; приводили ко мнѣ часто дѣтей и напоминали мнѣ, что Государь вѣроятно не забудетъ словъ своей Августѣйшей родительницы обо мнѣ и устроитъ остальныхъ дѣтей моихъ; эти слова меня подкрѣпили; я старалась сколько возможно поддержать себя для дѣтей и рѣшилась зимой везти сына-пажа въ Петербургъ.

„Пріѣхавъ, я, черезъ посредство г-жи Хитрово, адресовалась къ графу Чернышеву, который былъ тогда военнымъ министромъ. Докладывалъ ли онъ обо мнѣ Государю—это неизвѣстно; но черезъ нѣсколько времени далъ мнѣ знать черезъ г-жу Хитрово, что „въ пажескомъ корпусѣ нѣтъ ни одной вакансіи“.

„Я опять пришла въ уныніе и не знала, что дѣлать. Везти сына назадъ—невозможно! лѣта для помѣщенія его вышли. Къ тому же и средства мои не позволяли мнѣ дѣлать пустыя, дальнія путешествія.

„Однажды пріѣхалъ меня навѣстить конной гвардіи полковникъ Цинскій, другъ моего брата. Онъ, услышавъ объ моемъ горѣ, совѣтовалъ мнѣ подать Царю прошеніе черезъ Императрицу Александру Өеодоровну; тѣмъ болѣе, что она тоже знаетъ меня лично. Я послѣдовала его совѣту; на другой день написала прошеніе къ Императрицѣ и, объяснивъ ей, какъ дѣло было въ Вязьмѣ, отвезла его къ г-ну Шамбо [1]). Онъ принялъ

[1]) Статсъ-секретарь Императрицы Александры Өеодоровны.
Примѣч. *Ө. П. Леонтьевой.*

отъ меня прошеніе, объявилъ мнѣ, что оно будетъ подано завтра; взялъ мой адресъ, сказавъ мнѣ, что немедленно увѣдомитъ меня объ отвѣтѣ.

„На другой день г. Шамбо прислалъ вечеромъ ко мнѣ курьера, который сказалъ мнѣ, что г. Шамбо желаетъ меня видѣть, чтобы лично передать мнѣ царскій отвѣтъ. Я тотчасъ поѣхала къ нему; онъ показалъ мнѣ мое прошеніе, на которомъ Государь написалъ карандашомъ нѣсколько замѣчаній, и приказалъ сообщить мнѣ объ нихъ. Дѣло состояло въ томъ, что Государь, сказавъ, что въ Пажескомъ корпусѣ вакансій нѣтъ, совѣтуетъ мнѣ помѣстить сына въ Морской корпусъ.

„Я не сдѣлала никакого возраженія и повѣсила голову.

„*Г. Шамбо.*—Vous hésitez, Madame; vous ne desirez pas que votre fils soit placé à la marine.

„*Я.*—Monsieur! Je ne peux pas résister à la volonté de Sa Majesté. Mais je vous avoue que j'ai une bien mauvaise opinion de cet établissement.

„*Г. Ш.*—Jadis vous aviez raison; mais depuis le régne de l'Empereur Nicolas ce corps a totalement changé à son avantage; savez vous, Madame, qui est le Directeur de ce corps,—c'est M-r Krousenstern.

„*Я.*—Vraiment, M-eur! Oh! alors je ne m'etonne pas de toutes les améliorations qu'y ont été faites.

„Надобно сказать, что Крузенштернъ былъ извѣстный своими путешествіями морякъ и къ тому же отличный человѣкъ. Я его нѣсколько лично знала.

„*Г. Ш.*—Permettez-moi de vous faire une objection, Madame!—Que pensera l'Empereur lorsqu' il vous propose l'établissement qu' il affectionne le plus, et que vous refusez d'y placer votre fils?

„*Я.*—Ah! Monsieur, je ne refuse guère; mais, au contraire, je rends mille graces à Sa Majesté.

Г. Ш.—Et pour que vous soyez plus exactement reuseignée sur cet établissement, je vais écrire à M-r Krousenstern. Allez vous même, il vous mettras au fait de toutes les améliorations.

„*Я.*—Vous êtes mille fois bon, Monsieur.

„Г. Шамбо пошелъ въ кабинетъ и, пока онъ писалъ къ Крузенштерну, а взяла свое прошеніе, оставленное на столѣ, и прочитала всѣ фразы, написанныя царской рукой. Мнѣ очень хотѣлось взять это прошеніе съ собой; но когда я просила

позволенія у г. Шамбо, онъ сказалъ, что онъ не имѣетъ права мнѣ отдать,—что это запрещено.

„Написавъ и запечатавъ письмо, г. Шамбо подалъ мнѣ его, и прибавилъ: „Prenez la peine de porter cette lettre vous même, Madame, et après avoir sû tout les détails, vous aurez la complaisance de m'informer de votre resolution par une lettre courte, pour que je puisse monter à Sa Majesté votre réponte.—*Я.*—„Je ne tarderai pas“.

„Поблагодаривъ г. Шамбо за всѣ его вниманія ко мнѣ, я уѣхала домой.

„На другой день утромъ я ѣздила къ г. Крузенштерну. Онъ разсказалъ мнѣ о Морскомъ корпусѣ во всѣхъ подробностяхъ. Я осталась довольна и, возвратясь домой, тотчасъ написала г. Шамбо письмо въ родѣ того, какъ онъ мнѣ совѣтовалъ, и послала къ нему съ человѣкомъ. Прошло недѣли двѣ, приказа не было еще о представленіи сына въ Морской корпусъ; я собиралась уже навѣдаться, какъ вдругъ получила записку отъ старшаго сына: онъ поздравляетъ меня съ радостью, т. е. съ тѣмъ, что сынъ мой, Борисъ, принятъ въ пажи. Я не вѣрила глазамъ своимъ и тотчасъ поѣхала въ Пажескій корпусъ. Старшій сынъ ожидалъ меня и потому стоялъ у двери. Онъ объяснилъ мнѣ, что въ ихъ канцеляріи писаря поздравляли его съ пріемомъ брата въ корпусъ; и вотъ какимъ образомъ: въ пажахъ былъ нѣкто князь Эристовъ; онъ сдѣлался боленъ; мать его пожелала взять его изъ корпуса; Государь, какъ скоро увѣдомился объ этомъ, тотчасъ отдалъ приказъ: „чтобы князя Эристова выключить, а на мѣсто его Леонтьева принять“.

„Боже мой! Какъ не благодарить царя за такое милостивое вниманіе?!

„Пробывъ Святую недѣлю въ Петербургѣ, я простилась съ сыновьями и уѣхала въ деревню.

„1829 годъ былъ еще для меня несчастнѣе; что можетъ равняться съ семейными горестями и потерею послѣдняго состоянія? Все это я испытала въ этотъ годъ и была приведена въ болѣзненное состояніе; грусть, тоска, потеря сна, аппетита, видъ дѣтей, которыя могли остаться сиротами,—все это привело меня почти ко гробу; медицинскія пособія не помогали; душевный недугъ подкрѣплялъ физическую болѣзнь. Окружающее меня семейство не знало, что дѣлать! Безпрестанно

приводили ко мнѣ дѣтей и умоляли меня укрѣпиться духомъ, чтобы ихъ устроить. Богу угодно было, чтобы я осталась жива, и многія обстоятельства послужили для подкрѣпленія моихъ душевныхъ силъ, а за этимъ и здоровье стало улучшаться.

„Родной братъ мой, командовавшій конно-егерскимъ полкомъ, услышавъ объ моей болѣзни и знавшій, что главный предметъ моихъ заботъ—были дѣти,—увѣдомилъ меня, чтобы я успокоилась пока на счетъ третьяго моего сына (это былъ его крестникъ; что онъ подалъ уже прошеніе къ царю и что, вѣроятно, онъ будетъ въ скоромъ времени помѣщенъ.

„Это пріятное извѣстіе меня нѣсколько успокоило.

„Потомъ одинъ добрый человѣкъ [1]), имѣвшій хорошее состояніе, узнавъ, что имѣніе мое подвергалось продажѣ съ публичнаго торга, предложилъ мнѣ внести за него слѣдуемую сумму своими деньгами, и тѣмъ остановилъ продажу, пока я найду средства заплатить.

„Вотъ еще благодѣтельное дѣло, которое подкрѣпило мои силы.

„Осталось двое дѣтей неустроенныхъ: сынъ и дочь. Особенно тревожила меня мысль о дочери; я не могла себѣ представить, что она, по смерти моей, остается безъ помощи, безъ воспитанія и безъ пропитанія. Въ самую тяжкую минуту моей болѣзни мнѣ пришло на мысль просить Императрицу Александру Ѳеодоровну. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней я понемногу писала прошеніе. Объяснивъ, что я нахожусь почти на смертномъ одрѣ, я умоляю Ея Величество въ память покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны обнадежить меня, что дочь моя, по смерти моей, будетъ помѣщена въ казенное заведеніе и останется тамъ навсегда. Письмо послала къ г-ну Шамбо, отъ котораго получила слѣдующій отвѣтъ—„что Ея Величество поручила ему передать мнѣ, чтобъ въ какое бы время дочь моя ни была представлена, она будетъ принята въ Екатерининскій институтъ, и въ случаѣ если не будетъ казенной вакансіи, то какъ пансіонерка Ея Величества".

„Благодареніе Господу и милости Императрицы—это извѣстіе совсѣмъ почти меня успокоило, и я помышляла только

[1]) Тотъ самый Василій Дмитріевичъ Дурново, котораго портретъ (превосходной кисти Соколова) висѣлъ у матери среди избранниковъ сердца,—и который сдѣлалъ около *вышитой* бабочки надпись: *„Онъ былъ таковъ до знакомства съ вами"*.

Примѣч. *К. Леонтьева.*

о томъ, какъ бы скорѣе укрѣпить свои силы для дальняго пути".

„По этому поводу мать моя разсказывала одну незначительную, но все-таки интересную подробность, о которой мнѣ не хотѣлось бы здѣсь умолчать. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ гостяхъ у старшей сестры г-жи Хитрово, Елизаветы Михайловны. Анна Михайловна, другъ и вѣчная покровительница моей матери, была тутъ же. Она убѣдительно просила великаго князя объ устройствѣ послѣдняго брата моего. Императрицы Маріи Θеодоровны давно уже не было въ живыхъ; мать жила постоянно въ Калужской деревнѣ своей, и ее стали, конечно, забывать; великій князь Михаилъ Павловичъ не принималъ участія въ дѣлахъ и сношеніяхъ матери моей по устройству старшихъ дѣтей, и прежде вовсе не зналъ ея; вѣроятно, онъ возражалъ что-нибудь Аннѣ Михайловнѣ; желающихъ опредѣлить дѣтей въ хорошее военно-учебное заведеніе тогда было такое множество и, по службѣ отцовъ, конечно, съ бо́льшими правами, чѣмъ отецъ нашъ, отставной гвардіи прапорщикъ. Между прочимъ, великій князь сказалъ: „Надо бы, по крайней мѣрѣ, знать, какія права на особенное вниманіе имѣетъ эта г-жа Леонтьева?"

Анна Михайловна хотѣла, кажется, разсказать объ отношеніяхъ покойной Императрицы къ матери моей; но Елизавета Михайловна вдругъ вмѣшалась въ разговоръ и воскликнула:

— Развѣ вамъ, Ваше Высочество, не довольно того, что она еще дѣвицей была такъ близка къ нашей семьѣ и что мы рекомендуемъ ее съ самой хорошей стороны?

Великій князь тотчасъ же уступилъ.

Изъ записокъ матери видно, что и вторая дочь ея была принята въ Екатерининскій институтъ пансіонеркой Ея Величества.

„Сколько лѣтъ уже прошло тому (такъ оканчиваетъ матушка воспоминанія свои о высокой своей покровительницѣ съ ея царственнымъ сыномъ и о другихъ своихъ благодѣтеляхъ); всѣ мои дѣти на возрастѣ; всѣ были на службѣ царской; иные и теперь еще служатъ; другіе въ отставкѣ, а нѣкоторые уже и не существуютъ; но я, описывая всѣ эти обстоятельства, не могу вспомнить безъ слезъ благодарности о всѣхъ моихъ благодѣтеляхъ".

„Успокоившись насчетъ дѣтей и пробывъ нѣсколько времени съ ними, я возвратилась въ деревню. Здоровье мое стало

поправляться. Устройство дѣтей, вспомоществованіе добрыхъ людей по хозяйственнымъ дѣламъ придали мнѣ силы, и я, думавшая разстаться въ скоромъ времени съ жизнью, живу по сихъ поръ еще и пользуюсь довольно порядочнымъ здоровьемъ.

„Можетъ быть святая душа нашей высокой покровительницы молится объ насъ у престола Всевышняго, какъ мы молимся за нее здѣсь на землѣ!“

Такъ кончаетъ моя мать свой разсказъ.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ЛУЗИНІАНЫ [1].

III.

Разслѣдованіе берлинской полиціи о личности Коригоса не привели къ установленію его національности.—Свѣдѣнія о немъ еще не изданныя.—Письмо Коригоса къ военному министру кн. Чернышеву въ Петербургъ.—Запросъ кн. Воронцова и его отзывъ.—Высылка Коригоса изъ предѣловъ имперіи.—Насколько изъ этихъ данныхъ разъясняется его личность.

Разслѣдованіе берлинской полиціи о лицѣ, выдававшемъ себя за потомка послѣдняго короля Арменіи, Льва VI-го, хотя и послужило ей основаніемъ для высылки его, но все-таки національность этого лица осталась неустановленною. Двѣ армянскія газеты, какъ мы видѣли, называли его голландскимъ евреемъ изъ города Самаранга, на островѣ Явѣ; въ берлинской полиціи имѣлись и указанія на происхожденіе его оттуда; профессоръ Петерманъ, бесѣдовавшій съ нимъ, объяснилъ, что по-армянски онъ не говоритъ, и все-таки утверждать, что онъ еврей, было невозможно. На островѣ Явѣ живутъ евреи и армяне и послѣднихъ чуть ли не больше, а что Коригосъ не зналъ по-армянски, тоже ничего не доказывало: въ нашемъ Закавказьи армяне, издавна поселившіеся среди грузинъ, совсѣмъ позабыли свой языкъ. Словомъ, хотя на національность самозванца и наброшена была тѣнь, производилось о ней въ теченіе трехъ мѣсяцевъ сидѣнія его въ берлинской тюрьмѣ и разслѣдованіе, а все-таки все осталось на однихъ догадкахъ, и Коригосъ, удаленный изъ Пруссіи, получилъ снова возможность выдавать себя въ непочатыхъ углахъ Европы за потом-

[1] См. „Русск. Вѣст.“ 1891 г. кн. I.

ка Льва VI-го и вернулся къ этой профессіи, практикуя ее въ Туринѣ, гдѣ, какъ Лузиніанъ, разсчитывалъ на сочувствіе родственнаго себѣ савойскаго дома. Затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ, онъ не выѣзжалъ уже изъ Италіи и умеръ въ Миланѣ, впавъ въ крайнюю нищету.

Что онъ былъ самозванцемъ, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Свѣдѣнія, сообщенныя уже нами о послѣднемъ королѣ Арменіи Львѣ VI и зятѣ его, графѣ Коригосѣ, вполнѣ разъясняютъ подложность его претензій на происхожденіе отъ нихъ, а слѣдовательно и на принадлежность къ дому Лузиніановъ; поддѣлка метрическаго свидѣтельства, будто-бы выданнаго ему католикосомъ Ефремомъ, до того очевидна и нелѣпа, что этого одного апокрифическаго документа было уже совершенно достаточно, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить предъявителя его, и не менѣе того такія явныя доказательства грубаго обмана не служили препятствіемъ авантюристу, именовавшему себя княземъ Коригосомъ, находить въ теченіе тридцати лѣтъ сочувствіе къ себѣ въ Европѣ и разыгрывать роль претендента.

Чтобы разъяснить эту загадку, мы позволимъ себѣ снова вернуться къ этому позабытому уже теперь лицу и на основаніи имѣющихся у насъ о немъ данныхъ, доселѣ еще не изданныхъ, возстановить его біографію, тѣсно связанную съ такъ называемымъ армянскимъ вопросомъ, продолжающимъ и въ наше время предъявлять свою жизненность.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1845 года, тогдашній военный министръ нашъ князь А. Н. Чернышевъ получилъ изъ Парижа письмо отъ нѣкоего Якуба Іованеса Коригоса, изъявлявшаго желаніе поступить на службу въ ряды русской арміи. „Оставшись съ малолѣтства, сиротой“,—писалъ тотъ,—„и происходя по прямой линіи отъ послѣдняго короля Арменіи, Льва VI-го, выросъ я и учился у родственниковъ своихъ въ Европѣ и теперь, когда мнѣ уже 25 лѣтъ, а значительная часть Арменіи входитъ въ предѣлы русскіе, ничего бы такъ ни желалъ, какъ служить русскому Государю“.

Письмо это князь Чернышевъ передалъ канцлеру графу Нессельроде и просилъ его поручить нашей миссіи въ Парижѣ собраніе свѣдѣній о просителѣ. Резидентомъ нашимъ былъ тамъ въ то время Н. С. Киселевъ, онъ знакомъ былъ съ весьма почтеннымъ лицомъ изъ нашихъ русскихъ армянъ, пол-

ковникомъ Лазаремъ Якимовичемъ Лазаревымъ, проживавшимъ въ Парижѣ, и попросилъ его этимъ заняться, сообщивъ адресъ Якуба Коригоса, значащійся въ его письмѣ (Rue Tronchet, 28). Лазаревъ отыскалъ просителя, бесѣдовалъ съ нимъ, не давая ему понять, что дѣлалъ то по порученію посольства, и сообщилъ Киселеву приблизительно слѣдующее.

„Молодой человѣкъ съ типомъ армянскимъ, Якубъ Коригосъ, говоритъ по-французски, но своего роднаго языка не знаетъ, такъ какъ въ раннемъ возрастѣ вывезенъ съ своей родины и позабылъ его. Родился, по словамъ его, въ Эчміадзинѣ, когда же осиротѣлъ, взятъ былъ оттуда дядей, сначала въ Малую Азію, а потомъ въ Европу. Въ Парижѣ находится недавно, познакомился тутъ съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ Вильгельмомъ (впослѣдствіи императоромъ), пріѣзжавшимъ сюда въ качествѣ туриста, очень былъ имъ обласканъ, много слышалъ отъ него прекраснаго о нашемъ царствующемъ Государѣ, и потому, возымѣвъ искреннее желаніе ему служить, послалъ письмо къ военному министру. Показывалъ Коригосъ и свои фамильные документы; но насколько они дѣйствительны, Лазаревъ не брался судить, изъ всей же съ нимъ бесѣды вынесъ какое-то смутное впечатлѣніе. Не слыхавъ до тѣхъ поръ о существованіи какихъ-либо потомковъ армянскихъ королей, тѣмъ не менѣе онъ не рѣшается назвать Коригоса обманщикомъ, а по восторженности его рѣчи и крайне фантастическомъ представленіи ожидающей его будущности, считаетъ скорѣе за человѣка, страдающаго умственнымъ разстройствомъ“.

Получивъ такой отзывъ объ Якубѣ Коригосѣ, князь Чернышевъ снова просилъ канцлера отклонить, при посредствѣ нашей же парижской миссіи, вступленіе его на русскую службу; но прежде чѣмъ порученіе это дошло до нея, къ Киселеву явился самъ Коригосъ и просилъ выдать ему паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ. Отказать ему въ томъ не встрѣтилось никакого основанія, паспортъ выдали, а затѣмъ, когда пришлось объявить ему получившійся на прошеніе его отвѣтъ военнаго министра и за нимъ послали,—въ Парижѣ Коригоса уже не оказалось.

Шесть мѣсяцевъ спустя, т. е. въ мартѣ 1846 года, кн. Чернышевъ получилъ новое письмо отъ того же Коригоса, уже изъ Берлина. Выражая увѣренность свою въ благопріятномъ результатѣ перваго своего письма, онъ, просилъ министра распоряженія о высылкѣ ему въ Берлинъ, въ Hotêl de Russie,

диплома на чинъ генералъ-маіора кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка. Само собою разумѣется, что такое ни съ чѣмъ несообразное домогательство князь Чернышевъ поспѣшилъ отклонить, и, порученіе это возложено было на нашего берлинскаго резидента г. Фонтона; но и тутъ произошла остановка.

Г. Фонтонъ донесъ, что Коригосъ нѣсколько времени проживаетъ уже въ Берлинѣ и, вскорѣ за его здѣсь появленіемъ, въ русскую миссію пришло сообщеніе отъ генеральнаго консула изъ Франкфурта на Майнѣ, что проѣздомъ черезъ этотъ городъ онъ являлся къ консулу и выпросилъ подъ благовиднымъ предлогомъ 80 гульденовъ заимообразно, обѣщаясь внести ихъ въ Берлинѣ нашей миссіи. Вслѣдъ затѣмъ Фонтонъ узналъ, что какой-то берлинскій писака готовится напечатать брошюру о правахъ Коригоса на армянскій тронъ съ цѣлью возбудить сочувствіе общества къ нему и къ несчастной судьбѣ Арменіи, изнывающей подъ игомъ Россіи и Турціи; Фонтону удалось помѣшать появленію этой брошюры и чтобы ускорить отъѣздъ Коригоса въ Петербургъ, онъ выдалъ ему еще 100 гульденовъ заимообразно на путевыя издержки. Коригосъ былъ увѣренъ, что его охотно примутъ въ Россіи на службу, разсчитывая на протекцію наслѣднаго принца прусскаго, почему Фонтонъ, получивъ приказаніе отклонить какъ послѣднее его домогательство, такъ и первую просьбу изъ Парижа, пріостановился исполненіемъ и просилъ свое начальство объяснить князю Чернышеву, что это только задержитъ Коригоса въ Берлинѣ, а пребываніе его здѣсь весьма нежелательно. Остановить выѣздъ его въ Петербургъ нельзя, такъ какъ онъ снабженъ на то русскимъ паспортомъ, а потому не лучше ли будетъ объявить ему отвѣтъ на его обѣ просьбы въ Петербургѣ. Князь Чернышевъ не соглашался съ мнѣніемъ Фонтона, просилъ выданные Коригосу 180 гульденовъ отнести на счетъ казны и все-таки настаивалъ на объявленіи ему своего отвѣта на обѣ просьбы. Фонтонъ исполнилъ тогда требованіе военнаго министра и получилъ отъ Коригоса на другой же день письмо съ жалобами на горькую судьбу.

„Одинокій сирота, не имѣющій никакого состоянія, ни малѣйшихъ средствъ къ существованію и руководимый въ поступкахъ своихъ одною лишь благородною правдою“,—писалъ онъ,—„я испытываю всю горечь несчастнаго своего положенія послѣ полученнаго мною отказа принять меня на службу рус-

скаго государя. Ни мало не величаясь своимъ происхожденіемъ, подтверждающимся документами, при мнѣ находящимся, я не имѣю инаго желанія и честолюбія, какъ быть слугою русскаго государя и доказать ему беззавѣтную свою преданность, а потому не откажите мнѣ, г. повѣренный въ дѣлахъ, въ своемъ содѣйствіи къ дальнѣйшему слѣдованію въ Россію".

Одновременно съ этимъ посланіемъ Коригосъ отправилъ такое же жалостное письмо и къ наслѣдному принцу прусскому, къ которому приложилъ прошеніе на Высочайшее имя, вслѣдствіе чего принцъ прислалъ своего адъютанта въ наше посольство и просилъ отправить прошеніе въ Петербургъ, чтò и было немедленно выполнено, а Коригосъ выѣхалъ вслѣдъ за тѣмъ изъ Берлина.

Гдѣ онъ находился въ теченіе апрѣля, мая, іюня и іюля, неизвѣстно, только 20 лишь іюля прибылъ въ Петербургъ и послалъ при письмѣ къ кн. Чернышеву новое прошеніе на Высочайшее имя. Прождавъ нѣсколько дней, Коригосъ отправилъ уже къ графу Нессельроде что-то въ родѣ дипломатической ноты.

Господинъ министръ.

„Желая имѣть счастіе лично выразить Его Императорскому Величеству чувства глубочайшаго своего благоговѣнія, я просилъ одного изъ лучшихъ друзей своихъ, наслѣднаго принца прусскаго, открыть мнѣ доступъ къ Государю, на что Его Высочество объяснилъ мнѣ, что по установленному въ Россіи порядку, я долженъ съ таковою просьбою обратиться къ вашему превосходительству, при чемъ обѣщалъ съ своей стороны, частнымъ образомъ, поставить въ извѣстность Ихъ Величества, Государя Императора и Государыню Императрицу о нахожденіи моемъ въ ихъ столицѣ. Вслѣдствіе чего, господинъ министръ, имѣю честь почтительнѣйше просить васъ о доведеніи до Высочайшаго свѣдѣнія моего желанія и тѣмъ ускорить мое счастіе быть представленнымъ Государю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною признательностію имѣю честь быть вашимъ, господинъ министръ, покорнѣйшимъ

князь Коригосъ, наслѣдный принцъ Арменіи".

22 августа 1846 годъ
С.-Петербургъ
Невскій проспектъ, домъ
№ 5, Энгельгарта.
Его Сіятельству
графу Нессельроде.

До полученія еще этой ноты графъ Нессельроде былъ увѣдомленъ графомъ Орловымъ (тогдашнимъ шефомъ жандармовъ), что Коригосъ самъ ѣздилъ въ Петергофъ и подалъ тамъ еще письмо Государю, въ которомъ просилъ принять его на службу флигель-адъютантомъ или полковникомъ въ царскосельскій гусарскій полкъ, съ содержаніемъ, приличнымъ потомку Льва VI-го, короля Арменіи, и что на этомъ письмѣ Государь соизволилъ собственноручно положить слѣдующую резолюцію: „*Долженъ быть сумасшедшимъ, письмо отдать графу Нессельроде и спросить можно князя Воронцова, есть ли подобная фамилія въ Арменіи и откуда онъ взялся?*“ Вслѣдствіе чего и сдѣланъ былъ запросъ намѣстнику кавказскому кн. М. С. Воронцову, а покуда вмѣсто просимаго наслѣднымъ принцемъ Арменіи представленія Государю, графъ Нессельроде поручилъ служившимъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ камергеру Лазареву и статскому совѣтнику Аскарханову, по происхожденію армянамъ, познакомиться съ Коригосомъ и дать о немъ свое заключеніе.

Обнаружилось между тѣмъ, что Коригосъ въ кронштадтской таможнѣ, при въѣздѣ въ Россію, отказался платить установленную съ иностранцевъ пошлину, назвавъ себя русскимъ подданнымъ, принимавшимъ присягу въ русской миссіи, въ Парижѣ. Запросили эту миссію, и оттуда получился отрицательный отвѣтъ съ присовокупленіемъ, что въ посольствѣ никакого присяжнаго листа Коригоса не находится.

Лазаревъ и Аскархановъ пришли къ заключенію, что человѣкъ этотъ могъ бы считаться тонкимъ плутомъ и притворщикомъ, еслибы не былъ болѣе похожъ на душевно-больнаго. Документы объ его происхожденіи явно кѣмъ-то сочинены, а потому и не имѣютъ никакого характера достовѣрности.

Слѣдила за Коригосомъ и полиція и нашла, что во все время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ велъ чрезвычайно скромный образъ жизни, рѣдко выходилъ изъ дому и большею частію сидѣлъ у себя въ комнатѣ одинъ; иногда, впрочемъ, приходилъ къ нему какой-то старикъ, восточный человѣкъ, армянинъ или грекъ, съ которымъ онъ подолгу бесѣдовалъ.

Получился наконецъ и отвѣтъ отъ князя Воронцова.

Спрошенный имъ объ иностранцѣ Якубѣ Коригосѣ армянскій верховный патріархъ Нерсесъ объяснилъ, что онъ и самъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получилъ отъ него письмо изъ Парижа. Коригосъ писалъ, что только недавно, къ своему

удовольствію, узналъ отъ Лазарева о назначеніи его, Нерсеса, патріархомъ и просилъ, какъ потомка послѣдняго короля Арменіи, не оставить его своимъ благословеніемъ и не отказать ему своимъ содѣйствіемъ къ восшествію на прародительскій тронъ. Въ этомъ Коригосъ, по письму его, болѣе всего разсчитываетъ на поддержку ближайшаго своего друга, принца Альберта, мужа англійской королевы Викторіи. Происхожденіе же свое можетъ доказать несомнѣнными документами и наслѣдственнымъ орденомъ святаго Лузиніана, перешедшимъ ему отъ отца

Нерсесъ человѣка этого вовсе не знаетъ, также и откуда онъ взялся; князей Коригосовъ, сколько ему извѣстно, среди фамилій армянскихъ не встрѣчается.

Опираясь на отзывы Нерсеса и на почти таковой же отзывъ князя М. З. Аргутинскаго Долгорукаго, знаменитаго героя Кавказа, князь Воронцовъ писалъ, что не усматриваетъ никакого основанія принимать иностранца Коригоса съ высокими чинами на русскую службу, разрѣшать ему ношеніе неслыханнаго ордена святаго Лузиніана и давать пенсію по политическимъ видамъ, какъ обо всемъ этомъ онъ проситъ, а по мнѣнію князя не слѣдовало бы и допускать этого иностранца въ предѣлы Закавказскаго края, такъ какъ онъ можетъ сдѣлаться вреднымъ тамъ своими тенденціями.

Все это было доведено до Государя, и онъ приказалъ выслать армянина Коригоса изъ предѣловъ имперіи съ воспрещеніемъ ему навсегда въѣзда, а въ виду замѣченнаго въ немъ умственнаго разстройства, изъ участія къ болѣзненному его состоянію, выдать ему сто червонцевъ на дорогу.

Графъ Нессельроде передалъ эту высочайшую волю петербургскому военному генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Храповицкому для исполненія, вслѣдствіе чего Коригоса выслали, выдавъ ему на руки сто червонцевъ и заплативъ за него долгъ квартирной хозяйкѣ 278 рублей 67 копѣекъ. Всего же на всего онъ обошелся казнѣ до 900 рублей.

Вотъ въ чемъ состоялъ прологъ той длинной комедіи, которую создала въ Европѣ высылка отъ насъ Коригоса. Извѣстіе о ней появилось въ разныхъ газетахъ, и всѣ узнали, что принцъ Арменіи, сверженный съ трона русскимъ царемъ и обреченный на вѣчное изгнаніе изъ своего отечества, взываетъ къ правосудію великихъ державъ. Его лишили обширныхъ помѣстій въ Арменіи, захватили у него массу драгоцѣнностей, а при высылкѣ изъ Петербурга генералъ Храповицкій обобралъ его какъ

липку: наличныхъ денегъ похитилъ 12 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, да бриллiантовъ армянской короны на милліонъ франковъ. Въ заключеніе, этотъ ужасный генералъ, агентъ царскій, сунулъ принцу Арменіи сто червонцевъ въ руку и *словесно* передалъ ему обѣщаніе своего повелителя выплачивать ему ежемѣсячную пенсію по 1000 франковъ, которую тотъ долженъ былъ получать изъ тѣхъ русскихъ миссій въ Европѣ, гдѣ изберетъ постоянное мѣстожительство. Но и это обѣщаніе оказалось тоже однимъ лишь надувательствомъ. Такова была газетная прокламація Коригоса, состоявшая изъ длиннаго ряда различныхъ продѣлокъ детронированнаго принца, направленныхъ къ тому, чтобы заставить Императора Николая дать ему полное удовлетвореніе, и находившихъ себѣ сочувствіе въ европейской публикѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что сороковые года отличались особеннымъ нерасположеніемъ къ намъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Понятія тамъ о Россіи были смутны до смѣшнаго, и литература, въ особенности французская, изобиловала сочиненіями, щеголявшими крайними нелѣпостями о нашемъ отечествѣ. Книга маркиза Кюстина, наилучшая изъ нихъ, густыми красками обрисовывала императора Николая въ невыгодномъ свѣтѣ, объ русскихъ же въ ней повторялся тотъ же сумбуръ, который несли и другіе авторы. Le servage, la tyrannie, le knouth, la Siberie, встрѣчались чуть не на каждой страницѣ. Vicomte d'Arlincour, Marc Fournier, между прочимъ и нашъ русскій, Jean Golovine, не ограничиваясь описаніемъ современности, пускались и въ исторію. Про Петра Великаго кѣмъ-то изъ нихъ разсказывалось, что онъ, быстро возвышая фаворита своего Меньшикова, сказалъ ему однажды: Menzikoff, je te fais prince, je te fais plus, je te fais *Dolgoroussky*. Кто то, описывая путешествіе свое въ Россію, говорилъ между прочимъ: et alors nous nous sommes assis sous l'ombre d'un majestueux *klukva*, или въ родѣ того: en Russie il y a une classe de peuple qu'on appelle maltschichki, или le plat favori de Pierre le Grand etait le *brossniak*. Восхваляя Императора Александра I-го и описывая его великодушіе къ плѣннымъ французамъ въ 14-мъ году, одинъ изъ авторовъ говорилъ: „et c'est alors, qu'en s'adressant à un de ses généraux aides de camp, il profera cette parole memorable: *arkengikoff*, ce que veut dire en russe, que quand on est heureux, on doit être magnanime". Но вся эта на половину невинная чепуха была ничто въ сравненіи съ

тѣмъ, что писалось о тираніи русскаго царя въ Польшѣ: Cinq millions polonais, étranglés par le Czar, La Pologne crucifiée, La chasse des casaques en Pologne и такъ далѣе, всѣхъ этихъ сочиненій и не перечтешь. Русскій царь и русскій народъ представлялись въ нихъ самыми ужасными извергами, а поляки—невинными агнцами, и писалось это все со словъ польской многочисленной эмиграціи, разносившей тогда по всей Европѣ свою къ намъ ненависть и болѣе всего вліявшей на общественное о насъ мнѣніе. Нечего говорить уже о томъ, что и въ правительствахъ европейскихъ мы мало находили къ себѣ сочувствія. Побѣдоносныя войны: персидская и турецкая и подавленіе польскаго мятежа всѣхъ встревожили, передъ всѣми обрисовали призракъ наступательнаго нашего движенія, и въ тайникахъ европейскихъ кабинетовъ тогда же стала накопляться туча, разразившаяся Крымской войною. При подобныхъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что затѣя самозваннаго армянскаго принца нашла полное тогда себѣ сочувствіе, и онъ могъ продержаться не мало времени на сценѣ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ свои штуки онъ подстраивалъ не одинъ, а въ компаніи другихъ лицъ.

Изъ примѣровъ нашей отечественной исторіи мы знаемъ, что при неоднократномъ появленіи у насъ самозванцевъ, всегда существовала за спиной у нихъ какая-нибудь справа, ихъ создавшая. Польскіе іезуиты создали лже-Дмитрія, яикскіе казаки—Пугачева и т. д., и съ каррикатурнымъ самозванцемъ Коригосомъ была та же исторія. Если онъ дѣйствительно страдалъ умственнымъ разстройствомъ, то такой человѣкъ какъ разъ подходилъ къ подобнымъ цѣлямъ: его легче было заставить увѣровать въ свое необычайное происхожденіе и въ ожидающую его высокую будущность. Полуневѣжественный, не знающій ни языка, ни исторіи своей родины, онъ, быть можетъ, вѣрилъ и въ подлинность документовъ, которыми его снабдили, да и снабдившіе его сами, по всей вѣроятности, хромали въ знаніи своей исторіи, такъ какъ научная ея разработка началась,—по преимуществу французскими учеными, лишь за послѣднія два, три десятилѣтія. Происхожденіе отъ Льва VI-го могло казаться имъ дѣломъ возможнымъ, а зная по наслышкѣ, что король этотъ былъ изъ дома Лузиніановъ, Коригосъ имѣлъ такое смутное понятіе о послѣднихъ, что въ письмѣ къ патріарху Нерсесу хвастался своимъ наслѣдственнымъ орденомъ св. Лузиніана. Да, онъ былъ непремѣнно чьею-то

креатурою, а чьею именно, вопросъ этотъ интересенъ, потому собственно, что разъясненіе его можетъ проливать свѣтъ и на современное намъ движеніе въ армянскомъ мірѣ.

IV.

Значеніе и роль эчміадзинскаго католикоса послѣ пресѣченія царствовавшихъ династій въ Арменія.—Петръ Великій, покровитель армянъ; императрицы Анна, Елизавета, Екатерина II, Потемкинъ.—Планъ возрожденія Арменіи.—Патріархъ Іосифъ.—Борьба за патріаршій престолъ.—Патріархи Евфремъ и Нерсесъ.—Уставъ Григоріанской церкви.—Послѣдствія ея для армянъ русскихъ и заграничныхъ.—Выводъ относительно самозванца Коригоса.

Въ началѣ нашей статьи мы объяснили печальную историческую судьбу Арменіи. Раздѣленная между Персіей и Турціей, она изнывала подъ игомъ этихъ мусульманскихъ державъ и если народъ ея, потонувшій подъ густымъ наслоеніемъ нѣсколькихъ чуждыхъ ему племенъ, пришедшихъ съ крайняго востока, не утрачивалъ своей національности, то этимъ онъ былъ обязанъ единственно своей автокефальной церкви, находившей могущественную матеріальную помощь въ богатыхъ армянскихъ колоніяхъ, разбросанныхъ въ трехъ частяхъ свѣта. Во главѣ церкви стоялъ верховный патріархъ, имѣвшій каѳедру свою въ Эчміадзинѣ, а за пресѣченіемъ царствовавшихъ въ Великой и Малой Арменіи династій, онъ же и сдѣлался свѣтскою главою армянскаго народа. Такую схему находили для себя удобною какъ Персія, такъ и Турція, и сами въ дѣлахъ съ армянами опирались на ихъ католикоса, что̀ не мѣшало положенію его быть крайне щекотливымъ и труднымъ. Значительныя пожертвованія присылались ему изъ колоній армянскихъ, онъ и самъ посылалъ туда также какъ и въ христіанскія земли Европы монаховъ за сборами, мѣстное армянское населеніе въ Персіи и Турціи платило ему подушную подать, все это скопляло въ рукахъ его немалыя денежныя средства и драгоцѣнности, хранимыя имъ въ тайникахъ толстыхъ монастырскихъ стѣнъ и тщательно оберегаемыя отъ хищныхъ вожделѣній мусульманскихъ властей. Съ ними приходилось ему улаживаться исключительно подкупомъ: но надо было знать, кого именно слѣдовало подкупать для того, чтобы пользоваться дѣй-

ствительными милостями верховныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ мусульманскихъ державъ. При этомъ католикосъ долженъ былъ постоянно политиканствовать, и имѣя надежныхъ, хорошо оплачиваемыхъ агентовъ въ Тегеранѣ и Стамбулѣ, находиться въ курсѣ всего творящагося въ высшихъ сферахъ и въ сераляхъ. Однако жъ и эта искусная тактика не всегда спасала армянъ и ихъ главу отъ волканическихъ взрывовъ среди фанатизируемаго время отъ времени улемами и муллами мусульманскаго населенія, какая-нибудь бездѣлица вызывала погромъ, христіанская кровь лилась, монастыри грабились, богатства Эчміадзина расхищались, и когда опять все стихало, католикосу приходилось снова ихъ накапливать.

Несмотря на такое трудное его положеніе, сана католикоса достигнуть было тоже не легко. За кончиною преставившагося католикоса, соборомъ эчміадзинскихъ епископовъ избиралось два кандидата, и они предлагались одобренію аристократіи и народа, на мѣстѣ и въ колоніяхъ, откуда присылались и депутаты для выборовъ. Этотъ сложный процессъ длился иногда цѣлые годы и вызывалъ усиленную борьбу партій, въ которой больше всего интриговала армянская аристократія. Феодальная, какъ и всѣ аристократіи востока, она находилась въ постоянной междоусобной враждѣ, сгруппировывалась вокругъ нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ магнатовъ, всегда почти бунтовавшихъ противъ царя, и была главною виновницею всѣхъ политическихъ бѣдъ и паденія своего отечества. Народамъ, появлявшимся съ востока, не составляло особаго труда при внутренней неурядицѣ Арменіи сдѣлать ее себѣ вассальною. Въ ту пору, когда персы-огнепоклонники стремились совершенно истребить христіанство въ Арменіи и шахъ Ездигердъ усиленно того добивался своими жестокостями, аристократія армянская раздѣлилась на два враждебные лагеря, во главѣ одного сталъ князь Вассакъ—отступникъ, принявшій религію персовъ, а во главѣ другаго князь Вартанъ-Мамиконіанъ, отстаивавшій свою церковь и родину, и вокругъ него собрался цвѣтъ аристократіи, духовенства и народа. Произошло кровопролитное Тмутское сраженіе, Вартанъ палъ на полѣ битвы, персы взяли верхъ, руками же Вассака и его партіи истребили всѣ тогдашнія лучшія силы Арменіи и окончательно ее поработили. И несмотря на такіе горькіе уроки прошлаго, духъ уцѣлѣвшихъ остатковъ аристократіи былъ все тотъ же крамольный и сказывался всякій разъ и при вы-

борахъ патріарха разными насильственными дѣйствіями и интригами. Изъ всего этого ясно становится, что на родинѣ у себя армяне, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, переживали безразсвѣтную полосу бѣдствій и отдыхали лишь въ своихъ колоніяхъ, свято хранившихъ связь свою съ метрополіей и лелѣявшихъ среди себя мечту объ ея политическомъ возрожденіи.

И вотъ въ началѣ прошлаго столѣтія повѣяло со стороны далекаго сѣвера чѣмъ-то очень отраднымъ для судебъ армянскаго народа. Объѣзжая свои обширныя владѣнія, великій христіанскій царь русскій, Петръ, найдя въ Астрахани поселившихся армянъ, отнесся очень милостиво къ этимъ трудолюбивымъ, промышленнымъ и предпріимчивымъ людямъ, освободилъ ихъ отъ торговыхъ пошлинъ и поручилъ имъ передать землякамъ своимъ, чтобы они шли селиться въ его христіанскую имперію. Этотъ призывъ произвелъ сильное движеніе на мѣстѣ, армяне толпами начали выходить въ наши предѣлы, а когда наши войска и флоты побѣдоносно прошли вдоль Каспійскаго моря и завоевали у Персіи нѣсколько городовъ и двѣ провинціи—Гилянъ и Мазендеранъ, грузинскій царь и карабахскіе армяне, мелики и беки, послали къ русскому царю своихъ депутатовъ, прося его защиты противъ персіанъ, сами предлагали выставить 30/т. вспомогательнаго войска. Но Петръ не успѣлъ пойти дальше въ своихъ завоеваніяхъ Закавказья, а когда его не стало, преемница его Анна круто повернула политику свою на востокѣ въ другую сторону, все пріобрѣтенное Петромъ у Персіи возвратила ей, и выселившимся къ намъ армянамъ приказано было возвращаться назадъ. Елизавета Петровна слѣдовала политикѣ своей тетки и пріѣхавшій въ ея царствованіе въ Петербургъ, несмѣтно богатый калькуттскій армянинъ, Эминъ Осиповъ, отдававшій все свое состояніе на возрожденіе Арменіи, уѣхалъ опечаленный неуспѣхомъ своего ходатайства, вскорѣ умеръ, и десятки милліоновъ его состоянія достались всѣ остъ-индскому банку.

Екатерина II-ая въ политикѣ своей на востокѣ, какъ и во всемъ остальномъ, пошла по стопамъ великаго преобразователя, армяне тотчасъ же поняли, что опять наступаетъ счастливая для нихъ пора и снова потянули въ наши предѣлы. Образовалась на Дону большая ихъ колонія Нахичевань, численность ея вскорѣ возросла до двадцати тысячъ душъ, стали заселяться армянами—Крымъ и Бессарабія, а богачи армянскіе начали со

всѣхъ сторонъ являться къ Потемкину, опять же съ патріотическою своею мечтою о воскрешеніи независимости армянскаго царства и склонили его къ серьезному изученію этого дѣла совпадавшему съ сознанною нами необходимостью обойти Кавказъ и утвердиться съ южной его стороны. Блистательный князь Тавриды такъ увлекся возстановленіемъ армянскаго царства, что задумалъ самъ сдѣлаться его царемъ и, при взглядѣ на географическую карту, у него составился цѣлый планъ. Арменія должна была граничить съ Персіей, Турціей и Россіей, имѣть гавань на Каспійскомъ морѣ, состоять подъ покровительствомъ Россіи; русскій отрядъ занималъ страну для защиты ея отъ турокъ и персовъ; обезпечивалась полная независимость армянской церкви, даже и тогда, еслибы царемъ былъ исповѣдующій другую вѣру. Отъ этихъ общихъ основаній перешли къ частностямъ, толковали о гербѣ армянскаго царства, о церемоніалѣ коронованія; денегъ армянами богачами на все это предложена была куча, и во всѣхъ совѣщаніяхъ руководящее значеніе имѣлъ епископъ армянскій (впослѣдствіи патріархъ) Іосифъ, изъ фамиліи князей Аргутинскихъ, пріѣхавшій изъ Эчміадзина въ Петербургъ и особенно обласканный императрицею. Онъ писалъ отсюда на родину, къ патріарху, а также и къ знатнымъ армянамъ, и предлагалъ имъ радоваться и молиться Богу, объясняя, что для нихъ готовится что-то чрезвычайно счастливое и важное заботами великаго сѣвера. Но всѣ эти pia desideria, рисовавшіяся въ пылкомъ воображеніи армянскихъ патріотовъ, съ Потемкинымъ вмѣстѣ, глядѣвшимъ только на географическую карту, должны были разлетѣться какъ дымъ, при прикосновеніи съ дѣйствительностью; возстановить армянское царство было нельзя, оно политически навсегда умерло и существовали только на картѣ прежнія историческія его границы. Взяться за собираніе армянъ, разбросанныхъ среди Персіи и Турціи, оказывалось не подъ силу и самой Россіи, да и потребовало бы слишкомъ много времени. Пришлось отказаться отъ этой мечты и ее оставили, благодаря еще тому, что вопросъ о переходѣ нашемъ въ Закавказье устроился другимъ путемъ. Царь грузинскій Ираклій II, слѣдившій за всѣми перипетіями нашихъ переговоровъ съ армянами, не желая очутиться у нихъ въ хвостѣ, еслибы мы дѣйствительно рѣшили взяться за ихъ политическое возрожденіе, самъ поспѣшилъ предложить себя съ своимъ народомъ въ вассальную зависимость Россіи. Въ 1783 году состоялся у насъ

съ нимъ трактатъ, и мы перешли черезъ горы въ Закавказье, тою же самою дорогою, которою графъ Тотлебенъ, въ 1769 г., ходилъ на помощь противъ турокъ къ имеретинскому царю Соломону. Отсюда и пошло начало нашего владычества на южной сторонѣ Кавказа.

Армянамъ русскимъ жилось привольно въ Россіи, колоніи ихъ все болѣе и болѣе размножались въ Крыму, Закавказьи, Бессарабіи, епископъ Іосифъ Аргутинскій пользовался всякимъ случаемъ для оказанія помощи и своимъ землякамъ въ сопредѣльныхъ намъ мусульманскихъ государствахъ; но событія послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, когда такъ сильно возбужденный Іосифомъ вопросъ о возстановленіи армянскаго царства былъ преданъ забвенію, до того охладили къ нему армянъ персидскихъ и турецкихъ, что въ 1799 г., послѣ кончины патріарха Гукаса, и при заявленіи кандидатуры архіепископа Іосифа на патріаршій престолъ въ самомъ Эчміадзинѣ, большинство епископовъ высказалось не въ его пользу. „Армяне, говорили они, живутъ въ турецкихъ владѣніяхъ, затѣмъ остальные находятся подъ властью Персіи, и лишь самая незначительная ихъ часть обитаетъ въ Россіи. Турецкому правительству извѣстно, что архіепископъ Іосифъ, въ послѣднюю войну Россіи съ Портой, (съ 1787—1792) находился въ русской арміи, былъ въ Бендерахъ, Измаилѣ, Яссахъ и другихъ мѣстахъ. Хотя онъ посѣщалъ эти мѣста съ единственною цѣлью утѣшить христіанское населеніе и преимущественно армянъ, но Порта смотритъ на эти посѣщенія иначе и знаетъ о горячей преданности Іосифа къ Россіи. Съ другой стороны, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій съ Персіей (въ 1796 г.), архіепископъ Іосифъ также находился безотлучно въ русскомъ лагерѣ, былъ въ Дербентѣ, Шемахѣ и Ганджѣ, гдѣ обнадеживалъ армянъ покровительствомъ Россіи. Персіяне знали о такой дѣятельности Іосифа и угрожали намъ разными бѣдствіями. Между тѣмъ Іосифъ, объявляя тогда о своемъ непремѣнномъ желаніи прибыть на поклоненіе первопрестольному храму Эчміадзинскому, съ возвращеніемъ русскихъ войскъ въ предѣлы Имперіи, ушелъ вмѣстѣ съ ними, оставивъ намъ только одно сожалѣніе. Не умолчимъ и о томъ, что покойнымъ патріархомъ онъ былъ два раза приглашаемъ въ обитель для занятія высшихъ должностей, но оба раза уклонился отъ принятія предложенія, опасаясь, вѣроятно, свирѣпства иноземной власти. Точно также и

теперь Іосифъ быть можетъ не захочетъ оставить Россію и не согласится перейти во владѣніе противниковъ вѣры христіанской, и тогда къ чему же избирать его. Избраніе его патріархомъ, безъ сомнѣнія, навлечетъ только притѣсненіе персіянъ Эчміадзинскому монастырю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ армянамъ, живущимъ въ Эриванскомъ ханствѣ".

„Армяне не могли простить Іосифу вмѣшательства въ политическія дѣла, навлекшаго имъ многія бѣдствія. Они справедливо говорили, что Іосифъ напрасно волновалъ народъ и своими дѣйствіями возстановилъ персіянъ и турокъ не только противъ себя, но и противъ всей армянской націи. Защитники же Іосифа доказывали, что избраніе его на патріаршій престолъ будетъ пріятно Петербургскому кабинету, и потому армяне могутъ разсчитывать на могущественное покровительство Россіи. Доводы эти были признаны недостаточно убѣдительными; вопросъ объ избраніи Іосифа былъ окончательно рѣшенъ не въ его пользу" [1].

Въ то же время и въ Константинополѣ явилась также оппозиція архіепископу Іосифу и турецкіе армяне избрали своимъ кандидатомъ на Эчміадзинскій престолъ титулярнаго Константинопольскаго патріарха Даніила. „Мы лишились своихъ царей,—говорили они,—и смотримъ на католикоса, какъ на верховную главу, не только по дѣламъ духовнымъ, но и политическимъ. Не отрицаемъ того, что архіепископъ Іосифъ пользуется расположеніемъ простаго народа, но турецкое правительство никогда не утвердитъ его, какъ человѣка, жившаго долгое время въ Россіи и завѣдомо приверженнаго русскому правительству".

Несмотря однако же на всѣ эти возраженія, Іосифъ, при могущественной поддержкѣ русскаго Императора, въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, протектора всѣхъ христіанскихъ племенъ, жившихъ въ Турціи, одержалъ верхъ, былъ утвержденъ верховнымъ патріархомъ Эчміадзинскимъ и поѣхалъ къ мѣсту своего назначенія, но на пути слѣдованія, въ Тифлисѣ, заболѣлъ горячкою и 9 марта 1801 года скончался.

Кандидатомъ вмѣсто него съ нашей стороны выступилъ тогда же сторонникъ патріарха Іосифа, Эчміадзинскій епископъ Давидъ, изъ фамиліи Каргановыхъ. Константинопольскіе

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1880 года, апрѣль и май. Борьба за эчміадзинскій патріаршій престолъ. Н. Ѳ. Дубровина.

армяне снова выбрали верховнымъ патріархомъ Даніила и между Давидомъ и Даніиломъ началась борьба, принявшая самый острый характеръ. Она длилась въ теченіе восьми лѣтъ, и перипетіи ея подробно изложены въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина. Въ ходъ были пущены всевозможныя интриги и подкупы, епископъ Давидъ, при поддержкѣ Эриванскаго хана, во владѣніи котораго находился тогда Эчміадзинъ, насильственно заставилъ себя избрать, міропомазать и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Даніилъ, получивъ грамоту русскаго Императора и бератъ турецкаго султана, направился въ Эчміадзинъ; Давидъ, при помощи Эриванскаго хана привлекъ его къ себѣ въ монастырь, заключилъ въ темницу и разными истязаніями заставлялъ отречься отъ своего сана. Когда же, назначенный на Кавказъ главнокомандующимъ, князь Циціановъ потребовалъ отъ Эриванскаго хана возстановленія Даніила, Давидъ обстригъ и обрилъ послѣдняго и посадилъ въ яму. Эриванскій жэ ханъ давалъ лишь уклончивые отвѣты князю Циціанову и принудилъ того прибѣгнуть къ оружію. Русскія войска заняли Эчміадзинъ, — ханъ Эриванскій спряталъ у себя обоихъ патріарховъ въ Эривани, но наконецъ принужденъ былъ выдать Даніила, и князь Циціановъ возстановилъ его на Эчміадзинскомъ престолѣ.

Перенеся такой длинный рядъ страданій физическихъ и нравственныхъ, Даніилъ вскорѣ скончался. Вмѣсто него избранъ былъ католикосомъ въ 1810 году русскій ставленникъ, архіепископъ Евфремъ, при которомъ семнадцать лѣтъ спустя, за побѣдоносной войной нашей съ Персіей, Эриванское и Нахичеванское ханства вошли въ наши предѣлы, и священный для армянъ Эчміадзинъ сдѣлался русскимъ. Но въ эту пору патріархъ Евфремъ былъ такъ уже престарѣлъ, что состоявшій при немъ архіепископъ Нерсесъ, любимецъ еще и патріарха Даніила, захватилъ въ свои руки всѣ дѣла Эчміадзина, составилъ вокругъ себя сильную партію и своими лукавыми дѣйствіями вооружилъ противъ себя графа Паскевича. Во время еще персидскаго похода, преслѣдуя только личныя свои цѣли, онъ два раза своими совѣтами и невѣрными свѣдѣніями подвелъ генерала Красcовскаго, и чтобы выручать того, Паскевичу приходилось дѣлать форсированные марши. Въ этихъ случаяхъ Нерсесъ отдѣлывался благовидными оправданіями; но когда впослѣдствіи въ дѣлахъ управленія армянскою областію онъ проявилъ явное пристрастіе къ интересамъ исключительно армянскимъ, въ ущербъ интересовъ мѣст-

наго, втрое многочисленнѣйшаго населенія татарскаго, а затѣмъ когда помимо главнаго начальства на Кавказѣ сталъ входить въ тайныя сношенія съ пограничными турецкими и персидскими властями, Паскевичъ нашелъ необходимымъ устранить Нерсеса отъ патріаршаго престола, имѣвшаго вскорѣ сдѣлаться вакантнымъ, по преклонности лѣтъ Евфрема.

„Назначеніе Нерсеса въ патріархи всей Арменіи“,—писалъ Паскевичъ къ министру иностранныхъ исповѣданій, графу Блудову,—„собственно для спокойствія Россіи и всего края допускать не должно. Неограниченное властолюбіе сего прелата, всегдашнее его желаніе присвоивать себѣ власть свѣтскую, односторонніе виды, клонящіеся къ выгодамъ одного армянскаго духовенства съ пренебреженіемъ пользы общей, наконецъ непреодолимая наклонность къ проискамъ, интригамъ и стремленіе противодѣйствовать главному мѣстному начальству—доказаны многими и частыми событіями. Съ возведеніемъ въ званіе патріарха, таковыя свойства его, составлявшія, такъ сказать, главныя основанія его характера, не измѣнятся, но найдутъ себѣ обширное поприще. Для исполненія своихъ видовъ онъ будетъ стараться привлечь къ себѣ всѣхъ значительнѣйшихъ армянъ, стремленіе которыхъ есть и было—пользоваться всѣми правами промышленности, не платя не податей, ни повинностей“ (Акты Кавк. арх. ком.).

Вслѣдствіе такой аттестаціи Паскевича, Нерсеса тогда же перевели на кишиневскую каѳедру, а послѣ кончины Евфрема избранъ былъ опять же нашъ ставленникъ, кроткій и прямодушный епископъ Іоганесъ.

Между тѣмъ, въ виду того обстоятельства, что у армянской церкви никогда не существовало особаго писаннаго устава, вслѣдствіе чего власть патріарха, попадая въ руки интригана и честолюбца, всегда могла сдѣлаться вреднымъ орудіемъ въ дѣлахъ духовныхъ, въ Петербургѣ образованъ былъ особый по Высочайшему повелѣнію комитетъ изъ лицъ компетентныхъ и ученыхъ, и уставъ, имъ выработанный, вошелъ въ 1-ю часть XI т. св. зак.

Сущность его состоитъ, во-1-хъ, въ устраненіи эчміадзинскаго патріарха отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла свѣтскія нашихъ армянъ; во-2-хъ, въ признаніи его главой всей армянской церкви; въ 3-хъ, въ опредѣленіи порядка его избранія духовенствомъ и свѣтскими депутатами всей армянской націи; въ 4-хъ, въ подробностяхъ его внѣшней, весьма пышной обстановки.

Анализируя этотъ уставъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что онъ могъ служить лишь на пользу армянъ русскихъ, но никакъ уже не на пользу армянъ персидскихъ и турецкихъ.

Наши армяне, уравненные въ своихъ правахъ со всѣми русскими подданными и охраняемые во всѣхъ своихъ интересахъ силою незыблемаго закона и правительства, лишившись въ эчміадзинскомъ патріархѣ лица, имѣвшаго свѣтскую власть, ничего отъ того не потеряли, а для армянъ персидскихъ и турецкихъ утрата свѣтскаго значенія патріарха сдѣлалась весьма чувствительною. Хотя онъ только политиканствовалъ и дѣйствовалъ подкупомъ съ правительствами обѣихъ мусульманскихъ державъ, но все-таки добивался своего, а по новому уставу лишился всякой возможности прибѣгать и къ этимъ средствамъ, такъ какъ помимо русской компетентной власти не имѣетъ уже права входить въ сношенія съ властями иностранныхъ государствъ. Переписка же черезъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ и консуловъ ставитъ сношенія патріарха съ персидскими и турецкими властями на объективную лишь почву и устраняетъ всякую возможность подкупа; а это-то практически и не выгодно для армянъ персидскихъ и турецкихъ. Что же касается до правъ участія и голоса депутатовъ ихъ при избраніи патріарха, то послѣ многократныхъ, предшествовавшихъ еще уставу опытовъ, армяне этихъ странъ ни мало въ томъ не сомнѣваются, что съ Россіей спорить нельзя, и что она всегда проведетъ своего кандидата.

Словомъ, присоединеніе Эчміадзина къ Россіи и новое положеніе католикоса послужили лишь къ благополучію нашихъ русскихъ армянъ и заставили крѣпко призадуматься ихъ одноплеменниковъ въ сопредѣльныхъ намъ мусульманскихъ странахъ, такъ какъ тѣ лишились силы, которая замѣняла имъ собою прежняго ихъ царя, и имъ необходимо стало восполнить этотъ пробѣлъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при глубоко-укоренившемся стремленіи къ возрожденію, такъ или иначе, Арменіи, могла образоваться среди армянъ персидскихъ или турецкихъ группа, постановившая себѣ задачею отыскать лицо, среди потомковъ прежнихъ царей, для того чтобы провести его до вліятельнаго среди себя положенія. Мысль эта по всему вѣроятію встрѣтила негласное одобреніе и въ миссіяхъ дружественныхъ намъ державъ, а тогда, послѣ предварительной подтасовки, могло подъискаться и подходящее лицо, выпущенное на Божій свѣтъ подъ титуломъ потомка послѣдняго короля Арменіи Льва VI, принца Коригоса.

Конечно, это одно лишь предположеніе; но оно логически вытекаетъ изъ всего вышесказаннаго. Коригосъ являлся пробнымъ шаромъ, который тѣмъ уже былъ не безполезенъ для армянскихъ патріотическихъ затѣй, что пріучалъ общественное мнѣніе Европы къ мысли о существованіи армянскаго царя и царства и о необходимости ихъ возрожденія.

Что за спиною Коригоса существовала какая-то справа, то видно будетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія объ его продѣлкахъ и если въ то время какъ онъ былъ заарестованъ въ Берлинѣ, двѣ армянскія газеты старались выставить его голландскимъ евреемъ, но послѣ его освобожденія изъ тюрьмы, нашлись, какъ мы увидимъ, и защитники у него изъ той же армянской націи.

Но впрочемъ намъ пора и вернуться къ повѣствованію о подвигахъ этого загадочнаго лица.

V.

Письма Коригоса къ гр. Нессельроде и къ гр. Орлову.—Поѣздка въ Штутгардъ.—Свиданіе съ кн. Горчаковымъ.—Письмо къ нему и къ гр. Нессельроде. — Статья въ Independence Belge. — Паспортъ Коригоса. 1850 г.—Новое письмо Коригоса къ гр. Нессельроде. 1852 г.—Открытое письмо къ Императору Николаю.—Второе такое же письмо. 1854 г.—Письмо къ Государю.—Командованіе армянскимъ легіономъ, сформированнымъ союзными державами.—Открытое письмо къ Прусскому королю.—Обращеніе къ армянскимъ грандамъ.—Ихъ протестъ Прусскому правительству.—Письма Коригоса къ Императору Александру II, вдовствующей императрицѣ и великому князю Константину Николаевичу.—Memorandum.

Прошло полгода съ высылки Коригоса изъ предѣловъ нашихъ, какъ графъ Нессельроде получилъ отъ него слѣдующее посланіе.

Ваше Сіятельство

„Обращаюсь къ вашей правосудности. Мнѣ передано было словесно господиномъ генералъ-адъютантомъ Храповицкимъ Высочайшее повелѣніе о немедленномъ выѣздѣ изъ Россіи, причемъ генералъ вручилъ мнѣ сто дукатовъ на путевыя издержки и объяснилъ, что Его Величество Императоръ соизволилъ пожаловать мнѣ пожизненную пенсію по тысячѣ. франковъ въ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы я жилъ заграницею Прибывъ въ Лондонъ, получилъ я въ январѣ отъ генеральнаго

консула г. Кремера, за три мѣсяца всего тысячу франковъ, посланникъ же русскій, баронъ Бруновъ, не принялъ меня къ себѣ, объясняя это тѣмъ, что я лицо, изгнанное изъ Россіи, и что во время присоединенія къ ней Арменіи всѣ мои имущества были зачислены въ казну. Льщу себя надеждою, что если бы дѣло мое было болѣе тщательно доложено Его Величеству, Государь не выключилъ бы меня изъ числа лицъ, упомянутыхъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 6-го декабря 1846 года князю Воронцову (помѣщенномъ 6—18 февр. 1847 г. въ Journal de St. Petersbourg), гдѣ говорится, что „независимо отъ „земель, пожалованныхъ Нами, ханамъ, бекамъ армянскимъ „меликамъ и др. лицамъ за усердную ихъ службу и особыя „отличія, всѣ они будутъ утверждены въ наслѣдственныхъ „правахъ на земли, находившіяся въ ихъ владѣніи во время „присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи и которыми они и по настоящее время безспорно пользуются“.

„Смѣю надѣяться, господинъ министръ, что ваше превосходительство не откажетесь представить обожаемому мною Государю, что я ничѣмъ не заслужилъ тяжкой кары, меня постигшей, и во всякомъ случаѣ Его Величество конечно соблаговолитъ даровать мнѣ пенсію по тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ, которая позволитъ мнѣ пользоваться скромнымъ положеніемъ, не роняющимъ моего высокаго рожденія до тѣхъ поръ, пока Его Величество не разрѣшитъ мнѣ вернуться въ свое отечество. Уповая на милостивое содѣйствіе вашего превосходительства, льщу себя надеждою, что вы почтите меня своимъ отвѣтомъ

вашего превосходительства
покорнѣйшій князь Коригосъ,
принцъ Арменіи“
(на письмѣ золотой гербъ съ королевской короной, изображающій на щитѣ крестъ).

27 марта 1847 г. *Брюссель*.
Rue Royal № 55
его сіятельству
графу Нессельроде.

Варіантъ подобнаго письма получилъ тогда же и графъ А. Ф. Орловъ, въ немъ напоминались еще и дружескія отношенія Коригоса съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ. Вскорѣ за этими посланіями Коригосу пришла новая счастливая мысль. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ и привелъ ее въ исполненіе. Узнавъ, что въ Штутгартѣ пребываетъ августѣйшая дочь Императора Николая, кронъ-принцесса Виртембергская, великая княгиня Ольга Николаевна, онъ направилъ туда свои стопы, явился къ нашему резиденту князю А. М. Горчакову и черезъ него сталъ добиваться аудіенціи у великой княгини.

Князь Горчаковъ отклонилъ, конечно, его намѣреніе, а при разговорѣ Коригосъ объяснилъ ему, что въ бытность свою въ Лондонѣ принятъ былъ королевою Викторіею, знавшею лично его отца. Узнавъ о стѣсненныхъ его обстоятельствахъ, королева прислала ему въ Брюссель сто фунтовъ стерлинговъ черезъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Валлера. Показывалъ и письмо его, составленное въ благосклонномъ тонѣ. Валлеръ спрашивалъ часъ, въ который могъ бы застать Коригоса дома, чтобы выполнить пріятное къ нему порученіе королевы. Посѣтивъ его, давалъ ему надежду на гостепріимство Англіи, гдѣ примутъ его на службу и дадутъ средства ѣхать черезъ Персію въ Эривань, чтобы взбунтовать населеніе и вступить въ свои права. Но Коригосъ объяснилъ Горчакову, что желаетъ служить только русскому Императору и хотѣлъ бы просить великую княгиню Ольгу Николаевну заступничества передъ ея августѣйшимъ родителемъ.

Князь Горчаковъ поинтересовался паспортомъ, выданнымъ Коригосу при высылкѣ изъ Россіи, тотъ ему его подалъ. Самаго поверхностнаго взгляда было достаточно, чтобы замѣтить на немъ подчистки и поправки. Князь указалъ на нихъ ему; но тотъ, ни мало не смутившись, объяснилъ, что въ такомъ видѣ получилъ паспортъ въ Штетинѣ, когда его высадили съ парохода. Затѣмъ, отдавая паспортъ, просилъ послать его въ Петербургъ, чтобы тамъ разслѣдовали подлогъ и нашли его виновника.

При визитѣ своемъ Коригосъ имѣлъ на фракѣ звѣзду и объяснилъ, что это орденъ дома королей Арменіи, у него есть и другая звѣзда—бриллiантовая, и ихъ будто бы разрѣшилъ ему носить въ Петербургѣ Государь Императоръ.

Въ заключеніе бесѣды князь Горчаковъ совѣтовалъ авантюристу немедленно уѣхать изъ Штутгарта, тотъ обѣщалъ это исполнить и сказалъ, что поѣдетъ въ Баденъ, затѣмъ откланялся. На другой же день Горчаковъ получилъ отъ него такое письмо:

Господинъ Министръ!

„Прибывъ въ Петербургъ для требованія возврата себѣ имѣній, неправильно захваченныхъ казною во время присоединенія Арменіи къ Россіи, и напоминая обожаемому мною Государю обѣщанія, данныя покойнымъ его августѣйшимъ братомъ Александромъ I моему отцу (автографическія письма къ нему этого Императора находятся у меня); послѣ немалыхъ хлопотъ

я подъ конецъ изъ устъ генералъ-адъютанта Храповицкаго услышалъ Высочайшее повелѣніе о немедленномъ выѣздѣ заграницу, причемъ, передавая мнѣ сто дукатовъ на путевыя издержки, генералъ сказалъ мнѣ, что Его Величество Императоръ соизволилъ за всѣ отобранныя у меня имѣнія даровать мнѣ пенсію по тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ, чтобы я могъ на эти средства жить заграницей.

„Такое повелѣніе я не могу иначе себѣ объяснить, какъ желаніемъ удалить меня почему-то совсѣмъ изъ предѣловъ русскихъ. Поселившись въ Лондонѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я получилъ, въ январѣ отъ барона Брунова и при посредствѣ генеральнаго консула г. Кремера, всего лишь тысячу франковъ [1]). Между тѣмъ совершенно одинокій, безъ родителей, которые обо мнѣ пеклись бы, безъ состоянія, безъ всякихъ средствъ къ существованію, терзаемый горемъ и нуждою, смѣю надѣяться, что вы, господинъ министръ, не откажетесь довести до свѣдѣнія обожаемаго мною Государя о моемъ тягостномъ положеніи и объясните при этомъ, что я ничѣмъ не заслужилъ постигшей меня жестокой кары!—Во всякомъ случаѣ не теряю надежды, что Его Величество соизволитъ даровать мнѣ пенсію въ двѣ, или по крайней мѣрѣ въ одну тысячу франковъ, въ мѣсяцъ, при которой я могъ бы жить скромно заграницею, пока Государь не помилуетъ меня и не позволитъ вернуться въ Петербургъ.

„Проживъ три мѣсяца въ Брюсселѣ и не получая отъ барона Брунова ни одного ліарда, я обратился съ просьбою о помощи къ королевѣ Великобританской. Ея Величество, лично знавшая моего покойнаго отца, услыхавъ о несчастномъ моемъ положеніи, прислала мнѣ черезъ своего брюссельскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Валлера, сто фунтовъ стерлинговъ, приказывая передать, что царевичъ армянскій не долженъ бѣдствовать, и что она всегда готова мнѣ помогать, какъ только я буду въ томъ нуждаться. Благодаря этому августѣйшему пособію всемилостивѣйшей Британской королевы, я могъ разсчитаться съ мелкими долгами въ Бельгіи; но, какъ подданному русскаго Императора, мнѣ невозможно принять предложеніе англійскаго правительства—вернуться при его содѣйствіи черезъ Персію въ Эривань и въ Грузію къ своимъ роднымъ и въ свое имѣніе. Я имѣлъ уже честь показывать вашему

[1]) У Кремера онъ также, какъ у Фонтона и франкфуртскаго консула, выпросилъ эти деньги обманнымъ способомъ.

превосходительству письмо, полученное мною отъ г. Валлера, а потому еще разъ рѣшаюсь просить васъ ходатайствовать о разрѣшеніи Государя вернуться мнѣ въ Петербургъ. Возвратитъ ли мнѣ Его Величество все у меня отобранное или пожалуетъ мнѣ пенсію, уповаю на его милосердіе и справедливость и увѣренъ, что, узнавъ ближе обстоятельства моего дѣла, Его Величество помѣститъ меня въ число лицъ, о которыхъ упоминается въ указѣ 6-го декабря 1846 года.

„Могу ли я надѣяться, ваше превосходительство, что вы соблаговолите оказать мнѣ свое покровительство?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ

Князь Коригосъ

Іюня 10-го дня 1847 г. принцъ Арменіи"

Stuttgardt.

König Strasse № 22.

Его Сіятельству Князю Горчакову, полномоченному министру при королѣ Вюртембергскомъ.

Одновременно съ этимъ посланіемъ пошло и другое въ Петербургъ графу Нессельроде:

Господинъ Министръ,

„Въ бытность еще мою въ Петербургѣ, когда Его Величеству Императору угодно было спросить у меня подлинное метрическое свидѣтельство о моемъ крещеніи и я имѣлъ честь представить его Государю, черезъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ, наслѣднаго принца прусскаго, два дня спустя послѣ того, ваше превосходительство (если вы соизволите тò припомнить) прислали ко мнѣ камергера Ивана Лазарева сказать, чтобы я потерпѣлъ еще нѣсколько дней, пока не получу аудіенцію у Государя. Но прошелъ цѣлый мѣсяцъ напраснаго для меня ожиданія, и наконецъ ко мнѣ пожаловалъ генералъ Храповицкій съ увѣдомленіемъ, что, по Высочайшей волѣ, я высылаюсь изъ Петербурга заграницу. Взяли у меня паспортъ, съ которымъ я прибылъ въ Петербургъ, гдѣ значился мой титулъ, вмѣсто того дали другой, думалъ я, что и въ немъ сказано то же, что и въ прежнемъ, совершенно не понимая причины моей высылки; но теперь, къ несказанному своему удивленію, отъ посланника русскаго въ Штутгартѣ, кн. Горчакова, узнаю, что выслали меня потому, что считаютъ за бунтовщика, а при обзорѣ княземъ моего паспорта, оказалось, что имя мое въ немъ переиначено, весь паспортъ перепутанъ и даже подскобленъ. Вотъ до чего доходитъ небрежность чиновниковъ!

Между тѣмъ вашему превосходительству очень хорошо извѣстно, что передъ пріѣздомъ своимъ въ Петербургъ, въ теченіе 20 лѣтъ, я имѣлъ русскій паспортъ, съ которымъ всѣ посланники обожаемаго мною Государя благосклонно меня принимали, какъ родственника и друга, а теперь они ко мнѣ относятся, какъ къ злѣйшему врагу Россіи. Узнавъ отъ кн. Горчакова, что распоряженіе это не исходитъ отъ вашего превосходительства, я возвратилъ князю свой паспортъ и просилъ послать его въ Россію для обмѣна на другой, подобный прежнему. Пусть не возвращаютъ мнѣ моихъ имѣній и не назначаютъ мнѣ пенсіи, если такова воля обожаемаго мною Государя, предъ милосердіемъ и справедливостью котораго преклоняюсь, но за что же хотятъ меня клеймить позоромъ, не признавая тѣмъ, что я есть (что̀ видно мнѣ изъ бумаги, показанной княземъ Горчаковымъ) и былъ въ теченіе 20 лѣтъ. Это совсѣмъ уже прискорбно. Умоляю васъ, господинъ министръ, доведите до свѣдѣнія Государя всенижайшую мою просьбу о немедленномъ возстановленіи моей чести, чтобы я могъ по крайней мѣрѣ поступить на службу Австріи, получивъ на то особое Высочайшее повелѣніе, безъ котораго меня не примутъ въ войска союзнаго государства. Остановилъ я выборъ свой на Австріи потому собственно, что бабка моя была принцессой венгерской.—Полный упованія на великодушіе и доброту вашего сердца, не сомнѣваюсь, что вы примете участіе въ моемъ тягостномъ положеніи и сдѣлаете все, чтобы вывести меня изъ него. Ожидая съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, прошу принять увѣреніе

Князь Коригосъ
Принцъ Арменіи".

22-го іюня 1847 года
Штутгардтъ
Его с. гр. Нессельроде.

Пока еще проживалъ онъ въ Штутгартѣ, въ мѣстной газетѣ появилась перепечатанная изъ „Independence Relge". 16 Avril 1847, № 8, такая статья:

„Съ нѣкотораго времени сталъ появляться въ салонахъ Брюсселя молодой человѣкъ изящной наружности съ полу-турецкимъ, полу-татарскимъ типомъ лица, съ черными глазами, какъ бы взятыми имъ на прокатъ у черкешенокъ. Грузинскій бархатный костюмъ, вышитый золотомъ и жемчугами, персидскія наговицы, застегнутыя крупными бриллiантовыми пуговицами, на груди великолѣпная бриллiантовая звѣзда,—все это производитъ особенный эффектъ на стройномъ станѣ по-

томка Льва VI-го, царя Арменіи. По живости, веселости и сообщительности Его Королевскаго Высочества принца Корикоса никакъ нельзя угадать въ немъ лицо опальное у русскаго царя, конфисковавшаго у него всѣ имѣнія и не позволившаго ему не только одного дня, но и одного часа оставаться въ предѣлахъ своей имперіи, даже для того чтобы причаститься Святыхъ Таинъ.

„Причина изгнанія молодаго человѣка, спокойно проживавшаго въ Петербургѣ, намъ кажется черезчуръ уже ничтожною. Говорятъ, что все вышло изъ того, что во время безпорядковъ, происшедшихъ въ Грузіи, имѣвшихъ политическій характеръ, безъ вѣдома самого князя, устроилась въ пользу его демонстрація, и въ толпѣ раздавались крики: „да здравствуетъ царевичъ Арменіи Левъ VII!“

„Сегодня мы узнали, что Сисскій патріархъ поспѣшилъ прислать сюда къ князю, говорятъ, очень набожному, епископа въ сопровожденіи двухъ армянскихъ дворянъ, чтобы Его Высочество могъ выполнить здѣсь пасхальные обряды своей церкви.

„Епископъ получилъ повелѣніе патріарха ѣхать потомъ изъ Брюсселя въ Петербургъ и просить у Императора помилованія царевичу; но узнавъ, что тотъ самъ ожидаетъ отвѣтовъ отъ графовъ Нессельроде и Орлова на свои письма, нашелъ свою поѣздку покуда ненужною или преждевременною и уѣхалъ вчера въ Римъ къ папѣ съ порученіемъ царевича. Одинъ изъ дворянъ посланъ въ Константинополь съ увѣдомленіемъ Сисскаго патріарха о религіозныхъ желаніяхъ и планахъ царевича. Быть можетъ,—да въ томъ нѣтъ ничего несбыточнаго,—что результатомъ миссіи епископа будетъ унія армянской церкви съ латинскою, расходящихся между собою въ нѣкоторыхъ лишь обрядностяхъ богослуженія. Такое крупное событіе, какъ прекращеніе схизмы на востокѣ, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать высокому достоинству нашей современности и прославитъ теперешняго первосвященника, украшающаго собою престолъ Св. Петра“.

Несмотря однако же на подобную статью, Коригосу въ Штутгартѣ не повезло. Получился изъ Брюсселя вексель на нѣсколько сотъ франковъ, въ то же время счетъ въ гостинницѣ возросъ, на уплату его не оказалось у принца Арменіи наличныхъ денегъ, и полиція пригласила его выѣхать изъ предѣловъ Вюртембергскаго королевства.

Когда же паспортъ, врученный Коригосомъ князю Горчакову и полученный въ Петербургѣ, сличили съ копіей съ дѣй-

ствительно выданнаго ему паспорта, при высылкѣ изъ предѣловъ имперіи, то въ немъ обнаружилась нижеуказанная подпдѣлка:

По Указу
Его Величества Государя Императора Николая Павловича
Самодержца Всероссійскаго и пр. и пр.

Приметы:
лѣтъ—26.
ростъ — 2 ар. 5 вер.
волосы—черн.
лицо—смуглое, армянское, продолговатое.
лобъ — небольшой.
брови—черныя
глаза — темнокаріе.
носъ—прямой.
ротъ—умѣренный.
усы — небольшіе, черные
подбородокъ—круглый.

Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего, армянинъ, именующій себя княземъ Коригосомъ и потомкомъ армянскаго царя Льва VI-го, по Высочайшему повелѣнію высылается заграницу, моремъ, съ воспрещеніемъ въѣзда въ предѣлы Имперіи.

Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ отъ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора съ приложеніемъ Его Императорскаго Величества печати. Въ С.-Петербургѣ, сентября 21-го дня 1846 года. Подлинный подписалъ:
С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Храповицкій. М.П.

Съ подлиннымъ вѣрно: надворный совѣтникъ Степановъ.

Коллежскій регистраторъ Ф. Кунъ.

(Поддѣлка Коригоса).

Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель, *Его Высочество князь Коригосъ* и потомокъ армянскаго царя Льва VI-го по Высочайшему *Его Императорскаго Величества* повелѣнію высылается *моремъ за границу* — „ — *того ради всѣ высокія области приглашаются по состоянію чина и достоинства кому сіе предъявится, нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ поставляется въ обязанность князя Коригоса, какъ нынѣ изъ Россіи идущаго, такъ и потомъ въ Россію возвращающагося, не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать.*—Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда и т. д.

Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ Коригоса, найдено было необходимымъ сообщить о нихъ всѣмъ нашимъ европейскимъ миссіямъ и предупредить ихъ, чтобы онѣ воздерживались отъ всякихъ съ нимъ сношеній, и при появленіи его съ какими-либо домогательствами, давали бы ему понимать, что онъ не можетъ ожидать отъ нихъ ни поддержки, ни матеріальнаго пособія, а еслибы онъ сталъ появляться въ публичныхъ мѣстахъ украшеннымъ русскими орденами и выдавать себя за русскаго офицера, то миссіямъ вмѣнялось въ обязанность доводить о томъ до свѣдѣнія мѣстныхъ властей.

Эта ли мѣра или что другое, только Коригосъ смолкъ на довольно продолжительный промежутокъ времени и только въ 1850 году напомнилъ о себѣ графу Нессельроде письмомъ совершенно инаго тона.

Ваше Сіятельство.

„Снова рѣшаюсь безпокоить васъ и льщу себя надеждою, что вы соблаговолите меня выслушать. Одинъ изъ моихъ родственниковъ, умирая, сдѣлалъ меня наслѣдникомъ огромнаго состоянія и завѣщалъ мнѣ, также какъ и мой отецъ, быть всегда вѣрнымъ слугою Его Величества Императора русскаго, и его преемниковъ. Это-то и даетъ мнѣ смѣлость сообщить вамъ, что, въ случаѣ объявленія войны Россіею Турціи, я буду находиться во главѣ тысячи человѣкъ, на половину армянъ, на половину грековъ, среди самаго Константинополя для того, чтобы нанести полное пораженіе туркамъ, при кликахъ: „да здравствуетъ Императоръ Николай!“ —Въ послѣднюю мою поѣздку въ этотъ городъ, въ сентябрѣ 1849 года, я составилъ этотъ планъ, вмѣстѣ съ греческимъ и армянскимъ патріархами, со многими дворянами и въ особенности близко сошелся съ однимъ изъ моихъ земляковъ, завѣдующимъ пороховыми магазинами и складами оружія, г. Дадіаномъ, который обѣщалъ передать мнѣ ключи отъ этихъ магазиновъ и склада.—Всѣ эти лица въ присутствіи моемъ, въ церкви, присягнули мнѣ слѣпо во всемъ повиноваться и взяли съ меня, какъ стоящаго во главѣ этого замысла, клятву довести о немъ до свѣдѣнія Его Величества Императора русскаго, а также и о желаніяхъ ихъ и всѣхъ христіанъ Стамбула крѣпко стоять за свое освобожденіе отъ турецкаго ига.—И вотъ почему, умоляю ваше сіятельство довести все это до Государя, обожаемаго нами нашего Отца. Одинъ изъ нашихъ священниковъ, находящійся теперь здѣсь при мнѣ, хотѣлъ бы привезти отвѣтъ Государя въ

Стамбулъ.—Соблаговолите поспѣшить увѣдомленіемъ меня, соизволитъ ли Государь удостоить принятіемъ нашихъ предложеній. Если они будутъ приняты, всѣ иностранные военные корабли, находящіеся въ Стамбулѣ, тотчасъ же зажгутся какъ факелы. Я сообщилъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ одному изъ лучшихъ друзей моихъ, наслѣдному принцу прусскому, который мнѣ совѣтуетъ немедля довести ихъ до Государя, а самъ обѣщаетъ передать все наслѣднику цесаревичу.

„Не желая больше возвращаться на свою родину и вообще въ предѣлы Россіи, я былъ бы счастливъ, еслибы Государь былъ настолько ко мнѣ милостивъ, что, считая меня своимъ вѣрноподданнымъ, не отказалъ бы мнѣ въ своемъ покровительствѣ. Льщу себя надеждою, графъ, что вы не откажетесь ходатайствовать за меня предъ Его Величествомъ и убѣдите Государя, что я ничѣмъ не заслужилъ жестокой кары—его не милости. Въ доказательство моей вѣрности и любви къ нему, я приношу къ его стопамъ все мое состояніе и отдаю ему свою жизнь. Позволяю себѣ привести вамъ, графъ, слова покойнаго Императора Александра І-го изъ одного августѣйшаго письма его къ моему отцу: „что же касается до вашего титула, князь, то ничто не можетъ лишить васъ даннаго Богомъ и принадлежащаго вамъ по праву рожденія, т. е. титула принца королевскаго дома Арменіи“. Когда, въ бытность мою въ Берлинѣ, я показалъ это письмо королю Прусскому, то вѣроятно объ этомъ сообщено было вамъ тамошнимъ посланникомъ, барономъ Мейдорфомъ. Теперь послушайте, что я вамъ скажу, графъ. Если вы по просьбѣ моей не доведете настоящаго письма до Государя, то я буду поставленъ въ необходимость огласить обо всемъ, что творится въ моей странѣ, какъ страдаютъ тамъ всѣ мои соотечественники подобно мнѣ, а въ то же время и напечатать всѣ письма Императора Александра къ моему отцу, у меня находящіяся и которыя изъ уваженія къ памяти его я всегда высоко чтилъ. Между тѣмъ долженъ вамъ замѣтить, что отвѣтъ вамъ обо мнѣ князя Воронцова не исходилъ изъ удостовѣренія патріарха Нерсеса, такъ какъ Его Святѣйшество изволилъ отвѣтить на мое письмо, что никто не спрашивалъ у него дополнительныхъ свѣдѣній о моемъ рожденіи и моемъ происхожденіи, а кто не былъ въ Эчміадзинѣ съ 1820 года, можетъ ли говорить объ этомъ. Вслѣдствіе чего прилагаю при семъ нѣмецкій переводъ съ моего метрическаго свидѣтельства, подписаннаго па-

тріархомъ Эфремомъ, подлинное же находится у меня. Буду ждать вашего отвѣта въ Парижѣ, а мой адресъ извѣстенъ въ русской миссіи. Полагаясь на вашу доброту, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Князь Коригосъ".

Парижъ
21 февраля 1850 г.
Графу Нессельроде.

Понятно, что и на этотъ вздоръ не послѣдовало никакого отвѣта, и прошло затѣмъ два года, въ теченіе которыхъ о Коригосѣ не было ни духу, ни слуху; можно было предполагать, что, сдѣлавшись наслѣдникомъ огромнаго состоянія, онъ успокоился въ матеріальномъ отношеніи и бросилъ свои фантастическія затѣи относительно королевскаго трона Арменіи; но предположеніе это не оправдалось, доказательствомъ чему явилось письмо, присланное къ Государю Императору и въ то же время напечатанное въ „Times'ѣ":

Его Императорскому Величеству Николаю 1-му
Всероссійскому Императору.
Государь,

„Постигнутый несчастіемъ изгнанія изъ своего отечества, неужели я долженъ вѣрить, что оно попало въ руки монарха, попирающаго всѣ священнѣйшія права человѣческія? Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я не перестаю требовать возврата себѣ не только захваченныхъ земель, но и отобранныхъ у меня въ Петербургѣ въ 1846 году брилліантовъ. Вмѣсто земель мнѣ предлагали сто тысячъ франковъ, выдали даже въ зачетъ ихъ, по способу людей, не желающихъ уплачивать свои обязательства, какія-то жалкія крохи, а вмѣсто брилліантовъ, цѣнимыхъ мною свыше милліона франковъ, обѣщали выдавать по 500 франковъ въ мѣсяцъ, требовали, чтобы за все это я навсегда отказался отъ всѣхъ своихъ правъ. Прирожденное мнѣ благородство не позволяетъ мнѣ торговаться и спускать цѣну моихъ драгоцѣнностей, и я больше ничего не требую, какъ только самаго простаго акта, возврата мнѣ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были у меня отобраны, безъ всякаго подмѣна вашими чиновниками настоящихъ брилліантовъ фальшивыми.

„Мнѣ ничего не остается, Государь, какъ искать защиты у общественнаго мнѣнія. Подумайте, насколько будетъ дискредитировано ваше царствованіе, когда всѣ узнаютъ, что вы даете у себя санкцію такимъ дѣламъ, которыя вездѣ наказываются

по всей строгости законовъ и отвергаются общею всѣмъ народамъ нравственностью. Ваши чиновники мнѣ говорили, что вы можете у себя дѣлать все, что захотите, и никто не скажетъ вамъ о томъ, что дурно. Но не такова роль безпристрастной исторіи, Государь, къ счастью рѣдко встрѣчавшей необходимость обличать дѣйствія коронованныхъ лицъ, подобныя тѣмъ, которыхъ сдѣлался я жертвою. Политика нерѣдко оправдывала царей, присвоивавшихъ себѣ другія царства, но можетъ ли она оправдать присвоиваніе фамильныхъ бриллiантовъ у лицъ, сверженныхъ ими съ престола и изгнанныхъ изъ отечества, тогда какъ эти драгоцѣнности остаются единственнымъ источникомъ для насущнаго существованія изгнанниковъ.

Съ подобающимъ къ Вашему Императорскому Величеству почтеніемъ имѣю честь быть,

(подписано) Леонъ,
царствующій принцъ Арменіи".

Лондонъ.
19 октября 1852 г.

Письмо къ Государю было вложено въ письмо къ гр. Нессельроде, такого содержанія:

Господинъ Министръ,

„Графъ Орловъ объяснитъ вамъ побужденіе, заставившее меня напечатать настоящее письмо, и теперь мнѣ остается вамъ сказать, что если Императоръ Николай не пожелаетъ возвратить мнѣ моихъ бриллiантовъ или не вознаградитъ меня соотвѣтственно ихъ цѣнности, я буду поставленъ въ необходимость, графъ, напечатать всѣ письма Императора Александра I-го къ моему отцу, находящіяся у меня. Мнѣ не остается ничего больше, какъ искать защиты у общественнаго мнѣнія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Принцъ Арменіи".

2-го ноября 1852 года.
Лондонъ, 57 New Bond. St.
Графу Нессельроде.

Четыре мѣсяца спустя получилось новое письмо, напечатанное тоже въ „Times'ѣ".

Его Императорскому Величеству Николаю I-му
Всероссійскому Императору.

Государь,

„Четыре мѣсяца тому назадъ я имѣлъ честь писать къ Вамъ и просить возвращенія бриллiантовъ, отобранныхъ у меня въ

противность всѣмъ законамъ нравственности вашими агентами. Вы не удостоили меня своимъ отвѣтомъ, а потому снова напоминаю Вамъ о вашей неправосудности и о своихъ правахъ. Одно изъ двухъ, Государь, или я законный владѣтель, или нѣтъ. Если вы, изгоняя меня изъ моего отечества, считали меня все-таки, какъ тò сказали мнѣ ваши чиновники, за принца царской крови, то и обязаны вернуть мнѣ мое личное достояніе; если же я не болѣе какъ вашъ подданный, то, спрашиваю васъ, какое же судебное учрежденіе вашей страны обсуждало и рѣшало мое дѣло, а я вамъ напомню, Государь, что конфискація имущества не существуетъ ни въ законахъ русскихъ, ни въ армянскихъ. Когда-то и вы сами строго осуждали дѣйствіе одного коронованнаго лица, конфисковавшаго имѣнія у одной фамиліи, прежде царствовавшей. Какъ же послѣ того вы можете оправдывать поступокъ свой со мною? За такую задачу не возьмутся и ваши дипломаты. Изгоняя меня изъ своей Имперіи, вы основывались лишь на ложныхъ обо мнѣ донесеніяхъ, которыя не даны были мнѣ для прочтенія и я лишенъ былъ возможности ихъ опровергнуть. Чѣмъ болѣе допущено было при этомъ вредной поспѣшности, тѣмъ необходимѣе теперь исправить эту ошибку, въ цѣляхъ возстановленія достоинства вашей самодержавной власти. Въ 1846 году у меня отобрано было деньгами и брилліантами болѣе чѣмъ на милліонъ рублей, и если финансы ваши не позволяютъ вамъ теперь вернуть мнѣ всей этой суммы, то по крайней мѣрѣ платите проценты съ нея въ размѣрѣ, установленномъ законами вашей Имперіи. Я живу теперь, Государь, въ странѣ, уплачивающей пенсіи лишеннымъ троновъ, индѣйскимъ принцамъ, которыхъ имущественныя права уважаютъ и считаютъ священными. Не требуйте же отъ меня даже и послѣ удовлетворенія моего, чтобы я жилъ гдѣ-либо кромѣ Лондона. Испанскіе бандиты, обирая путешественниковъ, оставляютъ имъ все необходимое, для продолженія ихъ путешествія, а крохи, полученныя мною отъ вашихъ чиновниковъ, не могутъ прокормить и нищаго.

„Деньги, отобранныя у меня, ассигнованы были мною частію на содержаніе священниковъ церкви, къ которой я принадлежу, такъ что при изгнаніи меня изъ отечества я лишенъ и возможности выполнять уставы религіи своей и своихъ отцовъ. „Ваша фамилія",—сказали Вы одному изъ посланцевъ Бонапарте,—„слишкомъ еще нова, чтобы вамъ быть легитимистомъ", а на мнѣ вы лучше всего доказываете, насколько

уважаете дѣйствительныхъ легитимистовъ. Вы называете себя главою своей церкви, а между тѣмъ жертвамъ своей алчности не даете возможности находить утѣшеніе въ ихъ собственной церкви. Я не перестану, Государь, взывать къ Божескому и человѣческому правосудію, и при этомъ

(подписано) имѣю честь быть

Леонъ

Лондонъ Царствующій принцъ Арменіи".

19 февраля 1853 г.

Въ пакетѣ было вложено и письмо къ гр. Нессельроде отъ того же числа.

Ваше Сіятельство,

„Если письма мои къ Императору Николаю не доводятся до него, то, прилагая при семъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ ихъ копій, считаю за удовольствіе сообщить вамъ, что я поставленъ теперь во главѣ тридцати тысячной армянской арміи и буду сражаться съ русскими. Императоръ Николай обобралъ меня и выслалъ изъ своей Имперіи, теперь же пришло время и мнѣ сдѣлать то же самое съ нимъ въ моей странѣ. Пословица не даромъ говоритъ: „у всякаго есть своя очередь".

Кланяюсь вамъ

Графу Нессельроде, г. министру иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ.

Леонъ, принцъ Арменіи".

Годъ и девять мѣсяцевъ спустя, въ то время, какъ крымская война была въ полномъ разгарѣ, получилось отъ Коригоса новое посланіе къ Государю совсѣмъ опять въ другомъ тонѣ при письмѣ къ гр. Нессельроде.

Его Императорскому Величеству
Николаю I-му
Императору Всероссійскому.

Государь,

„Я сослужилъ Вамъ большую службу, помѣшавъ 30 тысячамъ армянъ присоединиться къ азіатской арміи генерала Гужона, въ настоящее время Куршида-паши, и — за то прошу у васъ единственной награды — почетнаго званія Вашего генералъ-адъютанта. А какъ религіи нашей грозитъ опасность отъ невѣрныхъ, то позвольте мнѣ, Государь, предложить Россіи мою шпагу на защиту Вашего государства и Вашего трона.

„Союзныя державы организовали армянскую армію и когда вѣрноподданные мои избрали меня своимъ вождемъ, державы эти тому не препятствовали, думая, что я поведу свои войска противъ Россіи. Чтобы имѣть возможность спасти азіатскую армію Вашего Величества и стоять во главѣ арміи армянской, я былъ поставленъ въ необходимость печатать въ газетахъ прокламаціи, враждебныя Россіи, и тѣмъ усыпилъ подозрительность англійскихъ министровъ, также какъ и Людовика Наполеона. Передъ отъѣздомъ въ Константинополь я имѣлъ неоднократныя свиданія съ императоромъ французовъ, въ которыхъ онъ мнѣ положительно высказывалъ намѣренія свои какъ можно болѣе урѣзать Россію или подѣлить ее съ Англіею, Кавказъ же и Грузію сдѣлать автономными, причемъ пытался обольщать меня обѣщаніями грузинской короны. „Наградою вашею", говорилъ онъ мнѣ,—„будетъ лишь возстановленіе вашихъ правъ". Въ этихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ Людовикъ Наполеонъ не скрывалъ отъ меня личной своей ненависти къ Вашему Величеству и говорилъ о своемъ планѣ кампаніи съ 40-тысячной арміей со стороны прусской границы. „Населеніе рейнскихъ провинцій", —объяснилъ онъ при этомъ,— „ожидаетъ уже меня съ нетерпѣніемъ и ничего больше не желаетъ, какъ вступленія въ мое подданство". Онъ показывалъ мнѣ даже сообщеніе къ нему Ванъ-Геккерна, выражавшее симпатіи къ нему этого населенія. Онъ хотѣлъ также возстановить королевство польское, и другъ его Персиньи назначался туда королемъ. Этотъ послѣдній издалъ даже брошюру съ императорскимъ гербомъ, въ которой говорится о возстановленіи Польши. Хотя Людовикъ Наполеонъ и былъ товарищемъ моимъ по изгнанію и мы встрѣчались съ нимъ въ Лондонѣ, но я всегда его ненавидѣлъ и теперь ненавижу, какъ легитимистъ по своимъ убѣжденіямъ. Считаю священнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего всѣ противъ Васъ намѣренія этого коронованнаго авантюриста.

„Прибывъ въ Арменію, я говорилъ съ своимъ народомъ и привелъ его къ присягѣ на слѣпое себѣ повиновеніе, а потомъ я сказалъ ему, что я самъ укажу ему на нашихъ враговъ и поведу свои войска противъ нихъ. Куршидъ-паша, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Эрзрумъ, написалъ мнѣ о немедленномъ присоединеніи къ нему моей арміи, но я словесно ему отвѣтилъ, черезъ своего армянскаго офицера, что долженъ спѣшить въ Римъ для возсоединенія греко-схизматической церкви

съ римскою. Трудно заставить армянъ идти противъ русскихъ, а ихъ бездѣйствіе и содѣйствовало успѣхамъ Вашей арміи, Государь, въ Малой Азіи. Ваше Величество поймите, что я былъ поставленъ въ необходимость придумать какой-нибудь благовидный предлогъ моему временному отъѣзду, помѣшавшему кому-либо стать во главѣ моей арміи и вести ее противъ русскихъ. Хотя меня и ждали въ Римѣ, но я туда не поѣхалъ, и вернулся въ Стамбулъ, а оттуда въ Парижъ, къ большому удивленію г. Людовика Бонапарта. Его увѣрилъ я въ вызовѣ своемъ въ Римъ. Насколько ни былъ онъ хитеръ, но не понялъ, что законный принцъ Арменіи предпочтетъ лишиться жизни, чѣмъ идти противъ русскаго Императора. Повѣрьте, Государь, что единственное мое счастье состоитъ въ томъ, что я имѣлъ случай сослужить теперь Вамъ службу. Король прусскій Вамъ напомнитъ о моей безпредѣльной преданности и объ настоящей услугѣ. Мнѣ остается лишь сказать Вамъ, Государь, что отнынѣ ни одинъ армянинъ не посмѣетъ поднять оружіе противъ Россіи. Къ просьбѣ моей уже высказанной присоединяю еще другую; нося званіе Вашего генерала, я просилъ бы разрѣшеніе позволить мнѣ носить ордена, пожалованные мнѣ и другими европейскими монархами. Арміи турецкія въ Эрзрумѣ и Карсѣ очень слабы, офицеры въ нихъ большею частью изъ бѣглыхъ поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ, дисциплина плоха, солдатамъ не платятъ жалованья, дурно ихъ кормятъ и пр. Они только и бредятъ грабежами. Говорили мнѣ, что туда хотятъ послать французскихъ офицеровъ, но врядъ-ли это состоится. Людовикъ Наполеонъ страшно ненавидимъ въ настоящую минуту въ Парижѣ и тамъ часто слышатся клики: „Да здравствуетъ Генрихъ V!?“ Они раздаются изъ среды солдатъ и буржуазіи, вслѣдствіе чего начались и аресты. Отсюда поѣду я въ Туринъ, гдѣ буду спокойно сидѣть и ждать отвѣта Вашего Величества. Покуда же имѣю честь быть, Государь, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ Вашимъ слугою

Леонъ, принцъ Арменіи“.

12-го ноября 1854 г.
Антверпенъ

Господинъ Графъ,

„Я сослужилъ важную службу Его Величеству Императору русскому, помѣшавъ присоединенію тридцати тысячъ армянъ къ азіатской арміи генерала Гужона, въ настоящее время

Куршида-паши. Чтобы достигнуть тѣмъ спасенія русской арміи и сдѣлаться главнокомандующимъ армянской арміи, я былъ поставленъ въ необходимость дѣлать громкія прокламаціи противъ Россіи, помѣщая ихъ въ газетахъ. Тѣмъ усыплялъ я подозрительность англійскихъ министровъ и господина Людовика Наполеона Бонапарта. Союзныя державы, организовавъ армянскую армію, не препятствовали назначенію моему главнокомандующимъ ея, а вѣрные мои подданные избрали меня своимъ вождемъ, зная, что сказанныя державы считаютъ меня врагомъ Россіи. Все это доведено уже до свѣдѣнія генералъ-адъютанта графа Орлова съ тѣмъ, чтобы онъ доложилъ Государю, а Его Величество король прусскій обѣщалъ мнѣ напомнить своему августѣйшему зятю о моей къ нему преданности и настоящей услугѣ.

Примите, графъ, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи

Леонъ, принцъ Арменіи".

24-го ноября 1854 г.

Антверпенъ,

Е. С. гр. Нессельроде.

Письмо это стоитъ въ связи съ неудавшеюся тогда затѣею, исходившею изъ лагеря европейскихъ союзныхъ державъ, съ нами воевавшихъ. Французамъ ли, или англичанамъ, того мы не можемъ теперь сказать съ достовѣрностью, пришла мысль организовать на манеръ польскаго легіона—легіонъ армянскій, только она встрѣтила сочувствіе, быть можетъ и вынужденное, среди богачей и банкировъ-армянъ константинопольскихъ, пожертвовавшихъ на сформированіе этого легіона довольно значительныя суммы. Сформированіе поручено было французскому полковнику или генералу изъ тюркосовъ, Гужону, вступившему въ турецкую службу подъ именемъ Куршида-паши. Появлялся ли дѣйствительно во главѣ этихъ войскъ на малоазіатскомъ театрѣ войны Коригосъ съ своимъ адъютантомъ Бедросъ-беемъ, какъ о томъ писалось въ европейскихъ газетахъ, мы опять же не беремся утверждать, помнимъ только, что, находясь тогда въ Закавказьи, слѣдовательно, въ сосѣдствѣ отъ театра войны, слышали мы тамъ что-то объ этой партизанской командѣ изъ армянъ, сформированной союзниками и разбѣжавшейся при первомъ выстрѣлѣ. Говорили потомъ, что многіе изъ нея перешли къ намъ, въ составъ нашей партизанской команды, находившейся при обложеніи Карса, въ завѣдываніи М. Т. Лорисъ-Меликова.

Вообще же затѣя эта, поддержанная константинопольскими богачами-армянами, главнымъ образомъ, въ угоду англичанамъ и французамъ, лишена была всякаго смысла. За что было набраннымъ въ этотъ легіонъ армянамъ сражаться съ нами, когда они прекрасно знали, что ихъ землякамъ лучше всего живется у насъ, а потомъ людямъ мирнымъ, по преимуществу, торгашамъ, и въ голову не приходило въ серьезъ подставлять себя подъ наши пушки. Конечно, они были не прочь получить кое-что отъ турокъ на экипировку, порціоны и раціоны и при первомъ удобномъ случаѣ обращались въ бѣгство. Воинственность никогда не была отличительной чертой армянскихъ массъ и среди нихъ единственное исключеніе въ этомъ отношеніи дѣлали всегда зейтунцы, горское, армянское племя въ Киликіи, геройски отстаивавшее, какъ и черногорцы, свою независимость; но какъ и тѣ зейтунцы, никогда не сражались за предѣлами своихъ родныхъ горъ, слѣдовательно, въ легіонѣ армянскомъ, боевой элементъ этотъ отсутствовалъ.

Коригосъ, какъ видно изъ его письма, воспользовался и этимъ неудавшимся легіономъ, чтобы порисоваться; но когда изъ Рима вздумалось ему почему-то направиться въ Берлинъ, тамъ ему не повезло. Его арестовали и, продержавъ три мѣсяца въ тюрьмѣ, какъ о томъ выше сказано, выслали за предѣлы Пруссіи.

Уѣхавъ оттуда въ Туринъ, въ тамошней министерской газетѣ, напечаталъ онъ 15-го іюня 1855 года слѣдующее открытое письмо королю прусскому:

Государь,

„Ваше Величество узнали наконецъ, что арестованіе меня вашею берлинскою полиціею, въ такой моментъ, когда Карсъ былъ уже осажденъ и я намѣревался вернуться въ свое отечество, было величайшею несправедливостью и дѣломъ незаконнымъ. Ваши министры, конечно, не хотѣли быть отвѣтственными за подобное дѣйствіе и приписали его произволу президента берлинской полиціи г. Гинкельдея, умершаго не своею смертью, такъ какъ Богъ никогда не оставляетъ безъ наказанія людей злыхъ.

„Ваше Величество намѣрены заплатить мнѣ 100 т. талеровъ, въ видѣ вознагражденія меня за убытки и неправильный арестъ по ложному доносу, подъ тѣмъ условіемъ, впрочемъ, чтобы я воздержался отъ всякихъ по этому поводу статей въ газетахъ, направленныхъ противъ Васъ, Вашего двора и правительства.

„Я на все это согласенъ и прошу Вашего повелѣнія о немедленной выдачѣ этой суммы и распредѣленіи ея слѣдующимъ способомъ. Сто тысячъ франковъ прошу выдать французскимъ солдатамъ, раненнымъ въ Крыму, а также вдовамъ и сиротамъ убитыхъ тамъ; сто тысячъ—солдатамъ англійскимъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и французскимъ; сто тысячъ—солдатамъ піемонтскимъ и семьдесятъ пять тысячъ франковъ—пострадавшимъ отъ наводненій въ южной Франціи. Что же касается до меня лично, Государь, то Арменія велика, и она еще не вся подпала подъ владычество царя; но хотя и раздѣленная на части между тремя ея покорителями, пріищетъ у себя какой-нибудь мнѣ уголокъ.

„Къ этой просьбѣ своей присовокуплю еще и другую. Прикажите, Государь, поскорѣе возвратить мнѣ бумаги мои и цѣнныя вещи, у меня отобранныя Вашими агентами по требованію русскаго посланника въ Берлинѣ. По обѣщанію Вашего августѣйшаго брата, одного изъ лучшихъ моихъ друзей, наслѣднаго принца прусскаго, все отобранное у меня должно было быть мнѣ возвращеннымъ; но до сихъ поръ я еще ничего не получилъ.

„Молю Бога, чтобы Онъ велъ Васъ къ высокимъ дѣламъ и славѣ и чтобы изъ памяти Вашей по отношенію къ принцамъ крови, изгнаннымъ изъ своего отечества, никогда не изгладились бы Ваши собственныя слова: *suum cuique*. Дай Боже, чтобы Вы, Государь, при своей отеческой добротѣ не были бы снова поставлены въ печальную случайность сажать этихъ лицъ по ложнымъ доносамъ въ тюрьму, но давали бы имъ всегда просторъ свободно исповѣдывать свои конституціонныя и либеральныя убѣжденія.

Вашего Величества покорнѣйшій кузенъ,

Леонъ, принцъ Арменіи".

Затѣмъ мы видимъ, что Коригосъ отъ 4-го февраля 1856 г. уже изъ Франкфурта пишетъ посланіе къ какимъ-то грандамъ Арменіи:

Господа мои кузены!

„Мы посылаемъ къ Вашимъ Свѣтлостямъ изложеніе всего дѣла нашего по заарестованію въ Берлинѣ, для того чтобы вы могли судить, до какой степени Пруссія, въ лицѣ моемъ, нанесла оскорбленіе всей армянской націи, а также и религіи нашихъ предковъ. Что же касается до оскорбленія августѣйшей нашей особы, то мы глядимъ на него съ презрѣніемъ и

предаемъ его вѣчному забвенію, въ виду того, что наше милосердіе только и можетъ имѣть мѣсто въ случаяхъ, касающихся до насъ лично.

Леонъ.

P.S. Чтобы прекратить всякіе толки о томъ, что принцъ Леонъ возбуждалъ армянскую націю къ отмщенію Пруссіи за оскорбленіе, нанесенное августѣйшей его особѣ, печатаемъ это письмо".

Послѣдствіемъ такого воззванія появился въ газетахъ по адресу Пруссіи объемистый протестъ армянскихъ грандовъ. Не передавая его дословно, ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ.

По завѣренію грандовъ, принцъ Леонъ Арменіи несомнѣнно есть то лицо, о которомъ говорится въ его метрическомъ свидѣтельствѣ, подписанномъ патріархомъ Ефремомъ. Оставшись сиротою, росъ онъ у своихъ опекуновъ, князей Вана и Эзенка, ближайшихъ друзей его отца; патріархъ Ефремъ назначилъ ему воспитателемъ, епископа города Дайка, Фому; получивъ подъ его руководствомъ прекрасное домашнее образованіе, восемнадцати лѣтъ отъ роду выступилъ онъ на поприще публичной дѣятельности, принявъ тогда же подъ свою защиту Нерсеса V-го, нынѣшняго верховнаго патріарха Арменіи, а въ то время еще епископа тифлисскаго, изгнаннаго императоромъ Николаемъ [1]). Это поведеніе молодаго принца создало ему большую популярность среди армянъ, которая въ особенности возрасла въ 1846-мъ году, послѣ изгнанія его самого изъ предѣловъ Россіи. Онъ производитъ теперь такое вліяніе на умы своихъ соотечественниковъ, армянъ и грузинъ, что касаться до его личности значитъ, по мнѣнію грандовъ, касаться до священнаго ковчега.

Арестованіе его въ Берлинѣ возмутило все населеніе Малой Азіи, въ особенности когда стала извѣстна подкладка этого темнаго дѣла. Принцъ Арменіи, пріѣхавъ въ Берлинъ во время обложенія Карса русскими войсками, имѣлъ свиданіе съ англійскимъ резидентомъ, лордомъ Блумфильдомъ; узнавъ объ этомъ, русская миссія въ Берлинѣ, считая принца опаснымъ для Россіи, тотчасъ же подкупила полицейскаго агента Штибера и его начальника г. Гинкельдея, а тѣ подъ какимъ-то

[1]) Нерсесъ никогда и никуда не изгонялся, а съ каѳедры тифлисской былъ переведенъ на каѳедру кишиневскую.

самымъ пустымъ предлогомъ арестовали принца. Хозяйка квартиры, въ которой онъ жилъ, нѣкая г-жа Мельманъ, родственница агента Штибера, перехватывала его письма и доставляла въ полицію. Такимъ образомъ пока Карсъ не былъ взятъ русскими, принцъ Леонъ оставался заложникомъ Россіи въ тюрьмѣ, а потомъ, отказавъ ему въ судебномъ разбирательствѣ его дѣла, выслали изъ Пруссіи. Полицейскіе агенты его обобрали. При высылкѣ Штиберъ сломалъ его шкатулку, изъ которой похитилъ бриллiантовыя и рубиновыя кольца, двѣ пары бриллiантовыхъ пуговицъ, ордена, пару золотыхъ шпоръ и наличныхъ денегъ нѣсколько тысячъ талеровъ. Армянскіе гранды протестовали противъ такого насилія и свой протестъ слѣдующія лица скрѣпили своими подписями: Князь Петросъ-бей (*Бедросъ-бей*), Князь Тельбашеръ, Князь Нуширванъ, Князь Вана II-ой, Князь Сина, Князь·Ардцруни-Меружанъ, Князь Манавазанъ, Князь Борошъ, Князь Варашкуртагъ, Князь Кепонпіанъ, Князь Катишой, Князь Ортуніанъ, Князь Хорхортуніанъ, Князь Тчубинъ, Князь Эзенка II-й, Князь Сіуніанъ-Хайкашни, Князь Мамиконіанъ, Князь Магисдросъ-Арзасидъ, Меликъ Мирза Ханъ, Меликъ Хегосъ, Меликъ Нарибекъ, Эминъ Ханъ, Амиръ-Ханъ, Элдикъ-Нагдиръ-Ханъ, Даніель-бей, Томасъ-бей Павелъ Рустуніанъ, Полковникъ Вартановъ.

Если этотъ протестъ не былъ опять же фабрикаціей самого Коригоса, то значитъ въ него вмѣшался и какой-то русскій нашъ армянинъ, полковникъ Вартановъ, носившій званіе армянскаго гранда.

Затѣмъ, въ декабрѣ 1857 года, министръ иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, графъ Мантейфель, получилъ подобный же протестъ отъ архіепископа примаса города Ани, Павла.

Въ январѣ 1858 года, когда уже Коригосъ былъ католикомъ и проживалъ въ Римѣ, архіепископъ Сиразскій, Эдуардъ, Гурмузъ, о которомъ было выше упомянуто, подалъ пространную записку о немъ нашему посланнику при Ватиканѣ Н. С. Киселеву, повторяя все уже намъ извѣстное. Но въ этой запискѣ интересно только одно обстоятельство, что Гурмузъ со словъ Коригоса приписываетъ высылку его изъ Россіи враждебному вліянію знаменитаго нашего героя Кавказа князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго и объясняетъ это тѣмъ, что Аргутинскій былъ племянникомъ верховнаго патріарха Арменіи Іосифа, врага родителей Коригоса. Князь Чер-

нышевъ будто-бы и былъ введенъ въ заблужденіе Аргутинскимъ.

Затѣмъ слѣдовало письмо Коригоса къ Императору Александру Николаевичу отъ 31 октября 1858 г. Повторяя въ немъ все извѣстное уже читателямъ и сваливая всю вину на Храповицкаго, онъ не ограничивается ссылкою на словесное его обѣщаніе, какъ то̀ дѣлалъ онъ прежде, а прилагаетъ даже и копію съ письма генералъ-губернатора, о которомъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своихъ происковъ онъ почему-то умалчивалъ.

Письмо это здѣсь приводимъ.

Князь,

„Имѣю честь васъ увѣдомить, что я довелъ до свѣдѣнія Государя Императора ваше замѣчаніе относительно тысячи франковъ въ мѣсяцъ, которыхъ вамъ будетъ недостаточно для жизни заграницей и, собственно, въ Лондонѣ, и которые были вамъ назначены въ вознагражденіе за отобранныя у васъ, по Высочайшему повелѣнію, имѣнія.

„Его Величество повелѣть соизволилъ объявить вамъ, что эти 12.000 франковъ въ годъ были назначены вамъ въ видѣ пенсіи, которая будетъ вамъ выплачиваться каждымъ русскимъ министромъ резидентомъ той страны, гдѣ вы будете жить.

„Государь уѣзжаетъ завтрашній день въ Москву, и всякая переписка по этому предмету дѣлается безполезною.

„Вы должны выѣхать безъ промедленія 27-го числа этого мѣсяца, о чемъ и отдано приказаніе адмиралу, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ точности его исполнилъ.

Примите, князь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Петербургскій военный генералъ-губернаторъ

. (подпись) Храповицкій“.

С.-Петербургъ, 24-го сентября 1846 г.

Князю Арменіи и пр.

въ Кронштадтъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: (подпись) Ватсонъ

Лондонъ, іюня 1-го дня 1861 г.

Въ письмѣ къ Государю, при которомъ прилагалось письмо Храповицкаго, Коригосъ просилъ—уплатить ему за двадцать лѣтъ удержанную у нею пенсію „и тогда“,—говоритъ онъ,—„я соглашусь называться своимъ родовымъ именемъ принца Лузиніана и лейбъ-гусарскимъ полковникомъ въ отставкѣ; чинъ полковника былъ мнѣ пожалованъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ.

Въ 1861 году, Коригосъ прислалъ Государю напечатанный имъ memorandum съ своимъ литографированнымъ портретомъ, гдѣ онъ изображенъ во фракѣ, въ лентѣ и со звѣздой. Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, проживавшей тогда въ Ниццѣ, и великому князю Константину Николаевичу, путешествовавшему по Италіи, подавалъ онъ свои записки и опять же ссылался на письмо генерала Храповицкаго. Поручено было однакожъ порыться въ архивѣ петербургскаго генералъ-губернаторства и посмотрѣть, не найдется ли тамъ въ самомъ дѣлѣ такого черноваго письма, и само собою разумѣется, что его не нашлось, какъ никогда не существовавшаго.

Гранды армянскіе, нѣкоторое время высылавшіе Коригосу субсидіи, наконецъ прекратили ихъ, епископъ Гурмузъ скончался, и оставленный всѣми, впавшій въ крайнюю нищету, Коригосъ умеръ въ Миланской больницѣ.

Тѣмъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о Коригосѣ, изъ которыхъ большая часть не была еще до сихъ поръ издана.

Кѣмъ былъ въ дѣйствительности этотъ самозванецъ, конечно, извѣстно въ какихъ-нибудь кружкахъ армянскихъ Константинополя или Тегерана и было бы давно извѣстно всѣмъ, еслибы князь Воронцовъ своимъ загадочнымъ о немъ отзывомъ не остановилъ отправленія его въ Тифлисъ. Чѣмъ могъ быть онъ вреденъ тенденціями своими въ Закавказьи, не высказалъ съ опредѣленностію Воронцовъ, и по всему вѣроятію былъ введенъ въ заблужденіе Нерсесомъ, очень любившимъ политиканствовать. Намъ извѣстенъ отзывъ гр. Паскевича объ этомъ прелатѣ и онъ былъ вполнѣ вѣренъ. Переведенный изъ Тифлиса въ Кишиневъ, онъ сильно интриговалъ о возвращеніи своемъ въ Закавказье и о возведеніи на патріаршій престолъ, чего и добился при поддержкѣ Лазаревыхъ, послѣ кончины патріарха Іоганеса. Вернувшись въ Эчміадзинъ, вскорѣ сталъ интриговать онъ противъ тифлисскаго епископа Саркиса, такъ какъ тотъ былъ не его ставленникомъ, вооружалъ противъ, него его паству, распуская слухи, что Саркисъ будто бы подкупленъ русскимъ правительствомъ и посягаетъ на автокефальность армянской церкви въ Закавказьи, желая подчинить ее нашему Святѣйшему Сѵноду. Это довело Саркиса до того, что тотъ просилъ перевести его на одну изъ каѳедръ за чертою Закавказья и уѣхалъ изъ Тифлиса, чтобы уступить мѣсто ставленнику Нерсеса. Во время же Крымской войны велись какія-то темныя сношенія у Нерсеса съ константинопольскими ар-

мянами, и это окончательно уронило его во мнѣніи благомыслящихъ, нашихъ русскихъ армянъ. Уроженецъ мало-азіатскій, онъ былъ любимцемъ константинопольскаго титулярнаго патріарха Даніила и имъ привезенъ въ Эчміадзинъ, но сношеній своихъ съ Стамбуломъ никогда не порывалъ, а поэтому ему несомнѣнно была извѣстна затѣя съ Коригосомъ и ея подкладка. Онъ можетъ быть и отговорилъ Воронцова пускать этого самозванца въ Закавказье потому только, что тутъ бы скорѣе всего разъяснился подлогъ. Кн. М. З. Аргутинскій-Долгорукій, лицо совершенно иного характера, и если онъ высказался о своемъ незнаніи Коригоса, то это значитъ дѣйствительно было такъ. Прямодушіе князя было всѣмъ извѣстно.

Смѣемъ думать, что еслибы, вмѣсто высылки именовавшаго себя принцемъ Арменіи, его прислали къ Воронцову въ Тифлисъ, онъ тотчасъ же былъ бы разоблаченъ и первые, кто помогъ бы тому, были бы сами почтеннѣйшіе изъ нашихъ армянъ, лицъ заслуженныхъ.

У нихъ можетъ быть одинъ лишь общій интересъ съ своими заграничными земляками — интересъ церковный, а затѣмъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и интересъ научный по отношенію къ тѣмъ драгоцѣннымъ памятникамъ армянской письменности, хранящимся въ многочисленныхъ монастырскихъ и церковныхъ архивахъ, разработка которыхъ имѣетъ общечеловѣческое значеніе.

Наши армяне, сдѣлавшись сынами, а не пріемышами великаго русскаго отечества, не могутъ имѣть иного патріотизма, какъ патріотизма русскаго. Изъ среды ихъ и вышло не мало людей, составившихъ у насъ историческое себѣ имя. Генералы—князь Мадатовъ, Деляновъ, Лазаревъ принадлежали еще отечественной войнѣ 1812 года, а князь Аргутинскій, Бебутовъ, Лорисъ-Меликовъ, Тергукасовъ и др. внесены въ лѣтописи безпримѣрной въ исторіи войны покоренія Кавказа.

Правда, бывали и случаются еще и теперь проявленія среди и нашихъ армянъ легкомысленныхъ стремленій къ политиканству и къ такъ называемому сепаратизму, но это вѣдь болѣзнь времени, симптомы которой мы видимъ и не въ одномъ нашемъ Закавказьѣ. Если мода на сепаратизмъ нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ была такъ велика, что даже и украинская наша интеллигенція имъ щеголяла, то почему же не заразиться было тою же модой и тѣмъ же недомысліемъ и нашимъ закавказскимъ армянамъ? Въ этомъ-то именно и сказалось

больше всего ихъ обрусеніе, такъ какъ и у нихъ воспиталась подобная же интеллигенція, въ нашихъ же разсадникахъ просвѣщенія. Но все это нисколько не отождествляетъ патріотизма нашихъ армянъ съ патріотизмомъ ихъ заграничныхъ одноплеменниковъ. Наши, составляя нераздѣльную семью съ нашимъ отечествомъ, стоятъ на положительной почвѣ, а у тѣхъ все опирается на мечтательность и оправдывается лишь ненормальностію и неустойчивостію политическаго ихъ положенія. Тамъ патріотизма въ реальномъ значеніи этого слова не существуетъ, а все сводится лишь на оплакиваніе прошлаго и безсильныя потуги къ невозможному возрожденію изъ пепла армянскаго царства. Изъ подобнаго источника и могутъ выходить Коригосы и дѣлаться слѣпымъ орудіемъ, враждебно направленнымъ противъ того самаго государства, которое усыновило и дало новую жизнь чуть ли не третьей части всѣхъ армянъ.

Интересно между прочимъ и то обстоятельство, что этимъ политическимъ фантазерамъ понадобилось безцеремонно потревожить тѣнь славнаго, историческаго дома Лузиніановъ и, какъ мы увидимъ дальше, Коригосъ тутъ не единичное явленіе изъ армянъ, не онъ одинъ надѣвалъ на себя доспѣхи Лузиніановъ и щеголялъ ими; два года спустя за его кончиной, проявился другой его землякъ изъ Стамбула съ двумя своими братьями и разыграли варіаціи на ту же тему и въ тѣхъ же доспѣхахъ Лузиніановъ. О нихъ мы и скажемъ въ слѣдующихъ главахъ.

К. БОРОЗДИНЪ.

(*Продолженіе будетъ*).

*
* *

Ты помнишь эту ночь? Шумѣлъ зеленый садъ,
И расцвѣталъ воздушный и душистый
Одѣтый какъ невѣста въ свой нарядъ.
Въ дали, подъ чащею вѣтвей тѣнистой
Немолчно, заливались соловьи...
То ночь была весны, то ночь была любви,
И ты тогда передо мной явилась,
Мечта желанная минувшихъ дней моихъ,
Какъ облако, какъ тѣнь ты проносилась...
Впервые полная восторговъ неземныхъ,
Моя душа отъ мукъ изнемогала,
Катились слезы сладко,—ты жъ молчала
И все кругомъ тонуло въ свѣтломъ снѣ,
Одни глаза твои свѣтились тихо мнѣ,
Глубокіе и влажные, сіяя
Любви восторгами, и нѣгою полны
Какъ эта ночь ликующей весны,
Какъ эта ночь поющая, живая!..

Ночей тѣхъ больше нѣтъ. Развѣнчанъ пышный садъ,
Давно его пѣвцы безсонные молчатъ,
Лишь плачутъ мутной мглы тускнѣющія очи
И въ окна крылья черныя ея стучатъ.
Тоски невольной слезъ сдержать нѣтъ больше мочи,

И думъ мучительныхъ по-прежнему полна,
Я жду, что вотъ опять прійдетъ ко мнѣ она...
И точно—снова дверь тихонько отворилась,
И ты опять, скажи, зачѣмъ ко мнѣ явилась?
Знакомы мнѣ твои тревожныя черты,
Блѣднѣе смерти ты, полна безмѣрной муки,
Стоишь передо мной свои ломая руки
Съ тоской,—и я боюсь спросить тебя: *кто* ты?

Н. П—О.

Поѣздка въ Дивногорье.

I.

Черезъ Донскіе луга.

...Я обманулся въ разсчетѣ: время было рабочее, и въ Лискахъ никто не брался везти меня по водѣ въ монастырь. Къ тому же солнце совсѣмъ садилось, такъ что любоваться съ лодки берегами Дона все равно бы не пришлось. Дѣлать было нечего, и я рѣшился сдѣлать ночную прогулку въ Дивногоры на почтовой тройкѣ.

Лиски утопали въ своихъ зеленыхъ садахъ, въ своихъ бѣлыхъ холмахъ, въ розовыхъ лучахъ садившагося солнца. Рѣдко и на Дону можно встрѣтить мѣстечко такое живописное и полное такой деревенской поэзіи.

Донъ тутъ уже совсѣмъ могучъ и величественъ; а сквозь широкораспахнутыя имъ ворота ближнихъ холмовъ уходитъ вдаль чарующая перспектива его далекихъ бѣлыхъ береговъ.

Лиски, или какъ мѣстные хохлы гораздо правильнѣе называютъ ихъ, Лыски,—вѣроятно лысыя мѣста, лысые берега,—теперь цѣлый городокъ, очень картинно раскинувшій свои безчисленныя бѣлыя мазанки съ желтыми крышами по крутымъ скатамъ, уютнымъ лѣсистымъ долинкамъ и песчанымъ холмамъ Донскихъ береговъ. Ихъ глазомъ не окинешь, потому что, собственно говоря, это не одно село, а цѣлыхъ три большія слободы, съ разныхъ сторонъ присосѣдившіяся къ одному и тому же звену всѣхъ ихъ питающей рѣки.

Двѣ изъ этихъ слободъ, Лыски и Залужное, въ Острогожскомъ уѣздѣ, а третья, Петровская, отдѣленная отъ нихъ Дономъ, гдѣ находится вокзалъ желѣзной дороги и высятся

настоящимъ городомъ огромные многоэтажные корпуса резервныхъ эскадроновъ, съ ихъ конюшнями и манежами,—даже совсѣмъ въ другомъ уѣздѣ,—въ Бобровскомъ.

Ямщикъ попался мнѣ говорунъ, лошадки бойкія, телѣжка покойная—такъ что я самымъ веселымъ образомъ скороталъ свою, не особенно длинную, но и не особенно накатанную дорожку. Отъ вокзала до Дивногорскаго монастыря всего 14 верстъ, и ямщики охотно возятъ туда за 2 рубля въ конецъ; стояло лѣтнее время, поэтому не было нужды объѣзжать на ту сторону рѣки и тянуться по горамъ и оврагамъ праваго берега; привольная луговая низина, заливаемая старикомъ Дономъ, теперь на столько обсохла, что по ней давно стала бѣгать даже почта.

Широкій просторъ сочнаго Донскаго низовья дышалъ на меня со всѣхъ сторонъ бодрящею вечернею прохладою; удалые коньки безшумно несли меня по его мягкому зеленому ковру, въ которомъ утопалъ даже обычный грохотъ телѣжныхъ колесъ. Кругомъ, и вблизи, и вдали, куда только глазъ хваталъ, безчисленными островерхими грибами, торчали среди темныхъ чащъ молодыхъ лѣсковъ, на яркой муравѣ луга, блѣднозеленые стоги только-что скошеннаго сѣна.

Рыжія, бѣлыя, буланыя, вороныя лошади, разбредшіяся на полной своей волѣ, пестрятъ будто крупные цвѣты этотъ громадный зеленый коверъ. Они ушли и мордами, и ногами, и всѣми помыслами своими въ молодую сочную траву и пожираютъ теперь ее съ сосредоточеннымъ увлеченіемъ, забывъ обо всемъ мірѣ, не поднимая даже на одну минуту своихъ философски - равнодушныхъ глазъ на проѣзжающую мимо тройку.

Ребятишки-табунщики,—звѣрьки еще болѣе довольные и тихимъ вечеромъ, и вольнымъ просторомъ луговъ, въ своихъ яркихъ рубашонкахъ, тоже бродятъ веселые и неутомимые, какъ птицы, въ этой сочной травѣ, среди этихъ тѣнистыхъ лѣсковъ и полощатся какъ утки въ заводяхъ Дона.

То и дѣло большія рыбныя озера перерѣзаютъ путь, сверкаютъ то тутъ, то тамъ стальнымъ зеркаломъ, заставляя змѣйкою извиваться чуть пробитую луговую дорожку.

А слѣва непрерывнымъ горнымъ хребтомъ провожаютъ меня, пріосѣняя молча бѣгущую рѣку, обрывистыя кручи донскаго берега, сплошная бѣлая стѣна на многія версты, будто ограда какой-то необъятной крѣпости, съ зеленою тра-

вяною крышею наверхъ. Она удивительно эффектно опрокидывается цѣликомъ въ синіе еще омуты Дона, который кажется отъ этого бездонно-глубокимъ. И всякій разъ, какъ я вижу эти бѣлыя кручи надъ синею стремниною исторической рѣки, я не могу не сказать самъ себѣ:

— Да, это дѣйствительно *синій* Донъ! недаромъ дали ему народы это древнее его прозвище.

— Что, баринъ, лодки-то не нашли? Не повезли васъ рыбаки? участливо обратился ко мнѣ ямщикъ, незамѣтно сдерживая лошадей и очевидно собираясь покурить.

— Нѣтъ, не взялись... поздно, говорятъ...

— Поздно—это что! пустое... А народъ весь въ полѣ, хлѣбъ убираютъ, вотъ въ чемъ причина. Въ свободное-то время что жъ бы! Меньше рубля только не возьмутъ, никакъ нельзя... Положимъ, имъ овсомъ лошадей не кормить и дегтемъ колесъ не мазать, не то что нашему брату, ну а все жъ-таки... Въ гору вѣдь лѣзть надо, четыре бабайки нужно, стало, пять человѣкъ народу... вотъ и сочтите теперь сами... а маленькую лодку на гору-то и не взгонишь... подъ воду совсѣмъ иная статья, подъ воду что̀!.. Сама понесетъ...

Не переставая разговаривать, возница мой очень послѣдовательно вынималъ, между тѣмъ, изъ-за голенища трубочку-носогрѣйку, а изъ кармана бумажку съ махоркой.

— Покурить, баринъ, дозволите?

— Дозволю.

— Эх-ма! почесалъ онъ, оглядываясь на меня,—табакъ вотъ есть, а бумажки нѣтъ... Газетки, баринъ, нѣтъ ли какой?.. Да спичечкой не разживусь ли у вашей милости?

Я далъ ему и спичекъ, и бумажку.

— Вотъ на томъ благодаримъ покорно, теперь и ѣхать будетъ веселѣе! обрадовался словоохотливый ямщикъ.

— Ты самъ-то съ Лисокъ? спросилъ я.

— Нѣ! я Крутояцкій... у насъ совсѣмъ другое положеніе. У насъ бѣднота... А тутъ въ Лискахъ богатый все народъ живетъ, хохолъ! Дюже съ чугунки богатѣютъ. Косарь нонче на лугахъ рубль двадцать за день стоялъ, баба-вязалка шесть гривенъ, потому богачи, своимъ больше займаются, на чужую-то работу кто его погонитъ. Вотъ и Селявная тоже слобода, что подлѣ монастыря, тамъ вѣдь тоже хохлы живутъ, дюже тоже хорошо... Устройство какое! Войдешь къ нему въ

домокъ, къ хохлинѣ къ этому—чистота такая, пріятность, ни дать какъ у господина?

— Рыбой небось промышляютъ?

— Ну, рыба-то на откупу у мужиковъ богатыхъ, что въ озерахъ, что въ Донàхъ. Въ озерахъ рыба больше мужицкая водится, русская, щука тамъ, карась, линь... А въ Донàхъ особливая рыба, господская, бѣлая... Стерлядь это, бирючокъ и всякая такая...

— Въ монастырѣ-то Дивногорскомъ ты бывалъ?

— Ну, вотъ, сказали!.. ухмыльнулся ямщикъ. Можетъ, разовъ-то три за день побываешь когда...

— Хорошо тамъ?

— Мм... мм!.. промычалъ, сочувственно крутя головою, мой возница.—Тамъ на Успленьевъ день міру сбирается тыщъ, можетъ, нѣсколько человѣкъ! котловъ полтораста борщу одного наварятъ, щей! Нальютъ тебѣ на 2 копѣйки; ну и отпаривай душеньку. Чего тамъ только нѣтъ! И-и-и! Боже мой! Ярманка здоровая! И кабаки потайкою, и все; скота это нагонятъ, пройти негдѣ. Ну, то-есть все рѣшительно тамъ есть, всякое положеніе! отца-матери только нѣтъ!..

Бѣлая стѣна на томъ берегу вдругъ перервалась; шапка кустовъ, курчавая, какъ волоса негра, разомъ исчезла и надъ волнами Дона нависло низко и близко отъ воды родимое ржаное поле.

Послѣднимъ редутомъ крѣпостной ограды—стоялъ на ея краю огромный бѣлый осколъ, одинокою могучею пирамидою поднимавшійся выше всѣхъ сосѣднихъ кручей и закрывавшій собою темнѣвшую за нимъ лѣсистую долинку.

Опустившійся берегъ скоро послѣ нея опять переходилъ въ суровыя скалистыя кручи, одѣтыя какъ бронею густымъ кустарникомъ и подпирающія своими исполинскими контрфорсами лежащую наверху равнину.

— Что это тамъ за гора, на той сторонѣ? спросилъ я ямщика, указывая на бѣлую пирамиду, замыкавшую флангъ стѣны.

— А то жъ и есть самое Шàтрище!.. Тамъ тоже святостей много. Монаховъ нѣту настоящихъ, не полагается, трудники только одни живутъ; пещеры тамъ нарыты—конца-краю нѣтъ, ажъ подъ самый Донъ, сказываютъ. И ужь иконъ въ тѣхъ пещерахъ—видимо-невидимо! Старина, одно слово! Въ родѣ

какъ Кеивъ старинный тутъ былъ... Господа тоже ѣздятъ когда, даже и съ эстой стороны бываютъ, съ лугу. Кликнутъ съ берега лодку, ну и подаютъ, переѣзжаютъ туда. За Шатрищемъ за этимъ тутъ же въ лощинкѣ баба-старуха хуторкомъ живетъ, хатку себѣ поставила, давно ужь!.. Вотъ она святости караулитъ.

Слобода Селявная, когда-то принадлежавшая Дивногорскому монастырю и отобранная отъ него при Потемкинѣ, покрываетъ своими домиками и садами высокое темя горнаго берега какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ очень рѣзкое колѣно, заворачиваясь подъ прямымъ угломъ вокругъ скалистаго угловаго выступа съ востока прямо на югъ. Вмѣстѣ съ рѣкою заворачиваетъ туда же и его луговая низина. Какъ разъ противъ этого колѣна Дона на лѣвой сторонѣ его—древнее поселеніе Копанище, населенное уже не хохлами, какъ Селявное и Лыски, а чистокровными москалями. Копанище—это „Богатый Затонъ", столь часто поминаемый въ древнихъ актахъ воронежскаго края, въ его писцовыхъ книгахъ и даже въ книгѣ Большаго Чертежа. Мѣсто это изстари имѣло значеніе въ системѣ порубежной защиты русскаго государства; тутъ постоянно стояли царскіе сторожи, караулившіе степныхъ кочевниковъ, а судя по названію, вѣроятно, существовалъ когда-нибудь каналъ съ цѣлью сообщенія съ какою нибудь сосѣднею рѣкою или волокомъ, или же съ цѣлью преграждения пути нападающимъ кочевникамъ.

Паромъ на ту сторону, въ Селявное и въ Дивногорскій монастырь, тоже какъ разъ подъ Копанищемъ, у поворота рѣки. Ночи прошло ужь порядочно много, и ни одного паромщика не было видно на берегу.

Ямщикъ мой направился къ куреню, стоявшему надъ рѣчкою, и сталъ отчаянно кричать:

— Господа перевозчики! перевезите барина!

Но перевозчики, должно быть, только-что заснули крѣпкимъ первосонкомъ, потому что намъ пришлось напрасно взывать къ нимъ добрыхъ полчаса. Наконецъ этотъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ былъ услышанъ, и огромный заспанный мужикъ съ всклокоченною головою, вышелъ къ намъ изъ куреня босой, какъ спалъ, накинувъ для приличія полушубокъ на плеча. Его провожалъ оригинальный помощникъ—крохот

ный трехъ-лѣтній пузанъ, тоже, конечно, босой и раздѣтый; онъ крѣпко уцѣпился за рубаху татьки и горько рыдалъ, причитая что-то жалостливое надъ своею злосчастной судьбою, поднявшею его съ нагрѣтой тятькиной постели въ такой неурочный часъ. Оказалось, что баба отлучилась куда-то на праздникъ, и нашъ бородатый Харонъ вынужденъ былъ остаться не только паромщикомъ, но и нянькою, что̀ было не особенно удобно совмѣщать, по крайней мѣрѣ, въ данныхъ обстоятельствахъ.

Вѣтеръ гналъ довольно сильно волны, и тяжелый неуклюжій паромъ относило теченьемъ такъ далеко, что веревка, пересѣкавшая рѣку, казалось, тянулась теперь вдоль нея. Ямщикъ съ паромщикомъ общими немалыми усиліями и съ немалою потерею времени—кое-какъ перетянули насъ наконецъ на ту сторону, акомпанируемые звучнымъ шлепаньемъ набѣгавшихъ волнъ и несмолкавшимъ ревомъ не въ пору разбуженнаго ребенка, не выпускавшаго изъ своего кулаченка рубахи отца.

Это еще наше счастіе, что вѣтеръ былъ не особенно великъ, а то, бываетъ,—приходится ѣхать на лодкѣ на ту сторону за народомъ, и уже тогда только подавать паромъ.

Проѣзжіе мужики, хотя и платятъ требуемыя копѣечки, сами безропотно впрягаются въ эту лямку и помаленечку переправляются такимъ образомъ черезъ рѣку на своемъ же собственномъ непокупномъ хребтѣ.

Воистину, первобытная посудина, первобытные обычаи!

Пристяжная лошадь такъ напугалась воды, парома и отчаяннаго плача ребенка, что при съѣздѣ на берегъ едва не стащила въ рѣку всю нашу тройку. Но съ Божіей помощью все устроилось благополучно, и мы тронулись въ путь на гостепріимно мигавшіе впереди огни монастыря.

— Вамъ куда? Вамъ вѣдь прямо до Диво̀въ? спросилъ меня ямщикъ. Такъ вотъ это жъ самые Дива̀ и есть!

Народъ не знаетъ ни Дивногорія, ни Дивногорскаго монастыря. Онъ по-старинному зоветъ эти мѣста просто—Дива́.

Какъ бы то ни было, а мнѣ было очень пріятно даже и послѣ такой недолгой ночной прогулки по сырымъ лугамъ Дона—присѣсть за аппетитно дымившійся самоварчикъ монастырской гостинницы. Отецъ-гостинщикъ попался преоригинальнаго

вида, и въ своемъ высокомъ заостренномъ колпакѣ, въ узкомъ засаленномъ подрясникѣ и костлявой искривленной фигурой, необыкновенно напоминалъ мнѣ тѣхъ странствующихъ иноковъ, которыхъ такъ безподобно изображаетъ на московской сценѣ талантливый Музиль. Онъ очевидно считалъ себя умнымъ и всезнающимъ, и, не питая высокаго мнѣнія о познаніяхъ своего скромнаго гостя, съ наивнымъ самоуслажденіемъ поучалъ его, прихлебывая изъ блюдца чаекъ, разной житейской мудрости.

Онъ закончилъ впрочемъ бесѣду свою, какъ и слѣдовало, жалобами на плохія времена, на бѣдность монастыря.

„Икона только и кормитъ монастырь! сообщилъ мнѣ почтенный инокъ. Круглый годъ ходитъ. Теперь Матушка изъ Боброва вышла, а гдѣ ходитъ – неизвѣстно. Въ субботу придетъ; а ужь въ воскресенье утромъ въ Крутоякъ! Тамъ полтора мѣсяца будетъ жить, только на Успенье къ намъ назадъ. Тысячъ 6,7 соберетъ, только и нашего. Доходовъ совсѣмъ стало мало. Обапольные одни, Крутояцкіе, Острогожскіе, а дальнихъ у насъ не бываетъ“.

На другое утро я всталъ рано и сейчасъ же отправился купаться въ Донъ.

Очутившись на серединѣ рѣки, я невольно вспомнилъ бесѣду вчерашняго ямщика; „*въ гору лѣзть*“ по водѣ дѣйствительно задача не легкая; никакія усилія не могутъ одолѣть стремительнаго, хотя на видъ и спокойнаго теченія могучей рѣки; меня какъ безсильную щепку относило далеко отъ того мѣста, куда я стремился прибиться, такъ что, поборовшись четверть часа съ непокорною стихіею, я выскочилъ на берегъ, согрѣтый будто послѣ утомительной ручной работы.

Отсюда съ пустыннаго берега, при тихомъ сіяніи ранняго утра, видъ монастыря очень характеренъ. Бѣлыя горы, заросшія лѣсомъ, оставляютъ между собою тѣсный уступъ, какъ бы послѣднюю свою ступень къ берегу Дона, на которой коекакъ скучиваются немногочисленныя постройки обители....

Но ея домики и церкви кажутся только случайными придатками другихъ нерукотворныхъ храмовъ, что̀ пріосѣняютъ ихъ сверху, съ обрывовъ бѣлой горы.

Три утеса башни поднимаются на этихъ обрывахъ, ярко вырѣзаясь своими бѣлыми обелисками на фонѣ синяго неба и темной зелени лѣса. Въ этихъ мѣловыхъ столбахъ, — изъ ко-

торыхъ одинъ увѣнчанъ златою главою и золотымъ крестомъ,— древнѣйшая подземная церковь обители, опустѣвшія кельи и колокольня. Еще глубже въ материкъ скалы идутъ пещеры. Издали этотъ природный храмъ, вѣнчающій храмы рукъ человѣческихъ, и составляетъ главную красоту и своеобразность древней придонской пустыньки.

Я отстоялъ раннюю обѣдню въ хорошенькой заново отдѣланной церкви монастыря и, воспользовавшись случайною встрѣчею съ однимъ знакомымъ мнѣ любителемъ археологіи, ночевавшимъ въ одной гостинницѣ со мною, отправился съ нимъ вдвоемъ осматривать пресловутые Дивà.

Мы прошли съ версту пѣшкомъ надъ берегомъ Дона, пока дошли до устья Тихой Сосны. Почему она Сосна,—я не знаю, но что она дѣйствительно Тихая, въ этомъ всякій можетъ убѣдиться. Ложе ея почти не имѣетъ уклона, такъ что устье этой нѣкогда важной порубежной рѣки нашего московскаго царства—на которой стояло когда-то столько царскихъ сторóжъ, рубилось столько городковъ и острожковъ, насыпалось столько валовъ,—теперь совсѣмъ затянуло камышами, кочками, пловучими островками. Судоходная нѣкогда рѣка обратилась, по крайней мѣрѣ при впаденіи своемъ, въ широкое болото, съ плесами и озерками почти стоячей воды.

Мѣловой горный кряжъ, образующій правый берегъ Дона, поворачиваетъ тутъ по теченію Сосны, оставляя между нею и Дономъ широкую луговую низину.

Дорога на Коротоякъ тоже поворачиваетъ вмѣстѣ съ кручами берега, послушно лѣпясь по всѣмъ изгибамъ ихъ каменистой пяты.

Мы сдѣлали не больше полуторы, двухъ верстъ отъ устья Сосны,—когда вдругъ передъ нами открылся видъ, заставившій насъ обоихъ разомъ остановиться. Слѣва отъ насъ на мощныхъ мѣловыхъ осколахъ провожавшаго насъ береговаго кряжа, вдругъ вырѣзались, поднимаясь высоко въ густую синеву неба, громадные бѣлые столпы страннаго вида, цѣлымъ правильнымъ строемъ уходившіе вдаль...

Они причудливо мѣняли свои фантастическія формы по мѣрѣ того, какъ мы поочередно приближались къ нимъ и удалялись отъ нихъ. То мы видѣли надъ собою мѣловыя пирамиды, башни, обелиски, то колоссальныхъ каменныхъ истукановъ, въ которыхъ мы едва не различали грубыя очертанія человѣческихъ фигуръ; одни изъ нихъ казались словно идущими

куда-то по крутизнѣ горы въ длинныхъ стелящихся одеждахъ, другіе будто сидѣли на своихъ каменныхъ сѣдалищахъ, въ строгихъ застывшихъ позахъ египетскихъ боговъ. Но сдѣлаешь два шага дальше, и этотъ кажущійся египетскій богъ вдругъ разростается въ развалины какого-нибудь средневѣковаго замка, тонкая игла обелиска, видимая въ профиль, съ фасу оказывается цѣлымъ громоздкимъ утесомъ, въ которомъ устроена церковь и вырыты пещеры.

Предъ нами были—*„Большіе Дивà“*.

II.

„Большіе Дивà“.

Я всегда придаю особенную цѣну первымъ впечатлѣніямъ. Мнѣ кажется, только первый свѣжій взглядъ на незнакомый предметъ — позволяетъ уловить его настоящую физіономію.

Какъ пейзажъ, такъ и человѣкъ, которыхъ вы часто видите, теряютъ для вашего представленія всякую характерность. Съ перваго невольнаго взгляда на Большіе Дивà, пока еще ни умъ, ни фантазія не успѣли переработать непосредственныхъ впечатлѣній глаза,—я инстинктивно ощутилъ себя у подножія какихъ-то гигантскихъ языческихъ идоловъ. И прежде, чѣмъ я сообразилъ и привелъ себѣ на память все то, что я зналъ изъ книгъ объ этихъ странныхъ произведеніяхъ природы, моя фантазія художника уже живо нарисовала мнѣ въ мгновенно-вспыхнувшемъ бѣгломъ эскизѣ—картину давно минувшаго времени, когда долбленые челны какихъ-нибудь полудикихъ обитателей Дона, проплывая мимо глухихъ лѣсныхъ береговъ священной для нихъ рѣки,—въ первый разъ поражались зрѣлищемъ этихъ удивительныхъ каменныхъ великановъ, загадочно бѣлѣвшихъ среди темныхъ чащъ лѣса и провожавшихъ ихъ безмолвными рядами съ высоты своихъ недоступныхъ кручъ.

Въ дѣтски-образной фантазіи язычника-дикаря это, конечно, должны были быть сами боги, что владычествовали надъ опасными стремнинами рѣки, разбивали въ бурю о камни берега ихъ утлыя суденышки и топили въ омутахъ водоворотовъ не угодившихъ имъ злосчастныхъ пловцовъ.

Трудно сомнѣваться, что тутъ во всякомъ случаѣ должна

была существовать въ глубокой древности какая-нибудь важная народная святыня язычества.

И рѣзкій поворотъ Дона въ этомъ мѣстѣ чуть не подъ прямымъ угломъ (въ писцовыхъ книгахъ это колѣно Дона называется „*Царева-Лука*"), и впаденіе Тихой Сосны, и присутствіе таинственныхъ бѣлыхъ колоссовъ, — все соединилось здѣсь, чтобы могучимъ образомъ вліять на младенческую фантазію древняго человѣка; все заставляло его останавливаться на этомъ характерномъ привалѣ длиннаго рѣчнаго пути,—и для подкрѣпленія своихъ силъ, и для умилостивленія боговъ этой лѣсной и водной пустыни. Иначе не укоренилось бы за этимъ мѣстомъ въ теченіе вѣковъ теперешнее знаменательное имя его „Дива". Не вдаваясь ни въ какія миѳологическія и филологическія гипотезы, все-таки можно смѣло утверждать, что имя это несомнѣнно указываетъ на область языческихъ религіозныхъ вѣрованій; хотя ученые комментаторы „Слова о полку Игоревѣ" до сихъ поръ не спѣлись между собою на счетъ дѣйствительнаго значенія того „дива", что „кличетъ верху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ, Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу и тебѣ, Тмутороканскій бълванъ"; но тѣмъ не менѣе, здравый смыслъ читателя ясно чуетъ, что у невѣдомаго народнаго поэта рѣчь идетъ во всякомъ случаѣ о какомъ-то миѳическомъ существѣ, о божествѣ стараго славянскаго язычества, предвѣщающемъ людямъ и добро и худо. Слово *дивъ*, *девъ*, dives, тѣсно сродное съ deus,—во многихъ арійскихъ языкахъ имѣло приблизительно одно и то же общее значеніе. И въ нашъ народный русскій языкъ слова „диво", „диво̂" вошли сначала въ томъ же первобытномъ своемъ значеніи божественности и только впослѣдствіи пріобрѣли переносное значеніе дивнаго, удивительнаго.

Народъ, упрямый хранитель старины, недаромъ совсѣмъ не вѣдаетъ *Дивногорія*, а знаетъ и помнитъ свои древніе языческіе „*Дива*".

Столпы, передъ которыми я теперь стою въ искреннемъ изумленіи, и которыхъ тутъ около 20, онъ изстари называетъ „*Больше Дива̂*" и „*Столпища*"; а три столпа надъ монастыремъ, въ которыхъ изсѣчены церковь, пещеры и колокольня, онъ также давно привыкъ называть „*Малыми Дива̂ми*". Малыми, впрочемъ, не въ смыслѣ размѣровъ столповъ, а въ смыслѣ ихъ числа, какъ говорили во время о̂но старые лѣтописцы:

„пришли невеликіе (т. е. немногочисленные) *люди*"; *„стояла малая рать*".

Въ нѣкоторыхъ актахъ Дивьи горы называются иногда Дѣвичьими, Дѣвьими; въ очень близкомъ сосѣдствѣ отъ Большихъ Дивъ, въ Донъ впадаетъ съ правой стороны даже довольно большая рѣка Дѣвица; это наводитъ на мысль, что эта рѣка могла быть въ древности тоже „Дивйца", а не „Дѣвица"; въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, чтобы грубые кочевники степей, проводившіе всю жизнь въ охотахъ, грабежахъ, нападеніяхъ, ощутили вдругъ потребность наименовать одну изъ рѣкъ своей пустыни сантиментальнымъ именемъ Дѣвицы, между тѣмъ какъ тàкъ естественно предположить, что они могли придать важной для нихъ рѣкѣ имя, напоминавшее имъ какую-нибудь ихъ великую мѣстную святыню.

Впослѣдствіи же, когда язычество и всѣ созданія его утеряли свой смыслъ въ памяти народной, слово Дѣвица, болѣе знакомое новымъ условіямъ жизни, незамѣтно замѣнило собою одинаково съ нимъ произносимое, но большинству уже непонятное слово „Дивйца", точно также, какъ Дивьи горы по той же причинѣ многіе стали называть Дѣвьими и Дѣвичьими. Равно таки слово „дѣвка", „дѣвчина" по-малороссійски и пишется, и произносится дивка, дйвчина, а мѣстность Большихъ Дивовъ—вполнѣ малороссійская.

Такое осмысленное, хотя безсознательное искаженіе историческихъ именъ духомъ народнаго языка, нетерпящимъ ничего непонятнаго, наблюдается, вообще, довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ Екатеринославской губерніи есть рѣка, впадающая въ Самару, которую всѣ величаютъ теперь и въ народной рѣчи, и по географическимъ картамъ „Волчья вода". А между тѣмъ изъ историческихъ актовъ можно видѣть, что эта мнимая Волчья вода есть ничто иное, какъ Волочй-вода, Вòлочья вода, ибо изъ нея производился въ теченіе столѣтій вòлокъ казацкихъ лодокъ изъ системы Днѣпровскихъ рѣкъ въ систему Донскую, подъ стѣны Азова и Тмутоaccording Тмутаракани. Въ путешествіи Боплана она даже называется *Таци-вода*, чтò одно и то же съ волочй-вода. Въ новое время потребность въ вòлокахъ исчезла, самое понятіе о вòлокѣ стало не всѣмъ знакомымъ,—и вотъ самымъ естественнымъ и искреннимъ образомъ загадочная *вòлочья-вода* обращается въ понятную всѣмъ *волчью-воду*.

Я еще болѣе утвердился въ правдоподобности своихъ пред-

положеній на счетъ рѣки Дѣвицы, послѣ того какъ въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ Воронежскаго края недавно прочелъ названіе рѣки Дѣвицы въ той самой формѣ *Дѣвица*, о которой я сейчасъ говорилъ.

Замѣчательно, что Дивными горами—называется на Руси не одна только мѣстность у впаденья Тихой Сосны. Въ Пермской губерніи есть тоже и *Дивьи Горы*, и *Дивій Камень*. И опять-таки не *дивныя*, а *Дивьи*, отъ слова *Дивъ*, *Дива́*. И тамъ ихъ тоже смѣшиваютъ съ *Дѣвьими* и *Дѣвичьими*. И видъ этихъ *Камскихъ Дивьихъ горъ* и *Дивьихъ камней* удивительно напоминаетъ Дивьи горы Дона.

Въ старинномъ географическомъ словарѣ Щекатова такъ напримѣръ описывается „Дивій камень" на берегу рѣки Колвы, впадающей въ Каму:

„Всѣ части сей превысочайшей горы состоятъ изъ великихъ утесовъ, представляющихъ страшное зрѣлище въ развалинахъ изъ дикаго камня.

„Взошедъ на вершину сея горы, нельзя смотрѣть безъ ужаса на низъ, къ текущей тутъ рѣкѣ, по причинѣ неописанной крутизны каменныхъ утесовъ, кои такъ какъ-бы слиты изъ однослойнаго камня.

„Крестьяне, живущіе близъ сея горы, выдумали, будто тутъ живала нѣкая чудская *дѣвица*, владѣвшая симъ мѣстомъ, также какъ и другими тамошними городами. *Посему иногда они называютъ сіи горы Дѣвьимъ Камнемъ*.

„Есть еще тамъ же, прибавляетъ Щекатовъ, отъ городища далѣе внизъ по рѣкѣ Камѣ, *Дивьи Горы* и рѣка *Дивьи Горы*, впадающая тутъ же въ Каму. Тоже *высокіе утесы изъ огромныхъ слоевъ бѣлаго слоистаго алебастра*, дикаго камня, а *больше еще изъ известной (т. е. известковой) земли, которая своею бѣлизною покрываетъ всю поверхность горъ*".

Читая это описаніе, вы можете цѣликомъ примѣнить его къ Дивамъ Тихой Сосны.

Такое поразительное совпаденіе названій въ мѣстностяхъ, такъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга, невольно убѣждаетъ, что понятія и Дивѣ, Дивахъ—были широко когда-то распространены по лицу теперешней земли русской, и что не случайно именовались встарину прозвищемъ Дивьихъ особенныя формы высокихъ бѣлыхъ утесовъ, вѣроятно, имѣвшія какія-нибудь наглядныя соотношенія съ представленіемъ фантазіи народа объ его Дива́хъ.

О столпахъ Дивьихъ Горъ первый разъ упоминаетъ Игнатій, сопровождавшій митрополита Пимена въ его опасной поѣздкѣ на судахъ по Дону изъ Москвы въ Царьградъ, всего только черезъ 9 лѣтъ послѣ Мамаева разоренія и Куликовской битвы.

„Бысть же сіе путное шествіе печально и унынливо", живописно повѣствуетъ простодушный путешественникъ. „Бяше бо пустыня зѣло, не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села... точію мѣста пустошь все и не населено; не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество".

„Приплыхомъ къ Тихой Соснѣ", разсказываетъ далѣе Игнатій, „*видѣхомъ столпы каменны бѣлы; дивно жъ и красно стоятъ рядомъ, яко стози малы, бѣлы жъ и свѣтлы зѣло, надъ рѣкою, надъ Сосною*".

Послѣ этого бѣглаго упоминанія имя Дивьихъ Горъ встрѣчается только въ актахъ XVII-го столѣтія, именно въ „строенной книгѣ на городъ Коротоякъ" 1648 года.

По книгѣ этой отведено было „коротояцкимъ казакамъ, чернаевскимъ переведенцамъ", „на ихъ дачи по указу сѣнныхъ покосовъ въ полы ихъ земляныхъ дачъ, за рѣкою Тихою Сосною на Крымской сторонѣ, снизу рѣки Дона *отъ горы отъ Малыхъ Дивъ* вверхъ по рѣкѣ по Дону до устья рѣки Тихіе Сосны, и вверхъ по рѣкѣ по Тихой Соснѣ межъ горъ по *Дивъ горъ и до Маяцкаго стариннаго городища и отъ того городища отъ Большихъ Дивъ* вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ до лозоваго куста, до пушкарскихъ сѣнныхъ покосовъ".

Впрочемъ, въ документахъ Дивногорскаго монастыря сохранились доказательства, что на Дивьихъ горахъ существовала обитель даже нѣсколько ранѣе постройки города Коротояка.

Митрополитъ Евгеній, оставившій намъ самое полное описаніе Воронежскаго края, видѣлъ еще древніе антиминсы Дивногорскихъ церквей, изъ которыхъ старѣйшая во имя св. Николая была основана уже въ 1640 г., а двѣ другія—во 2-ой половинѣ XVII вѣка.

Около 1666 г. Дивногорскій монастырь былъ разоренъ крымскими татарами; монахи его бѣжали въ Бѣлгородскую эпархію и основали тамъ новый монастырь. Шайки Разина тоже тревожили его, и въ 1671 г. на Дивьихъ горахъ произошелъ бой между царскими войсками и Фролкою Разинымъ; уже въ слѣдующемъ году, очевидно, по успокоеніи края, два

старца-инока отправляются на Москву къ царю Алексѣю Михайловичу и испрашиваютъ у него пособіе на возобновленіе разрушеннаго монастыря.

Въ архивѣ монастыря сохранились реестры царскихъ грамотъ, выданныхъ монастырю царями Ѳедоромъ Алексѣевичемъ и Іоанномъ съ Петромъ на земли и водяныя мельницы по рѣкамъ Потудани, Хворостани и Тихой Соснѣ.

При Петрѣ 1-мъ Дивногорскій монастырь упоминается въ записной тетради 1696 года „какъ шли пѣвчіе дьячки Петра Великаго подъ Азовъ.“ „Того же числа приплыли къ Дивногорскому монастырю и тутъ ночевали. Вечерню и утреню пѣли у боярина (Шеина) въ стругу. Мая въ 1-й день литургію слушалъ бояринъ въ Дивногорскомъ монастырѣ и молебенъ. На правомъ клиросѣ пѣли мы, а на лѣвомъ того монастыря иноки“. „Дивногорскій монастырь, области Бѣлоградскаго митрополита, зѣло прекрасенъ, стоитъ на берегу Дона рѣки, съ правыя стороны, межь горъ, а въ немъ двѣ церкви деревянныя, 3-я въ горѣ каменная; тутъ же и великія пещеры; архимандритъ Амвросій да 40-къ братій“. Но о столпахъ ни одного слова. Въ этомъ именно году Дивногорскій монастырь былъ отписанъ отъ Бѣлоградской эпархіи къ новоучрежденной Воронежской.

Монастырь существовалъ до конца XVIII столѣтія. Гмелинъ посѣтилъ его уже въ 1768 году и, какъ натуралистъ, обратилъ, конечно, вниманіе и на Дивà.

„Не доѣзжая того мѣста монастыря, пишетъ онъ, мы увидѣли на самой срединѣ горы около 20-ти пирамидъ, которыя стояли сряду одна подлѣ другой въ разстояніи на двѣ или на три сажени“.

„Сіи пирамиды такъ правильны намъ издали казались, что *мы и подлинно почли ихъ за произведенныя искусствомъ.* Въ монастырѣ нашли мы одного только стараго игумна, который тотчасъ вызвался самъ свести насъ *къ тѣмъ статуямъ.* Но мы увидѣли, внизу еще подъ горою, что сіи горы были мѣловыя, т. е. что вся гора, вокругъ лѣсомъ обросшая, не изъ чего другаго состоитъ, какъ изъ мѣлу; но на самомъ ея концѣ поднимаются вышерѣченнымъ порядкомъ сіи мѣловыя пирамиды, кои въ вышину около 8, въ ширину до 4-хъ, а въ толщину до 3-хъ аршинъ имѣютъ. Фигура ихъ вблизи весьма неправильна“.

На самомъ рубежѣ XVIII и XIX столѣтій извѣстный нашъ ученый изслѣдователь митрополитъ Евгеній Болховитиновъ также посѣтилъ Дивногорье и оставилъ намъ, между прочимъ, и опи-

саніе „Дивòвъ“. Щекатовъ въ своемъ „Географическомъ словарѣ“ только повторилъ разсказъ Болховитинова о Дивногорьи.

„На мѣловой горѣ, говоритъ Болховитиновъ, стоятъ многіе столпы на подобіе столоктитовъ, или ледяныхъ многоконечныхъ сосулекъ, острыми концами вверхъ обращенныхъ такъ, какъ будто бы мѣлъ сей выросъ изъ горы, и даютъ ей *удивительный видъ*; почему монастырь сей, стоящій при подошвѣ оныя, такъ и называется“.

Но уже имени „Дивòвъ“ не упоминаютъ ни тотъ, ни другой путешественникъ.

Сочиненное книжными людьми названіе „Дивногорскаго монастыря“ совершенно заслонило собою старое историческое имя мѣстности, и только въ никому неизвѣстныхъ древнихъ актахъ, да въ несокрушимой памяти народной уцѣлѣло до нашихъ временъ древнее прозвище загадочной языческой святыни.

Карамзинъ въ своей исторіи Россійскаго государства, по поводу Пименова путешествія, тоже коснулся Дивьихъ горъ, но, не посѣтивъ ихъ на мѣстѣ, онъ перепуталъ рѣку Тихую Сосну Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, съ Быстрою Сосною уѣзда Елецкаго, Орловской губерніи и принялъ поэтому „Дивные столпы“ митрополита Пимена за „столъ каменъ и каменны ссуды“ „Донской Бесѣды“, какъ описываются они въ книгѣ Большаго Чертежа. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что извѣстный нашъ археологъ Забѣлинъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Исторія русской жизни“, неизвѣстно, впрочемъ, по какимъ основаніямъ, дѣлаетъ предположеніе, что „бѣлые столпы“, упоминаемые въ путешествіи митрополита Пимена, у устья Тихой Сосны, ничто иное, какъ „*жертвенникъ Кесаря*“, находившійся, по увѣренію Птоломея, на р. Дону, ниже „жертвенника Александра Македонскаго“, который въ свою очередь г. Забѣлинъ съ увѣренностью пріурочиваетъ къ столпамъ „Донской Бесѣды“, ниже впаденія въ Донъ р. Быстрой Сосны.

Мы не безъ усилій взобрались на обрывистые уступы мѣловой горы, которая при старыхъ путешественникахъ еще покрыта была густыми лѣсами, а теперь тянется надъ низинами Сосны безотрадною голою стѣною.

Всѣ „Большіе Дива“ расположены по скатамъ этой кручи, нѣсколько ниже темени горы.

Мы внимательно осмотрѣли по очереди весь рядъ столповъ. Вблизи они ничуть не похожи на то, чѣмъ кажутся издали и снизу... Словно рука какого-нибудь титаническаго каменьщика сложила ихъ изъ громадныхъ камней известняка въ эти причудливыя башни и замки. Нѣкоторыя какъ будто срослись въ одинъ широкій утесъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ столповъ. Съ другихъ, кажется, только сейчасъ скатились внизъ мѣловыя головы, сообщавшія скаламъ видъ окаменѣвшихъ великановъ. Иные смотрятъ исполинскими, каменными птицами и чуть держатся громоздкимъ корпусомъ своимъ,—какъ ибисъ на одной ногѣ,—на подточенномъ кругомъ основаніи. Растрескавшійся правильными плитами известнякъ вездѣ смотритъ искусственною циклопическою кладкою и заставляетъ подозрѣвать участіе человѣческой руки въ этихъ своеобразныхъ очертаніяхъ мѣловыхъ утесовъ.

Ничего впрочемъ нѣтъ удивительнаго, что человѣкъ, источившій своими подземельями внутренность многихъ изъ этихъ столповъ, могъ прикоснуться и къ ихъ наружному облику, по возможности подгоняя его къ потребностямъ своей фантазіи. Древнія историческія страны Азіи и Африки представляютъ не одинъ примѣръ такой намѣренной доработки рукою человѣка грубыхъ произведеній природы, едва лишь намекающихъ на формы искусства.

Мнѣ показалось даже, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ нерукотворныхъ замковъ можно замѣтить слѣды ихъ обращенія въ человѣческое жилище: въ одномъ изъ столповъ, когда мы разсматривали его потомъ сверху, взобравшись на самое темя горы, видна какъ бы задняя сторона правильно вырубленной дымовой трубы; въ другомъ—какъ бы остатки искусственной стѣнки, дополнявшей наружную ограду жилья; въ третьемъ—довольно ясные признаки расколовшейся оконной арки.

Очень можетъ быть, что это даже не остатки какой-нибудь доисторической древности, а просто слѣды неудавшихся монашескихъ попытокъ—устроить себѣ келейку въ каменныхъ складкахъ столпа.

Самые крупные столпы на дѣлѣ значительно выше, чѣмъ это считали Гмелинъ и Болховитиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до 16-ти аршинъ.

Въ какихъ изъ нихъ есть пещеры, теперь сказать трудно,

потому что почти каждый изъ нихъ засыпанъ у основанія своими собственными обломками, да и пробраться ко многимъ изъ нихъ по осыпающемуся кругомъ скату довольно затруднительно. Судя по народной молвѣ, да и по здравому живому взгляду на эти столпы, внутри этой исторической мѣловой горы скрывается гораздо болѣе пещеръ и подземныхъ ходовъ, чѣмъ люди успѣли до сихъ поръ узнать.

При осыпяхъ горы, при добываніи камня, то и дѣло натыкаются на пещеры; народъ разсказываетъ, что нѣкоторыя пещеры были завалены нарочно, чтобъ не ходилъ туда народъ, другія обрушились сами. Какъ бы то ни было въ „Большихъ Дивахъ" теперь доступны только однѣ пещеры, тѣсно связанныя съ подземнымъ храмомъ, вырубленнымъ въ самомъ обширномъ изъ столповъ.

Столпъ этотъ имѣетъ видъ узкой пирамиды, сложенной изъ громадныхъ известковыхъ камней и плитъ. Верхній утесъ его, замѣтно отдѣлившійся и образовавшій нѣчто въ родѣ верхняго яруса колокольни, увѣнчанъ крестомъ, а на сглаженной передней поверхности этого нерукотворнаго зданія высѣчены колонки и перемычки большаго кіота, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была обрѣтена главная святыня Дивногорскаго монастыря— чудотворная икона Сицилійской Божіей Матери. и гдѣ теперь помѣщается списокъ съ нея. Подъ кіотомъ пробито широкое низенькое оконце, загороженное чугунною рѣшеткою, а подъ окномъ полукруглая входная дверь.

Большія изображенія угодниковъ написаны красками сбоку двери прямо по выровненному сырцу скалы.

Желѣзная дверь была заперта на замокъ и нужно было спуститься въ убогую хатку пониже столпа, чтобы добыть тамъ сторожа. Время было полуденное, и отецъ-придверникъ предавался послѣобѣденному отдыху. Кажется, это единственное живое существо во всей этой безмолвной пустынѣ голыхъ мѣловыхъ обрывовъ, безпрепятственно накаляемыхъ лѣтнимъ солнцемъ въ теченіе 18-ти часоваго дня...

Подвигъ молчальника да, конечно, и постника, тутъ совершается самъ собою.

Въ мазанкѣ невольнаго отшельника стоитъ налой, висятъ иконы и лампадки, лежатъ церковныя книги. Въ тѣнистомъ уголку прячутся, прикрытыя лопухами, два желѣзныя ведрышка, съ единственными наслажденіями, доступными въ этой

горячей пустынѣ,—ключевою водою, принесенною изъ колодца снизу горы, и спѣлыми вишнями изъ монастырскаго сада.

На громкій зовъ нашъ изъ невѣдомаго пріюта въ темныхъ сѣнцахъ появился какъ мумія высохшій старичокъ, въ обычномъ черномъ колпакѣ и черномъ подрясникѣ. Онъ не сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но потомъ пошелъ за ключами.

Сырымъ пронизывающимъ воздухомъ погреба и удушливымъ запахомъ гашеной извести разомъ пахнуло на насъ, когда мы очутились съ тонкими восковыми свѣчками въ рукахъ, вслѣдъ за черною фигурою инока, подъ темными сводами пещернаго храма. Откуда-то, изъ далекой глубины подземелій, тянулъ рѣзкій сквозникъ, охватывающій лихорадочнымъ ознобомъ вспотѣвшее отъ ходьбы тѣло. Трудно представить себѣ возможность постоянной жизни въ этихъ мѣловыхъ пещерахъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ обдаютъ васъ какіе-то насквозь пробирающіе ревматическіе токи. А между тѣмъ, тутъ десятки лѣтъ сряду жили и молились люди.

— Жилъ тутъ кто-нибудь, батюшка, въ прежнія времена? спросилъ я нашего не особенно разговорчиваго проводника.

— А то какъ же! Трудники жили. Наверхъ вотъ поднимемся, печь вамъ покажу. Топилась тоже. Лѣтомъ тутъ холодъ, а зимою тепло... хоть въ рубашкѣ ходи.

— Застали вы тутъ кого?

— Нѣ! гдѣ жъ! я не засталъ. 30 лѣтъ при столпѣ живу. Никого не было. Въ старину жили... Ксенофонтъ и Іосафъ іеромонахи... тѣ вѣдь и пещеры ископали. Отъ нихъ здѣшняя святыня пошла.

— Давно это, батюшка?

— А кто жъ знаетъ? Этого знать никто не можетъ. Сказываетъ такъ народъ, какіе старики старые, что отъ дѣдовъ еще слыхомъ слыхали. Въ житіяхъ пишется, будто 250 лѣтъ тому будетъ, стало, еще при татарскомъ царствѣ.

— Вотъ еще когда! значитъ, ужь и тогда монастырь здѣсь былъ?

— И нѣтъ же, нѣтъ! никакого монастыря не было... дичь одна... лѣса страшнѣющіе... звѣрье. Ну и они пришли въ пустыню спасаться... вотъ какъ Іоаннъ, Предтеча Христовъ, спасался...

— Стало быть, они ужь монастырь основали?

— Опять же это никому неизвѣстно. Пришли они изъ страны иноземной, дальней, Сицилія прозывается. Черезъ всякіе народы дикіе и царства басурманскія прошли. И икону чудотворную съ собою на рукахъ принесли, Божіей Матушки Сицилійской...вотъ что въ монастырѣ у насъ...

— Вы вотъ іеромонахами назвали ихъ, батюшка, стало быть, монастырь-то при нихъ былъ?..

— Никому это неизвѣстно, потому дѣло давнее!.. а поминаетъ ихъ все народъ такъ-то, изстари. Кто изъ жителей здѣшнихъ принесетъ, бывало, книжку поминальную къ проскомидіи,—у каждаго первымъ долгомъ писаны тѣ самые іеромонахи Ксенофонтъ и Іосафъ. Что съ Острогожска, что съ Крутояка народъ, что съ Лысокъ, али съ нашего Селявнаго,— все одно. Со старины такъ ведется. Богъ знаетъ, съ какихъ временъ.

Мы осмотрѣли прежде всего пещерный храмъ, за которымъ начинаются пещеры. Храмъ вырубленъ въ скалѣ довольно высокими сводами на массивныхъ столбахъ изъ того же известняка, расписанныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, также какъ и стѣны, полинявшими иконами, прямо по сырцу скалы. Убогое убранство храма ржавѣетъ и тлѣетъ неудержимо въ этой вѣчно сырой атмосферѣ, насыщенной испареніями извести. Живопись съѣдается и тускнѣетъ еще быстрѣе. Впрочемъ, храмъ этотъ въ настоящее время безъ престола, для котораго оставлено только мѣсто въ маленькомъ алтарикѣ. Одинъ разъ въ году, на Успенье, сюда приходитъ крестнымъ ходомъ монастырская братія изъ Дивногорской обители и служитъ тутъ службы. Нужно думать поэтому, что и храмъ этотъ былъ устроенъ въ старое время во имя Успенья Пресвятой Богородицы.

Запустѣвшій храмъ скорѣе всего возникъ еще при первыхъ пещерокопателяхъ—Ксенофонтѣ и Іосафѣ. Не даромъ съ нимъ, а не съ какимъ-нибудь другимъ столпомъ Большихъ или Малыхъ Дивъ, связано нахожденіе древнѣйшей святыни обители— образа Сицилійской Богоматери. Если икона эта постоянно пребывала въ старину на этомъ столпѣ, какъ увѣряетъ преданіе, и если въ наше время она и обрѣтена была на немъ же, то трудно сомнѣваться, что на этомъ самомъ мѣстѣ должно было быть и первоначальное поселеніе благочестивыхъ отшель-

никовъ, пришедшихъ изъ далекихъ странъ пустынничать въ дебряхъ Придонскихъ.

Пещеры уходятъ далеко въ глубину мѣловыхъ толщъ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь, и чѣмъ глубже спускаются они, тѣмъ душнѣе становится въ нихъ; сырость сочится по стѣнамъ и сводамъ, сквозь трещины и незримыя поры известняка, будто слезы этой мрачной могилы.

Деревянныя доски дешевыхъ крестьянскихъ иконъ, разставленныя благочестивою рукою богомольцевъ въ разныхъ впадинахъ и закоулкахъ пещеръ, слѣзли и почернѣли отъ гнили, уничтожающей ихъ въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ... Онѣ однѣ сколько-нибудь разнообразятъ унылое однообразіе этихъ длинныхъ подземныхъ корридоровъ изъ бѣлаго мѣла, точащихъ свои вѣчныя слезы, и только кое-гдѣ по сводамъ украшенныхъ по русскому обычаю крестами, накопченными свѣчею усерднаго богомольца, чтобы отогнать нечистую силу изъ этого царства тьмы.

Мы заглянули наверхъ въ единственную жилую келейку съ печкой и крошечнымъ окошкомъ. Она теперь пуста, какъ и всѣ пещеры.

Однако и въ предѣлы могилы успѣла забраться живая жизнь. При выходѣ изъ этихъ душныхъ склеповъ, я вдругъ увидѣлъ у наружной двери храма, старательно спрятанное въ темную складку камней, гнѣздо ласточки, все навзрѣзъ полное, какъ коробочка спичками, раскрытыми желтыми ротиками...

— Уже третье завелось! съ ласковою улыбкою обратился къ намъ старецъ, осторожно припирая тяжелую дверь, чтобы не спугнуть довѣрчивыхъ птичекъ.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

Роза и корни.

Роза.

Въ ночь я сладко грежу, луннымъ
Озаренная сіяньемъ;
Днемъ, съ утра, на встрѣчу солнца
Я дышу благоуханьемъ...

Корни.

Мать-земля у самой груди
Кормитъ насъ, надъ нами плачетъ,
Съ нами сохнетъ и отъ свѣта,
Какъ родныхъ дѣтей насъ прячетъ...

Роза.

Рада я пѣвцамъ пернатымъ,
Рада въ зной пчелы жужжанью,
И въ полуденной истомѣ
Легкихъ бабочекъ порханью...

Корни.

Ощущаемъ, какъ бы свыше
Сферъ воздушныхъ дуновенья;
Вверхъ куда-то наши соки
Тянутъ темныя влеченья...

Роза.

Ненавижу я примѣты
Желтой осени... Съ закатомъ
Лѣта, свяну я и—грезы
Улетятъ съ ихъ ароматомъ...

Корни.

Червь насъ точитъ—кто-то гложетъ,
Но—пошли намъ Богъ питанья!..
И зимой мы наши силы
Сбережемъ безъ увяданья...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

РАЗСКАЗЫ ЧІАМПІОЛИ.

(Съ итальянскаго).

I.

Заклинатель змѣй.

I.

Его звали Бишіоне, конечно, потому, что еще мальчишкою, онъ бродилъ по болотамъ и у прудовъ, отыскивая водяныхъ змѣй, жабъ и піявокъ [1]; это прозвище сохранилось за нимъ и когда онъ выросъ; его дѣтская шалость сдѣлалась ремесломъ. Онъ отыскивалъ ядовитыхъ змѣй, которыхъ продавалъ аптекарямъ и деревенскимъ ворожеямъ, или приходскому священнику церкви св. Доминика въ Кокулло, заступника всѣхъ отравленныхъ и укушенныхъ бѣшеными звѣрями, а наконецъ, присмотрѣвшись, началъ и самъ лѣчить отъ укушенія. Заработокъ его съ каждымъ днемъ увеличивался. Крестьяне приходили къ нему издалека, чтобы онъ ихъ заговорилъ или вылѣчилъ отъ укуса змѣй, въ нашихъ горахъ очень многочисленныхъ, такъ что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ его хижина стала неузнаваема, его жакетка и гетры изъ овечьей кожи превратились въ бархатную пару съ блестящими пуговицами, и Бишіоне сталъ похожъ на толстаго фермера въ поискахъ за невѣстою. Бишіоне, дѣйствительно, собирался жениться. Онъ совсѣмъ не былъ такъ дуренъ, какъ говорили деревенскія дѣвушки, крестившіяся при его имени. Онъ былъ средняго роста, стройный и ловкій, съ черными, вьющимися волосами, съ ма-

[1]) Biscione — по-итальянски змѣя.

ленькими блестящими глазами и смуглымъ цвѣтомъ лица. У него былъ странный взглядъ, казалось, вдругъ проникавшій васъ до глубины сердца, потомъ понемногу смягчавшійся и дѣлавшійся такимъ нѣжнымъ, что просто его становилось жалко; этотъ взглядъ притягивалъ къ себѣ, какъ магнитъ. И все-таки какъ-то никто не любилъ Бишіоне. Каждое воскресенье онъ заговаривалъ съ дѣвушками, смотрѣлъ имъ въ глаза, заставлялъ своихъ змѣй обертываться вокругъ ихъ рукъ, или надѣвалъ ихъ имъ на шею, какъ ожерелье. Дѣвушки оставались неподвижными, пока Бишіоне не отпускалъ ихъ во имя св. Доминика.

Въ майскій праздникъ, когда вся молодежь сажаетъ цвѣтущую вѣтку возлѣ хижины своей возлюбленной, онъ стоялъ одинокій у порога своего домика. Въ томъ году даже могильщикъ женился, и Бишіоне ему завидовалъ. Онъ думалъ было перемѣнить ремесло, но жаль было разстаться съ этими змѣйками, среди которыхъ онъ выросъ. Напрасно онъ дѣлалъ предложенія разнымъ дѣвушкамъ, встрѣчавшимся съ нимъ въ лѣсу или у фонтана, напрасно прогуливался въ деревняхъ въ своей бархатной одеждѣ, блестя своими кольцами на пальцахъ, вездѣ онъ получалъ отказъ. Всѣ боялись Бишіоне. Дѣвушки съ ужасомъ думали о домѣ, гдѣ по полу ползали змѣи, со свистомъ подымая быстрыя головы, прятались по угламъ и залѣзали подъ подушки. Про него говорили, что онъ питается этими животными, отрѣзывая имъ головы, изъ которыхъ дѣлаетъ какое-то питье, что у него есть подземелье, гдѣ онъ по ночамъ совѣщается съ вѣдьмами. Одна старая знахарка разсказывала, будто какая-то цыганка, полюбившая Бишіоне, родила большую черную змѣю, которую она, знахарка, видѣла сама, своими глазами.

И около Бишіоне образовалась пустыня, у него лѣчились, но никто не желалъ его общества. Дошло до того, что когда онъ, входя въ церковь, обмакивалъ пальцы въ святую воду, то уже никто болѣе не подходилъ къ кропильницѣ. Его домикъ высился на скалѣ, словно гнѣздо сокола, и когда крестьянамъ случалось проходить мимо, они ускоряли шагъ и крестились. Бишіоне просто былъ въ отчаяніи. Не разъ онъ рѣшался уйти совсѣмъ изъ деревни и начать заработывать хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, чѣмъ выносить такое мученье, но, услышавъ ласковое слово или увидѣвъ улыбку на лицѣ какой-нибудь дѣвушки, оставался снова. Однажды,—это было въ іюлѣ,

—онъ сидѣлъ подъ дубомъ, покрывавшимъ его хижину своей роскошной листвой, какъ гигантскимъ зонтомъ, и глядѣлъ на змѣй, грѣвшихся у его ногъ на солнцѣ, то ползавшихъ по песку, то свивавшихся спиралью или ласкавшихся другъ къ другу. При каждомъ ихъ движеніи отъ ихъ тѣла отдѣлялись куски сухой, желтой кожи, похожей на луковичную шелуху, и показывалась новая, гладкая кожа, блестѣвшая на солнцѣ, какъ шелкъ. Это былъ праздникъ свѣта и тепла, и Бишіоне чувствовалъ его всѣмъ своимъ существомъ. Кругомъ кипѣла работа: была жатва. Холмы, покрытые колосящеюся пшеницей, казались необозримымъ золотымъ моремъ; ласкаемое тихимъ вѣтромъ, оно подымалось и опускалось, какъ тихія волны. По временамъ доносились пѣсни жницъ, то печальныя и монотонныя, то живыя и веселыя, голоса жнецовъ, бранившихъ прохожихъ, —это по обычаю, чтобы потомъ поднести имъ пучекъ колосьевъ и получить за то нѣсколько сольди. Въ лѣсу была глубокая тишина. Бишіоне нервно сжималъ руки или запускалъ пальцы въ волосы, бросался на землю, бился въ пыли, но нигдѣ не находилъ покоя. Вдругъ онъ сталъ прислушиваться и, вскочивъ съ мѣста, воскликнулъ: „Клянусь Мадонной! Дѣвушка изъ Сканно“! Дѣйствительно, это была дѣвушка изъ Сканно, —это сразу можно было узнать по ея живописному костюму; она прихрамывая торопливо бѣжала къ его домику и, увидѣвъ его, въ отчаяніи протянула къ нему руки и упала въ обморокѣ. Бишіоне подбѣжалъ, поглядѣлъ ногу и покачалъ головой. „Змѣя св. Варвары! Дѣло — нехорошее!“ прошепталъ онъ. Потомъ взявъ дѣвушку на руки, внесъ ее въ домъ и положилъ на постель. Снявши ея башмаки съ серебряными пряжками и синіе чулки, онъ увидѣлъ на правой ногѣ, нѣжной и стройной, небольшую ранку, изъ которой сочилась черная кровь. Онъ сталъ на колѣни передъ кроватью, перекрестилъ три раза ранку, приложился къ ней губами и сталъ медленно высасывать. Чрезъ минуту онъ выплюнулъ на землю багровую жидкость и повторилъ это нѣсколько разъ. Окончивъ, онъ глубоко вздохнулъ; ранка съ лиловыми краями мало распухла. Онъ перевязалъ больной ногу красной шелковой лентой около раны; а на рану положилъ кусочекъ холста, намоченнаго какою-то зеленоватою жидкостью, и всталъ. „Счастье ея, что скоро пришла!“ сказалъ онъ сквозь зубы и, сложивъ на груди руки, сталъ смотрѣть на лежавшую безъ чувствъ дѣвушку.

Это была одна изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ Сканно, которыми такъ богата эта мѣстность: лицо ея съ орлинымъ носикомъ и тонкими губами загорѣло отъ лѣтняго солнца, золотистыя косы, обернутыя вокругъ головы, были почти закрыты полосатымъ платкомъ съ золотыми вышивками, голубой лифъ закрывалъ ей половину груди, а воротъ тонкой рубашки былъ обшитъ широкимъ кружевомъ. Юбка съ широкими складками была изъ зеленаго сукна съ малиновой отдѣлкой, сверху широкій пестрый передникъ. Словомъ, такъ одѣваются всѣ дѣвушки Сканно. Наконецъ, она снова открыла глаза. Бишіоне подошелъ къ маленькому шкафу, вынулъ оттуда бутылку съ виномъ, налилъ полстакана, въ который прибавилъ какой-то желтоватой жидкости, и, подавая ей, сказалъ:

— Выпей, это тебѣ поможетъ.

Дѣвушка машинально выпила и закрыла глаза; чрезъ нѣсколько минутъ она глубоко спала. Бишіоне улыбнулся; онъ вышелъ изъ хижины, собралъ своихъ змѣй, спряталъ ихъ въ чуланъ и вернулся. Нерѣшительно подойдя къ тяжело дышавшей дѣвушкѣ, онъ осторожно разстегнулъ ей лифъ.

— Однако, макъ хорошо дѣйствуетъ, сказалъ Бишіоне, раздѣвая ее.

Замѣтивъ, что заходившее солнце бросало слишкомъ яркіе лучи въ окошко и въ открытую дверь дулъ вѣтерокъ, онъ закрылъ дверь, заперъ окно и зажегъ лампу.

— Клянусь Мадонной, какая красавица! сказалъ онъ, глядя на нее. Святая Варвара мнѣ посылаетъ жницъ.

Онъ потушилъ лампу. Волынки жнецовъ весело раздавались въ долинахъ, жницы съ пѣснями возвращались домой.

II.

И Бишіоне взялъ себѣ жену. Въ первое августовское воскресенье, когда дѣвушка изъ Сканно пошла вѣнчаться въ церковь въ своемъ красивомъ костюмѣ, въ золотомъ ожерельѣ и въ кольцахъ, всѣ были удивлены. Старухи осуждали невѣсту, а дѣвушки, быть можетъ, завидуя въ душѣ, увѣряли, что еслибы Бишіоне одѣлъ ихъ королевами, и тогда онѣ не рѣшились бы выдти за него замужъ. Бишіоне былъ счастливъ. Со дня его женитьбы, общественное мнѣніе измѣнилось въ его

пользу. Теперь его больше не избѣгали, женщины совѣтовались съ нимъ о своихъ дѣлахъ, дѣвушки улыбались ему, а мущины даже приглашали его въ погребъ „Золотой вѣтки“ и играли съ нимъ въ „мора“. Молодые жили въ любви и согласіи; змѣи были попрятаны въ ящики съ отверстіями. Двѣ комнатки, уставленныя новою мебелью, блестѣли какъ зеркало. Сначала, конечно, были сцены и слезы, и упреки въ низкомъ насиліи, но понемногу—дѣла уже не поправить—ссоры прекратились, а свадьба примирила совсѣмъ. Она разсказала ему свою несложную жизнь. Онъ узналъ, что жена его была взята изъ воспитательнаго дома крестьянскимъ семействомъ, гдѣ ее любили сперва; но когда родился у нихъ сынъ, жизнь ея совсѣмъ измѣнилась, и она вынуждена была уйти и поселиться въ избѣ у одной старухи, на которую и работала. Во время жатвы она пришла работать вмѣстѣ съ другими въ эти мѣста; тутъ ее и укусила змѣя. Узнавъ, что заклинатель змѣй живетъ въ двухъ шагахъ, побѣжала къ нему.—„И попалась мнѣ въ руки, эге?“ говорилъ Бишіоне, улыбаясь. Она нахмурилась и, сдвинувъ густыя брови, сказала, стараясь улыбнуться: „Ты еще мнѣ за это заплатишь!“ И дѣйствительно, заставляла его платить, требуя у него денегъ, то на ленты и платье, то на булавки и серьги. Цѣлый день, когда мужа не было дома, она переодѣвалась и любовалась собою въ зеркальце, или становилась на порогѣ дома и ждала, не пройдетъ ли кто-нибудь, или же бросала камни внизъ. Разъ увидя хорошенькаго мальчика-пастушка, лѣтъ 15-ти, она бросила въ него камнемъ и попала ему въ спину; онъ прибѣжалъ, разсердившись, схватилъ ее за талью, бросилъ на земь и заглядѣлся на нее. Они сдѣлались друзьями; однажды, болтая съ ней, онъ не замѣтилъ, какъ волкъ унесъ у него двухъ овецъ и ягненка. А разъ Бишіоне увидѣлъ на рукѣ жены кольцо, камень котораго игралъ разными цвѣтами, какъ роса на травѣ. Она сказала, смѣясь: „Ахъ, знаешь! Сегодня утромъ здѣсь проходила какая-то важная барыня, и я такъ ее заговорила, что она мнѣ подарила это кольцо“.

— Ты, однако, отбиваешь у меня ремесло, сказалъ онъ, смѣясь.

— Тебѣ это не нравится?

— Нѣтъ, отчего же. — Видишь, и мое ремесло небезвыгодно.

Въ другой разъ онъ увидѣлъ разложенную на постели голубую шелковую матерію.

— Откуда это? спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Не сердись, пожалуйста, я иногда таскаю у тебя деньги.

— Такъ ты сама купила это?

— Конечно, посмотри, какая прелесть; вотъ увидишь, какъ я тебѣ понравлюсь, когда ее надѣну.

Бишіоне опять повѣрилъ, но покачалъ головой.

— Только не дѣлай долговъ, матушка, долги вѣдь потомъ нужно платить.

Однажды Бишіоне ушелъ по обыкновенію, на охоту за змѣями въ старый замокъ, откуда была видна его хижина. Въ замкѣ всегда было много змѣй—сколько же ихъ выползло въ такое теплое майское утро. Зубчатыя ворота и развалины рѣзко вырисовывались на лазури неба; внизу, вдоль рва, разстилался зеленый коверъ, усыпанный маргаритками. Не осталось и слѣдовъ аллей: трава и кустарники все кругомъ заглушили. Не съискать было тропинку къ этому уединенному жилищу. Владѣльцы покинули замокъ, и народная фантазія населила его призраками и вѣдьмами,—никто сюда не приходилъ. Плющъ и мускусъ обвиваютъ его стѣны, въ полу шумитъ трава, а изъ трещинъ мелькаютъ желтофіоли; стая вороновъ летаетъ надъ развалинами. Бишіоне усѣлся за кучей камней и терпѣливо сталъ ждать, пока змѣя выползетъ изъ своей норы; она уже высунула голову, какъ прилетѣлъ шмель и сталъ жужжать вокругъ него. Отмахиваясь, онъ испугалъ змѣю; она спряталась.—Придется еще ждать, проворчалъ Бишіоне, закуривая трубку и глядя внизъ. Онъ ясно видѣлъ отсюда свой домикъ, въ открытой двери котораго стояла его жена и, защитивъ глаза рукой отъ солнца, смотрѣла внизъ. „Она вѣрно думаетъ, что я въ долинѣ, и старается меня разглядѣть“, подумалъ онъ. Но вдругъ онъ сдвинулъ брови: молодой докторъ поднялся къ его дверямъ, вошелъ, и двери затворились. „Что нужно доктору у меня?“ спрашивалъ онъ себя, между тѣмъ какъ сердце его стучало и кулаки сжимались. Кольцо съ блестящимъ камнемъ и голубая матерія вдругъ вспомнились ему, но онъ старался прогнать непріятныя мысли. Онъ выколотилъ трубку и снова сталъ караулить змѣю, но не могъ сидѣть спокойно. Бишіоне рѣшилъ вернуться домой. Онъ бѣжалъ, какъ будто въ него вселилась нечистая сила, перескакивалъ канавы и кусты, и ломалъ попадавшіяся ему на пути деревья. Наконецъ, послѣ сумасшедшаго получасоваго бѣга, онъ былъ дома. Дверь была заперта. Невольно онъ схватился за ножъ,

заткнутый у него за поясомъ, безъ котораго не одинъ крестьянинъ въ Абруццахъ не выходитъ изъ дому. Онъ постучалъ. Жена сейчасъ же ему отворила; она была полуодѣта, но улыбалась. Бишіоне вошелъ въ комнату и посмотрѣлъ кругомъ; никого.

— Кого ты ищешь и съ такимъ сердитымъ лицомъ? спросила она.

— Кто здѣсь былъ?

— Чего же ты сердишься? былъ докторъ...

Бишіоне все крѣпче сжималъ рукоятку ножа.

— Видишь ли, сказала она, положивъ ему руку на плечо, я такъ люблю дѣтей, а у насъ ихъ до сихъ поръ не было, такъ вотъ я думала, что теперь... понимаешь? Я попросила его меня осмотрѣть, но ничего не оказалось.

Бишіоне посмотрѣлъ ей въ глаза, обнялъ и поцѣловалъ.

— Ты любишь дѣтей? спросилъ онъ.

— Очень, очень.

— Отлично.

Бишіоне вернулся вечеромъ домой съ какимъ-то большимъ сверткомъ. Когда его развернули, въ немъ оказалась хорошенькая, толстенькая дѣвочка лѣтъ пяти. Жена поцѣловала ее, поласкала ея русыя кудри и спросила у мужа, откуда онъ ее взялъ. Бишіоне улыбнулся.

— Не правда ли хороша?..

— Краденая?

— Вотъ еще! Знаешь ту тряпичницу, у которой каждый годъ родятся дѣти? Я ей сказалъ: у тебя семь человѣкъ дѣтей; они умираютъ съ голоду; дай мнѣ одного. „Ты мнѣ просто окажешь милость, сказала она,—но мальчиковъ тебѣ не дамъ, хоть меня озолоти; дѣвочекъ же бери хоть всѣхъ четырехъ". Тогда я выбралъ эту.

— Сколько же ты ей заплатилъ?

— Я, заплатилъ? Еслибы у ней были деньги, она сама мнѣ заплатила бы,—ей тяжело кормить такую семью. Она мнѣ даже сказала, что согласна отдать нѣкоторыхъ тѣмъ,—знаешь,—что увозятъ ихъ въ Америку и дѣлаютъ уличными музыкантами.

Ребенокъ былъ очень милъ, но жена Бишіоне не любила его,—это не моя кровь, говорила она мужу. А онъ, напротивъ, очень привязался къ дѣвочкѣ и, уходя въ деревню, бралъ ее съ собою и покупалъ ей гостинцы. Однажды, когда Бишіоне стоялъ съ ней на площади, болтая съ пріятелемъ, мимо нихъ

прошелъ молодой докторъ, за которымъ дѣвочка побѣжала, крича: „Дай же мнѣ денегъ,—дай мнѣ денегъ!"

— Ты развѣ его знаешь? спросилъ Бишіоне.

— Онъ мнѣ всегда даетъ денегъ на гостинцы.

— А гдѣ же онъ ихъ даетъ тебѣ?

— У насъ дома.

— Что онъ у насъ дѣлаетъ?

— Я незнаю, меня посылаютъ тогда на улицу караулить тебя.

Бишіоне закусилъ губы. На другой день до самаго вечера онъ не уходилъ изъ дому, поджидая доктора, но тотъ не пришелъ. Бишіоне чувствовалъ страшное бѣшенство: быть такъ глупо обманутымъ, ему! Нѣтъ, это невозможно! Онъ видѣлъ всегда въ глазахъ и на губахъ свой жены ея милую невинную улыбку и не могъ вѣрить въ ея измѣну. Истомленный мучительнымъ ожиданіемъ, онъ спустился въ деревню, чтобы развлечься и забыться. Войдя въ погребъ „Золотой вѣтки", онъ сталъ играть въ „мора". Игралъ разсѣянно и проигрывалъ, товарищи смѣялись надъ нимъ, онъ не отвѣчалъ. Наконецъ замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ его обсчитываетъ, онъ закричалъ: „Воръ".— „Молчи, крикнулъ тотъ, или я тебѣ обломаю *рога*!" Схватились за ножи, но ихъ розняли. Когда онъ вышелъ изъ погреба, то шатался, какъ пьяный; онъ не зналъ, что съ нимъ, или, вѣрнѣе сказать, зналъ ужь слишкомъ хорошо. Дорогою нѣсколько разъ садился, чтобы не упасть. Было уже поздно, когда онъ пришелъ домой. Жена его крѣпко спала, въ углу комнаты спала дѣвочка. Лампадка, зажженная передъ Мадонной, слабо освѣщала комнату. Бишіоне посмотрѣлъ на жену; вытащилъ ножъ, ощупалъ его остріе и сдѣлалъ шагъ впередъ. „Нѣтъ", сказалъ онъ, останавливаясь, „это что за смерть!" и заткнулъ ножъ за поясъ. Онъ открылъ шкафъ и досталъ оттуда стеклянный ящикъ, въ которомъ лежали змѣи. Тамъ были двѣ змѣи св. Варвары, три лѣсныя змѣи и одна змѣя изъ развалинъ. Онъ приблизилъ дно ящика къ лампадкѣ; животныя, почувствовавъ жаръ, стали корчиться и высовывать языкъ. Раздразнивъ ихъ, онъ подошелъ къ постели, сбросилъ одѣяло со спящей жены и залюбовался ею. Она была, дѣйствительно, прекрасна. Бѣлая нѣжная грудь ровно поднималась, стройныя руки, закинутыя подъ голову, нѣжно бѣлѣли, полуоткрытыя губы были словно лепестки розы. Бишіоне вздохнулъ, потомъ, тихо открывъ ящикъ, выбросилъ на постель змѣй, которыя живо соскользнули съ горячаго

стекла и поползли на постель. Одна изъ нихъ медленно вползла на грудь спящей и впилась въ нее. Женщина вздохнула и, не просыпаясь, выдернула изъ-подъ головы руку, которая, упавъ на постель, ударила подползавшую къ ней змѣю св. Варвары; разсерженная змѣя ужалила. Спящая страшно закричала, проснулась и, приподнявшись на постели, увидѣла стоявшаго посреди комнаты мужа, смотрѣвшаго на нее. Протянувъ къ нему руки, она закричала: „Помоги, помоги!“ и упала безъ чувствъ на подушки. Бишіоне подошелъ къ постели ребенка, бережно завернулъ его въ одѣяльце и, взявъ на руки, пошелъ къ двери. Онъ взглянулъ еще разъ на жену, которая билась въ судорогахъ, отеръ слезы и вышелъ навсегда изъ своего домика.

II.

Жница.

I.

Равнина стелется, расширяется и пропадаетъ между склонами горъ въ бѣлѣющемъ туманѣ. Ослѣпительный свѣтъ заливаетъ лѣсъ, траву, кусты и пшеницу, проникаетъ и жжетъ. Неподвижный воздухъ душитъ, покрывая все золотистой дымкой. Кругомъ мертвая тишина. Небо—безконечный густо синій сводъ, бросающій на землю огненные лучи, какъ бы желая ее сжечь; даже въ лѣсу, кажется, нѣтъ ни малѣйшей отрадной тѣни. На равнинѣ бѣлѣется, какъ мертвая змѣя, большая дорога, по краямъ которой кое-гдѣ можно встрѣтить одинокій вязъ, покрытый пылью, или кусты терновника, точно подернутые инеемъ. Кое-гдѣ, около скалъ, въ канавахъ при дорогѣ или въ колодцахъ, виднѣется зеленоватая вода. Мѣстами земля растрескалась, и изъ этихъ трещинъ, похожихъ на открытыя пасти, слышится сухое стрекотаніе кузнечика, которому изъ рѣдкихъ кустарниковъ дороги отвѣчаетъ грустный трескъ стрекозы; это единственныя существа, оживляющія безсонную равнину. Глазъ напрасно ищетъ темной точки, чтобы отдохнуть. Изрѣдка, стремительно падаетъ сверху орелъ, схватываетъ среди камней змѣю и быстро уносится съ ней на вершины скалъ. Стоящія направо и налѣво накаленныя горы

бросаютъ въ долины лиловыя тѣни, и бѣдность ихъ растительности увеличиваетъ меланхолію мѣста. Ни полетъ птицы, ни шелестъ листьевъ, ни порывъ вѣтра не нарушаютъ тишины; на сколько видитъ глазъ, все заснуло могильнымъ сномъ. Не видно ни одного человѣческаго существа. Крестьяне боятся этого часа также, какъ таинственной полуночи; они прячутся въ тѣни дерева, скалы или груды сноповъ, или устраиваютъ на скорую руку шалаши изъ соломы. Они выжидаютъ, пока не спадетъ полдневная жара. По сжатому полю въ одинъ изъ такихъ дней проходила согнувшись старуха, высохшая отъ голода, собирая оставшіеся колосья. Іоаннъ Креститель послалъ такую хорошую погоду; съ Иванова дня начинается жатва. Наканунѣ вечеромъ, деревня гуляла всю ночь, ожидая праздника; кто посмѣлѣе, взошли на горы, чтобы встрѣтить тамъ солнце, въ этотъ день три раза погружающееся въ море, и встрѣтить первый его лучъ, спасающій отъ дурнаго глаза и навожденія дьявола. Женщины, старыя и молодыя, ожидали первой росы, одна капля которой предохраняетъ отъ бѣсовскихъ проказъ, а дѣвушки сожигали стебель цвѣтка репейника, волнуясь въ ожиданіи найти его свѣжимъ на другое утро, какъ символъ вѣрной и постоянной любви. Когда взошло солнце, вся деревня собралась у сельской церкви. Толпу кропили святой водой, послѣ чего нѣкоторые стали купаться, другіе же бѣгали босые по лѣсу и по лугу, умывая себѣ лицо и ноги росою и собирая цвѣты, которыми украшали себѣ голову и грудь. Наконецъ, всѣ съ пѣснями вернулись въ деревню и, позавтракавъ, съ помощью Божіей и св. Іоанна, отправились жать, мало по малу теряясь въ дали. А тамъ, въ этой дали, солнце стоитъ неподвижно и словно отравленный воздухъ жжетъ людей и хлѣба.

Но Наччіо не боится ни солнца, ни отравленнаго воздуха, и пока другіе жнецы отдыхаютъ въ полдень, онъ потихоньку уходитъ отыскивать свою милую. Наччіо любитъ Moраіолу. Чтобы не давать пищи злымъ языкамъ, онъ крадется какъ воръ между высохшими хлѣбами, пробираясь къ ея полю. Наччіо никого не боится, и всѣ уважаютъ его. Не даромъ онъ носитъ острый „моллетоне“ на поясѣ и ударомъ кулака въ лобъ убиваетъ быка; но ему жалко Мораіолы, которая боится насмѣшекъ подругъ, и онъ изобрѣтаетъ всевозможные способы, чтобы повидаться съ ней хоть на минуту, хоть только поздороваться. Теперь ему надо поговорить съ ней, потому что ночью, во время гулянья, онъ не могъ сказать ей слова и удо-

вольствовался только тѣмъ, что бросилъ ей цвѣты въ окошко. Онъ не можетъ пропустить и дня, чтобы не видѣться съ ней; тогда серпъ дрожитъ въ его рукахъ, мысль его летитъ къ ней и сердце не имѣетъ покоя. Ему довольно посмотрѣть на нее, и если тамъ нѣтъ ея матери—сказать ей, что съ первыми пѣтухами придетъ къ ней. Поле Мораіолы лежитъ на мѣстѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ. Нужно поскорѣй его жать: буря можетъ унести труды цѣлаго года и оставить бѣдныхъ женщинъ нищими. Наччіо приблизился къ полю и спрятался за грудою камней; Мораіола работаетъ, а матери ея не видно. Ея бархатный лифъ темнѣетъ на бѣлой рубашкѣ, на головѣ накинутъ бѣлый платокъ. Работа такъ и горитъ у ней въ рукахъ, отъ каждаго взмаха серпа падаетъ столько колосьевъ, что можно связать цѣлую копну. По временамъ она выпрямляется, откидываетъ назадъ голову, опускаетъ руки и закрываетъ глаза; у ней кружится голова, но она берется за работу съ удвоенной силой, чтобы скорѣй ее окончить. Жара зажигаетъ ей кровь, сушитъ ея губы. Наччіо ужасно ее жалко, но онъ не смѣетъ подвинуться, не зная, гдѣ ея мать; старуха, увидѣвъ его, способна собрать своими криками жнецовъ со всѣхъ окрестностей. Въ нерѣшимости онъ наматываетъ себѣ на руку кожу змѣи, найденную имъ на дорогѣ. Эта кожа для нея; она должна надѣть ее на ногу, какъ талисманъ отъ змѣй. Пока у ней еще нѣтъ этого талисмана: коротенькая юбка позволяетъ видѣть ея ноги. Она бросаетъ серпъ, снимаетъ платокъ, развязываетъ косы, которыя распускаются по спинѣ, какъ грива, и расширенными ноздрями и раскрытыми губами вдыхаетъ въ себя раскаленный воздухъ.. Ей тяжело. Она конвульсивно разстегиваетъ корсажъ, бросаетъ его на землю и снова принимается за работу. Ея юбка, легкая, какъ каштановый листъ, жметъ ей бока, становится невыносимой. Она оглядывается; кругомъ все пусто. Ее никто не видитъ, можно снять эту горячую тряпку; ей гораздо легче въ длинной рубашкѣ, перевязанной поясомъ. Съ новыми силами она берется за работу и жнетъ, жнетъ, мучимая жарой и жаждой, въ то время какъ Наччіо стоитъ за камнями, не отваживаясь выходить изъ своей засады. Одну минуту онъ было поддался искушенію, но удержался: нѣтъ, теперь не хорошо выйдти, можно ее испугать; нужно было раньше дать о себѣ знать; можетъ быть ея мать здѣсь, гдѣ-нибудь за снопами; она будетъ ее бранить, царапать ей лицо. Но, нѣтъ!

Мораіола остановилась, вытащила изъ-подъ дерна кувшинъ, выпрямилась и, упершись одной рукой въ бокъ, съ жадностью, большими глотками, стала пить воду; нѣсколько капель упало съ подбородка на полуоткрытую грудь. Она отбросила кувшинъ въ сторону, но, взявшись снова за серпъ, зашаталась и упала какъ подкошенная. Наччіо въ два прыжка очутился около нея. Онъ въ отчаяніи сталъ смотрѣть кругомъ, куда бы ее унести, какъ бы, хоть немного, облегчить ее. Изъ сноповъ онъ устроилъ ей насколько возможно тѣни, звалъ ее нѣжными именами, билъ себя кулаками въ голову. Наконецъ, убѣжалъ и, быстро возвратившись съ водой, сталъ брызгать ей на лицо и грудь; она еле дышала и казалась мертвой. Кругомъ было то же безмолвіе.

— Мораіола, жизнь моя, отвѣть мнѣ, не заставь меня умереть отъ страха, говорилъ онъ блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Наконецъ она открыла глаза, хотѣла встать, но упала головой на снопы. Въ эту минуту камень ударилъ Наччіо въ спину и въ то же время послышался старушечій голосъ.

— Ахъ ты разбойникъ, ты опять около моей дочери!

Наччіо вскочилъ, схватилъ старуху за воротъ, склонилъ ее надъ Мораіолой.

— Она нездорова, если ты ей что-нибудь сдѣлаешь, я тебя задушу. Неси ее домой!

И въ то время, какъ она продолжала кричать, какъ охрипшая насѣдка, онъ исчезъ, прибѣжавши на свое поле, когда товарищи снова принимались за работу.

Они окружили проходившаго учителя и осыпали его, по обычаю, бранными словами: собака, воръ, мошенникъ, чтобы тебѣ умереть съ голода, а, а, э, э!..

Наччіо вышелъ впередъ, снялъ шляпу, поднесъ смѣшавшемуся учителю пучекъ колосьевъ и сказалъ, улыбаясь, показывая на товарищей:

— Извините насъ за глупый обычай; угостите этихъ молодцовъ, и св. Іоаннъ благословитъ васъ и подастъ вамъ столько счастья, сколько зеренъ въ этихъ колосьяхъ.

II.

Въ ночь этого дня, свѣтлую, какъ ликъ луны, когда можно было пересчитать колосья на разстояніи цѣлой мили, Наччіо вернулся на еще недожатое поле Мораіолы.

Вдали сердито лаяли собаки, по временамъ умолкая какъ бы для того, чтобы собраться съ духомъ; перекликались пѣтухи. Деревенскіе сторожа, слыша шорохъ на полѣ Мораіолы, заподозрили было вора, но потомъ, перекрестившись, рѣшили:

— Сегодня суббота, вѣрно вѣдьма теперь работаетъ вмѣстѣ съ дьяволомъ.

— Чтобъ ему задушить ее.

— Изъ зеренъ, собранныхъ въ полночь, она дѣлаетъ лепешки и отравляетъ дѣтей.

— И чтобы влюблять красавицъ.

— Тогда я бы хотѣлъ получить ихъ.

— Для Мораіолы?

— Для нее не нужно, она общественная собственность.

— Берегись, чтобы тебя не услышалъ Наччіо.

— Да, тогда было бы плохо; я думаю, что онъ много поѣлъ этихъ лепешекъ, потому что влюбленъ, какъ жаворонокъ въ маѣ.

Но Наччіо не слышалъ эти разговоры—онъ продолжалъ жать.

Проработавши цѣлый день подъ палящимъ солнцемъ и уставши страшно, такъ что не въ состояніи былъ даже съѣсть куска хлѣба за весь день, онъ выпилъ только полфіаско вина и вымылъ лицо холодной водой и вспомнилъ, что спать нельзя, что поле Мораіолы еще не дожато.

Потихоньку прокрался онъ туда.

— Завтра она будетъ довольна, увидѣвъ свое поле сжатымъ, и сейчасъ же догадается, кто это сдѣлалъ и полюбитъ меня еще больше.

Какъ жаль что мало работы!

— Но проклятая вѣдьма, мать ея, способна сжечь эту Божью благодать, если узнаетъ, что я доканчивалъ работу.

И съ удовольствіемъ человѣка, дѣлающаго на зло, онъ сгибался и срѣзывалъ колосья подъ самый корень, а иногда даже нервнымъ движеніемъ выдергивалъ ихъ вмѣстѣ съ корнемъ.

Онъ работалъ, думая о Мораіолѣ, которая довела его до такого состоянія и сама умирала отъ любви къ нему. Онъ припоминалъ, какъ это случилось. Она взяла его какъ буйвола за рога такъ крѣпко, что онъ не можетъ освободиться. Во всемъ виноватъ его покойный отецъ, который былъ упрямѣе мула и хотѣлъ, чтобы все дѣлалось, какъ въ старину.

Въ одинъ прекрасный день, когда Наччiо еще былъ ребенкомъ, онъ придумалъ женить его на дочери Рику-ди-Палена, котораго очень уважалъ за богатство. Священникъ благословилъ дѣтей, и съ того дня они считались супругами, не понимая значенiя этого слова.

Это была, конечно, грубая шутка, потому что Наччiо не любилъ Марiи Грасiи. Онъ ее царапалъ, какъ котъ, когда же они подросли, то стали бросать другъ въ друга каменьями, сталкивали одинъ другаго въ канавы, такъ что возвращались домой съ разорванными платьями, красными глазами и ненавистью въ сердцѣ. Родители безуспѣшно старались ихъ помирить. Съ каждымъ днемъ Марiя Грасiя становилась все некрасивѣе; пятнадцати лѣтъ она была высока ростомъ и суха, какъ высохшiй тополь. Глаза ея вѣчно слезились, рыжiе волосы походили на головки кукурузы, а лобъ ея дѣлался все уже и больше. Наччiо же дѣлался все сильнѣе и красивѣе. Дѣвушки на него заглядывались, да и замужнiя были не-прочь полюбоваться. Онъ этимъ очень былъ доволенъ, особенно, когда Марiя Грасiя это видѣла. Тогда она убѣгала, размахивая руками и ногами, какъ колоссальный паукъ, и пряталась въ коровникъ, въ отчаянiи царапая себѣ лицо и вырывая волосы; теперь она отчаянно была влюблена въ него и умерла бы, кажется, отъ счастья, еслибы онъ поцѣловалъ ее хоть разъ. Она готова была бы стать его служанкой, лежать у его ногъ, какъ собака, позволила бы бить себя и цѣловала бы его руки. Но Наччiо ее не хотѣлъ знать. Когда отецъ сказалъ ей, что теперь время отпраздновать настоящую свадьбу съ Наччiо, она чуть съ ума не сошла отъ радости. Наччiо все предоставилъ своему отцу. Ему самому какое было дѣло? Старикъ такъ хотѣлъ: онъ умеръ бы съ горя, разбилъ бы свою сѣдую голову о камни, еслибы сынъ отказался жениться на выбранной имъ дѣвушкѣ. „Въ 18 лѣтъ", говорилъ онъ, „пора имѣть ребятъ. Для бѣдняковъ дѣти, что для господъ лошади; чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Торопись, Наччiо, я не хочу умереть, не увидѣвъ внуковъ". Онъ приготовилъ ему огромную постель, на которую нужно было взбираться со стула, выбѣлилъ известью комнату, въ которой спалъ пятьдесятъ лѣтъ кряду, и очень хлопоталъ со свадьбой, тогда какъ Наччiо скакалъ по лѣсу, объѣзжая молодыхъ лошадей, выслѣживая кабановъ и утѣшая женъ пастуховъ, мужья которыхъ ушли въ Пулью. Однажды,— Наччiо хорошо помнилъ этотъ день—онъ взбирался съ вилами

*

на гору набрать хвороста, какъ вдругъ на полдорогѣ услышалъ отчаянный крикъ. Онъ посмотрѣлъ наверхъ и увидѣлъ большую вязанку валежника, катившуюся внизъ. Онъ поднялъ вилы и подхватилъ вязанку. Немного погодя спустилась сверху взволнованная, граціозная дѣвушка съ топоромъ за поясомъ и съ распущенными косами. Увидѣвъ его, удерживающаго могучими руками на краю пропасти ея вязанку, она остановилась. Передъ ней стоялъ самъ ужасный Наччіо, похититель женскихъ сердецъ, къ которому она сама чувствовала невольное влеченіе и боялась его. Они поздоровались.

— Это, должно быть, твоя вязанка, Мораіола?

У ней сильно забилось сердце.

— Моя, отвѣчала она.

Наччіо посмотрѣлъ въ ея большіе, черные глаза, потомъ спросилъ:

— Хочешь, я тебѣ ее вынесу изъ лѣса?

— Мы вѣдь не обручились, это только мужья дѣлаютъ такія любезности своимъ женамъ.

— А развѣ мы не можемъ обручиться? Ты бы любила меня?

Мораіола покраснѣла, но отвѣчала рѣшительно:

— Дай мою вязанку и иди разсказывать росказни своей лобастой Маріи.

Наччіо поднялъ ей связку на голову, обнялъ и горячо поцѣловалъ въ щеку. Это былъ первый поцѣлуй изъ тѣхъ, которые они потомъ столько давали другъ другу, встрѣчаясь въ лѣсу и въ долинѣ, гдѣ проводили долгіе часы въ жаркихъ объятіяхъ. Мораіола потеряла голову. Она знала, что онъ женихъ Маріи Грасіи, и не думала объ этомъ, счастливая, когда онъ скрывался съ ней вмѣстѣ въ темныхъ гротахъ или ночью на сѣновалѣ. Обнявъ его, она не могла отъ него оторваться, какъ бы желая слиться съ нимъ въ одно существо. Наччіо оставилъ другихъ женщинъ: Мораіола стоила всѣхъ; она точно околдовала его какимъ-нибудь зельемъ, приготовленнымъ ея матерью. Ему надо было видѣть ее каждый день, говорить съ ней, повторять ей, что она ему необходима, какъ хлѣбъ, что она дорога ему, какъ жизнь. Когда старый, умирающій отецъ заставилъ его жениться на Маріи, онъ согласился, но въ свадебную ночь жена его осталась одна—плакать и ожидать мужа, въ то время какъ знакомые и родственники пѣли на улицѣ веселыя пѣсни, съ пожеланіемъ молодымъ дюжины дѣтей. Онъ провелъ эту ночь, утѣшая Мораіолу, которая готова была задушить Марію,

и такъ хорошо ее утѣшилъ, что она забыла, что онъ мужъ другой. Старикъ умеръ, не дождавшись внучатъ. Наччiо рѣдко былъ съ женой, но не обращался съ ней дурно; ему было почти жалко видѣть эту тощую рыжую женщину, вѣчно плачущую, но онъ не могъ ее любить. Чтобы не сказали, что онъ живетъ на ея счетъ, онъ нанимался по-денно, какъ бѣднякъ, копать, рубить дрова, или косить, смотря по времени года, и заработывалъ себѣ на пропитанiе; ночь спалъ на сѣновалѣ или шелъ къ Мораiолѣ такъ осторожно, что его не видѣли даже звѣзды. Ея мать ничего не знала объ ихъ любви, но въ деревнѣ про нихъ сочинили даже пѣсню. Конечно, это была зависть, но она не привела ни къ чему и никому не удалось разссорить влюбленныхъ, потому что Наччiо былъ тверже дуба, вокругъ котораго Мораiола обвилась какъ плющъ. Въ тотъ день, когда старая вѣдьма нашла ее въ полѣ полумертвой и унесла домой, она не вырвала изъ нея ни одного слова. Мораiола была ошеломлена, ничего не понимала, говорила какой-то вздоръ и цѣлый день пролежала. Ночью мать заперла ее и пошла въ горы искать лѣкарственныхъ травъ для дочери. Въ это время Наччiо жалъ поле Мораiолы, думая обо всемъ этомъ и сгорая нетерпѣнiемъ поскорѣе узнать объ ея здоровьи. Еслибы рыжая была мертва, Мораiола теперь была бы вмѣстѣ съ нимъ, въ его домѣ, онъ ухаживалъ бы за ней; вмѣсто того онъ долженъ и самъ терзаться и терзать этотъ вѣчно плачущiй скелетъ. Онъ сложилъ снопы въ копну и наложилъ сверху большихъ камней отъ вѣтра. Потомъ, едва держась на ногахъ отъ усталости, онъ направился къ хижинѣ Мораiолы, рѣшившись задушить старуху, если она помѣшаетъ ему увидѣть дочку. Но въ хижинѣ было тихо. Дверь, снаружи закрытая цѣпью, навела его на мысль, что старухи нѣтъ дома. „Вѣрно она поѣхала на помелѣ въ гости къ чорту“, подумалъ онъ, влѣзая и заглядывая въ открытое окно. Свѣтъ луны обрисовывалъ на полу комнаты свѣтлый квадратъ, въ срединѣ котораго показалась тѣнь Наччiо; онъ соскочилъ внизъ и ощупью добрался до Мораiолы. Всмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что она лежала на постели, закинувъ руки подъ голову; глаза ея были широко раскрыты, и грудь тяжело дышала. Наччiо не могъ говорить: на его ястребиныхъ глазахъ показались слезы.

— Лучше ли тебѣ, Мораiола?

Она обняла его за шею горячими руками, и они остались, прижавшись другъ къ другу. Вдругъ на улицѣ раздались аккор-

ды „колашіоне“ и въ тишинѣ ночи запѣлъ мужской голосъ: то была серенада.

— Мео ди Тану! вскричалъ Наччіо, вскакивая и хватаясь за ножъ.

Мораіола тоже вскочила, поцѣловала его и сказала тихо:

— Что тебѣ? Оставь! Онъ завтра уходитъ въ солдаты.

Наччіо не отвѣтилъ.

Пѣніе дѣлалось нѣжнѣе, казалось звуками рыданія. Потомъ сдѣлалось тихо, и на средину комнаты упалъ букетъ цвѣтовъ, завязанный красною лентою. Мораіола инстинктивно нагнулась, чтобы поднять его, но Наччіо поставилъ на него свою ногу, такъ какъ бы онъ сдѣлалъ съ самимъ Мео. Дѣвушка подумала: „бѣдные цвѣты!“ и невольно мысль ея перешла къ тому, который бросилъ ихъ ей: онъ уходилъ изъ роднаго гнѣзда, куда, быть можетъ, никогда не вернется. Въ это время послышался свистъ летящаго камня и крикъ старухи, которая, спускаясь съ горъ, услышала серенаду, пропѣтую для ея дочери. Когда она вошла въ комнату, то нашла ее лежащей на постели. Наччіо уже выскочилъ въ окно.

III.

Жатва кончилась, поля опустѣли. Въ послѣдній день нужно было везти хлѣбъ на общественное гумно для молотьбы; на дорогѣ были приготовлены возы, телѣжки, ослы, мулы, волы и даже запряженныя коровы. На ушахъ ословъ, у быковъ между рогами, на шляпахъ мущинъ и въ косахъ у женщинъ, вездѣ красовались пучки колосьевъ. Солнце спряталось за горы, и воздухъ посвѣжѣлъ; съ вершинъ горъ донесся запахъ мяты, повѣявшій вѣтерокъ сталъ трепать черныя и русыя косы дѣвушекъ, гривы буйволовъ и колосья сноповъ, нагруженныхъ на телѣги, стоящія на дорогѣ. Изъ долины, начинавшей покрываться туманомъ, не подавали еще знака къ отъѣзду; все было на-готовѣ. Наконецъ, вдали показалась первая телѣга, за ней другія, пристававшія къ ней по пути. Ѣхало больше пятидесяти возовъ, въ сопровожденіи веселой толпы, которая, казалось, говорила: „хватитъ хлѣба на цѣлую зиму; мы работали, а теперь хотимъ веселиться“. Когда возы пріѣхали на гумно, ихъ разгрузили. Дѣвушки, выбравъ лучшіе колосья, стали плести изъ нихъ вѣнокъ съ красной лентой. Онѣ смѣя-

лись и шалили, какъ сумасшедшія. Мораіола, разгрузивъ свой возъ, сѣла на землю, ожидая мать. Поставивъ локти на колѣни и закрывъ лицо руками, она думала, она вспоминала прошлый годъ, когда ей единодушно былъ присужденъ вѣнокъ изъ колосьевъ, и она была королевой жатвы. Что-то будетъ нынѣшній годъ? Королевой ее навѣрно не выберутъ, потому что она любитъ Наччіо, подруги ей не прощаютъ этого, да и старые люди смотрятъ на нее такъ, какъ будто хотятъ прочесть, что у ней на сердцѣ; но что ей за дѣло, пусть будетъ королевой другая, лишь бы Наччіо былъ ея. На гумно пришли господа, чтобы принять участіе въ праздникѣ. Пронзительный звукъ флейтъ покрывалъ трескъ барабана, гулъ бубенъ и стонъ волынокъ. Наконецъ, одна изъ дѣвушекъ подняла надъ толпой красивый вѣнокъ, крича:

— Королеву, королеву!

Молодые люди закричали въ одинъ голосъ:

— Мораіола, гдѣ Мораіола?

— Нѣтъ, нѣтъ, это былъ бы позоръ!

— Конечно, Мораіола, настаивали парни.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричали старухи, ее нельзя, она не красива! и загораживали дорогу толпѣ, направлявшейся съ вѣнкомъ къ Мораіолѣ, продолжавшей сидѣть, закрывъ лицо руками, какъ будто дѣло ея не касалось. Въ эту минуту Наччіо пробрался сквозь толпу, растолкалъ локтями старухъ и закричалъ:

— Ура, Мораіола! Да здравствуетъ Мораіола!

Тогда Мораіола встала; она была, дѣйствительно, прекрасна. Окинувъ толпу соколинымъ взглядомъ, она встала на колѣни и подставила свою голову священнику, чтобы онъ надѣлъ на нее вѣнокъ; потомъ перецѣловавъ подругъ, она стройная, какъ пальма, съ золотыми колосьями на черныхъ волосахъ, окруженная толпой, съ тріумфомъ вошла въ середину гумна, гдѣ стояли бочки съ виномъ. Праздникъ начался. Синдикъ и священникъ весело пили, дѣвушки приготовлялись къ танцамъ, распуская волосы, а парни заворачивали рукава рубашекъ, точно собирались бороться. Дѣвушки образовали хороводъ, и у нихъ въ кругу Мораіола плясала тарантеллу. Къ этой парѣ присоединились другія; вскорѣ все гумно было въ движеніи. Только Марія, прислонившись къ грудѣ сноповъ, сидѣла одинокая и грустно смотрѣла на танцующихъ; она глядѣла налившимися кровью глазами на Мораіолу и Наччіо, которые

пили изъ одного стакана и хохотали, какъ сумасшедшіе. Она слѣдила за ними, какъ тигръ за своей добычей, подмѣчала каждое ихъ движеніе, каждую улыбку, и когда ей казалось, что было сказано какое-нибудь ласковое слово, она впивалась ногтями въ землю или бросалась на землю, кусая траву. Она обѣщала продать душу чорту, если онъ уморитъ ея соперницу, вызывала его ночью семь разъ подъ открытымъ небомъ, но все напрасно: дьяволъ не приходилъ, а соперница хорошѣла съ каждымъ днемъ. Она искала какой-нибудь ужасной мести: то хотѣла сжечь ихъ живыми на сѣноваль, или, подкарауливъ ее въ лѣсу, зарѣзать ножомъ, который Марія всегда носила на себѣ. Она роптала на Бога за то, что онъ ее создалъ такою некрасивою, за то, что онъ не наказываетъ виновныхъ. А вокругъ нея танецъ становился все живѣе и веселѣе. Къ музыкѣ явилось подкрѣпленіе: нѣсколько старухъ, взявъ кто горшокъ, кто кастрюлю, били въ нихъ изо всѣхъ силъ, такъ что выходилъ какой-то адскій концертъ. Вино начинало дѣйствовать: танцоры выдѣлывали всевозможныя фигуры, прыгали, размахивали руками и ногами, крича во все горло. Наччіо плясалъ безъ отдыха, то теряясь въ толпѣ, то опять появляясь, всегда съ Мораіолой, которая, съ распущенными волосами, казалась опьяненною виномъ и счастіемъ.

Даже ея мать, опершись на локти и улыбаясь беззубымъ ртомъ, казалось, глядѣла на танцующихъ не безъ удовольствія. Она съ нею за одно—думала бѣдняжка Марія, теперь она не бросаетъ въ него камнями; она довольна, рада, что я умру, а ея дочка заступитъ мое мѣсто. Марія Грасія рвала на себѣ волосы, между тѣмъ какъ старуха переносилась мыслью въ далекое время, когда Маттео,—миръ его праху!—покойный отецъ Наччіо, жилъ съ нею душа въ душу, совершенно такъ, какъ теперь его сынъ съ Мораіолой, и заставлялъ ее дѣлать столько глупостей, что не признаешься во всѣхъ, даже пересказывая ихъ семь лѣтъ и семь дней. Совсѣмъ въ отца этотъ плутъ Наччіо! И тутъ нечаянно вырвалась тайна, давно схороненная въ глубинѣ ея души: Наччіо не былъ найденышемъ, принятымъ Маттео, потому что Маттео былъ бездѣтенъ. Наччіо былъ ея ребенкомъ, котораго она родила прежде, чѣмъ вышла замужъ; послѣ того разсерженный Маттео прогналъ ее и бросилъ. Теперь она объ этомъ и думаетъ. Ее зовутъ вѣдьмой, тогда какъ только горе и работа сдѣлали ее безобразной. Она ненавидитъ теперь всѣхъ, даже и дочь; но тогда—какіе

веселые дни проводила она въ виноградникахъ на мху!.. Наччіо и Мораіола любятъ другъ друга, они чувствуютъ родственную кровь, только ихъ надо держать подалѣе другъ отъ друга: когда-нибудь они узнаютъ свое свойство, и тогда сцена перемѣнится... Потомъ, Наччіо вѣдь женатъ, а ея дочь не настолько сумасшедшая, чтобы дѣлать глупости...

На минуту танцы прекратились; всѣ окружили Наччіо и Мораіолу. Музыканты заиграли что-то грустное. Наччіо легъ на землю и запѣлъ, глядя на дѣвушку, стоявшую подбоченясь: это была меланхолическая пѣсня, на которую она отвѣчала, какъ эхо долины. Хоръ подхватывалъ припѣвъ, хлопая въ ладоши. Наччіо, вскочивъ, опять сталъ танцовать: онъ то подпрыгивалъ, какъ олень, то скакалъ, какъ дикій котъ, преслѣдуя Мораіолу, граціозно убѣгавшую отъ него, помахивая передникомъ. Наччіо топалъ ногами и вскрикивалъ, когда Мораіола пробѣгала мимо него, какъ бы поддразнивая, касаясь его лица своими волосами. Наччіо бросился на землю и опять запѣлъ печальную мелодію, какъ будто жалуясь на что-то. Мораіола танцовала вокругъ него, задѣвая его платьемъ и улыбаясь, показывая свои бѣлые зубы. Вдругъ онъ вскочилъ, и съ крикомъ орла, бросающагося на добычу, охватилъ ее. Музыка ускорила темпъ, началась общая пляска. Наччіо забылъ все окружающее и покрывалъ поцѣлуями голое плечо Мораіолы, но никто этого не видѣлъ, кромѣ Маріи, которая, проталкиваясь сквозь толпу, блѣдная, съ большимъ острымъ ножемъ въ рукѣ, подбѣжала къ ненавидимой ею парѣ. Наччіо сдержалъ ея руку своими желѣзными пальцами; она старается вырваться, но онъ отбросилъ ее; она упала на землю, поднялась на колѣни, протягивая съ отчаяніемъ руки къ мужу и соперницѣ, но въ это время у ней хлынула изъ горла кровь: она упала мертвая. Музыка продолжала играть, заглушая отчаянные крики старухи, призывающей свою дочь Мораіолу, которая, обнявшись съ Наччіо, скрылась въ темнотѣ ночи, охватившей ширину темныхъ полей...

ЗАБОТА О БЛИЖНЕМЪ.

Очерки благотворительности [1]).

(*Окончаніе*).

VII.

Время первоначальной жизни каждаго народа, предшествующее появленію письменности въ странѣ, представляетъ собою, конечно, болѣе или менѣе темную эпоху. Однако же, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой эпохѣ могутъ быть добыты изученіемъ остатковъ старины и отраженій былой дѣйствительности въ „свидѣтельствахъ иностранцевъ", а также посредствомъ осторожныхъ гипотезъ, основательныхъ догадокъ и аналогій. Жизнь русскаго народа, до принятія имъ христіанства, не открывается передъ нашимъ взоромъ въ отчетливой и ясной картинѣ. Но, несмотря на сумракъ, всегда, лежащій на прошедшемъ, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ думать, что и въ то время люди различали хорошее отъ дурнаго и дозволенное отъ недозволеннаго. И въ то время они имѣли такія или иныя религіозныя представленія, поклонялись своимъ божествамъ, въ которыхъ олицетворяли свои моральныя понятія и свои идеалы „должнаго". Уже въ молитвенныхъ собраніяхъ нашихъ предковъ у капищъ этихъ боговъ, въ совмѣстныхъ празднествахъ и игрищахъ вокругъ языческихъ кумировъ, трепетало и вспыхивало великое чувствованіе человѣческаго братства, принося свой первый, благородный плодъ, хотя бы въ видѣ

[1]) См. „Русск. Вѣст." 1891 г. кн. III.

тѣхъ отрѣзковъ жертвеннаго мяса, которые удѣлялись голоднымъ бѣднякамъ.

Народъ, жившій въ лонѣ величаво-спокойной природы, подъ сплошною тѣнью нескончаемыхъ, меланхолическихъ лѣсовъ, окаймленныхъ безграничной ширью степей, и по берегамъ многоводныхъ, покойно текущихъ рѣкъ,—такой народъ, весьма естественно, долженъ былъ отразить въ своемъ нравственномъ мірѣ тишину и спокойствіе окружающаго. Его мораль должна была получить характеръ, чуждый страстныхъ порывовъ и пламенныхъ экстазовъ. Служеніе добру должно было принять у него форму спокойнаго исполненія долга, а не горячихъ вспышекъ, въ которыхъ доброе дѣло кипитъ и бушуетъ, какъ въ западной исторіи. Русская добродѣтель, дѣйствительно, съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, ушла въ глубину народной души и, проявляясь въ жизни, усвоила себѣ форму дѣловитой простоты, лишенной всякихъ театральныхъ эффектовъ. Не трудно видѣть, въ какомъ направленіи она должна была обнаружиться на первыхъ порахъ. Населеніе Россіи никогда не отличалось скученностью. Хотя съ древнѣйшихъ временъ здѣсь существовали города, главнымъ образомъ по такъ-называемымъ воднымъ путямъ, но вообще человѣческія жилья были отдѣлены другъ отъ друга большими пространствами, на которыхъ „пашни не были паханы и дворы не стаивали“. Непроходимыя лѣсныя чащи чередовались съ необозримыми болотами. Осеннія и весеннія топи смѣнялись снѣжными сугробами, подъ которыми вся природа замирала на долгіе мѣсяцы. Несносные лѣтніе жары смѣнялись морозами, на столько сильными, что отъ нихъ раскалывались деревья сверху до низу. Принимая во вниманіе только эти условія жизни, при которыхъ каждый человѣкъ естественно „радъ человѣку“, а тѣмъ болѣе путникъ и странникъ, легко понять, почему особенно яркой формой служенія ближнему у насъ явилось съ незапамятныхъ временъ гостепріимство.

Нѣкоторые писатели (напр. Кавелинъ) выражали сомнѣніе въ широкомъ дѣйствіи этой добродѣтели въ древней Руси, но едва-ли такое сомнѣніе имѣетъ за себя солидныя основанія. Едва-ли можно отвергать, что пріемъ странника и радушное предложеніе ему пріюта понималось славяниномъ, какъ неотложная, священная обязанность. Нарушеніе требованій гостепріимства онъ считалъ позорнымъ, и если какой-либо хозяинъ бывалъ замѣченъ въ этомъ, то всѣ сосѣди его

съ негодованіемъ мстили за обиду, нанесенную гостю. Нѣкоторые историки (Карамзинъ и др.) указываютъ на существованіе обычая, по которому домохозяинъ, уходя со двора, оставлялъ незапертою дверь, на случай нужды прохожаго путника въ кровѣ и пищѣ. Если считать достовѣрнымъ существованіе такого обычая (аналогичные факты, впрочемъ, замѣчаются и теперь въ народномъ быту), то въ этомъ знаменательномъ способѣ гостепріимства нельзя не видѣть руку помощи, протянутую на встрѣчу нуждамъ „ближняго вообще", а слѣдовательно, нельзя и не признавать у русскаго языческаго гостепріимца наличности понятія о „себѣ подобномъ", или объ „общечеловѣкѣ",—понятія, добытаго, разумѣется, не умственной абстракціей, а живымъ, инстинктивнымъ импульсомъ сердечнаго альтруизма. Какъ бы то ни было, но старинныя иностранныя свидѣтельства единодушны въ признаніи значительной доли мягкости въ нравахъ славянъ. Одни изъ этихъ свидѣтелей говорятъ объ отсутствіи у нашихъ предковъ „зложелательства и коварства", другіе восхваляютъ ихъ благосклонность къ чужестранцамъ и попеченіе о родителяхъ, третьи же прямо утверждаютъ, что „у нихъ не встрѣчалось ни бѣдныхъ, ни нищихъ, ибо всякій, заслабѣвшій отъ болѣзни или старости, пользовался заботами своего наслѣдника (см. Исторію проф. Бестужева-Рюмина)".

Исходя изъ этихъ данныхъ, можно заключить, что нравственныя свойства древней Руси представляли удобную почву для воспріятія евангельской проповѣди. По крайней мѣрѣ, заповѣдь о любви и помощи ближнимъ здѣсь не могла показаться странной загадкой. Русскій человѣкъ не отвѣчалъ на нее недоумѣвающимъ вопросомъ: „но кто же ближній мой?"

Столѣтія IX и X были вѣками особеннаго рвенія христіанской пропаганды, шедшей по двумъ дорогамъ, изъ Рима и Константинополя, при слабой конкурренціи ислама и еврейства. Съ обоимъ главныхъ названныхъ пунктовъ напрягались усилія подчинить своему вліянію Россію, уже тогда являвшую признаки будущаго величія и уже имѣвшую значительные города, между которыми первое мѣсто занималъ Кіевъ, „второй Константинополь", по словамъ Адама Бременскаго. Но способъ дѣйствія упомянутыхъ стремленій былъ не одинаковъ. Римская проповѣдь шла во всеоружіи умственной ловкости изворотливости и практичности. Говоря о небѣ, она не забывала землю. Идя на завоеваніе душъ, она стремилась пол-

жить повсюду и мірское владычество. Неся одною рукою крестъ, она держала въ другой рукѣ обнаженный мечъ. Ея завоеваніе, вмѣстѣ съ священными книгами, храмами и служителями церкви, вносило въ страну десятины, дани и проч. Само собою разумѣется, что люди, не лишенные чуткости и цѣнившіе свободу, не могли не почувствовать двуличности этой проповѣди. Кіевляне, съ кн. Владиміромъ во главѣ, уклонились отъ объятій, страстно простиравшихся къ нимъ изъ Рима. Столь же тщетными остались попытки магометанъ привлечь нашихъ предковъ въ свою вѣру. Оцѣпенѣлый, мрачный фанатизмъ этой вѣры, ея болѣзненное, какъ бы угарное и судорожное благочестіе не могло соблазнить русскихъ. Они рѣшили, что въ этой вѣрѣ „нѣтъ веселія“, истинно религіознаго утѣшенія и назиданія, что эта вѣра не манитъ перспективой возвышенной жизнерадостности праведной жизни. Далѣе, о переходѣ въ еврейство, конечно, не было рѣчи. Что могло быть привлекательнаго въ уподобленіи народу, который разсѣянъ Божьимъ гнѣвомъ по всему лицу земли и который замеръ духовно въ предѣлахъ ветхаго завѣта, обнаруживая безсиліе приблизиться къ райскимъ вратамъ Завѣта новаго? Такимъ образомъ, русскимъ оставалось принять христіанство греческаго исповѣданія, оставалось преклониться предъ византійской проповѣдью, которая, вмѣсто тонкихъ аргументовъ и ловкихъ ухищреній, съ безъискусственной простотою развертывала предъ смущеннымъ взоромъ князя Владиміра картину Страшнаго Суда, гдѣ человѣческія души, безъ различія ихъ внѣшнихъ, земныхъ оболочекъ, раздѣляются по ихъ внутренней цѣнности праведнымъ судомъ всевидящаго Бога.

Со времени принятія христіанства Россія вступаетъ въ школу нравственнаго воспитанія въ лонѣ евангельскаго ученія. Проповѣдь пастырей церкви, какъ только огласились ею первые храмы, приступила къ начертанію пути праведной жизни. Едва-ли не первымъ словомъ этой школы и этой проповѣди, по замѣчанію Забѣлина, было изложеніе и толкованіе притчи о Мытарѣ и Фарисеѣ. „Господь“, читаемъ въ древнемъ поученіи, „сказалъ: два человѣка вошли въ церковь помолиться, одинъ фарисей, а другой мытарь. Тотъ, фарисей, молясь, говорилъ: „Боже, хвалу Тебѣ воздаю, что я не грѣшенъ, какъ другіе люди, пощусь, десятину даю отъ имѣнія своего, а не какъ мытарь грабитель“. Ничего не сказалъ ему мытарь, но стоя издалеча, какъ не имущій смѣлости къ Богу,

не смѣя и очей на небо возвести и только ударяя себя въ перси и исповѣдуя грѣхи свои, говорилъ: „Боже, очисти мя грѣшнаго“. Вѣрные! Будемъ подражать мытареву смиренію, имъ же смирился самъ Господь для нашего спасенія!..“ Невозможно выразить въ болѣе сжатыхъ и рельефныхъ чертахъ существо истиннаго благочестія. Эти два образа, которые останутся живы и по истеченіи тысячелѣтій, говорятъ краснорѣчиво о томъ, что религія и нравственность не должны быть сводимы къ однимъ лишь пріемамъ внѣшней обрядности, что единственный путь моральнаго совершенствованія и приближенія къ Богу есть строгое самосовершенствованіе, и что, наконецъ, первая основа всѣхъ добродѣтелей есть смиреніе, которое одно только въ силахъ разогнать иллюзіи эгоизма, заслоняющія отъ человѣка все, за исключеніемъ его собственной личности. Сѣя на воспріимчивой почвѣ русской души эти первыя зерна моральной дисциплины, учители новой церкви не ограничивались поученіями. Присоединяя дѣло къ слову, они облекали свои идеи плотью и кровью своихъ дѣйствій, своей жизни. Уже на порогѣ христіанской эры отечественной исторіи, мы встрѣчаемся съ такими незабвенными лицами, какъ Антоній и Ѳеодосій печерскіе.

Въ княженіе Ярослава поселился подъ Кіевомъ отшельникъ, послѣ неоднократныхъ паломничествъ на Аѳонъ. Онъ избралъ себѣ мѣстожительствомъ пригорокъ, на которомъ сплошною тѣнью тянулся „лѣсъ великъ“, внизу же извивалась широкая лента Днѣпра. Среди безмолвія окружающей природы, какъ въ уединенномъ храмѣ, отшельникъ совершалъ непрерывный молитвенный подвигъ. Проходили дни и ночи, погода и непогода взаимно смѣнялись, благочестивый же человѣкъ продолжалъ свое дѣло, пламенѣлъ душою передъ Богомъ, какъ пламенѣетъ предъ образомъ лампада. Его духъ владычествовалъ надъ плотью, которую онъ поддерживалъ хлѣбомъ и водою, черезъ день или два, но которую въ то же время онъ умѣлъ держать въ повиновеніи, посредствомъ безчисленныхъ колѣнопреклоненій и неусыпнаго бодрствованія. Нося въ собственномъ сердцѣ сокровище высокихъ чувствъ, отражая въ собственной душѣ величіе и красоту Божьяго міра онъ не тяготился, конечно, уединеніемъ; напротивъ, онъ любилъ его и уклонялся отъ людскаго скопленія, „не терпя всякаго мятежа и молвы“. Этотъ отшельникъ былъ Антоній, родоначальникъ русскаго монашества. Подвигомъ этого святаго

начинается струя аскетизма, вошедшая прочнымъ элементомъ въ русскій нравственный міръ.

Аскетизмъ, какъ извѣстно, имѣлъ и имѣетъ много порицателей. Аскетизмъ, говорятъ эти порицатели, отрѣшаетъ человѣка отъ всего земнаго, онъ исторгаетъ насъ изъ всего окружающаго и разрываетъ всѣ наши общественныя связи; аскетизмъ возводитъ страданіе въ самосущую цѣль человѣческой нравственности; онъ учитъ смотрѣть на мученіе, какъ на нѣчто богоугодное, составляющее само по себѣ послѣднюю ступень совершенства. Все это справедливо по отношенію къ аскетизму, проявляющемуся въ безсмысленныхъ самоистязаніяхъ индійскихъ факировъ, въ бѣшенствѣ плясокъ магометанскихъ дервишей, въ нѣкоторыхъ фактахъ истерическаго, кроваваго самобичеванія европейскаго средневѣковья,—но все это не вѣрно по отношенію къ аскетизму русскому. Этотъ послѣдній проповѣдывалъ укрощеніе плоти, но не требовалъ ея умерщвленія, не прославлялъ самоубійства. Житія и біографіи подвижниковъ, воздавая хвалу посту, стоянію, бдѣнію и проч., часто замѣчаютъ, что, несмотря на эти аскетическія дѣйствія, подвижники были здоровы и жили долго. Житія прославляютъ крѣпость, а не слабость и немощь; объ одномъ игуменѣ съ братіей читаемъ восторженный отзывъ: „это былъ желѣзный съ желѣзными!“ Лучшее подтвержденіе сказанному можно добыть внимательнымъ чтеніемъ такъ называемаго „Пролога“, книги церковной, но вмѣстѣ и народной, появившейся у насъ на первыхъ же порахъ по принятіи христіанства [1]). Въ назидательныхъ повѣстяхъ этой книги, въ ея поученіяхъ по всѣмъ вопросамъ нравственнаго строительства человѣка въ міру и въ монашествѣ, ясно обнаруживается, что аскетизмъ, прославляемый русскою церковью и воспринятый русскимъ народомъ, былъ отнюдь не такого свойства, о какомъ говорятъ его порицатели. Сказанія „Пролога“ не считаютъ иноческій обѣтъ единственнымъ путемъ спасенія и не набрасываютъ на земную жизнь покровъ осужденія: „На всякомъ мѣстѣ, говорятъ эти поученія, обрѣтается спасеніе Божіе, аще волю Его сотворимъ. Мѣсто убо никого не спасетъ, но дѣла. Древніи святіи въ мірѣ суще, съ женами и дѣтьми живуще, угодиша Богу“. Цѣня только благочестіе, разрѣшающееся такъ или иначе добрыми дѣлами, „Прологъ“ разсказываетъ объ отшельникахъ, не забывавшихъ ближняго, но бо-

[1]) Ср. ст. Пономарева, „Христ. Чтеніе“, 1890 г., 3—4.

лѣвшихъ о немъ душою. Такъ, одинъ святой „ангеломъ введенъ бысть на гору, на ней же повелѣніемъ Божіимъ дивіи звѣри дояше, и творяще сыры и даяше нищимъ". Другой святой „иде въ храмъ идольскій, и отъятъ златую руку кумира, и сокрушивъ ю, даде нищимъ". Таковы были учительные примѣры, на которыхъ возрастала народная мораль.

Русскій аскетизмъ есть „исканіе Бога", посредствомъ послушанія, пощенія, слезъ и рыданій. Этотъ аскетизмъ есть не цѣль, а средство, чтобы устраненіемъ въ человѣкѣ воплей животности дать ему возможность услышать голосъ совѣсти и укрощеніемъ конвульсій звѣря проявить въ человѣкѣ образъ Божій. Нашъ аскетъ не мечталъ о блаженствѣ небытія, не убивалъ въ себѣ человѣка, а лишь боролся съ животной стороной своего существа. Чувствуя въ себѣ клокотаніе опасныхъ страстей, онъ понималъ, что малѣйшая потачка имъ поставитъ его на гибельную наклонную плоскость, и что „птица, запутавшись въ силкѣ и единымъ ногтемъ, погибаетъ"; онъ понималъ, что зародыши нравственнаго зла способны къ быстрому размноженію и что всякій, выступающій на путь компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, уподобляется человѣку, попавшему въ бездну „подвижныхъ песковъ": напрасно этотъ человѣкъ выбивается изъ силъ, чтобы найти себѣ точку опоры, напрасно зоветъ онъ на помощь; его отчаянныя движенія встрѣчаютъ мягкую уступчивость массы, которая разсыпается въ его рукахъ и уходитъ подъ его ногами, въ коварной увѣренности, что жертвѣ нѣтъ спасенія. Аскетъ сознавалъ опасность и употреблялъ мѣры, равныя по силѣ могучести своего темперамента. Руководящей цѣлью аскетическаго воспитанія была нравственная дисциплина человѣческой души, и, если Россія прошла суровую школу, то это могло послужить ей только на пользу, сообщая народу сдержанность и боязнь грѣха, которыми одними жилъ онъ въ затруднительныя эпохи своей исторіи, въ моменты междуцарствій, безвластія, самоупраздненія власти и т. д. Западная Европа начала исторію своей дисциплины съ подобной же школы. „Исповѣдь" бл. Августина представляетъ собою яркую картину борьбы человѣка съ гидрой порочныхъ вожделѣній. О томъ же свидѣтельствуетъ и долгій, средневѣковый перечень людей, которые, совершивъ прегрѣшеніе и трепеща загробнаго суда, являлись смиренными кающимися къ порогу храма и здѣсь подвергали себя тяжелому искусу покаянія

въ постѣ и молитвѣ, съ босыми ногами и непокрытой головой, они молили слезно о прощеніи и получали это прощеніе не рѣдко лишь послѣ 7,10, даже 20 лѣтъ сердечнаго сокрушенія. Но потомъ Европа повернула на другую дорогу, на путь покровительственнаго „насыщенія потребностей человѣческой природы". Идя неосмотрительно по этому направленію, легко было взлелѣять страшную и отвратительную „bête humaine", которую такъ живописно изображаютъ западные писатели, и съ которой еще придется считаться въ будущемъ.

Русское подвижничество отнюдь не носило на себѣ характера оторванности отъ всего земнаго. Напротивъ, оно всегда сохраняло и поддерживало живую связь съ современностью и съ нуждами окружающихъ людей. Житіе самого Антонія говоритъ намъ о томъ, что печерская братія постоянно обращалась къ отшельнику за разъясненіемъ своихъ сомнѣвій и затрудненій. Къ пещерѣ подвижника стекались и свѣтскіе люди; не рѣдко пріѣзжалъ сюда съ дружиною и Изяславъ. Однажды этотъ князь разгнѣвался на Антонія, но лишь только послѣдній, уходя отъ его гнѣва, хотѣлъ покинуть кіевскіе предѣлы, князь „посла съ моленіемъ да возвратится старецъ на мѣсто свое". Въ другой разъ, когда гнѣвъ Изяслава снова утѣснялъ Антонія, черниговскій князь Святославъ прислалъ людей перевезти подвижника ночью въ свою землю. Но Изяславъ скоро раскаялся и отправилъ пословъ въ Черниговское княжество, моля Антонія возвратиться въ область Кіевскую. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ аскетѣ нуждаются, что изъ-за человѣка, казалось бы, столь далекаго отъ жизни и „лишняго въ ней", спорятъ и соперничаютъ, его похищаютъ другъ у друга и берегутъ, какъ драгоцѣнность, безъ которой не хотятъ и не могутъ обойтись. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо уединенный подвижникъ былъ олицетвореніемъ человѣческой совѣсти, живымъ носителемъ нравственнаго идеала. Какъ бы ни были заняты люди своими житейскими интересами, какъ бы ни бушевали въ ихъ сердцахъ матеріальные аппетиты и страсти, все же въ этихъ сердцахъ всегда есть уголокъ, жаждущій небеснаго луча. Эта-то часть души, тоскующая по чистой правдѣ, всегда дорожила и дорожитъ близостью человѣка, на которомъ почіетъ ореолъ святости. Взирая на такого человѣка, люди думаютъ съ сердечной отрадой: „Пусть мы исполнены грѣховъ, пусть наша жизнь кишитъ пороками, ложью и злобой, но правда все же существуетъ, ея свѣтъ не померкъ,

онъ все же свѣтится изъ кельи божьяго человѣка, какъ пламя подающаго надежду маяка". Эта-то сторона человѣческой природы служила надежной точкой опоры для воспитательнаго воздѣйствія просвѣтителей русской земли.

Еще яснѣе, чѣмъ въ житіи Антонія, выступаетъ живая активность русскаго подвижничества въ Ѳеодосіи Печерскомъ. Уже съ дѣтства этотъ святитель обнаруживалъ дѣятельную практичность. Высокій подъемъ внутренняго благочестія не мѣшалъ ему старательно изучать божественныя книги, работать простую работу въ деревнѣ съ рабами, печь просфоры и совершать другія дѣла практическаго свойства. Ставши игуменомъ Печерской обители, онъ строилъ церкви и келіи, собственноручно носилъ воду и рубилъ дрова, служилъ собственнымъ трудомъ всякому, являя постоянно на собственномъ примѣрѣ красоту и величіе добрыхъ дѣлъ. Онъ далъ точный уставъ монашескаго быта и слѣдилъ за его исполненіемъ, обходилъ ночью келіи, напоминая объ иноческомъ долгѣ съ деликатностью чуткаго сердца. Замѣчая, при обходѣ, что кто-либо изъ монаховъ забываетъ свои обязанности, Ѳеодосій стучалъ въ дверь и „отхождаше смущенъ", а на другой день дѣлалъ внушеніе, „издалеча притчами наказуя". Онъ преслѣдовалъ у своей братіи малѣйшія проявленія корысти и бросалъ въ печь всякое, находимое въ семьяхъ имущество, справедливо замѣчая: „гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше". Не меньшая неусыпная практичность замѣчалась и въ отношеніяхъ Ѳеодосія къ свѣтскимъ людямъ, простымъ и знатнымъ.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что дѣятельность просвѣтителей Россіи и представителей русской церкви отличалась покорностью настоящему, отсутствіемъ активнаго участія въ общественномъ движеніи; что заступничество этихъ лицъ за утѣсненныхъ не сопровождалось стремленіемъ измѣнить порядокъ, отъ котораго зависѣли утѣсненія. Но съ подобными мнѣніями нельзя согласиться, потому что безчисленные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что насадители русской морали отнюдь не чуждались борьбы, а напротивъ, мужественно проти вопоставляли святые идеалы мірскимъ девизамъ житейско суеты. Обращаясь опять къ житію Ѳеодосія, мы видимъ, чт вся жизнь его была борьбой. Уже въ юности онъ отстоялъ не прикосновенность своихъ благочестивыхъ стремленій отъ энер гическаго противодѣйствія своей матери, которая весьма ста

ралась вернуть его на путь обыкновеннаго служенія житейскимъ кумирамъ, причемъ она даже истязала сына, била его „дондеже изнеможе". Всѣмъ извѣстна, затѣмъ, борьба Ѳеодосія съ кіевскимъ княземъ Святославомъ. Когда Святославъ отнялъ престолъ у старшаго брата, печерскій игуменъ горячо возсталъ противъ князя, отказывался отъ его приглашеній, всѣми способами его обличалъ и писалъ ему эпистоліи, исполненныя горькихъ упрековъ. Не меньшую смѣлость проявили и сотни другихъ просвѣтителей Россіи. Однажды полоцкій князь Константинъ, желая обличить передъ всѣми взяточничество одного изъ судей, спросилъ епископа Симеона объ участи, ожидающей такого судью за гробомъ: „Владыко, гдѣ быть тіуну на томъ свѣтѣ?" – „Тамъ же",—отвѣчалъ епископъ,— „гдѣ и князю".—„Но судья",—возразилъ князь,—„неправедно судитъ, творитъ велико лихо, а я что дѣлаю?"—„Если князь",— сказалъ Симеонъ,—„любитъ правду, жалуетъ людей, то онъ изберетъ судью добраго и все творящаго по закону Божію; тогда и князь въ рай и судья въ рай. Князь же, давшій власть злому человѣку губить людей, и самъ пойдетъ въ адъ и судья съ нимъ"... Еще бо́льшей рѣзкостью обличенія отличались слова Максима Грека, который далъ, между прочимъ, весьма поэтическое, аллегорическое изображеніе Россіи, плачущей объ отсутствіи у нея истинныхъ слугъ, вмѣсто которыхъ на лицо одни славолюбцы и лихоимцы. Иногда такая борьба поднималась до уровня героизма, какъ напримѣръ въ столкновеніи митрополита Филиппа съ Іоанномъ IV-мъ. Осажденный просьбами многихъ о заступничествѣ передъ царемъ, Филиппъ рѣшился дѣйствовать самоотверженно. Онъ началъ осыпать грознаго царя увѣщаніями и упреками, и наконецъ, разразился суровымъ обличеніемъ въ Соборѣ: „У татаръ и язычниковъ",— говорилъ онъ,—„есть правда, въ одной Россіи ея нѣтъ; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ сострадані я къ невиннымъ и правымъ".—„Какое тебѣ дѣло, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ?" воскликнулъ Іоаннъ.— „Я пастырь стада Христова", отвѣчалъ митрополитъ.

Такимъ образомъ, дѣятели русской церкви не были рабами „совершившагося факта" и покровителями существующаго зла. Они не чуждались борьбы, но, конечно, ихъ борьба была не та, какую проповѣдывалъ, напр., одинъ изъ просвѣтителей Западной Европы, говоря: „зло противъ зла, насиліе противъ насилія, собачій лай противъ собачьяго лая (Бёрне)".

*

Отвращаясь отъ подобныхъ девизовъ, заимствованныхъ Западомъ изъ моисеевой морали, наши дѣятели, вмѣстѣ съ тѣмъ, не охотно вмѣшивались въ сутолоку общественно-политическихъ споровъ; они понимали, что такое вмѣшательство неминуемо сдѣлаетъ ихъ „стороною“ въ этихъ спорахъ, сообщитъ имъ свойства воюющей партіи и лишитъ ихъ значенія носителей правды, стоящей выше мірскихъ столкновеній. Ихъ борьба была совсѣмъ инаго рода. Они безтрепетно подходили къ человѣческой злобѣ и, съ чувствомъ искренняго сострaданія, подносили къ ней зеркало, въ которомъ она могла увидѣть весь ужасъ своего безобразія. Они дѣйствовали стойкостью смиренія. Они входили съ пальмовою вѣтвью мира въ самую среду клокочущихъ страстей, вражды и ненависти. Такъ, св. Сергій, сокрушаясь распрями князей Олега и Дмитрія, рѣшился вмѣшаться въ дѣло: „старецъ“,—читаемъ въ лѣтописи,—„кроткими и тихими рѣчами бесѣдовалъ съ Олегомъ о мирѣ, любви и душевной пользѣ, и кн. Олегъ перемѣнилъ свирѣпость, утихъ, умилился душою, устыдясь святаго мужа“. Возвращаясь еще разъ къ житію Θеодосія, мы видимъ въ немъ яркій примѣръ побѣдоносности указаннаго оружія борьбы. Стойкость благочестія Θеодосія причиняла, конечно, много досады его матери, но когда онъ ушелъ въ Кіевъ, эта мать отнюдь не радовалась избавленію отъ непокорнаго сына; напротивъ, она „плакала о немъ горько“ и затѣмъ сама поступила въ монастырь. Стойкое благочестіе юноши, отвѣчавшаго кроткимъ смиреніемъ на гоненія, овладѣло ея сердцемъ и заставило ее поклониться тому, противъ чего сначала такъ неистово возставала ея душа, воспитанная въ сферѣ мірскихъ понятій и вкусовъ. То же самое представляетъ и заключеніе упомянутой выше борьбы святителя съ Святославомъ. Когда могущественный кіевскій князь, послѣ долгаго ряда обращенныхъ къ нему увѣщаній и упрековъ, нестерпимо уязвляющихъ обыкновенно человѣческую гордость, увидѣлъ наконецъ скромную фигуру Θеодосія, переступающаго порогъ его терема, то воскликнулъ со слезами умиленія: „Искренно говорю тебѣ, что еслибы мнѣ сказали о приходѣ отца моего родна[illegible], воскресшаго изъ мертвыхъ, не обрадовался бы я такъ, ка[illegible] твоему приходу, и не боялся бы такъ, какъ боюсь твоей п[illegible]ведной души!“ Такова сила правды, идущей въ бой не [illegible] огнемъ и мечомъ, не съ криками злобы и мести, а только [illegible] терпѣніемъ, согрѣтымъ стойкою любовью. Отъ благородн[illegible]

образовъ старинныхъ учителей Россіи, дѣйствительно, истекалъ „свѣтъ пречуденъ“, разгонявшій окружавшую темноту.

Мы не будемъ касаться всѣхъ сторонъ моральнаго просвѣщенія Руси, мы остановимся лишь на одной изъ нихъ, имѣющей отношеніе къ благотворительности. Эта сторона, впрочемъ, есть главная, такъ какъ въ основаніе названнаго просвѣщенія была положена именно проповѣдь милосердія и милостыни.

VIII.

Съ перваго же приступа къ осуществленію своей просвѣтительной миссіи, дѣятели новой церкви встрѣтились съ вѣчнымъ и повсемѣстнымъ фактомъ неравенства между людьми. На Руси, какъ и вездѣ, были счастливые и несчастные, сильные и слабые, богатые и бѣдные. Нравоучителямъ нашимъ предстояло, слѣдовательно, заняться основной проблемой морали, необходимо было подумать, какимъ бы образомъ ослабить эту междучеловѣческую рознь и какъ улучшить печальную долю убогихъ и сирыхъ. Проникнутые евангельскимъ духомъ, они пошли по вѣрному пути. Они употребили всѣ усилія, чтобы возвести свою паству на высшую точку зрѣнія, на высшій пунктъ, съ котораго пестрота житейскаго разнообразія людей становится непримѣтной, тогда какъ внутренняя человѣческая сущность, общій всѣмъ образъ Божій, сіяетъ яркимъ свѣтомъ. Цицеронъ, въ знаменитомъ „Somnium Scipionis“, заставляетъ своего героя взглянуть съ небесной выси на маленькій, темный земной міръ, съ незримо мелкими его обитателями, чтобы научиться понимать всю миніатюрность и ничтожность человѣческихъ житейскихъ порываній и бурь. Подобно этому, и наши духовные наставники постоянно говорили о людяхъ, какъ о дѣтяхъ Небеснаго Отца, какъ о существахъ, способныхъ отражать на себѣ силу и славу Творца. Само собою разумѣется, что, съ этой точки зрѣнія, желѣзо и мѣдь земнаго могущества, золото и драгоцѣнные камни земнаго богатства обращаются въ предметы, недостойные владѣть человѣческимъ сердцемъ.

Смиряя гордость сильныхъ и поднимая человѣческое достоинство слабыхъ, наши просвѣтители ставили ихъ на одинъ уровень, связывая между ними союзъ любовнаго единенія.

„Всякія вдовы и сироты не озлобите“,—говорило старинное поученіе сильнымъ людямъ, — „да не разгнѣвается Господь яростью на вы. Силенъ бо есть Господь рѣкій: „Азъ есмь отецъ сиротамъ и горе обидящимъ вдовицу!“ „И дубъ“,—замѣчаетъ древняя церковная проповѣдь,—„высокъ возрастомъ и красенъ листомъ, но безъ плода, а малый злакъ, на землѣ лежащій, властельскій плодъ творитъ и повсюду дорогъ“. Подхватывая эти нравоученія, народное творчество облекало ихъ въ форму разсказовъ, шедшихъ въ глубь народнаго самосознанія. Духовные стихи на всѣ лады изображали нравственную низость гордыни, которая соединяется съ богатствомъ. Съ чувствомъ скорбнаго отвращенія, передаетъ, напр., стихъ о Лазарѣ спѣсивую рѣчь богача, отталкивающаго бѣднаго брата: „Что же ты за невѣжа такой человѣкъ: братомъ меня называешь! Да какъ ты смѣешь братомъ называть? У меня брата Лазаря въ роду не было. Есть у меня братцы получше тебя. У меня-то братья какъ я самъ,—а ты что?“ Но замѣчательно, что во всѣхъ этихъ проповѣдяхъ и стихахъ нигдѣ нѣтъ озлобленія и ненависти къ людямъ имущимъ, нѣтъ вовсе воззваній къ употребленію въ дѣло насилія. Наши просвѣтители не становились въ лагерь бѣдныхъ, чтобы вести ихъ силою добывать себѣ счастье; они не вѣрили въ спасительность вражды и столкновенія силъ. Имъ совершенно чуждъ былъ духъ, обуревавшій, напр. Томаса Мюнцера и другихъ европейскихъ лже-христіанъ. Они не считали богатство само по себѣ зломъ: бывали и святые, — говорили они,—которые „въ богатствѣ и въ домѣхъ суще велицѣхъ угодиша Богу“. Презрѣнно и гибельно имущество лишь тогда, когда оно доводитъ человѣка до безчувственнаго высокомѣрія, подобно тому, какъ дурна и презрѣнна бѣдность, когда она ропщетъ, похваляется, завидуетъ, клянетъ и осуждаетъ, когда, словомъ, она не несетъ съ собою „святой сумы“, „святаго кошеля“.

„Не сего для имѣніе пріялъ еси“,—говорило поученіе богатому,—„да въ пищѣ и пьянствѣ погубиши его, но послиши его въ онъ міръ руками нищихъ“. Слѣдовательно, обладаніе богатствомъ есть лишь средство осуществлять основную, общеобязательную христіанскую заповѣдь любви и помощи ближнимъ. Постоянная, горячая, настойчивая проповѣдь этой заповѣди была главнымъ дѣломъ русскихъ просвѣтителей, исполненныхъ стремленій поддерживать и воспитывать въ народѣ возвышенное чувство общительности. „Всего больше“,—учили

и повторяли они,—„имѣйте любовь ко всѣмъ, и къ богатымъ, и къ убогимъ. А эта любовь лицемѣрна, когда любимъ богатаго, а сиротъ оскорбляемъ. Не могите укорять неимущаго, безроднаго и убогаго“. Въ противномъ случаѣ, безъ этой любви, человѣкъ не можетъ спастись, въ немъ нѣтъ никакой цѣны, никакого достоинства: „еже о себѣ жити едину, иная же вся презрити, ненавистенъ человѣкъ той и чуждъ христіанства“. Главная добродѣтель, озаряющая насъ лучемъ святости, главный путь, ведущій человѣка къ подножію небеснаго трона, есть „нищелюбіе“. Нище-*любіе*, а не „призрѣніе бѣдныхъ“, любовный подвигъ заботы о ближнемъ, а не улаживаніе соціальныхъ преблемъ, не придумываніе хитрыхъ хирургическихъ пріемовъ вырѣзыванія изъ общественнаго тѣла „отвратительной язвы“ бѣдности и нищенства. „Буди правдивъ и братив“,—говоритъ и повторяетъ въ тысячахъ поученій, на протяженіи вѣковъ, русская учительская провѣдь.—„Буди щедръ, нищкормникъ, страннопріимникъ. Не смѣшай своего богатства съ чужими слезами... Раздробляйте нищимъ хлѣбъ свой, убогихъ милуйте и немощныхъ, и на улицѣ лежащихъ и сѣдящихъ; нагихъ одѣвайте, босыхъ обувайте, странныхъ вводите въ домъ свой, вдовицъ призирайте. Милостыня имѣетъ великія крылья, она возноситъ до небесъ. Кто не ѣстъ мяса, воздерживается отъ питія, а убогихъ не милуетъ, тотъ хуже скота. Милостыня выше приноса въ церковь. О богатый! Ты зажегъ свою свѣчу въ церкви на свѣтилѣ, и вотъ придетъ обиженный тобою сирота, вздохнетъ на тебя къ Богу со слезами и твою свѣчу погаситъ. О лихоимецъ, лицемѣръ! лучше бы тебѣ не грабить и не обижать, нежели храмъ Божій просвѣщать воскомъ, собраннымъ неправдою. Лучше помилуй, которыхъ ты обидѣлъ“.

Отзываясь на этотъ неустанный кличъ церкви, литература стиховъ, житій и сказаній разсыпала въ народѣ безчисленные разсказы о явленіяхъ Христа, подъ видомъ убогаго, и примѣры трогательнаго милосердія. Высшей похвалой человѣку здѣсь была аттестація: „не излезъ же нищій изъ дому его, ни странникъ тщама рукама“. Въ знаменитѣйшихъ памятникахъ нашей старой письменности мы неизмѣнно встрѣчаемся съ этой излюбленной темой. Такъ, въ „Поученіи Мономаха“ читаемъ: „Всего же болѣе не забывайте убогихъ, кормите по силѣ, придавайте сиротѣ, оправдывайте вдовицу, не дайте сильнымъ погубить человѣка, худаго смерда“. Въ 9-й главѣ „Домостроя“, въ этой книгѣ, составлявшей какъ бы квинтъ-эссенцію старо-

русской житейской мудрости, находимъ цѣлый рядъ совѣтовъ въ томъ же родѣ: „Нищихъ и маломожныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой и по силѣ накорми, и напой, и согрѣй, *со всею любовью и чистою совѣстью*".

Въ этой многовѣковой, тысячеустной проповѣди милосердія, въ этомъ призывѣ, оглашавшемъ Россію изъ конца въ конецъ и исходившемъ изъ каждаго, самаго скромнаго, храма и изъ каждой учительной книги,—мы находимъ не одно лишь простое увѣщаніе о спасительности добрыхъ дѣлъ. Здѣсь мы можемъ усмотрѣть и нѣкоторыя частныя указанія на желательные способы заботы о ближнемъ, на нѣкоторые основные признаки, отличающіе истинную благотворительность. Остановимся на главнѣйшихъ изъ этихъ указаній.

Во-первыхъ, по единогласному поученію всѣхъ просвѣтителей, благотворительность не есть лишь внѣшній обрядъ или какъ бы внѣшнее отбываніе повинности, установленной религіей. Съ другой стороны, она не есть также и простое улаживаніе общественныхъ затрудненій. Сущность добраго дѣла лежитъ не въ фактической его оболочкѣ, а въ нравственныхъ силахъ, его порождающихъ и двигающихъ. Благодѣяніе—не средство достиженія покойнаго самодовольства фарисейскаго благочестія и не находчивая попытка разрѣшенія того или другаго соціальнаго вопроса. Благотворительность есть арена готовности „злострадать со други своими" и сердечнаго стремленія „душу свою положить за брата своего". Если человѣкъ совершаетъ благодѣяніе по принужденію, или ждетъ чего-либо взамѣнъ, или если душа его не исполнена смиренія, то дѣйствіе его будетъ не добрымъ дѣломъ, а служеніемъ собственному эгоизму. Малѣйшая примѣсь тщеславія уничтожаетъ нравственное достоинство поступка, ибо „въ сердцѣ гордаго почіетъ діаволъ". Истинная благотворительность—не сентиментальное сочувствіе издали чужому несчастію, не брезгливая денежная подачка, не платоническія потуги служенія безличному призраку „общества" или „человѣчества"; она есть дѣятельный подвигъ любви, которая трепещетъ жаждой устремиться на помощь дѣйствительнымъ страданіямъ дѣйствительныхъ людей. Доброе дѣло не измѣряется количественно, цифрою пожертвованія и пр.; цѣна его опредѣляется степенью величія чувства и искренности, вложенныхъ человѣкомъ въ его дѣйствіе: „ни бо мѣрою дающихъ судится милостыня, но изволеніемъ разума". Нельзя

конечно, перечислить способы благотворенія, ибо любовь нельзя заковать въ формы какихъ-либо опредѣленныхъ пріемовъ служенія людямъ. Эта живая любовь не мирится съ мертвымъ формализмомъ: „на милость нѣтъ образца", говоритъ народная пословица. Въ одномъ мѣстѣ „милость" несетъ деньги, въ другомъ лѣчитъ больнаго, въ третьемъ плачетъ съ огорченнымъ, присоединяя постоянно къ дѣлу „словесе утѣшна". Такое объясненіе духа благотворительности, съ церковныхъ каѳедръ и книгъ, разливалось въ русскомъ народѣ цѣлымъ рядомъ поученій. Мы приведемъ для примѣра одно изъ нихъ, о Касьянѣ Римлянинѣ. Угодникъ этотъ однажды пожаловался Богу, говоря: „за что св. Николаю отъ людей почетъ, а мнѣ нѣтъ?" Желая разъяснить вопросъ, Богъ послалъ за св. Николаемъ, но на небѣ его не оказалось, ангелъ нашелъ его на землѣ, гдѣ св. Николай помогалъ мужику, возъ котораго свалился въ болото. Оторванный отъ такого дѣла, св. Николай явился весь въ грязи и мокрый. Тогда Богъ сказалъ Касьяну: „посмотри на Николая: видишь, онъ весь въ грязи запачканъ, возясь съ людьми, помогая имъ въ ихъ нуждахъ, а ты всегда чисто ходишь и покойно живешь. Если ты хочешь такого же почета отъ людей, то дѣлай то-же людямъ".

Признавая благотворительность святымъ, душевнымъ дѣломъ, весьма естественно считать благородныя средства единственно достойными ея. Просвѣтители Россіи постоянно держались твердо этого убѣжденія. Они были всегда весьма далеки отъ того, чтобы полагать, будто „съ благотворительною цѣлью" дозволительно все, а кружка „для бѣдныхъ" будто-бы одинаково радушна и къ честному даянію и къ грязному рублю. Съ древнѣйшихъ временъ русская проповѣдь изрекала негодующее и пламенное осужденіе всякой фальсификаціи добраго дѣла. „Милостыня",—говорила она,— „бываетъ обидима, когда отъ хищенія ее творимъ. Иже кто неправдою добываючи, на худыхъ сиротахъ емлючи, и тѣмъ милостыню творитъ, и тѣмъ хочетъ Богу милъ быти, того Богъ ненавидитъ, того Богъ не терпитъ, яко злаго смерда. Лучше, братія, отъ праведнаго имѣнія подати милостыню, хотя бы и мало; что съ правдою добыто, то велико и будетъ честно предъ Богомъ". Въ памятникахъ старинной письменности мы постоянно встрѣчаемся съ отвращеніемъ отъ нечистыхъ даровъ, съ запрещеніями ихъ принимать: „Не принимайте просфоры и всякаго другаго приношенія въ церковь отъ корчемника, рѣзоимца (ростовщика), грабителя,

убійцы, неправеднаго судіи, мздоимца, татя, разбойника; просфоры ихъ гнусни и свѣчи ихъ угасаютъ". Богу противна милостыня тѣхъ, которые живутъ „сами не трудящеся, а всегда въ объяденіи и пьянствѣ пребывающе; никакой успѣхъ таковыхъ милостыни есть, таковые гнусни суть Богу; непріятны Богу дарове губителеве". „Принося, — говорятъ поученія священно-служителямъ (XVI в.), — „не приноси на Божіи жертвенники отъ разбойниковъ, клеветниковъ, властелей немилосердныхъ" и пр. Такъ настойчиво отметали соръ отъ священнаго мѣста просвѣтители Россіи, такъ неусыпно ограждали они драгоцѣнную свѣтильню, угасаніе которой грозитъ обществу безпросвѣтнымъ мракомъ. И русскій народъ неустанно твердилъ за своими наставниками, что „ничто же пользуетъ даемое серебро изъ руки нечисты и души непокаянны (Прологъ)", и что благодѣяніе должно быть „необидимое, отъ праведнаго труда, отъ потнаго лица, отъ желаннаго сердца (Іерусалимскій свитокъ)".

IX.

Приведенныя черты воспроизводятъ передъ нами въ сжатомъ очеркѣ старорусское воззрѣніе на дѣло помощи ближнимъ. Отдавая должную дань почтенія чистотѣ этой теоріи благотворительности, мы съ радостнымъ чувствомъ видимъ, что ей соотвѣтствовала въ нашей жизни достойная практика. Проповѣдь милосердія не осталась втунѣ; она пустила глубокіе корни въ воспріимчивой почвѣ. Съ древнѣйшихъ временъ, Россія чуждалась взглядовъ на бѣдняка, какъ на общественнаго парію, какъ на презрѣнную и лишнюю тяжесть, лежащую бременемъ на состоятельныхъ людяхъ. Какъ бы ни была дика и сурова наша старинная жизнь, она никогда не отождествляла понятій о чужеземцѣ и странникѣ съ понятіемъ о врагѣ, въ ней никогда не произносилось жесткое слово юстиніановскаго закона, по которому нуждающійся людъ есть только inutile terrae pondus. Печать страданія, лежащая на человѣкѣ, казалась нашему предку не пятномъ позора и отверженности, а скорѣе какъ бы знакомъ „призванія" или лучомъ святости. Твердо запомнивъ церковный разсказъ о благословеніи свыше всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ", нашъ народъ съ давнихъ поръ и понынѣ видитъ въ нищей братіи носителей чего-то возвышеннаго

и священнаго. Прекрасное выраженіе этой мысли даетъ старинный стихъ о Вознесеніи. Когда Христосъ оставлялъ землю, убогіе и нищіе горько сѣтовали, говоря: „На кого Ты насъ покидаешь?“ Тогда предложенъ былъ совѣтъ Богу:

Не давай Ты нашей братіи горы золотыя,
Не давай Ты имъ рѣки медвяныя,
Сильные-богатые отнимутъ,
Много тутъ будетъ убійства,
Тутъ много будетъ кровопролитія.
Ты дай имъ *Свое святое имя*:
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати,
Отъ того они слова
Будутъ и обуты и одѣты,
Будутъ и тепломъ обогрѣты.

Эта великая идея, указавшая на лицѣ убогихъ и скорбныхъ ореолъ „Божьяго имени“, не могла не отразиться на понятіи, которое имѣла нищая братія сама о себѣ, и на отношеніи къ ней со стороны другихъ людей. Живымъ, рельефнымъ и образнымъ объясненіемъ этого понятія и этого отношенія является извѣстная былина „Сорокъ каликъ со каликою“. Былина разсказываетъ о группѣ нищихъ, которые предприняли путешествіе въ Іерусалимъ, поклониться святынѣ, давъ впередъ взаимный обѣтъ отвращаться отъ грѣха, не похищать чужой собственности и блюсти цѣломудріе. Благочестивая цѣль путешествія и этотъ обѣтъ воздержанія отъ прегрѣшеній даютъ путникамъ совершенно опредѣленное освѣщеніе. Мы ясно видимъ, что передъ нами не печальные общественные подонки, не презрѣнная банда праздношатающихся, а группа лицъ, совершающихъ священный подвигъ и несущихъ въ себѣ извѣстный нравственный идеалъ. Эти лица не чувствуютъ въ себѣ гнетущаго ощущенія душевной подавленности, стыда за свое ничтожество, и къ нимъ не примѣнима презрительно-гадливая жалость, бросаемая сверху внизъ. Былина оберегаетъ каликъ отъ такого къ нимъ отношенія уже самымъ описаніемъ ихъ внѣшности: нищая братія, по ея изображенію, „дородные, добрые молодцы“, сумочка ихъ „рыта бархата“...

Идя въ Іерусалимъ, вздумали калики зайти въ Кіевъ, „поѣсть-попить, хлѣба покушать“. По дорогѣ повстрѣчали они князя Владиміра на охотѣ и стали просить у него милостыню: „Ты подай намъ милостыню спасенную, ради Христа, Царя небеснаго, ради матери Божіей Богородицы“. Но было бы напрасно

думать, что эта просьба звучала вкрадчивой нотой просительной рѣчи римскаго кліента, или болѣзненнымъ стономъ страдальца Силоамской купели, или робкимъ шопотомъ западноевропейскаго нищаго. Подъ широкими размахами эпической кисти былевой картины, мы видимъ здѣсь сознаніе нищей братіи о томъ, что ей дано великое небесное наслѣдіе—„святое имя", что, прося и принимая помощь, она тѣмъ самымъ даетъ возможность другимъ людямъ, посредствомъ милостыни, пріобщиться къ этому имени. Чувство собственнаго достоинства старорусскаго „убогаго", изображенное наивными чертами юной народной фантазіи, проявляется и въ описаніи событія.

Бытовыя свойства, отражающіяся въ старой былинѣ, развивались и крѣпли вмѣстѣ съ историческимъ ростомъ Руси. Эти же свойства мы можемъ усмотрѣть и въ нашей современности, проникая испытующимъ взоромъ въ скрытыя глубины обиходнаго теченія народной жизни. Мы можемъ встрѣтить здѣсь такую же простоту и краткость просьбы „Христа ради", безъ виртуозности разнообразія и безъ излишней роскоши жалостливыхъ словъ. Нищая братія и здѣсь не пресмыкается, не проявляетъ униженной угодливости, а бредетъ съ открытымъ лицомъ и спокойной совѣстью, умываясь и прихорашиваясь, когда приходится бывать на людныхъ мѣстахъ. Помощь ей также подается не какъ отбываніе непріятной необходимости, а какъ охотный, дѣятельный подвигъ любви, но подвигъ скромный, безъ чванства и экзальтаціи. Подающіе милостыню часто отдѣляютъ ее отъ послѣдняго куска, не желая упустить случай угодить Богу, ибо понынѣ сохраняется убѣжденіе, прожившее рядъ столѣтій, „что нищему подашь—Христу въ руку вложишь". Бѣднякъ понынѣ сохраняетъ въ глазахъ народа печать покровительства Божія, почему „убожья рука" считается „счастливой", и простолюдинъ вѣритъ, что если убогій приласкаетъ его ребенка, то это будетъ на пользу послѣднему. Такимъ образомъ, между подающими помощь и принимающими ее нѣтъ вражды и озлобленія, нѣтъ презрѣнія и унизительнаго попрошайничества, а есть взаимное задушевное соотношеніе. Вручающій подаяніе сопровождаетъ его скромной просьбой: „не прогнѣвайся на маломъ", и современный калика добродушно обѣщаетъ не гнѣваться. Обѣ стороны исполнены сознанія, что нищая братія, беря даръ отъ имущихъ, возвращаетъ его имъ сторицею, въ видѣ великаго нравственнаго капитала, который заключается въ очищающей и возвышающей душу благотво-

рителя сострадательной слезѣ, въ сочувственномъ ближнему вздохѣ, въ сокрушеніи, самоуглубленіи и теплотѣ человѣколюбія, сопутствующихъ доброму дѣлу.

На мягкой почвѣ очерченныхъ воззрѣній росло многоплодное дерево русской благотворительности. Уже на первыхъ порахъ по принятіи христіанства, духъ милосердія проявился въ дѣлахъ Равноапостольнаго князя. Владиміръ широко распахнулъ ворота своего двора, куда всякій убогій могъ приходить и брать всякую потребу, питье и ядеиіе, и изъ казны деньгами. Князь не удовольствовался и этимъ. Вспомнивъ, что есть люди дряхлые и больные, которые не могутъ придти сами, онъ велѣлъ устроить особые возы, накладывать на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ и проч., и возить по городу, возглашая: „гдѣ больной и нищій, который не можетъ идти на княжій дворъ?“ Древній благотворитель, слѣдовательно, не ограничивался подачками бѣдности, назойливо ломившейся въ глаза, и не, откупался небрежной милостыней, исполненіемъ обряда, отъ осуществленія долга, наложеннаго новой религіей. Онъ обнаруживалъ сердечное желаніе дѣйствительно помочь нуждѣ ближняго, онъ искалъ страдальцевъ и вступалъ нерѣдко въ непосредственное соприкосновеніе съ ними, дѣйствуя какъ христіанинъ, а не только какъ дальновидный администраторъ или заботливый политикъ. Каждый праздникъ, при каждомъ торжествѣ закладки или освѣщенія храмовъ, онъ устраивалъ церковные пиры, гдѣ бѣдные являлись желанными гостями и гдѣ раздавалась щедрая милостыня. Эти благотворительные пиры, знакомые Россіи съ древнѣйшихъ временъ и ставшіе послѣ князя Владиміра общимъ завѣтомъ русскаго народа, были истинными торжествами христіанскаго братства, смиренія и любовнаго единенія между людьми, пригрѣтыми лучомъ земнаго счастья и жертвами многообразнаго человѣческаго горя. Нельзя сказать, чтобы сюда никогда не вторгалась человѣческая слабость, то въ видѣ тщеславія, то въ видѣ празднолюбія, прикрывавшагося личиной добраго дѣла. Бывали случаи, что на этихъ пирахъ мужи и жены предавались веселью, не соотвѣтствующему цѣли собранія; бывали устроители празднествъ, дозволявшіе себѣ непристойное соперничество другъ передъ другомъ въ отношеніи предлагаемыхъ угощеній. Но пастыри церкви бодрствовали на стражѣ и пресѣкали зло въ зародышѣ, поучая, что „это ревность не по Богу, а отъ лукаваго“, что это „лесть иску-

сителя“; „хотя и думаютъ, что творятъ добродѣтель нищелюбія, но это не любовь; подъ видомъ милостыни, вносятъ погибель (ср. Ист. русск. церкви, м. Филарета)“.

Дѣло, начатое княземъ Владиміромъ, продолжалось другими представителями слагавшейся русской государственности. Лѣтопись полна изображеній подвиговъ княжеской благотворительности. Обо многихъ изъ князей читаемъ благоговѣйные отзывы благочестивыхъ бытописателей. „Онъ былъ окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, рукою неимущихъ“, „онъ всѣхъ любилъ, нагихъ одѣвалъ, усталымъ давалъ покой, печальныхъ утѣшалъ“ и пр. Свидѣтельства объ этомъ подвигѣ служенія ближнимъ переходятъ изъ княжескаго періода нашей исторіи въ царскій, прерываясь развѣ въ моменты крайнихъ усобицъ и монгольскихъ опустошеній, когда вообще замиралъ на время пульсъ народной жизни, и когда „по русской землѣ рѣдко пахари покрикивали, но часто граяли враны дѣляче себѣ трупы“.

Въ описаніи царскаго быта у Забѣлина и у другихъ историковъ часто мелькаютъ трогательныя картины проявленія нищелюбія. При дворѣ царей всегда отводилось особое отдѣленіе, въ которомъ жили убогіе старцы, на полномъ содержаніи и попеченіи государя. При царицѣ состояли убогія старицы. Эти „верховые нищіе“ пользовались почтеніемъ и уваженіемъ со стороны своихъ державныхъ кормильцевъ. На ихъ погребеніи нерѣдко присутствовалъ царь; онъ раздавалъ при этомъ милостыню всѣмъ бѣднякамъ, соединяя послѣднихъ, такимъ образомъ, въ одну семью съ своими приближенными старцами. Верховые нищіе были какъ бы образчики нужды и горя, взятые изъ широкаго моря народной жизни и поставленные передъ царскими глазами. Они были видимымъ звеномъ, соединявшимъ высшее земное величіе съ крайней человѣческой маломожностью. Питаніе и упокоеніе этихъ старцевъ было какъ бы алтаремъ, на которомъ царь приносилъ благочестивыя жертвы своей любви къ ближнимъ и являлъ предъ лицомъ всего народа примѣръ непосредственно-дѣятельной и уважительной къ убожеству благотворительности.

Но подвигъ милосердія этимъ не ограничивался. Много разъ въ году происходили царскіе благотворительные выходы. Такъ, въ Сочельникъ царь выходилъ изъ дворца „тайно“, рано утромъ, часа за четыре до свѣта, и отправлялся по бо-

гадѣльнямъ и тюрьмамъ, подавая тамъ милостыню изъ своихъ рукъ. Милостыня щедро раздавалась и по пути, на улицахъ, такъ что „каждый былъ съ праздникомъ". Тутъ же царь заходилъ посѣтить и извѣстныхъ страдальцевъ, больныхъ, разслабленныхъ, „лежавшихъ" по дворамъ священниковъ и въ другихъ опредѣленныхъ мѣстахъ. На Свѣтлый праздникъ царь входилъ въ тюрьмы, привѣтствуя заключенныхъ: „Христосъ воскресе и для васъ"; заходя въ больницы и богадѣльни, онъ жаловалъ тамъ всѣхъ къ своей рукѣ. Подобнаго же рода богомольные выходы и выѣзды совершали и царицы. Въ весьма многіе дни во дворцѣ, въ столовой палатѣ, накрывался столъ на нищую братію, и государь самъ обѣдалъ за этимъ столомъ, угощая своихъ многочисленныхъ гостей. Во время поминальныхъ сорокоустовъ чуть не каждый день бѣдняки и убогіе приглашались къ столу въ хоромы... Упоминая объ этихъ фактахъ, Костомаровъ замѣчаетъ съ скептическимъ лаконизмомъ: „то былъ просто обрядъ". Но „обрядъ" этотъ имѣлъ существенный внутренній смыслъ. Не впадая въ идеализацію, должно признать, что во всѣхъ упомянутыхъ пріемахъ благотворенія сіялъ отрадный свѣтъ христіанскихъ завѣтовъ. Вмѣсто того, чтобы отвернуться отъ непривлекательнаго зрѣлища нищеты и отбыть обрядъ милосердія, разославъ опредѣленныя суммы милостыни, царь отправлялся лично и дѣлалъ дѣло своими руками, сливая во-едино помощь ближнему съ молитвенной данью Богу. Онъ приближался къ человѣческимъ скорбямъ и касался собственною рукою язвы общественной нужды. Поднимаясь высоко надъ холоднымъ дѣломъ оффиціальнаго „призрѣнія бѣдныхъ", онъ на порогѣ темницъ произносилъ привѣтствіе, напоминавшее узникамъ о томъ, что они все же не отверженные, такъ какъ, несмотря на ихъ преступленія, они все же не выброшены изъ общаго для всѣхъ людей союза—братства во Христѣ. Раздавая въ богадѣльняхъ деньги, какъ средство для физическаго поддержанія нуждающихся, царь заботился и о внутреннемъ состояніи ихъ духа, ободряя его своими личными посѣщеніями, допуская бѣдняковъ къ своей рукѣ или садясь посреди нихъ за общую трапезу. Нищенство не было еще возведено въ отвлеченное понятіе, и царь видѣлъ въ нищемъ живаго человѣка.

Благотворительность, не менѣе дѣятельную, чѣмъ только-что очерченная, находимъ и въ средѣ представителей церкви, въ духовенствѣ и монашествѣ. Церковь издавна была на

Руси прибѣжищемъ труждающихся и обремененныхъ. Калѣки и убогіе ютились подъ ея сѣнью, призрѣваемые священниками или иноческими обителями. Иногда проявлявшееся здѣсь гостепріимство принимало грандіозные размѣры. Съ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣній весь доходъ шелъ на нищихъ, такъ что не вносился даже въ книги на приходъ. Троицко-Сергіевская обитель пропитывала весь народъ, который стекался въ нее въ извѣстные дни. Во время народныхъ бѣдствій, благотворительная энергія усиливалась. Такъ Пафнутій Боровскій съ братіей прокормилъ въ голодную пору всѣхъ окрестныхъ жителей, которыхъ собиралось ежедневно по 1.000 человѣкъ. То же извѣстно и о Іосифѣ Волоколамскомъ. Даніилъ Переяславскій спасалъ множество голодныхъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ. О Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ сохранилось свидѣтельство Іоанна Грознаго: „Кириловъ", —говорилъ царь,—„доселѣ многія страны пропитывалъ въ гладныя времена (Ист. русск. церкви, м. Макарія III)". Съ учрежденія патріаршества, входитъ въ новую силу старинное обыкновеніе такъ называемыхъ „столовъ", т. е. праздничныхъ угощеній странниковъ и неимущихъ. У патріарха бывало такихъ столовъ ежегодно девять. Патріаршіе выходы, какъ и царскіе, сопровождались обильною ручною милостыней. Вся эта благотворительность гостепріимства, кормленія, пріюта и милостыни запечатлѣна была характеромъ личнаго подвига, выступавшаго нерѣдко весьма рельефно. Многія свидѣтельства изображаютъ дѣятелей нашей церкви, иногда высокихъ іерарховъ, собственноручно совершающими доброе дѣло, служащими ближнему въ лицѣ разслабленнаго, больнаго или скорбнаго.

Наконецъ, тотъ же духъ милосердія, который жилъ подъ сѣнью церкви и въ царскомъ дворцѣ, проникалъ собою и скромныя жилища обыкновенныхъ смертныхъ. Справедливо говорятъ, что въ тѣ времена жизнь была одинакова по основнымъ началамъ и въ царскихъ палатахъ, и въ боярскомъ домѣ, и въ избѣ крестьянина, такъ какъ вездѣ были одни и тѣ же понятія и нравы, одни привычки, вкусы, обычаи, преданія и вѣрованія. Если царскій дворецъ содержалъ „верховыхъ нищихъ", то и каждый обывательскій домъ старался по мѣрѣ силъ дать пріютъ нищей братіи. Если духовное лицо, въ тиши своей келіи, ухаживало за недугующимъ братомъ то и свѣтскій человѣкъ старался не отстать на этомъ трудномъ пути угожденія Богу. Исторія сохранила несчетное ко-

личество примѣровъ такой благотворительности. Такъ, извѣстно, по сказанію Курбскаго, что знаменитый Адашевъ „десять имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайно питающе и обмывающе ихъ своими руками“. Въ томъ же родѣ существуютъ свѣдѣнія объ извѣстномъ дипломатѣ XVII вѣка, Ординъ-Нащокинѣ. Царь Алексѣй, дѣлая его думнымъ бояриромъ, писалъ между прочимъ: „помня Бога и Его св. заповѣди, алчныя кормишь, жаждущихъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, еще и ноги имъ умываешь“. Ѳ. М. Ртищевъ († 1673), „видя скитающіяся и по путемъ лежащія всякія недужныя, купи нѣкій домецъ и устрои въ немъ двѣ келіи, и тамъ, собравъ 13—15 человѣкъ, питаше и упокоеваше тыя“. Изъ русскихъ „самарянъ“ женскаго пола вспомнимъ знаменитую боярыню Ѳедосью Прокопьевну Морозову. Пламенѣя любовью къ страждущимъ, она содержала въ своемъ домѣ „гнойныхъ“ нѣкоего Ѳеодота Стефановича и другихъ; она служила имъ своими руками и въ уста ихъ пищу подавала. Ея домъ былъ открытъ нищимъ и сиротамъ, которые „невозбранно въ ея ложницахъ обитали и съ нею ѣли съ одного блюда“. Нерѣдко руки ея „прядлицѣ касались“: она садилась за прялку, готовила нити и тѣми нитями шила рубахи, а ввечеру, съ одною изъ старицъ, „одѣвшись въ рубище, ходила по улицамъ и стогнамъ града, по темницамъ и богадѣльнямъ, одѣляя рубахами нищихъ“.

И такъ, куда бы мы ни обратили взоръ, вездѣ передъ нами подобныя явленія. Отъ края до края Россіи, сверху до низу, пробѣгала теплая струя душевнаго участія въ нуждѣ страждущаго ближняго. „Въ тѣ времена,“—говоритъ Забѣлинъ,—„добродѣтельному и благочестивому сердцу были, какъ воздухъ, необходимы нищіе, странники, убогіе, калѣки и старцы, въ образѣ которыхъ живая душа имѣла тогда чтимый выходъ на путь добрыхъ дѣлъ. Повсюду вспыхивало горячее желаніе послужить страдающему человѣку, и послужить своими руками, собственнымъ трудомъ, личнымъ дѣятельнымъ подвигомъ.“

Обратимся теперь къ внѣшней организаціи, которою оформливалась русская забота о ближнемъ до конца XVII вѣка.

X.

Не имѣя склонности вообще къ формалистикѣ въ жизни, считая благотворительность богоугоднымъ дѣломъ, требующимъ отъ благотворителя искренняго, душевнаго рвенія и скромнаго,

даже „тайнаго“ подвига, русскіе люди не выработали какихъ-нибудь искусственно-сложныхъ филантропическихъ системъ и хитроумно организованныхъ учрежденій. Съ первыхъ временъ водворенія христіанства, нищая братія, въ общенародномъ понятіи, была поставлена въ связь съ церковью. Уже Уставъ кн. Владиміра пріурочилъ къ церкви „людей богадѣльныхъ“, „слѣпцовъ, хромцовъ, странниковъ“, а также „больницы, гостинницы, страннопріимницы“. Это же установленіе повторяется и подтверждается и другими, позднѣйшими положеніями; оно отражается и въ Уставѣ князя Всеволода „о церковныхъ судѣхъ“, и въ Судебникѣ Іоанна III, и въ Судебникѣ Іоанна Грознаго, гдѣ между прочимъ сказано: „а на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаются отъ церкви Божіи“. Церковь была, дѣйствительно, средоточіемъ дѣлъ милосердія. Незабвенный святитель Ѳеодосій Печерскій, далъ, быть можетъ, самый ранній примѣръ организаціи старорусскаго призрѣнія страждущаго люда. „Видя кого,“—читаемъ въ Патерикѣ,—„нища и убога, *въ скорби суща*, и въ одеждѣ худой, *сожалѣлъ скорбя* о томъ и *со слезами миловалъ* его. И сего ради, сотвори дворъ близъ монастыря своего, и церковь св. Стефана созда въ немъ и тамо повелѣ пребывати нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, прокаженнымъ, имъ же отъ монастыря выдаваше, еже на потребу“. Это призрѣніе, въ которомъ даваемый бѣднымъ пріютъ и хлѣбъ былъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ сердечнаго участія къ людямъ, въ скорби сущимъ, это призрѣніе, въ которомъ проявлялось не холодно-хозяйственное, вынужденное общественными интересами, дѣло насыщенія голодныхъ ртовъ, и внутренній императивъ любви, предлагавшей помощь „со слезами“, — это „учрежденіе“ Ѳеодосія послужило, если не типомъ, то образцомъ русской благотворительности.

Скудныя историческія свѣдѣнія, не давая возможности окинуть взоромъ всю картину стариннаго призрѣнія бѣдныхъ, приподнимаютъ лишь кое-гдѣ завѣсу прошедшаго: и мы видимъ, то Зиновія-разслабленнаго, „лежащаго“ у Рождественскаго священника Никиты, то „кажненныхъ,“ живущихъ во дворѣ другаго священника, то группы убогихъ, ютящихся у приходскихъ церквей, отъ имени которыхъ они получали свое названіе: успенскіе, архангельскіе, чудовскіе нищіе. Писцовыя книги XV и XVI в. говорятъ о томъ, что возлѣ сельскихъ храмовъ, вмѣстѣ съ домами церковно-служителей, а также возлѣ монастырей, существовали „богадѣльныя избы“. Такъ, въ книгахъ дворцо

выхъ селъ Нижегородской губ. значится подъ 1588 годомъ: „Село Сосновское, дворовъ церковныхъ: во дворѣ попъ Ѳедотъ, во дворѣ пономарь Сенька, да пять келей, и въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ Божьей церкви". Или въ книгахъ другаго уѣзда: „церковь Дмитрія Солунскаго древяна клѣтцки, а у церкви: во дворѣ попъ Давидъ, пономарь Андросъ, да восемь келей, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей, отъ міру" (ср. Неволина, т. 6). То же самое и въ городахъ. Въ документѣ, напр., о городѣ Галичѣ начала XVII в. читаемъ: „За острогомъ храмъ во имя царя Константина, у того храма, въ городѣ на тяглой землѣ, семь избушекъ, а въ нихъ живутъ пономарь, да шесть человѣкъ нищихъ; питаются отъ церкви, по приходнымъ людямъ. У храма Рождества Христова — четыре человѣка нищихъ, у Богоявленія—пять такихъ же избушекъ и т. д., а всего въ городѣ 68 человѣкъ нищихъ" (ср. Лешкова, „Русскій народъ и государство"). Въ болѣе значительныхъ городахъ были и болѣе крупныя учежденія. Такъ въ Москвѣ, во второй половинѣ XVII вѣка: находимъ 410 человѣкъ, имѣвшихъ пріютъ въ царскихъ богадѣльняхъ; въ Моисеевской ихъ было 100, у Поровицкаго моста 38, на Могильцахъ 12, остальные въ Покровской богадѣльнѣ, въ Кулиженской, въ Петровской, въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Эти богоугодныя заведенія находились въ вѣдомствѣ приказа Большаго дворца. Но такъ какъ дѣло благотворительности всегда тяготѣло къ церкви, то указъ 1676 г. передалъ вѣданіе „нищихъ и старицъ" дому свят. патріарховъ, которые и раньше имѣли свои богадѣльни. Въ томъ же году патріархъ Іоакимъ велѣлъ жить у приходскихъ церквей нищимъ, которые тѣснились въ избушкахъ и клѣтяхъ по улицахъ Кремля, Китая, Бѣлаго и Землянаго города, а тѣ избушки сломать, а на построеніе тѣмъ нищимъ, которые учнутъ избушки ставить у приходскихъ церквей, давать по одному рублю на человѣка (ср. Воробьева, „О московскомъ соборѣ 1681—1682 г.").

Изъ этихъ и подобныхъ разрозненныхъ чертъ слагается опредѣленный образъ интересующаго насъ дѣла. Намъ нѣтъ необходимости, въ поискахъ за нищей братіей, блуждать растеряннымъ взоромъ по широкимъ пространствамъ старой Россіи, или углублять испытующій взглядъ въ углы и закоулки ея общественной жизни. Мы знаемъ, что вездѣ, гдѣ только свѣтился крестъ богатаго ли, или самаго скромнаго храма, тамъ и ютились эта братія, тамъ и имѣла она точку опоры. Обильно разсыпанныя по государству церкви были пунктами, въ которыхъ—если можно такъ

выразиться—осаждалось и кристаллизировалось повсюду разлитое въ населеніи чувство нищелюбія. Имѣя престолы, предъ которыми народъ исповѣдывалъ свою любовь и преданность Богу, церкви имѣли при себѣ, въ лицѣ недугующихъ и страждущихъ, алтари инаго рода, у которыхъ люди свидѣтельствовали о своей христіанской любви къ ближнимъ. На эти живые жертвенники текли сокровища царскихъ даровъ и царскаго ласковаго слова, къ нимъ несли плоды своего дѣятельнаго милосердія духовныя лица, сюда же возлагалась лепта благотворительнаго труда и рвенія мірянина. Нигдѣ здѣсь не было многоэтажныхъ зданій — „эйфелевыхъ башенъ“ филантропіи; никто не похвалялся здѣсь разомъ осушить море человѣческаго страданія, но это море, не собираемое искусственными плотинами, растекалось по всей шири пространства страны, гдѣ и просачивалось въ почву бодрой готовности помочь чужому горю. Здѣсь не было сентиментальныхъ экстазовъ и эффектныхъ декорацій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь не было нужды уловлять пожертвованія обманомъ или даже установлять закономъ налогъ, какъ обязательную дозу любви къ ближнему. Жалкія видомъ богоугодныя избушки были богаты искренностью желанія угодить Богу, со стороны окружавшаго населенія, и обитатели этихъ келій, не удрученные параграфами казарменно-тюремныхъ уставовъ, мирились съ неприглядностью своего жилища, чувствуя себя въ своемъ углу, какъ дома. Дѣло благотворенія, словомъ, дѣлалось просто, среди благочестивой тишины, лицомъ къ лицу съ нуждою, съ дѣйствительными, мѣстными ея представителями, не отожествляя благотворительность съ бездушнымъ денежнымъ взносомъ, и рѣдко выходя изъ ограниченныхъ предѣловъ церковнаго прихода, внѣ которыхъ нуждающійся людъ начинаетъ казаться человѣческому взору безличной массой „нищенства“ или „пролетаріата“, а задачи сердечнаго милосердія обращаются въ головоломныя соціальныя проблемы.

Приходская благотворительность кое гдѣ слагалась въ прочное зерно, обѣщавшее богатый плодъ. Таковы были „церковныя братства“, возникавшія и дѣйствовавшія въ юго западной Россіи, начиная съ XV вѣка. Нѣкоторые изслѣдователи стараются представить эти „братства“ заимствованіемъ изъ западной Европы, копіей европейскихъ, средневѣковыхъ гильдій. Но съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Хотя религіозныя цѣли и лежали первоначально въ основѣ гильдій, но специфическій западно-европейскій духъ не замедлилъ проявиться

въ нихъ, сначала придавъ имъ политическій характеръ орудія борьбы горожанъ противъ феодаловъ, а затѣмъ обративъ ихъ въ экономическіе союзы, въ промысловыя гильдіи и цехи. Генеалогія нашихъ церковныхъ братствъ, по вѣрному указанію Костомарова и др., имѣла собственнаго прародителя,—именно то свойство русской души, которое сказалось уже въ древнѣйшемъ благородномъ содружествѣ „побратимства".

„Названное братство" или побратимство было союзомъ двухъ или болѣе лицъ, ради оказанія взаимной помощи, причемъ самопожертвованіе со стороны „братьевъ" считалось естественнымъ и непремѣннымъ условіемъ союза. Уже древніе греки наблюдали у скиѳовъ подобнаго рода союзы и удивлялись крѣпости ихъ нравственныхъ узъ. Въ древнѣйшей Руси эта связь почиталась священной. Человѣкъ видѣлъ въ названномъ братѣ второе я. Ихъ сердца бились въ унисонъ, никакія проявленія личнаго интереса или эгоистическаго обособленія не смѣли вторгнуться сюда. Братъ вѣрилъ въ брата, и эта вѣра была для нашего предка вѣрой въ святость человѣческаго слова, въ прочность человѣческаго чувства, словомъ,—вѣрой въ добро и въ человѣка. Легко понять, какое впечатлѣніе должны были производить случаи—чрезвычайно, впрочемъ, рѣдкіе—измѣны братству. Такая измѣна была громовымъ ударомъ, сразу разрушавшимъ все, чѣмъ красна жизнь и что единственно поднимаетъ человѣческую душу надъ уровнемъ животности. Когда богатырь Данило Денисьевичъ, по сказанію былины, убѣдился въ измѣнѣ своего брата, то заплакалъ горькими слезами. Гдѣ видано, чтобы братъ шелъ на брата? Къ чему же послѣ этого жизнь? И благородный витязь не вынесъ моральнаго удара: „взялъ Данило свое острое копье, тупымъ концомъ воткнулъ въ сырую землю, а на острый конецъ самъ упалъ..."

Этотъ духъ нравственнаго единенія, сказавшійся въ побратимствѣ, отразившійся позднѣе въ интимности старинной братчины, блеснувшій удалою солидарностью Запорожья и проявившійся въ духовномъ единеніи монашескихъ союзовъ, — былъ внутренней основой и церковныхъ братствъ. Если послѣднія развились преимущественно въ нашихъ южныхъ и западныхъ предѣлахъ, то это не потому, что отсюда были близки европейскіе образцы для подражанія, а потому, что въ этихъ мѣстахъ на долю русскаго народа пришлась особенно крупная доля несчастья. Здѣсь гнетъ чужаго владычества соединялся съ гнетомъ чужой религіи. Здѣсь Россія, лицомъ къ лицу съ іезуи-

тами, познала, что означаетъ „католическое просвѣщеніе“ и къ чему ведутъ неумѣстные компромиссы въ родѣ уніи. Весьма естественно, что православное населеніе края должно было сплотиться на защиту своей вѣры. Бичъ страданія умягчилъ сердца, въ которыхъ вспыхнула особенная жажда найти утѣшеніе въ Богѣ. Но путь къ Богу, по общерусскому воззрѣнію, идетъ среди скорбящихъ, протягивающихъ къ намъ руки за помощью. Отсюда понятна интензивность благотворительности, проявленная церковными братствами.

Заповѣдь любви и милосердія лежала краеугольнымъ камнемъ въ этихъ православныхъ союзахъ. „І. Христосъ говорилъ ученикамъ“,—читаемъ въ актѣ установленія Кіевскаго братства, въ 1616 году,—„заповѣдую вамъ, да любите другъ друга, потому и узнаютъ васъ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. То же учили и апостолы. Лука говоритъ: „у вѣрующихъ была одна душа и одно сердце, и не было между ними никого бѣднаго“. И мы, грѣшные, послѣдуя сему божественному, спасительному и человѣколюбивому наставленію, начинаемъ сей дружелюбный союзъ“. Исходя изъ такого основнаго пункта, братства употребляли усилія, чтобы наиболѣе успѣшно „проразумѣвать и пещись о призрѣніи и потребностяхъ благочестивыхъ единовѣрныхъ братій“. Изъ пожертвованій и вкладовъ каждое изъ нихъ составляло себѣ казну, назначавшуюся на воспитаніе сиротъ, на прокормленіе старыхъ и больныхъ, на призрѣніе странниковъ, на пособіе вдовамъ, на защиту обидимыхъ и пр. Старшіе братчики должны были распоряжаться дѣлами такъ, „какъ бы око Божіе всегда обращенное на себя видѣли“. Благотвореніе не ограничивалось операціями полученія и выдачи денегъ, а носило на себѣ печать истинной заботы о ближнемъ: „еслибы какой братъ“,—значилось въ уставѣ Луцкаго братства, — „по Божію допущенію, подвергся какимъ-либо напастѣмъ, тогда всѣ братія обязаны ему благодѣтельствовать, и въ болѣзняхъ его призирать, и о душѣ его заботиться, *оказывая любовь къ брату своему*, при жизни его и по смерти“. Воюя съ людскими страданіями въ предѣлахъ своей мѣстности, братства строили скромныя, но освященныя искреннимъ желаніемъ добра, богадѣльни, больницы и страннопріимные дома. Въ грамотѣ Сигизмунда III, при открытіи Минскаго братства, говорится, что граждане намѣрены устроить госпиталь, „и въ немъ объ людехъ убогихъ и хворыхъ пильное стараніе мѣти, — тепломъ, выживеньемъ и все

кимъ смотрѣньемъ, милосердыми и побожными учениками, водлугъ переможенья своего". Въ этой дѣятельности не было шаблоновъ формалистики и механичности, но вѣчно бодрствующая, чуткая и дѣятельная любовь. Братчики предъявляли сами къ себѣ весьма строгія нравственныя требованія, понимая, что хорошія дѣла могутъ совершаться только хорошими людьми. И братства честно служили свою службу. Даже враги православія не могли не отдавать имъ справедливости, свидѣтельствуя, что ихъ „благочестіе сіяло на цѣлый край россійскій"[1]).

Само собою разумѣется, что необходимость защищаться отъ іезуитовъ и прочія боевыя условія жизни заставили братства позаботиться о своей организаціи, которую они отчасти заимствовали изъ западнаго цеховаго устройства и Магдебургскаго права. Но эти заимствованія касались не внутренняго существа дѣла, а только внѣшней его оболочки[2]). Вслѣдствіе слабаго въ то время развитія государственности, братства должны были устраивать свое внутреннее управленіе, свой судъ, свои особые законы, свои карательныя мѣры и цѣлый ритуалъ своего функціонированія. Все это обусловливалось свойствами эпохи и обстоятельствъ. Но, съ минованіемъ надобности, съ водвореніемъ сложившейся государственности, внѣшняя оболочка братствъ могла бы измѣниться, обнаруживъ и выдвинувъ на первый планъ первоначальное, свѣтлое, благотворное зерно этихъ „дружелюбныхъ союзовъ". Здѣсь, вокругъ священной цѣли, одинаково для всѣхъ дорогой и возвышающейся надъ міромъ личныхъ интересовъ, могло бы воспитаться умѣніе трудиться сообща на общую пользу и способность цѣнить общественное благо,—умѣніе и способность, отсутствіе которыхъ похоронило не одно благожелательное намѣреніе и не одну благородную реформу.

---

[1]) Ср. соч. Флерова „О правосл. церк. братствахъ". Такъ же ст. въ „Христ. чтеніи", 1875, 8-9.

[2]) О значеніи заимствованій ср. соч. пр. В. Антоновича („Монографіи по ист. зап. и югозападн. Россіи"), который говоритъ: „Населеніе смотрѣло на Магдебургское право, какъ на хартію, гарантирующую извѣстную долю самостоятельности. Жизнь устроялась по обычаямъ мѣстнаго права, которое сохранялось по преданію или истекало изъ внутреннихъ понятій о справедливости судящихъ, тогда какъ постановленія „Саксона" по большей части не совпадали съ этими началами, завѣщанными минувшею общинною жизнью края. А потому Магдебургское право въ значеніи кодекса законоположеній—оставалось мертвою буквою".

XI.

Несмотря на многія цѣнныя качества старорусской благотворительности, все же она, конечно, не состояла изъ однихъ лучей свѣта, безъ тѣни. Человѣческая склонность къ слабостямъ и прегрѣшеніямъ находила себѣ доступъ въ нее, изловчаясь прокрадываться даже между столь близкими въ старину руками дающихъ помощь и ее получающихъ. Іоаннъ Грозный засвидѣтельствовалъ объ этомъ на соборѣ (Стоглавомъ), созванномъ съ цѣлью подумать вообще „о всякихъ земскихъ неостроеніяхъ". Поставляя собору на видъ, что „нѣцыи стригутся (въ монахи) покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать", что „черньцы и черницы по міру волочатся", что „попы и міряне и жены со св. иконами скитаются и сооруженіе собираютъ и на окупъ сказываются проданные" и пр., царь вмѣстѣ съ тѣмъ коснулся и вопроса о призрѣніи бѣдныхъ и убогихъ. Есть у насъ по городамъ,—говорилъ онъ,—богадѣльныя избы, въ которыя ежегодно отпускаема изъ царской казны милостыня,—хлѣбъ, соль, деньги, одежда, а также поступала милостыня отъ христолюбцевъ; но только въ этихъ избахъ, по злоупотребленіямъ завѣдующихъ ими *прикащиковъ*, живутъ „мужики съ женами и мало больныхъ", а нищіе, престарѣлые, страдальцы, скитаются по міру. Вникнувъ во всѣ эти царскія указанія, соборъ далъ совѣтъ относительно праздныхъ скитальцевъ: „разослати ихъ по монастырямъ, и которые здравы тѣломъ, тѣхъ добрымъ старцамъ подъ началъ, а потомъ въ монастырскія службы, тружатися на святую братію, а которые стары или больны, тѣхъ маломожныхъ устроить въ монастыряхъ въ больницы"; содержаніе имъ должно идти изъ вкладовъ на монастыри и изъ казны „благочестиваго царя и преосвященныхъ митрополитовъ и владыкъ, — какъ имъ, государямъ, Богъ извѣститъ". Что же касается собственно злоупотребленій въ богоугодныхъ заведеніяхъ, то соборъ рѣшилъ: „надзоръ за богадѣльнями поручить *добрымъ* священникамъ и цѣловальникамъ или градскимъ *добрымъ* людямъ; а здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили бы, но питались бы отъ *боголюбцевъ*, хотя по дворамъ, *какъ было доселѣ*, и трудились бы, если еще въ силахъ работать (гл. 73)."

Вдумываясь въ этотъ отвѣтъ собора, мы не можемъ не почувствовать его мирнаго, возвышенно-спокойнаго тона. Въ немъ

нѣтъ раздражительной ноты, нѣтъ озлобленія противъ нищеты, которая своими лохмотьями портитъ общественное благообразіе. Соборъ не защищаетъ, конечно, празднолюбцевъ, являя въ этомъ отношеніи единомысліе съ учительнымъ голосомъ церкви, всегда порицавшей „нехотящихъ дѣлать, чужими трудами кормящихся, аки черви ядущіе капусту". Но соборъ не обнаруживалъ запальчивыхъ поползновеній, въ погонѣ за эксплоататорами христіанскаго милосердія, нанести ударъ самому милосердію, упразднивъ его и поставивъ на его мѣсто „трезво-разсудочное администрированіе нищенства". Соборъ не проявлялъ намѣренія отдѣлить нищую братію отъ „боголюбцевъ", онъ твердо полагался на этихъ „боголюбцевъ" и продолжалъ толковать съ вѣрою о „спасенной милостынѣ", которую подадутъ люди, „какъ Богъ имъ извѣститъ". Далекій отъ чувства скороспѣлаго разочарованія, соборъ не оглядывался растерянно по сторонамъ, но возвращался съ мыслью къ тому, „какъ было доселѣ". Что касается недостатковъ, замѣченныхъ въ богадѣльняхъ и указанныхъ царемъ, то соборъ вѣрно понялъ ихъ значеніе и смыслъ. Сущность этихъ недостатковъ заключалась въ томъ, что у жертвенниковъ любви къ ближнему, между несущими жертву и принимающими ее, появились непризванные посредники, какіе-то „прикащики", холодные и равнодушные наемники, мертвые слуги живаго дѣла, раннія ласточки — провозвѣстники грядущаго запустѣнія въ священномъ храмѣ благотворительности. И соборъ подалъ вѣрный совѣтъ противъ вѣрно понятой болѣзни: онъ выразилъ желаніе, чтобы дѣло милосердія возвращено было въ хорошія руки, подъ недремлющее око чуткой, сердечной заботы „добрыхъ" священниковъ и „добрыхъ" людей.

Но интересующему насъ вопросу не всегда суждено было встрѣчать подобное „консервативное" къ себѣ отношеніе. Сотню лѣтъ спустя, мы снова видимъ соборъ, мы снова присутствуемъ при обсужденіи задачъ благотворенія. Но это было уже иное время, здѣсь были уже другія рѣчи, другія тенденціи. Къ этому времени разростаніе городской жизни образовало сильно населенные пункты, съ Москвою во главѣ. Сюда стала скопляться нищая братія, „слѣпецъ" и „хромецъ" начали надоѣдать, раздражая нервы. Не безъ того, что въ городской сутолокѣ полумилліоннаго населенія Москвы, не мало празднолюбцевъ сочли для себя удобнымъ выйти на улицу, ловко замаскировавшись атрибутами убожества. По крайней мѣрѣ, на Руси начинаетъ

слышаться иронически-негодующая оффиціальная рѣчь о „гулящихъ людяхъ, которые, подвязавъ руки, также ноги, а иные глаза завѣся, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыню“.

Прислушиваясь къ сужденіямъ московскаго собора 1681 года о нищенствѣ, мы тщетно ожидаемъ встрѣчи съ напоминаніемъ о прежнемъ милосердіи, о нищелюбіи, „какъ было доселѣ“. Никто не обращается здѣсь къ испытанному подвигу „боголюбцевъ“, никто не пытается возложить надежды на энергію приходской благотворительности, такъ ярко сіявшей, въ лицѣ церковныхъ братствъ, на „весь южный и западный россійскій край“. Взоры и симпатіи времени начинали клониться въ другую сторону. На престолѣ былъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, первый изъ русскихъ царей, надѣвшій польское платье; въ общественной атмосферѣ зарождался вкусъ къ „еуропскимъ обычаямъ“. Указъ 1682 года о „шпитальняхъ“ представляетъ собою чрезвычайно интересный документъ, знаменующій переломъ, который совершался тогда въ нашей жизни (указъ напечатанъ въ Ист. Ѳеодора Алекс., Берха). Заключая въ себѣ много новаго, этотъ указъ прежде всего отличается по истинѣ новымъ въ тогдашней Россіи тономъ,—тономъ несмѣлаго восхищенія предъ европейскими порядками, тономъ той смиренной зависти, съ какою забитый бѣднякъ взираетъ на сокровища и роскошь богача. Бросая презрительный, гадливый взглядъ на отечественную нищую братію, которая бродила и лежала по улицамъ, указъ подобострастно замѣчаетъ, что въ европейскихъ „государствахъ и градахъ для нищихъ домы построены, отчего великая польза“. Умилившись предъ заграничными „dépôts de mendicité“, указъ продолжаетъ: „А для унятія бродячихъ воровъ сдѣланы за моремъ во многихъ городахъ двори, гдѣ такихъ людей по особымъ чуланцамъ сковавъ сажаютъ на нѣсколько недѣль, смотря по винѣ, и заставляютъ пилами тереть сандалъ и другую тяжелую работу и, по работѣ смотря, даютъ имъ хлѣба и воды или кваса“. Очертивъ такимъ образомъ ужасное изобрѣтеніе европейской жестокости и надѣливъ „заморскіе“ рабочіе дома русскимъ квасомъ, указъ описываетъ въ томъ же завистливо-хвалебномъ духѣ западные воспитательные пріюты: „а въ иныхъ государствахъ нищенскимъ дѣтямъ построены дворы, въ которыхъ, перво изуча ихъ грамотѣ, научаютъ ремеслу, какому кто похочетъ, или отдаютъ мастерамъ ихъ учить по домамъ, а дѣвокъ отдаютъ по моны-

стырямъ для ученія жъ, и изуча и въ лѣты совершенные пришедъ, какъ можетъ хлѣбъ свой заживать и себя съ женою прокормить, отпускаютъ на волю, или, купя дворы тѣмъ, поженятъ. И отъ такихъ людей и впредь уже въ градѣ прибытокъ, а воровства отъ такихъ опасаться нечего, потому что ему уже способъ данъ, чѣмъ сыту быть". Описавъ въ столь идиллическихъ краскахъ чужеземные воспитательные дома, на которыхъ, по сознанію самихъ иностранцевъ, всего умѣстнѣе надпись: „здѣсь истребляютъ дѣтей на общественный счетъ", — указъ высказываетъ желаніе, чтобы такіе дворы были заведены у насъ; при этомъ онъ дозволяетъ себѣ робкое мечтаніе, что питомцы этихъ дворовъ могли бы замѣнить у насъ иностранныхъ ремесленниковъ: „вмѣсто иноземцевъ, мочно бъ и своихъ завесть, какъ нынѣ сказываютъ у турокъ, которые прежде сихъ наукъ не знали, нынѣ имъ учатся". Доказывая основательность своего мечтанія и предвосхищая знаменитый впослѣдствіи тезисъ о русскомъ „génie de l'imitation", указъ замѣчаетъ: все это у насъ могло бы осуществиться, „для того, что отъ народа россійскаго многіе зѣло понятны".

Исходя изъ приведенныхъ основаній, удобно было приступить къ весьма кореннымъ реформамъ, но указъ 1682 года ограничился лишь проектированіемъ устройства двухъ „шпиталенъ", для запиранія въ нихъ убогаго люда, „чтобы впредь по улицамъ бродячихъ и лежащихъ нищихъ не было", чтобы „притворные нищіе принуждены были хлѣбъ свой заживать работою", и чтобы устранить выставку отвратительныхъ больныхъ, „какимъ людямъ во всѣхъ странахъ Европскихъ отнюдь не позволяютъ по улицамъ ходить". Лѣченіе въ шпитальнѣ такихъ страдальцевъ, предполагалъ указъ, могло составить практику и упражненіе „молодымъ дохтурамъ". Едва-ли нужно говорить, насколько чуждо было русскому духу это отношеніе къ нищетѣ, какъ къ преступленію, эта замѣна благотворительности своеобразнымъ общественнымъ „дренажемъ", запрятываніемъ нищей братіи подъ-спудъ, слабонервной брезгливостью къ горькой участи страдальцевъ и обращеніемъ этихъ страдальцевъ въ предметъ для „вивисекціи", въ матеріалъ для экспериментовъ малосвѣдущихъ врачей. Однако же, къ чести разсматриваемаго указа должно замѣтить, что онъ все-таки не вполнѣ еще отрѣшился отъ традицій стараго благочестія, не вполнѣ довѣрился механическому дѣйствію „учрежденія", не вполнѣ рѣшился оторвать дѣло помощи ближнему отъ народ-

наго сердца. Насъ убѣждаютъ въ этомъ два положенія указа: „Еще же надобно“,—говоритъ одно изъ нихъ,—„чтобы тому мѣсту быть при улицахъ большихъ, гдѣ всегда многолюдство бываетъ, чтобы мимоходящіе такую богадѣльню или больницу видя, *умилясь*, милостыню подавали“. Другой пунктъ указа постановляетъ: „надъ всѣмъ надобно къ тому приставить добраго дворянина, который бы то дѣло дѣлалъ *одной ради любви Божіей съ охотою*“.

Но такія оговорки были послѣдними прощальными взглядами, обращенными въ прошедшее. Будущее открывало свои объятія шедшимъ на завоеваніе „еуропскимъ обычаямъ“. На порогѣ XVIII вѣка самостоятельность народной благотворительности все болѣе и болѣе забраковывается; все рѣшительнѣе выдвигается вѣра во всемогущество учрежденія, устава и закона, который все настойчивѣе гремитъ надъ головою „каликъ“ угрозами наказанія, повелѣвая ссылать ихъ въ посады, волости, къ ихъ помѣщикамъ, а если покажутся опять, то подвергать ихъ жестокимъ карамъ, бить кнутомъ и отправлять въ города Сибири. Наконецъ, весь этотъ новый порядокъ вещей получилъ завершеніе въ мѣрахъ Петра I, который приступилъ къ дѣлу съ страстностью, напоминавшею Іоанна Грознаго, котораго императоръ-преобразователь вообще ставилъ себѣ образцомъ для подражанія [1]). „Духовный Регламентъ“ поднялъ безпощадный бичъ надъ людомъ, который бременилъ безъ пользы землю и распѣвалъ свои „нелѣпыя и вредныя пѣсни“. Приводя въ новый порядокъ расходы дворца и считая суммы, употреблявшіяся на кормленіе нищихъ во дворцѣ, Петръ I написалъ собственноручно (въ 1700 г.): „Си деньги раздать нищимъ по улицамъ, а въ Верхъ ихъ (нищихъ) не брать, для того, что вытерки то комятъ“. Этимъ указомъ окончательно и навсегда убогіе отдалились отъ дворца, и поданъ былъ сигналъ къ закрытію передъ нищей братіей дверей домовъ высшаго, интеллигентнаго класса русскаго общества.

---

[1]) Ср. Берха, Ист. Алексѣя Михаиловича: Герцогъ Голштинскій, устраивая въ 1721 г. въ Москвѣ тріумфальныя ворота, во время торжества мира съ шведами, приказалъ изобразить на одной сторонѣ ихъ Петра I, а на другой Іоанна Васильевича. Петру очень понравилось это, и онъ сказалъ герцогу: „Ваша свѣтлость, сія иллюминація самая лучшая въ Москвѣ: тутъ представлены мои собственныя мысли, этотъ государь (указывая на Іоанна Грознаго) мой предшественникъ и примѣръ; я всегда принималъ его за образецъ“.

Прежніе пріемы личнаго благотворенія были объявлены пустою, даже вредною сентиментальностью, и старая милостыня, въ качествѣ вреднаго для общества дѣла, была запрещена подъ страхомъ наказанія. Напрасно укоренившееся народное убѣжденіе выражало про себя свое недоумѣніе устами Посошкова: „А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво, потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кто милостыню подаетъ. И тѣмъ никогда не унять, да и невозможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности. Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуютъ".

Подобныя заявленія народнаго смысла не могли, конечно, задержать разроставшееся все болѣе и болѣе обаяніе европейскихъ порядковъ. Исторія нашей благотворительности обнаруживала все бо́льшее стремленіе къ сліянію съ исторіей западнаго призрѣнія бѣдныхъ, основныя черты котораго мы указали выше. Слѣдя за многосложными перипетіями безсильной оффиціальной борьбы съ человѣческими нуждами и страданіями, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что духъ живаго милосердія не потерянъ русскимъ народомъ.

К. ЯРОШЪ.

КНЯЖНА ТАТЬЯНА[1].

РОМАНЪ.

I.

— Вы опять за своимъ романомъ, сказала мистриссъ Грей.

— Да, отвѣчала княжна Татьяна, я желала бы съ нимъ покончить, если не сегодня, то по крайней мѣрѣ завтра, надо его возвратить.

— Развѣ книга не принадлежитъ вашему двоюродному брату?

— Нѣтъ, онъ ее взялъ для меня у одного изъ своихъ знакомыхъ.

— Романъ, кажется, васъ интересуетъ.

---

[1]) Романъ этотъ представляетъ интересъ какъ по имени автора, такъ и по многимъ высказываемымъ имъ тенденціямъ и выводимымъ типамъ, весьма характеристичнымъ какъ для того времени, такъ и для личности автора и его столь извѣстной государственной дѣятельности. Въ рукописи роману предпосланы слѣдующія „предисловныя замѣтки“, извлеченныя изъ письма къ лицу, которому романъ посланъ для прочтенія и отличающіяся особенностями свойственнаго автору изложенія. Разговоры дѣйствующихъ лицъ имѣютъ видъ какъ бы перевода, но это и есть переводъ, ибо рѣчь конечно ведется большею частью по-французски или по-англійски.

„1) „Княжна Татьяна“ не предназначается къ печати въ настоящее (октябрь 1882 г.) время. 2) Вторая часть не только не написана, но еще не пишется. Ея содержаніе должно отчасти зависѣть отъ оборота, который примутъ наши внутреннія дѣла. Продолжительный status quo мнѣ представляется невозможнымъ. Первая часть написана въ прошлую

— Теперь, во второй части, больше чѣмъ сначала.

— Не забудьте, вы мнѣ обѣщали разсказать его содержаніе. Онъ и меня начинаетъ интересовать, я замѣчаю, что васъ онъ такъ занимаетъ.

Мистриссъ Грей вышла, и княжна Татьяна снова принялась за чтеніе книги, которую она во время разговора продолжала держать въ рукахъ.

Книга была извѣстный романъ Гончарова: „Обрывъ", и княжна Татьяна остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Райскій съ самоотверженіемъ помогаетъ Вѣрѣ спуститься съ крутизны.

„Она,—читала княжна,—быстро обернулась къ нему, обдала „его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, бла„годарности, вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку „и крѣпко прижала къ губамъ... Братъ! вы великодушны: „Вѣра не забудетъ этого! сказала она, и взвизгнувъ отъ ра„дости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ „кусты".

„Онъ сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и съ ужасомъ слы„шалъ шумъ раздвигаемыхъ ею вѣтвей и трескъ сухихъ „прутьевъ подъ ногами".

„Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ"...

Княжна еще разъ остановилась и, проговоривъ съ сомнѣніемъ про себя слова: „взвизгнувъ отъ радости"... закрыла книгу, положила ее на столъ и, опершись головою на руку,—призадумалась.

Это называется страстью, сказалось въ ея мысляхъ.

зиму и дописана лѣтомъ, на Каменномъ островѣ. 3) Человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ говорить на Руси только романомъ или въ романѣ. Другой способъ рѣчи невозможенъ. 4) Человѣкъ въ моихъ лѣтахъ и моемъ положеніи можетъ говорить въ романѣ только на свой личный ладъ. 5) Мнѣ нельзя просто конкуррировать съ литераторами-романистами. Условія и цѣли слишкомъ различны. 6) Я не могу писать сенсаціоннаго романа, не могу трудолюбиво изобразить замысловатую „фабулу". Я вынужденъ довольствоваться простою фабулой и мириться съ ея неудобствами. Она для меня имѣетъ преимущественно значеніе страховки читанія и дочитанія. 7) Мой личный „faire" состоитъ преимущественно въ тѣхъ вставкахъ, или „инкрустаціяхъ", которымъ фабула даетъ мѣсто. 8) Тѣ самые тезисы, которые мною четверть вѣка защищались въ другой сферѣ, ставятся мною и въ сферѣ литературныхъ вымысловъ".

Страсть,—значитъ безуміе, т. е. безуміе подъ вліяніемъ чувства, противъ котораго разумъ безсиленъ. Какъ можетъ она такъ любить этого Марка? Что въ немъ, кромѣ грубости, жестокости и пренебреженія къ тому, что уважаютъ другіе? Какъ можетъ все это плѣнять? Какъ можно все это любить? Развѣ я могла бы полюбить кого-нибудь, кто походилъ бы на Марка? Никогда. Такой человѣкъ могъ бы возбудить во мнѣ только неодолимое къ нему отвращеніе... Правда, я не похожа на Вѣру. То-есть обстоятельства другія. Въ характерѣ есть сходство. Еслибы Маркъ не былъ Маркомъ, я поняла бы Вѣру. Я можетъ быть сдѣлала бы все, что дѣлала Вѣра; только не воспользовалась бы помощью Райскаго, не поцѣловала бы его руки и не взвизгнула бы отъ радости, бросившись въ кусты... Я не критикую автора. Черта можетъ быть вѣрная. Птица, освобожденная изъ клѣтки, должна вскрикнуть отъ радости... Я, по правдѣ, также въ клѣткѣ. Еслибы для меня вдругъ отворились дверцы клѣтки, и при томъ я имѣла бы сильное желаніе вылетѣть на свободу, то я также могла бы, если не взвизгнуть, то вскрикнуть. И здѣсь я не критикую. Вѣра могла взвизгнуть, хотя я не могу. Выраженіе ея радости могло быть полнѣе. Въ ней всякое увлеченіе могло обнаружиться произвольнѣе, чѣмъ оно могло бы обнаружиться во мнѣ. Привычка владѣть собою сохранила бы и въ такомъ случаѣ часть своей силы. Но я понимаю и порывъ Вѣры, хотя мой порывъ былъ бы другой, и я не дала бы ему воли при Райскомъ... Главное то, что я себѣ не могу вообразить повода къ такой радости. Нужно сильное чувство, чтобы изъ-за него сильно радоваться. Нужно сильно любить. Могу ли я кого-нибудь полюбить такъ, какъ Вѣра любила Марка? До сихъ поръ мнѣ можетъ быть раза два или три казалось, что я начинала любить. Я была неравнодушна. Я чувствовала, что тотъ или другой мнѣ нравился. Я ему отдавала предпочтеніе передъ другими, а внутри себя болѣе чѣмъ могла давать это замѣтить. Я желала, ожидала встрѣчи. Я съ сожалѣніемъ разставалась. Но все это было такъ поверхностно, такъ непрочно. Ни разу я не почувствовала, что была бы готова чѣмъ-нибуд мнѣ дорогимъ пожертвовать. Припоминая прежнія мысли чувства, я могу остановиться только на одномъ исключені Быть можетъ, еслибы въ прошлую зиму мы долѣе осталис въ Неаполѣ, мое сердце было бы глубже затронуто. Онъ мн

нравился, и я вѣрила тому, что онъ меня любилъ... Но обстоятельства насъ разлучили, и мнѣ не такъ тяжело было при отъѣздѣ, какъ я сама того опасалась. При томъ я постоянно боролась съ этимъ временнымъ увлеченіемъ. Я никогда не мирилась съ мыслью о сочетаніи моей судьбы съ иностранцемъ... А здѣсь, судя по тому, что я видѣла въ свѣтѣ, послѣдніе два года моему сердцу не предстоитъ опасности. Никто изъ этихъ господъ не возбудитъ во мнѣ желанія выйти изъ моей клѣтки... Изъ-за кого-нибудь изъ нихъ вскрикнуть отъ радости!..

Княжна засмѣялась, и пренебреженіе къ тѣмъ „господамъ", о которыхъ она мимоходомъ подумала, отразилось на ея лицѣ. —Изъ за нихъ, проговорила она вслухъ,—и Вѣра не попросила бы у Райскаго помощи.

Княжна вновь принялась за книгу.

„Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ", — читала она,—„ждалъ „Маркъ... Прислушивался нѣсколько минутъ, потомъ шелъ „по тропинкѣ, приглядываясь къ кустамъ, повидимому ожидая „Вѣру. И когда ожиданія его не сбывались, онъ возвращался „въ бесѣдку и начиналъ ходить подъ чортову музыку, опять „бросался на скамью, впуская пальцы въ волосы, или ложил„ся на одну изъ скамей, кладя, по-американски, ноги на „столъ"...

Княжна остановилась, какъ будто воображая себѣ Марка въ описанномъ положеніи,—и въ эту минуту въ комнату вошла княгиня.

— Татьяна, сказала она, я ѣду съ визитами. Поѣдемъ вмѣстѣ.

Княжна встала и спросила, не позволитъ ли ей княгиня, вмѣсто того чтобы ее сопровождать, выйти пѣшкомъ съ мистриссъ Грей?..

— Ты каждый день можешь имѣть это удовольствіе, сказала княгиня, а я не каждый день тебя прошу выѣзжать со мною. Сегодня я ѣду въ дома, гдѣ есть твои пріятельницы. Напримѣръ я поѣду къ Семипольскимъ...

— Да, мамá, отвѣчала княжна; но сегодня кромѣ того, день княгини Синицыной. Вы и къ ней заѣдете.

— Такъ что же? Она съ тобою всегда была очень любезна.

— Вы знаете, мамà, что, несмотря на то, я къ ней не могу ѣхать охотно.

— Напрасно.—Мы теперь дома, а не въ Веве,—и потому только, что ея сынъ тамъ за тобою ухаживалъ, здѣсь нельзя съ нею разрывать знакомства...

— Прошу васъ, мамà, меня не принуждать къ ней ѣхать,— по крайней мѣрѣ на этотъ разъ,—при первомъ послѣ нашего возвращенія визитѣ...

— Это съ твоей стороны не любезно.

— Мамá, повѣрьте, мнѣ лучше не ѣхать. Если я тамъ встрѣчусь съ княземъ Иваномъ, вы будете мною недовольны.

Княгиня сердито взглянула на дочь, промолчала съ полминуты, потомъ сказала: какъ хочешь,—я привыкла къ тому, что ты рѣдко для меня что-нибудь дѣлаешь охотно—и вышла изъ комнаты.

Часомъ позже княжна Татьяна и мистриссъ Грей шли вмѣстѣ по набережному тротуару противъ Эрмитажа, когда мимо ихъ проѣхала княгиня.

— Чѣмъ недовольна княгиня сегодня? спросила мистриссъ Грей. Она насъ видѣла, но отвернулась.

— Къ сожалѣнію недовольна мною. Продолженіе того, что было въ Веве.

— Я васъ не понимаю, Татьяна. Какое продолженіе?

— Мамá поѣхала къ княгинѣ Синицыной и хотѣла, чтобы я ѣхала съ нею, а я просила меня отъ этого визита уволить.

Мистриссъ Грей ничего не отвѣтила, и ни она, ни княжна Татьяна долго не прерывали молчанія. Когда, дойдя до Дворцоваго моста, онѣ повернули назадъ, мистриссъ Грей съ видимымъ участіемъ взглянула на свою спутницу и сказала:

— Мнѣ жаль, что васъ это такъ заботитъ и огорчаетъ.

— Трудно не огорчаться и не быть озабоченною, отвѣчала княжна Татьяна.

— Неужели здѣсь повторится то, что при мнѣ происходило въ Веве?

— Кажется, что такъ.

— Не понимаю княгини.

— Боюсь, что теперь я начала понимать.

— Что нашла она въ княгинѣ Синицыной и въ ея сынѣ?

— Что нашла?—Деньги...

— Не можетъ быть. Въ этомъ вы не имѣе е нужды. Думаю, что она просто тревожится, что вы, по ея выраженіх еще не пристроены. Намедни она при мнѣ припоминала, с какою-то странной для меня досадой, что вы уже третью, ил даже, по ея счету, четвертую зиму, выѣзжаете въ свѣтъ.

— Это, быть можетъ, само по себѣ. Но настойчивое желаніе, чтобы я не отталкивала отъ себя князя Ивана, имѣетъ

другой смыслъ. Вліяніе генерала для меня въ этомъ стало очевиднымъ. Не даромъ онъ вчера такъ долго оставался у мама́ послѣ обѣда.

— Какое ему до васъ дѣло?

— До меня—никакого.—Но у него есть другія побужденія къ тому, чтобы меня, какъ вы сказали, пристроить.

— Опять не понимаю.

— Милая мистриссъ Грей, вспомните, что денежныя дѣла мама́ у него въ рукахъ.

— Такъ что же?

— Я отвѣчу вопросомъ: имѣете ли вы довѣріе къ генералу?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Ввѣрили ли бы вы ему все ваше достояніе, еслибы вамъ нужно было его кому-нибудь ввѣрить?

— Нѣтъ, ему бы не ввѣрила.

— Предположите, что вы это однажды сдѣлали, что онъ употребилъ во зло ваше довѣріе, что въ надеждѣ на личный для себя выигрышъ онъ распоряжался вашими деньгами, какъ своими, что въ числѣ лицъ, съ которыми онъ велъ дѣла, былъ и князь Синицынъ, что дѣла были неудачны, и что теперь генералъ начанаетъ опасаться, чтобы не обнаружились послѣдствія его злоупотребленій.

— Надѣюсь, что вы ошибаетесь.

— То-есть, вы желаете, чтобы я ошибалась.—Къ сожалѣнію, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ противномъ. Уже въ Веве я случайно слышала странный, двусмысленный съ его стороны отзывъ; а третьяго дня его племянникъ также проронилъ при мнѣ два-три неосторожныхъ слова, и я замѣтила, что генералъ встревожился и поспѣшилъ замять разговоръ.

— А вашъ двоюродный братъ?

— Мой двоюродный братъ? сказала княжна съ презрительною улыбкой. Вотъ онъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Онъ не злой человѣкъ. Думаю, въ немъ даже есть расположеніе быть добрымъ. И въ умѣ нѣтъ недостатка.—Но онъ человѣкъ слабый, безхарактерный. Онъ измельчалъ и растерялся. Онъ поглощенъ свѣтскими мелочами, собою однимъ озабоченъ, и въ рукахъ всякаго, кто его тщеславію льститъ.

II.

Въ глубинѣ двора одного изъ домовъ на правой сторонѣ Караванной улицы, нѣсколько оконъ, во второмъ этажѣ, отличались отъ сосѣднихъ оконъ поставленными на подоконникахъ цвѣтами, растеніями и свѣтло-голубыми занавѣсами. Лѣстница, между первымъ и вторымъ этажами, была устлана ковромъ и приводила только къ одной двери, которая своею безукоризненною наружностью соотвѣтствовала необычному при надворныхъ квартирахъ, виду лѣстницы.

Во второй отъ входа комнатѣ этой небольшой, но съ нѣкоторымъ изяществомъ убранной квартиры, къ которой принадлежали окна съ голубыми занавѣсами, сидѣла за пяльцами молодая женщина, которую постоянные посѣтители французскаго театра привыкли видѣть въ одной изъ ложъ втораго яруса, во всѣ дни субботнихъ спектаклей, а иногда, кромѣ того, и въ другіе дни недѣли. Ей было, какъ говорили, уже за двадцать пять лѣтъ, но правильно очерченное лицо, отѣненное густыми свѣтло-русыми волосами, сохранило свѣжесть болѣе ранней молодости, и то же впечатлѣніе производили ея стройный станъ и оживленный взглядъ ея темно-карихъ глазъ. Молодая женщина вышивала бѣлымъ шелкомъ по красному бархату какой-то сложный прямолинейный узоръ, и вышивала прилежно, лишь изрѣдка оглядываясь на пылавшій въ углу комнаты каминъ и на поставленные надъ каминомъ часы изъ темной бронзы. Въ другомъ углу стоялъ большой открытый рояль; на столѣ, близъ него, были разложены музыкальныя ноты; а черезъ полуотворенную дверь виднѣлись въ сосѣдней комнатѣ, на другомъ столѣ, книги, газеты и лежавшая рядомъ съ ними военная фуражка.

Послышался звонокъ у двери въ переднюю; но молодая женщина спокойно продолжала работу. Пожилая горничная прошла черезъ комнату, чтобы отворить дверь, и обмѣнявшись нѣсколькими словами на французскомъ языкѣ съ пришедшею посѣтительницей, пропустила ее мимо себя. Въ комнату торопливо вбѣжала другая молодая женщина въ черной бархатной шубкѣ и круглой мѣховой шапкѣ съ полуопущеннымъ на лицо вуалемъ.

— Здравствуй, Матильда, сказала она, бросивъ на стулъ муфту и садясь по другую сторону пялецъ.— Слышала, что ты больна

— Здравствуй, Маргарита, отвѣчала хозяйка, привѣтливо кивнувъ головой. Да, мнѣ уже третій день нездоровится; но, надѣюсь, это скоро пройдетъ. Сегодня мнѣ лучше.

— Тебя вчера не было въ театрѣ. Я потому и заѣхала освѣдомиться.

— Я могла бы и выѣхать; но онъ пожелалъ, чтобы я осталась дома.

— Я его видѣла, онъ показался мнѣ озабоченнымъ, или разсѣяннымъ.

— Онъ часто такой бываетъ; не мое нездоровье его безпокоитъ.

— Развѣ случилось что-нибудь для него непріятное?

— Нѣтъ, ничего особеннаго; по крайней мѣрѣ ничего не знаю. Но у него и безъ особыхъ приключеній заботъ не мало.

— Ты за новою работой, сказала послѣ полуминутнаго молчанія молодая посѣтительница, приподнявъ свой вуаль и разсматривая шитье.

— Да мнѣ вздумалось вышить спинку для стула. Онъ находитъ, что тамъ, у стола, передъ каминомъ, не достаетъ одного стула.

— Мнѣ не нравится бѣлое на красномъ.Одинъ цвѣтъ слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ другаго.

— И мнѣ это не очень нравится, но это цвѣта его полка.

— Тогда есть raison d'être...

Маргарита опять замолчала; но вмѣсто того чтобы смотрѣть на шитье, стала внимательно всматриваться въ ту молодую женщину, которую она назвала Матильдой и которая между тѣмъ не прерывала своей работы.

— Не снимешь ли ты твоей шубки? спросила Матильда, замѣтивъ молчаніе своей собесѣдницы и взглянувъ на нее. Здѣсь тепло, а ты конечно въ саняхъ.

— Некогда снимать, я лишь на минуту къ тебѣ могла заѣхать, и теперь еще сижу здѣсь только потому, что твое лицо мнѣ не нравится. Ты сама какъ будто озабочена.

— Я тебѣ сказала, мнѣ нездоровится.

— Извини, въ выраженіи твоего лица есть еще что-то кромѣ нездоровья.

— Во всякомъ случаѣ ничего новаго.

— Ты думаешь о его заботахъ.

— Я не могу о нихъ не думать. Я причиною большей части этихъ заботъ.

— Но вѣдь ты очень благоразумна. Ты его не разоряешь.

— Еще бы. Я все-таки стóю ему болѣе чѣмъ слѣдовало бы... и притомъ дѣло не въ однихъ деньгахъ. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ почти не ѣздитъ въ свѣтъ, не поддерживаетъ старыхъ связей и отношеній. Онъ вообще не привыкъ себя стѣснять и казаться любезнымъ противъ воли. Но теперь онъ сталъ нелюдимъ, cassant, однимъ словомъ непріятенъ. Это отзывъ о немъ, его же пріятелей, Эстерскаго и Неручева, которые часто меня навѣщаютъ. Что же говорятъ о немъ его недруги? А въ нихъ недостатка нѣтъ. Конечно, все это до него доходитъ, или онъ самъ замѣчаетъ. Рядъ непріятныхъ впечатлѣній. Кромѣ того есть люди, которые, какъ мнѣ кажется, злоупотребляютъ его довѣріемъ, его добротою, или его безпечностью. Одинъ изъ нихъ въ особенности меня безпокоитъ, потому что съ этимъ человѣкомъ онъ только случайно, благодаря мнѣ, сблизился. Онъ помнитъ, что наше знакомство установилось, первоначально, при участіи этого человѣка, а я желала бы, чтобы онъ могъ объ этомъ забыть...

— Бѣдная Матильда!.. Ты никогда о себѣ не думаешь. Все только о немъ.

Матильда взглянула еще разъ на свою собесѣдницу, но ничего не сказала и снова принялась за шитье.

— Тебя не должно удивлять, продолжала Маргарита, что я, по крайней мѣрѣ, позволяю себѣ и о тебѣ думать. Ты знаешь, что я тебя люблю. Меня твоя будущность тревожитъ. Пока дѣла идутъ, какъ теперь, ты можешь жить безпечно, со дня на день. Но что будетъ далѣе, если все это перемѣнится? Ты бросила театръ, отъ своихъ прежнихъ занятій отстала. Твой талантъ требовалъ упражненія и развитія. Въ этомъ отношеніи потерянное время безвозвратно.

Матильда положила на пяльцы свою иголку, облокотилась на ручку креселъ и сказала:

— Что же далѣе? говоришь ты. Развѣ я могу отвѣчать на этотъ вопросъ? Весьма естественно, съ твоей стороны, такъ разсуждать и спрашивать. Я не могу ни разсуждать, ни спрашивать, ни отвѣчать. Года два тому назадъ, я не предвидѣла того, что теперь стало моей жизнью. Моя судьба и прежде была не того склада, когда можно направлять жизнь по благоразумнымъ разсчетамъ. Что будетъ, то будетъ.

Въ эту минуту послышался два раза повторенный звонокъ

— Это онъ, сказала Матильда, вставъ и быстрымъ движеніемъ отодвинувъ пяльцы.

— Тогда прощай,—мнѣ пора.

— До свиданья. Я сама отворю дверь.

Маргарита схватила свою муфту и вмѣстѣ съ Матильдой вышла въ переднюю. Чрезъ двѣ-три минуты Матильда возвратилась и вслѣдъ за нею вошелъ въ комнату молодой офицеръ, высокаго роста, въ формѣ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

— Былъ ли у тебя кто-нибудь послѣ меня, кромѣ Маргариты, спросилъ офицеръ.

— Никого не было.

— Потрудись приказать, что если теперь зайдетъ Фраккини, то ему бы сказали, что ты нездорова и меня здѣсь нѣтъ.

Матильда позвонила и отдала приказаніе горничной. Между тѣмъ офицеръ подошелъ къ пяльцамъ.

— Твоя работа быстро подвигается, сказалъ онъ.

— Да, сегодня я прилежно занималась. Какъ ты уѣхалъ, я почти не вставала изъ-за пялецъ.

Офицеръ обнялъ молодую женщину и ласковымъ голосомъ сказалъ ей:

— Благодарю за трудъ, но на сегодня, надѣюсь, ты съ нимъ покончила. Я остаюсь обѣдать и не выѣду ранѣе восьми часовъ. Что тебѣ наговорила Маргарита? Она не смотрѣла мнѣ прямо въ глаза, когда мы встрѣтились.

— Она ничего мнѣ не наговорила. Развѣ только, что вчера въ театрѣ ты казался не веселъ и озабоченъ.

— Тебя тамъ не было, отвѣчалъ офицеръ, улыбаясь, и я не могъ быть веселъ. Впрочемъ, у меня дѣйствительно есть непріятности.

— И опять благодаря мнѣ, конечно?

— Нѣтъ, нисколько.

Офицеръ сѣлъ за рояль и принялся играть какой-то финалъ одной изъ оперъ. Потомъ онъ вдругъ обернулся къ Матильдѣ и спросилъ:

— Не можешь ли ты мнѣ спѣть Сициліанскій романсъ, который поетъ Бельджіери?

— Я сегодня не пробовала пѣть. Попытаюсь.—Гдѣ ноты?

Голосъ молодой женщины былъ необширенъ, и ея вокализація имѣла недостатки; но она пѣла вѣрно, съ музыкальнымъ тактомъ и передавала пьесы съ большимъ чувствомъ или съ

удачнымъ „entrain". Она весьма удачно спѣла и тотъ романсъ, о которомъ упомянулъ офицеръ.

— Очень хорошо!—сказалъ онъ. Но мнѣ кажется, что во второмъ куплетѣ можно сдѣлать варіантъ, измѣнить аккомпаниментъ въ концѣ. Въ вокальной фразѣ можно бы также сдѣлать, напримѣръ, такую перемѣну.

При этомъ офицеръ взялъ на роялѣ, правою рукой, нѣсколько отдѣльныхъ нотъ.

— Слишкомъ высоко для меня, сказала Матильда.

— Можно и такъ...

— Повтори еще разъ...

Офицеръ повторилъ измѣненную имъ фразу. Матильда вполголоса вторила.

— Теперь я попытаюсь спѣть весь второй куплетъ съ этою перемѣной.

— Не правда ли? Такъ лучше? спросилъ офицеръ, послѣ окончанія исполненнаго съ варіантомъ куплета.

— Да, разнообразіе производитъ извѣстный эффектъ.

Офицеръ взялъ на роялѣ нѣсколько аккордовъ, съигралъ какой-то вальсъ, перешелъ отъ него къ одному изъ номеровъ новѣйшаго балета,—потомъ остановился въ раздумьѣ, всталъ и, не сказавъ ни слова, перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ сѣлъ за письменный столъ.

Молодая женщина молча смотрѣла въ слѣдъ ему, потомъ заняла его мѣсто за роялемъ и спѣла, сдержаннымъ голосомъ, два другихъ романса, одинъ французскій, другой на италіанскомъ языкѣ. Во время пѣнія послѣдняго романса офицеръ кликнулъ изъ другой комнаты:

— По-италіански „джіа", а не „жіа".

Матильда повторила фразу, въ которой встрѣтилось невѣрно произнесенное слово, и перестала пѣть.

Спустя нѣсколько минутъ она вошла въ комнату, гдѣ между тѣмъ офицеръ дописывалъ начатое письмо. Другое, имъ полученное письмо, лежало передъ нимъ на столѣ.

— Владди, ты опять пишешь къ брату, сказала Матильда.

— Да, нельзя откладывать до другаго раза того, что пишу сегодня.

— Ты недавно писалъ... Ты пишешь часто...

— Потому что пишу неохотно... Никогда не говорю всего что могъ бы сказать.

— Признаюсь, мнѣ всегда непріятно, когда ты пишешь,—и я всегда боюсь, когда онъ отвѣчаетъ.

Офицеръ обернулся и жестко сказалъ:

— Если я тебѣ здѣсь мѣшаю, то уйду къ себѣ домой и тамъ допишу письмо...

Молодая женщина наклонила голову и молча вышла изъ комнаты.

III.

— Напрасный трудъ, сказала Варвара Васильевна; она все-таки не достигнетъ цѣли.

— Во всякомъ случаѣ трудъ не тяжелый, замѣтилъ Иванъ Михайловичъ. Рядъ длинныхъ танцевъ не геройскій подвигъ, когда танцуешь съ однимъ изъ блистательныхъ украшеній бала.

— Тѣмъ болѣе, что съ кѣмъ-нибудь танцовать нужно, добавила княгиня.

— Да, отвѣчала Варвара Васильевна, но цѣль ясна, и всякій знаетъ, что танцовальный „entrain“ здѣсь не безъ разсчета.

— Почему же всякій знаетъ? спросила княгиня. Отъ предположеній убречься нельзя; и нельзя же не дѣлать того, что хочешь — только потому, что кто-нибудь что̀ предположитъ.

— Конечно, сказала Варвара Васильевна, предположенія ничего не значатъ, когда они неосновательны; но дѣло мѣняется, когда они имѣютъ основаніе.

— Впрочемъ, сказалъ Иванъ Михайловичъ, если они основательны въ данномъ случаѣ, то кто бы могъ поручиться, что, въ концѣ концовъ, цѣль можетъ быть и не будетъ достигнута.

— Я думаю, что всякій за то можетъ поручиться, сказала Варвара Васильевна. Отецъ и мать не туда направляютъ виды, а молодая дѣвушка такъ апатична, что никакой драмы, на перекоръ папа̀ и мама̀, не состоится.

— Если молодая дѣвушка апатична, сказала княгиня, то для Неручева конечно мало надежды. Но останется ли она такою? Постоянство иногда возбуждаетъ участіе.—Что же вы, Ксенинъ, ничего не скажете?

Разговоръ у княгини Вольской:—въ передобѣденный часъ такъ называемыхъ утреннихъ визитовъ встрѣтились Варвара Васильевна Ларина, Иванъ Михайловичъ Казанцевъ и графъ Владиміръ Ксенинъ.

Графъ Ксенинъ, не принимавшій участія въ обмѣнѣ предположеній на счетъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь, сидѣлъ нѣсколько поодаль и просматривалъ газету. На обращенный къ нему вопросъ онъ отвѣчалъ, бросивъ листъ на стоявшій близъ него столикъ.

— Не знаю, что сказать, княгиня. Я не наблюдалъ ни за Неручевымъ, ни за его дамами, ни за родителями этихъ дамъ.

— Однако вы не могли не замѣтить, продолжала княгиня, что Неручевъ ухаживаетъ за Вѣрою Зариной.

— Я рѣдко имѣю случай наблюдать. Говорятъ, онъ часто съ нею танцуетъ. Вѣроятно, это правда. Она очень мила; это также правда. Но далѣе, признаюсь, ничего сказать не могу.

— Вы большіе пріятели съ Неручевымъ, замѣтила Варвара Васильевна.

— Да, мы съ нимъ давно въ хорошихъ отношеніяхъ, сухо сказалъ Ксенинъ.

— На кого же Зарины имѣютъ виды, по вашему мнѣнію, Варвара Васильевна, спросилъ Казанцевъ.

— До сихъ поръ ни на кого въ особенности, какъ мнѣ кажется, отвѣчала Варвара Васильевна, — но на извѣстный разрядъ жениховъ. Денегъ у Зариныхъ много, слѣдовательно, они не особенно нужны въ ихъ зятѣ, но требуется положеніе, или титулъ. Еслибы, напримѣръ, Неручевъ былъ флигель-адъютантомъ или княземъ, — или графомъ, — онъ имѣлъ бы болѣе шансовъ.

— Слышите ли, Ксенинъ, сказала улыбаясь княгиня; вы имѣли бы шансы. Вѣра Зарина очень мила, и вы сами это признаете. На первомъ балѣ я буду наблюдать за вами. Неручевъ, быть можетъ, въ васъ найдетъ соперника.

— Я не флигель-адъютантъ, а просто поручикъ, сказалъ Ксенинъ.

— Да, но вы графъ.

Молодой офицеръ пристально посмотрѣлъ на княгиню и сказалъ:

— Вы меня наводите на мысль, которою я быть можетъ воспользуюсь, княгиня, если Неручевъ не помѣшаетъ.

Потомъ онъ снова принялся за газету.

— Что васъ такъ занимаетъ въ объявленіяхъ? спросила Варвара Васильевна.

— Мнѣ объявленія напомнили другое, сказала княгиня. Нужно быть сегодня на панихидѣ у Тверинцевыхъ.

— Да, нельзя не быть, замѣтила Варвара Васильевна. Въ восемь часовъ, не правда ли?

Графъ Ксенинъ всталъ и подошелъ къ хозяйкѣ, чтобы съ нею проститься.

— Будете ли вы на панихидѣ, спросила она.

— Не знаю; кажется, можно бы и не быть; моего отсутствія не замѣтятъ.

— Нельзя не ѣхать, сказала Варвара Васильевна. Вы, кажется, довольно часто бывали въ домѣ въ прежнее время. Наталья Петровна васъ очень любитъ, а покойный къ вамъ всегда особенно благоволилъ.

— Онъ помнилъ моего отца, отвѣчалъ графъ. Они были товарищами по службѣ.

— Вамъ непремѣнно слѣдуетъ быть, сказала княгиня, хотя я знаю, вы не охотно ѣздите на панихиды, и о нихъ я одного съ вами мнѣнія.

— Буду, сказалъ Ксенинъ, подавая руку княгинѣ.

Онъ поклонился г-жѣ Лариной и Казанцеву и хотѣлъ уйти; но княгиня остановила его.

— Вы забыли взять ноты, о которыхъ меня просили, сказала княгиня, направляясь къ этажеркѣ, которая стояла у рояля, на другомъ концѣ ея кабинета.

Графъ Ксенинъ за нею послѣдовалъ.

— Что вы сегодня не въ духѣ? спросила княгиня вполголоса, передавая ноты.

— Нисколько. Вы знаете, что при Казанцевѣ я всегда въ одномъ духѣ.

— Нельзя же мнѣ его не принимать потому, что онъ вамъ не нравится... До свиданія.

— О какомъ мнѣніи на счетъ панихидъ говорили вы, княгиня? спросилъ Казанцевъ, когда она возвратилась къ оставшимся на своихъ мѣстахъ гостямъ. Вы сказали, что вы одного мнѣнія съ графомъ.

— Да, онъ утверждаетъ, что въ свѣтѣ вездѣ мало искренности; но что ея отсутствіе никогда не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ именно при панихидахъ. Признаюсь, онѣ и на меня производятъ такое впечатлѣніе.

— Нельзя, однако же, требовать отъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы они были опечалены, какъ члены семейства или ближайшіе друзья покойника. Присутствіе постороннихъ имѣетъ двѣ цѣли, — почтеніе памяти умершаго, оказаніе вниманія

оставшимся въ живыхъ. То и другое обязательно, и вы сами замѣтили графу, что слѣдуетъ быть у Тверинцевыхъ.

— Кромѣ того, внѣшнія приличія всегда соблюдаются, сказала Варвара Васильевна. Обрядъ самъ по себѣ производитъ впечатлѣніе, совершенно независимое отъ дома, гдѣ онъ совершается. Каждый невольно вспоминаетъ при немъ о своихъ утратахъ и томъ, что надъ нимъ самимъ, когда-нибудь, будетъ совершаться тотъ же самый обрядъ.

— Все это такъ, сказала княгиня; но замѣтьте, какъ мѣняется выраженіе лицъ постороннихъ при съѣздѣ и при разъѣздѣ. Я не могу отвыкнуть отъ наблюденій за постепеннымъ удлиненіемъ и сокращеніемъ физіономій при входѣ на лѣстницу и при сходѣ съ лѣстницы. Мнѣ всегда кажется, что лица какъ будто преднамѣренно укладываются въ условныя складки и потомъ не безъ удовольствія сбрасываютъ эти складки.

— Помню, сказалъ Казанцевъ, я почти то же самое слышалъ отъ графа. Онъ кромѣ того увѣряетъ, что не можетъ хладнокровно смотрѣть, какъ подходятъ посторонніе къ тѣлу покойника. Недѣли три тому назадъ, когда умерла Марія Павловна Батарина, бывшая попечительницей какого-то пріюта на Пескахъ, къ ея тѣлу подводили всѣхъ бѣдныхъ дѣвочекъ пріюта,—и при этомъ случаѣ, какъ будто по инстинкту подражанія, одна изъ намъ знакомыхъ дамъ, — назвать ее не хочу,—сочла нужнымъ подойти съ двумя дочерьми вслѣдъ за пріютомъ. Ксенинъ замѣтилъ это, и при выходѣ такъ громко выразилъ мнѣ свое удивленіе, что та, вѣроятно, слышала, что онъ мнѣ сказалъ. По крайней мѣрѣ, сердито на него взглянула.

— Онъ вообще не остороженъ въ отзывахъ, замѣтила княгиня.

— Бываетъ, сказалъ Казанцевъ.

— Онъ избалованъ обстоятельствами, которыя ему до сихъ поръ во всемъ благопріятствовали, продолжала княгиня.—Мы съ дѣтства большіе друзья; я нѣсколько старше его, но разница въ лѣтахъ не велика и только даетъ мнѣ право играть роль добраго совѣтника. Я часто его предостерегаю и говор[ю], что онъ злоупотребляетъ счастьемъ.

— Однако въ свѣтѣ онъ очень сдержанъ, сказала Варва[ра] Васильевна,—и про него вообще не говорятъ ничего особенн[аго] худаго, а это въ наше время уже много значитъ; но, правд[а]

рѣдко случается, чтобы кто-нибудь о немъ отозвался дружелюбно.

— Иначе и быть не можетъ, отвѣчала княгиня.—Онъ инымъ невольно колетъ глаза, но никогда не даетъ себѣ труда кого-нибудь задобрить. Онъ говоритъ, что свои обязанности исполняетъ, по службѣ исправенъ, а во всемъ прочемъ имѣетъ право жить по своей, а не по чужой волѣ.

— Не всѣмъ одинаково удается жить по своей волѣ, сказалъ Казанцевъ, вставая.—До свиданія, княгиня, у Тверинцевыхъ. Тамъ мы всѣ будемъ, вѣроятно, по волѣ пополамъ съ неволей.

— И мнѣ пора, сказала Варвара Васильевна.—Сегодня нужно пораньше отобѣдать, чтобы не опоздать къ панихидѣ. Пріѣзжайте, милая княгиня. Надѣюсь, что вы мнѣ дадите руку, Иванъ Михайловичъ, чтобы сойти съ лѣстницы. Моя ушибленная нога еще не совсѣмъ оправилась.

— Княгиня милая и добрая женщина, сказалъ Казанцевъ, спускаясь съ лѣстницы съ г-жею Лариной.

— Я ее полюбила съ перваго дня нашего знакомства, отвѣчала Варвара Васильевна,—и теперь начинаю о ней нѣсколько безпокоиться.

— Безпокоиться? Почему?

— Такъ; мнѣ кажется, что въ ней развивается большой „faible“ къ графу Ксенину.

— Вы напрасно тревожитесь. Это совершенно безопасныя дружескія отношенія, основанныя, какъ она сама сегодня сказала, на томъ, что они давно знаютъ другъ друга.

— Тѣмъ лучше, если это такъ; но въ ея глазахъ, когда она говоритъ съ нимъ, есть что-то, это не одно старое знакомство.

— Во всякомъ случаѣ, графъ за нею не ухаживаетъ. За это я вамъ отвѣчаю.

IV.

Тверинцевы жили на набережной, въ одномъ домѣ съ отцомъ г-жи Тверинцевой, сенаторомъ Сухаровымъ. На ихъ вечерахъ, въ предшедшую зиму, бывало почти все петербургское великосвѣтское общество; но въ этомъ году продолжительная и, какъ оказалось, смертельная болѣзнь отца хозяйки

не позволила ей вновь открыть свои салоны. Панихиды совершались по умершемъ сенаторѣ, и присутствіе нѣсколькихъ городовыхъ на улицѣ и у подъѣзда показывало, что онѣ могли быть поводомъ къ значительнымъ съѣздамъ.

Молодой Тверинцевъ, недавно произведенный въ офицеры одного изъ гвардейскихъ полковъ, встрѣчалъ панихидныхъ гостей у дверей изъ прихожей въ залу. Нѣкоторые изъ пріѣзжавшихъ безмолвно наклоняли голову въ отвѣтъ на его поклонъ и ихъ лица принимали въ моментъ отвѣтнаго поклона особенно сосредоточенное выраженіе. Другіе пожимали ему руку съ разсчитаннымъ на выраженіе приличествовавшаго участія. Лица также принимали моментально соотвѣтствовавшее выраженіе. Глаза смотрѣли сосредоточенно, брови нѣсколько сдвигались, очертанія губъ оставались неподвижными и даже были нѣсколько стиснуты, какъ-будто изъ опасенія, что въ нихъ нечаянно могла бы проявиться та привычная, хотя и незначащая улыбка, которою мы почти всегда другъ друга привѣтствуемъ при обыденныхъ встрѣчахъ. Въ усиленномъ рукопожатіи и въ знаменательномъ выраженіи лица должны были высказываться участіе къ семейному горю и подобающее сознаніе таинственной торжественности смерти. Но внѣшніе признаки такого участія и сознанія какъ-будто ослабѣвали при вторичномъ заявленіи. Въ залѣ, гдѣ въ окруженномъ растеніями гробу покоился усопшій сенаторъ, пріѣзжіе встрѣчались съ его зятемъ, камергеромъ Тверинцевымъ. Ему жали руку почти всѣ, безъ исключенія, панихидные гости; но ни въ рукопожатіи, ни въ выраженіи лицъ, не высказывалось того напряженнаго состоянія мысли и воли, которое могло быть при встрѣчѣ съ внукомъ покойнаго. Впрочемъ, и лицо зятя не противорѣчило такому охлажденію посторонняго участія. Онъ вѣжливо, но торопливо и даже нѣсколько разсѣянно отвѣчалъ на обращенныя къ нему привѣтствія и болѣе казался утомленнымъ хозяиномъ дома, чѣмъ опечаленнымъ родственникомъ.

Въ смежный съ залою большой салонъ проникали только самые близкіе родные и друзья семейства, и почти исключительно однѣ дамы. Тамъ находились дочь и внучка покойнаг Молодая дѣвушка имѣла видъ усталый и унылый, и по вр менамъ обмѣнивалась нѣсколькими словами съ сидѣвшими р домъ съ нею двумя княжнами Семипольскими.

— Теперь вы до лѣта въ траурѣ, сказала одна изъ княжен

— Да, отвѣчала Софья Тверинцева;—а на лѣто мы уѣдемъ въ деревню.

— И уже въ послѣднія шесть недѣль, когда болѣзнь твоего дѣда приняла опасный оборотъ, ты нигдѣ не была, замѣтила другая княжна.

— Разъ только мы были въ оперѣ. Тогда казалось, что онъ могъ поправиться.

— Бѣдная Софья! сказала первая изъ княженъ. Вся зима для тебя потеряна.

— Да, вся зима потеряна, уныло повторила молодая дѣвушка.

Въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, потеря зимы можетъ занимать въ нашихъ мысляхъ болѣе мѣста, чѣмъ утрата дѣда. Впрочемъ, время и здѣсь установляетъ, мало-по-малу, болѣе правильное соотношеніе понятій.

Истинная печаль видна была только на лицѣ хозяйки дома, Наталіи Петровны Тверинцевой. Всѣ знали, что она была нѣжно любима покойнымъ отцомъ и ему платила такою же нѣжною привязанностью. Совершенно неподвижное выраженіе скорби на ея исхудаломъ и блѣдномъ лицѣ могло служить вѣрнымъ признакомъ искренности и глубины этой скорби. Нѣкоторыя дамы подходили къ ней съ безмолвнымъ привѣтомъ; другія старались въ нѣсколькихъ словахъ высказать свое участіе; третьи считали возможнымъ распространяться о ходѣ болѣзни покойнаго и разспрашивать о послѣднихъ минутахъ его жизни; еще другія заявляли свою озабоченность на счетъ самой Наталіи Петровны и совѣтовали ей беречь свое здоровье и силы. Но всѣ такіе разспросы и совѣты не вызывали никакой перемѣны въ выраженіи лица и въ тонѣ голоса Наталіи Петровны. Можно было только замѣтить, что она тяготилась ими и какъ-будто вздохнула свободнѣе, когда началась панихида, и она встала, чтобы подойти къ дверямъ залы.

Между тѣмъ княгиня Вольская вошла въ залу съ противоположной стороны, въ сопровожденіи генерала Блума, извѣстнаго дипломата, котораго петербургскій свѣтъ видѣлъ попеременно въ костюмѣ военномъ или статскомъ, смотря по обстоятельствамъ, требовавшимъ отъ генерала, по его мнѣнію, большей или меньшей внѣшней оффиціальности. На этотъ разъ генералъ былъ въ военномъ мундирѣ, и на вопросъ княгини, почему онъ въ такой формѣ, отвѣчалъ, что, какъ лютеранинъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ всегда оказывать этотъ внѣш-

ній знакъ почтенія православному богослуженію, когда ему случается присутствовать.

— Не мѣшало бы нѣкоторымъ изъ нашихъ, замѣтила княгиня, оказывать нашимъ церковнымъ службамъ такое почтеніе, какъ вы, конечно не мундиромъ, но памятованіемъ мѣста. Передъ гробомъ, какъ сегодня, все болѣе или менѣе чинно; но въ церквахъ, при другихъ богослуженіяхъ,—бываетъ иначе...

Во время панихиды двѣ опоздавшія дамы прошли такъ близко отъ стоявшаго у стѣны графа Ксенина, что онъ инстинктивнымъ движеніемъ отвелъ назадъ руку, въ которой держалъ передъ собою зажженную свѣчу. Дамы стали у сосѣдняго окна, и Ксенинъ, въ первую минуту не обратившій на нихъ вниманія, замѣтилъ, когда кто-то подошелъ къ нимъ со свѣчами, что онѣ были ему незнакомы. Одна изъ нихъ, пожилая осанистая женщина съ жесткимъ выраженіемъ лица, обвела глаза вокругъ залы и взяла поданную ей свѣчу, не удостоивъ взгляда того, кто ее подалъ. Другая, высокая ростомъ, молодая и стройная, повидимому дочь или родственница первой, наклонила голову, когда взяла свою свѣчу, потомъ выпрямилась, и красивыя черты ея лица, въ это мгновеніе освѣщеннаго свѣчею, поразили Ксенина. Есть лица, — особенно женскія лица,—на которыхъ въ молодыхъ лѣтахъ какъ будто покоится таинственная печать, съ перваго взгляда выдѣляющая ихъ изъ массы и отличающая отъ всѣхъ другихъ лицъ. Словами трудно опредѣлить или объяснить, въ чемъ именно эта печать. Трудно потому, что она неосязаемаго, духовнаго свойства, и не обозначаетъ явственно тѣхъ или другихъ духовныхъ силъ и особенностей,—но только свидѣтельствуетъ о присутствіи чего-то исключительнаго, или высшаго, или болѣе глубокаго, или сильнаго, чего не достаетъ другимъ. Это таинственное нѣчто было присуще лицу незнакомой красавицы, и Ксенинъ невольно на нее засмотрѣлся. Все въ ней плѣняло его — станъ, осанка, и тотъ полупрофиль лица, который ему остался видимъ, когда она, взявши свѣчу, обратилась въ сторону священнослужителей. Ксенинъ нетерпѣливо выжидалъ какого-нибудь движенія, которое позволило бы ему еще разъ увидѣть полный очеркъ этого лица. Он долго ждалъ напрасно; но желанная минута наконецъ наст пила. Стоявшая позади незнакомки Варвара Васильевна Л рина сказала ей два слова на ухо, и она обернулась, чтобы о вѣтить. При этомъ ея глаза встрѣтились съ глазами Ксенин

и хотя встрѣча была мгновенная, оба это замѣтили. Но встрѣча не повторилась. Ни въ залѣ, по окончаніи службы, ни на лѣстницѣ, гдѣ Ксенинъ посторонился, чтобы пропустить впередъ слѣдовавшихъ за нимъ дамъ, на него не обратился взглядъ большихъ, длинными рѣсницами отѣненныхъ глазъ, которые сразу приковали къ себѣ его вниманіе и завладѣли его воображеніемъ.

— Кто двѣ дамы, что стояли впереди васъ? спросилъ Ксенинъ, обращаясь къ Варварѣ Васильевнѣ Лариной. Вы говорили сперва съ младшею, а потомъ и съ другою.

— Княгиня Орловская и ея дочь, отвѣчала г-жа Ларина.

— Какая княгиня Орловская?

— Вдова бывшаго посланника, рожденная Хмурова. Она провела нѣсколько лѣтъ заграницей и теперь совсѣмъ возвратилась въ Россію, кажется, недѣли двѣ тому назадъ. Но она пріѣзжала и въ предпрошлую зиму. Развѣ вы ее тогда не видѣли?

— Нѣтъ, я ту зиму былъ въ отпуску.

— Да, я теперь припоминаю, васъ тогда здѣсь не было. Не правда ли, какъ хороша собой ея дочь?

— Кажется, очень хороша.

— И чрезвычайно мила, въ добавокъ. Я съ ними видѣлась ежедневно прошлымъ лѣтомъ, въ Маріенбадѣ. Но мать,—невозможная женщина.

— Почему невозможная?

— Она полна спѣси и самомнѣнія. Она изъ тѣхъ, — вы знаете выраженіе,—которыя воображаютъ, что произошли de la cuisse de Jupiter. Ея княжескій титулъ у нея постоянно на умѣ.

— Не у нея одной...

— Да, но ей этого мало. Она открыла, что и Хмуровы почему-то княжескаго рода, и ссылается на то, что у нихъ будто бы одинъ девизъ съ Татищевыми: „не по грамотѣ“.

— О Хмуровыхъ я ничего подобнаго не слыхалъ, сказалъ Ксенинъ.

— Думаю, что и другіе не слыхали, замѣтила Ларина. Но прощайте, графъ. До свиданія. Мою карету наконецъ подали.

Разъѣздъ продолжался, и графъ Ксенинъ не спѣшилъ выходить на улицу. Въ сѣняхъ еще стояли княгиня и княжна Орловскія, и около нихъ столпились нѣкоторые знакомые.

— Что вы такъ разсѣяны сегодня, Ксенинъ? спросила кня-

гиня Вольская. Я въ третій разъ обращаюсь къ вамъ, и вы еще не замѣтили моего сосѣдства. О чемъ задумались вы?

— Я... собственно думалъ о васъ, отвѣчалъ Ксенинъ.

— Обо мнѣ? весьма любезно...

— Я думалъ, что вамъ обязанъ тѣмъ, что былъ на панихидѣ.

— Развѣ вы объ этомъ сожалѣете?

— Нѣтъ,—не сожалѣю.

— Еще бы вамъ сожалѣть —Вы только-что имѣли à parte съ Лариной, а на верху другой à parte съ одною изъ Семипольскихъ. Вы своего времени не потратили даромъ.

— Я всегда стараюсь его употреблять съ пользой...

— Будете ли вы на балѣ сегодня, княгиня? спросила подошедшая Трелидова, перебивая молодаго офицера.

— Нѣтъ, не могу быть.

— Завидую вамъ.—А я, вообразите, не только должна ѣхать на балъ, но еще сперва заѣхать въ оперу за моими дочерьми, и теперь спѣшу домой переодѣться.

— Здравствуйте, Василій Петровичъ, говорилъ между тѣмъ почетный опекунъ Сизовъ генералу Сабинцеву. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Я васъ не видалъ на верху... Бѣдная Тверинцева!.. Жаль, что вы вчера не могли съ нами обѣдать у Евгенія Борисовича... Обѣдъ былъ превосходный. У него положительно одинъ изъ первѣйшихъ поваровъ въ Петербургѣ...

— Вотъ и моя карета, сказала княгиня. Ксенинъ, доведите меня до нея.

Проходя мимо княгини Орловской, Ксенинъ слышалъ, какъ она кому-то говорила: завтра, въ часъ.

— Неужели она и завтра будетъ на панихидѣ? подумалъ Ксенинъ. Но онъ не сообщилъ этой мысли княгинѣ Вольской и, усадивъ ее въ карету, перешелъ черезъ улицу къ своимъ санямъ, которыя стояли у набережнаго тротуара.

На слѣдующій день, за четверть до часа пополудни, тѣ же сани ожидали Ксенина у подъѣзда его квартиры на Фонтанкѣ.

— Зачѣмъ заложилъ ты опять сѣраго? спросилъ Ксенинъ своего кучера, садясь въ сани.

— Мало ѣздили вчера, ваше сіятельство, отвѣчалъ кучеръ Не стоитъ на мѣстѣ спокойно, если на немъ мало ѣздить.

— Прямо, на набережную, сказалъ Ксенинъ.

Онъ думалъ о княжнѣ Орловской и собрался ѣхать на панихиду въ надеждѣ ее тамъ увидѣть; но въ то же врем внутренно колебался. Мысль, что онъ съ такою цѣлью ѣдет

въ домъ, гдѣ долженъ былъ совершиться такой обрядъ, становилась въ разрѣзъ его взглядамъ и привычкамъ. Поворотивъ мимо Лѣтняго сада по набережной и доѣхавъ до Прачешнаго моста, Ксенинъ приказалъ кучеру ѣхать шагомъ, не договаривая, что онъ предполагалъ остановиться у дома, гдѣ жили Тверинцевы, и не остановивъ саней у этого дома, шагомъ доѣхалъ до конца набережной; потомъ вдругъ приказалъ поворотить назадъ, и рѣшившись не быть на панихидѣ, вышелъ изъ саней и направился пѣшкомъ по тротуару вдоль Невы, къ Прачешному мосту.

У подъѣзда Тверинцевыхъ уже собрались нѣсколько каретъ. Ксенинъ прошелъ мимо не только безъ сожалѣнія, но даже съ чувствомъ, которое ему было особенно пріятно, и подъ впечатлѣніемъ этого чувства прибавилъ шагъ и весело раскланялся съ нѣкоторыми знакомыми, ѣхавшими на панихиду. Подходя къ мосту, онъ замѣтилъ, что съ моста стали на встрѣчу ему спускаться двѣ дамы, изъ которыхъ одна, по росту и стройности стана, тотчасъ обратила на себя его вниманіе.—Неужели это она? сказалось въ мысляхъ Ксенина. Княжна Татьяна Орловская дѣйствительно шла со стороны Лѣтняго сада, въ сопровожденіи мистриссъ Грей, той прежней ея гувернантки, которая при ней осталась и была ея обычною спутницей при пѣшеходныхъ прогулкахъ. Ксенинъ прижался къ гранитной тротуарной стѣнкѣ, чтобы дамамъ было просторнѣе пройти мимо него. Онѣ прошли, и англичанка взглянула на него, прежде чѣмъ съ нимъ поровняться. Но княжна смотрѣла прямо впередъ и прошла, какъ будто никого посторонняго на тротуарѣ не было. Ксенинъ зналъ, что она и не могла иначе пройти, и не смотря на то ему стало досадно. Онъ остановился, оглянулся и замѣтилъ, что княжна смотрѣла на слѣдовавшаго за нимъ вдоль тротуара его красиваго сѣраго рысака, и указала на него своей спутницѣ. Ощущеніе досады тотчасъ улеглось. Вниманіе къ лошади косвенно соприкоснулось съ ея хозяиномъ. Ксенинъ не пожалѣлъ, въ эту минуту, что кучеръ заложилъ именно эту, наиболѣе красивую изъ его лошадей. Перейдя мостъ, Ксенинъ вновь остановился, подозвалъ сани, съ полминуты самъ смотрѣлъ на рысака, какъ будто воспроизводя въ себѣ впечатлѣніе, которое онъ могъ вызвать въ княжнѣ, потомъ сѣлъ въ сани и чтобы съ нею не встрѣтиться въ другой разъ, приказалъ своротить съ набережной вдоль Лѣтняго сада.

*

V.

Кому не случалось возвращаться къ себѣ ночью, въ тѣ поздніе часы, когда въ домахъ всякій свѣтъ замѣтенъ, потому что становится исключеніемъ. Эти поздніе огни наводятъ на разныя мысли. На главныхъ улицахъ, въ большихъ домахъ и въ главныхъ этажахъ этихъ домовъ нѣтъ разрозненныхъ и слабо мерцающихъ огней. Ряды освѣщенныхъ оконъ намъ говорятъ, что у кого-нибудь есть гости. Мысль не останавливается надъ этимъ привычнымъ явленіемъ, и мы могли бы порадоваться, что насъ нѣтъ между тѣми запоздалыми гостями, и мы уже на пути къ своей спальнѣ. Но когда въ какомъ-нибудь домѣ на отдаленной отъ центра города улицѣ, или въ верхнемъ этажѣ дома на центральной улицѣ, или въ одной изъ надворныхъ квартиръ такого дома, мы видимъ два-три слабо освѣщенныхъ окна, или даже только одно, изъ общаго мрака мерцающимъ свѣтомъ выдѣляющееся окно,—въ насъ возбуждаются, или должны бы возбуждаться другія чувства. Всѣ такіе одинокіе огни признакъ какого-нибудь страданія. Тамъ больной, для кого ночь не прерываетъ болѣзни. Здѣсь труженикъ, кому нужда безжалостно сокращаетъ срокъ ночнаго отдыха. Если же мы сами, по такимъ поводамъ или по другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, лишены покоя и сна, то, замѣчая сосѣдніе разрозненные огни, мы невольно начинаемъ вдумываться въ неизвѣстныя намъ причины освѣщенныхъ оконъ. Въ насъ возбуждается смутное участіе къ тѣмъ, кому они свѣтятъ, и если такой одинокій огонь погаснетъ ранѣе нашего,—то можно искренно пожелать доброй ночи тому, кто его погаситъ.

Морозная декабрьская ночь стояла на дворѣ. Бывшая во второй четверти луна уже опустилась къ горизонту, и дома бросали на улицы длинныя, неясно очерченныя тѣни. Въ одномъ изъ переулковъ между Мойкой и Екатерининскимъ каналомъ сѣверный рядъ домовъ выдѣлялся неравною бѣловатою полосой на темной лазури неба; южный рядъ былъ въ тѣни и только въ одномъ изъ домовъ этого ряда, въ верхнемъ этажѣ, былъ виденъ сквозь полузамерзшія стекла свѣтъ въ двухъ окнахъ, между которыми были два другихъ темныхъ окна. Квартиру, къ которой принадлежали эти окна, занималъ чиновникъ одного изъ гражданскихъ вѣдомствъ, Василій Ива

новичъ Бѣловъ. Одно окно было освѣщено въ небольшой комнатѣ, служившей ему кабинетомъ; другое—въ дѣтской, гдѣ у него былъ больной ребенокъ. Бѣлову недавно минуло двадцать семь лѣтъ; но онъ уже три года тому назадъ сталъ семьяниномъ, женившись на дочери одного изъ сосѣдей его родителей, весьма недостаточныхъ помѣщиковъ Чернорѣцкой губерніи. Онъ постоянно навѣщалъ ихъ во время университетскихъ вакацій, и взаимная привязанность, тогда возникшая между Бѣловымъ и его женою, привела къ ихъ браку, когда онъ получилъ штатную должность, обѣщавшую молодой четѣ скромныя средства къ жизни при нѣкоторой помощи со стороны родныхъ. Но семейная жизнь оказалась дороже, чѣмъ предполагалось. Родился сынъ; слабое здоровье Ольги Степановны Бѣловой требовало постоянныхъ попеченій и частыхъ врачебныхъ издержекъ; родственная помощь могла оказываться только въ недостаточныхъ размѣрахъ; однимъ словомъ, положеніе становилось со дня на день болѣе труднымъ и угрожало сдѣлаться безвыходнымъ. Бѣловъ сталъ искать постороннихъ заработковъ, внѣ круга обычныхъ служебныхъ занятій, и поступилъ въ число сотрудниковъ одной изъ ежедневныхъ газетъ. Онъ имѣлъ знанія и способности, на которыя былъ въ правѣ разсчитывать, и принялъ на себя обязанность писать для этой газеты музыкальныя рецензіи и кромѣ того по одному фельетону въ недѣлю, на имъ самимъ избираемыя темы. Эта часть его занятій его въ особенности затрудняла. Взгляды и направленіе редакціи вообще противорѣчили его взглядамъ и направленію. Чтобы съ одной стороны не измѣнять самому себѣ, а съ другой писать статьи, которыхъ не отбрасывала бы редакція, онъ былъ вынужденъ всегда держаться на какой-нибудь нейтральной почвѣ и пріискивать пригодныя для нея темы. Только при этомъ условіи литературное достоинство его фельетоновъ могло искупать, въ глазахъ руководителей газеты, отсутствіе общаго колорита ея тенденцій.

Бѣловъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на которомъ стояла небольшая лампа и лежали въ безпорядкѣ разныя бумаги и книги. Къ одному краю стола была отодвинута кипа толстыхъ канцелярскихъ дѣлъ. Листъ исписанной и помарками испещренной бумаги только-что былъ Бѣловымъ отброшенъ въ сторону, и онъ продолжалъ свою работу на другомъ листѣ. Онъ писалъ, перечеркивалъ, вновь писалъ, и съ безпокойствомъ оглядывался на стѣнные Шварцвальдскіе часы.

По временамъ до него доносился, изъ дальней комнаты, крикъ ребенка, и тогда Бѣловъ бросалъ перо и, обѣими руками взявшись за голову, какъ будто старался заглушить для себя звуки этого крика. Когда онъ умолкалъ, Бѣловъ снова принимался за работу, и въ комнатѣ слышались только скрипъ его пера и однообразный стукъ часоваго маятника.

Дописавъ страницу, Бѣловъ всталъ, въ раздумьѣ оперся на столъ и взглянулъ на висѣвшую въ углу комнаты икону. На глазахъ выступили крупныя слезы и глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди.—Господи! проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ,—дай силу вытерпѣть и низпошли помощь!

Тяжелы, для труженика въ области умственнаго труда, тѣ минуты, когда утомленная мысль жалобно проситъ покоя, а утомленная воля отказываетъ въ прежней покорности напряженія. Тяжело ощущать и сознавать, что среди безпрерывной борьбы съ настоящимъ и въ виду неизбѣжной борьбы съ будущимъ, – нѣмѣютъ и опускаются руки. Больно тогда становится на сердцѣ, томительно захватываетъ въ горлѣ дыханіе, и сильно хочется по-дѣтски заплакать.—Такъ могъ бы заплакать Бѣловъ, еслибы въ эту минуту къ нему не вошла молодая женщина въ ночной кофтѣ, съ накинутымъ на плечи плэдомъ.

— Вася! сказала она,—побереги себя. Пора тебѣ бросить работу.

— Не могу бросить, Оля, отвѣчалъ Бѣловъ. Завтра утромъ я долженъ ее сдать. Но я скоро кончу. Ты о себѣ подумай. Тебѣ не по силамъ эти безсонныя ночи.

— Я успѣла отдохнуть. Теперь я смѣнила няню, а тамъ она опять займетъ мое мѣсто. Кажется, благодаря Бога, что Ваня успокоился; онъ заснулъ и спитъ такъ спокойно, что я рѣшилась отъ него отойти, чтобы взглянуть на тебя. Слышишь?

Стѣнные часы пробили три.

— Слышу, Оля. Надѣюсь, что скоро допишу. Сдѣлай милость не тревожься. Лишній часъ просидѣть за работой ничего не значитъ. Не въ первый разъ это случается.

— Меня и тревожитъ то, что не въ первый разъ...

Молодая женщина поцѣловала Бѣлова въ лобъ, перекрестила его и молча вышла.

— Кончить? Да, нужно кончить! сказалъ вслухъ Бѣлов не садясь за письменный столъ. Но какъ кончить? Въ томъ дѣло, что не могу придумать годнаго конца.

Онъ подошелъ къ окну. Одно стекло не было покрыто мерзлыми узорами, сквозь него виднѣлась, какъ въ рамкѣ усѣянная звѣздами сѣверная часть неба, и этотъ видъ далъ мыслямъ Бѣлова опредѣленное направленіе.

Фельетонъ, который онъ писалъ, былъ озаглавленъ: „Петербургскія зимнія ночи". Послѣ общаго описательнаго очерка и нѣкоторыхъ вставочныхъ разсужденій о разнообразныхъ поводахъ къ продолжающемуся, ночью, на городскихъ улицахъ людскому движенію, Бѣловъ упоминалъ о сравнительной, при санномъ пути, безшумности этого движенія. Переходя отъ него къ еще болѣе беззвучному движенію времени, Бѣловъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что въ Петербургѣ, за исключеніемъ часовъ въ Петропавловской крѣпости, нѣтъ другихъ башенныхъ часовъ, которые напоминали бы жителямъ о безпрерывномъ и безвозвратномъ уходѣ, для нихъ и отъ нихъ, часа за часомъ и дня за днемъ. Во всѣхъ, или почти во всѣхъ европейскихъ городахъ, говорилъ Бѣловъ, эти напоминанія низпосылаются съ высоты церковныхъ башенъ, и тамъ всегда слышенъ „глаголъ временъ", смущавшій Державина. У насъ безгласная ночь еще безгласнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но этимъ афоризмомъ и выпискою первыхъ четырехъ стиховъ изъ оды Державина неудобно было закончить фельетонъ. Бѣловъ искалъ формы перехода отъ мысли о ночной тишинѣ къ мысли о томъ, что при ней намъ еще болѣе слышенъ внутренній голосъ нашихъ заботъ, воспоминаній, надеждъ и печалей. На этой мысли онъ хотѣлъ остановиться и, пріурочивъ къ ней какой-нибудь другой, пригодный цитатъ, парафразисомъ этого цитата закруглить, въ техническомъ отношеніи, конецъ фельетона. Видъ звѣзднаго неба, въ связи съ обычно сопровождающимъ его впечатлѣніемъ неизмѣримой дали небесныхъ свѣтилъ, напомнилъ Бѣлову переведенное графомъ Толстымъ стихотвореніе Байрона, начинающееся, въ русскомъ переводѣ, стихомъ:

„Не спящихъ солнце, грустная звѣзда!"

и кончающееся стихомъ:

„Видна,—но далека,—свѣтла,—но холодна".

Бѣловъ призадумался. Это могло бы пригодиться,—сказалось въ его мысляхъ. Кто у насъ въ душевной тревогѣ проводитъ безсонную ночь, тому эти стихи должны приходить на память. Зимою звѣзды кажутся намъ и свѣтлѣй и холоднѣе, чѣмъ въ другія времена года. Бѣловъ возвратился къ письмен-

ному столу, сѣлъ писать и, черезъ полчаса, доведя свою статью до конца, принялся ее перечитывать:—но не успѣлъ дочитать, когда его жена снова вошла въ комнату. Она сѣла противъ него, по другую сторону стола, и сказала:

— Теперь, Вася, я не уйду отсюда безъ тебя.

— Я кончилъ, отвѣчалъ Бѣловъ, вставая.

Его лицо повеселѣло. Онъ продолжалъ держать въ рукахъ послѣдній имъ исписанный листъ и бѣглымъ взглядомъ доканчивалъ просмотръ своей работы.

— Я по выраженію твоего лица вижу, что ты кончилъ, сказала его жена.—Но это на сегодня,—а завтра?

— Завтра у меня не будетъ ночной работы.

— Но ты пойдешь въ департаментъ?

— Нельзя не идти. Впрочемъ не ранѣе двѣнадцати. На пути я зайду и въ редакцію.

— А много ли ты за свою работу получишь?

— На этотъ разъ ничего, потому что я тамъ взялъ деньги впередъ. И много ли вообще можно было бы получить? Ты знаешь... Пять копѣекъ со строки по фельетонамъ; а печатаютъ такъ мелко, что всѣ мои писанія какъ будто таютъ, переходя въ-печать.

Ольга Степановна замолчала. Мужъ внимательно посмотрѣлъ на нее, и съ его лица исчезло выраженіе прояснившагося на время настроенія мыслей.

— Тебѣ нужны деньги, Оля, сказалъ Бѣловъ.

— Будутъ нужны въ концѣ недѣли, Вася. Надобно платить по мелкимъ домашнимъ счетамъ. Деньги небольшія, — но нужны.

— Вѣдь ты ждешь денегъ отъ тетки.

— Да, но только въ концѣ мѣсяца. Ранѣе она выслать не можетъ.

Бѣловъ призадумался. Потомъ сказалъ:

— Нужно будетъ достать. Постараюсь.

— Бѣдный Вася! сказала Ольга Степановна. Напрасно я заговорила о деньгахъ. Тебѣ нуженъ покой. Прости меня.

Бѣловъ нѣжно обнялъ жену.

— Нечего прощать, Оля, сказалъ онъ. Ты должна мнѣ напоминать, а мое дѣло доставать, что нужно. Богъ милостивъ. Достану.

— Знаю; но знаю и то, какъ тяжело тебѣ за ними обращаться къ чужимъ. Не можешь ли ты опять взять сколько-ни-

будь у Ксенина? Онъ одинъ изъ всѣхъ твоихъ знакомыхъ и прежнихъ товарищей, къ кому я сама была бы готова идти просить денегъ въ займы. Вѣдь мы всегда возвращаемъ, при первой возможности, то, что заняли.

— Къ нему мнѣ нельзя идти, Оля. Я и безъ того ему не мало долженъ... Но найдутся другіе пути.... И не ночью же добывать деньги. Ты сама мнѣ напоминала о позднемъ часѣ... Теперь намъ пора на покой,—а завтра, что Богъ дастъ!

ГРАФЪ П. ВАЛУЕВЪ.

(До слѣд. №).

Новая книга Тэна[1].

III[2]).

Характеристика Наполеона I.

Для болѣе полнаго разумѣнія современнаго государственнаго строя Франціи, говоритъ Тэнъ—надо познакомиться съ личностью его творца—Наполеона Бонапарте. Изучая зданіе, полезно знать не только матеріалъ, изъ котораго, и условія, при которыхъ оно построено, а также и самаго архитектора, особенно если онъ строилъ и устраивалъ зданіе для себя, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Архитекторъ новой Франціи глубоко запечатлѣлъ на ней свои личныя черты.

Искусная, хотя нѣсколько искусственная характеристика Наполеона занимаетъ видное мѣсто въ послѣднемъ томѣ труда Тэна—она написана перомъ талантливаго художника, психолога-натуралиста и интересна по своей оригинальности.

Прежде всего Тэнъ отмѣчаетъ и придаетъ большое значеніе происхожденію Наполеона. По крови и складу характера, онъ былъ чужестранецъ во Франціи. Сынъ итальянца и полудикой корсиканки, сохранившей до конца дней всѣ свойства своей примитивной расы, самъ Наполеонъ въ отрочествѣ и юности не признавалъ себя французомъ. „Твоимъ французамъ“, говорилъ онъ школьному товарищу Буррьену, „я сдѣлаю столько вреда, сколько могу.“ Тѣмъ же чувствомъ проникнуты его письма, по выходѣ изъ школы, къ Паоли (извѣстному корсиканскому патріоту), цитируемыя Тэномъ. Происхожденіе Наполеона фактъ общеизвѣстный, но онъ особенно ярко освѣщенъ авторомъ *Origines*.

---

[1]) Les Origines de la France Contemporaine „Le Régime Moderne“, tome premier. Paris. 1890.

[2]) См. „Русск. Вѣстн.“ IV кн. 1891 г.

Подробно анализируя темпераментъ, инстинкты, способности и свойства Наполеона, Тэнъ приходитъ къ очевидному заключенію, что онъ вовсе не былъ французомъ и даже человѣкомъ XVIII вѣка. Вылитый изъ другаго металла и по другому образцу, онъ отнюдь не походилъ на своихъ французскихъ согражданъ и несомнѣнно принадлежалъ къ другой расѣ и эпохѣ. Чрезвычайный во всемъ, въ высшей степени своеобразный, онъ выходитъ изъ установленныхъ рамокъ для оцѣнки современныхъ ему политическихъ дѣятелей — у него другая натура, нравственныя правила и чувства, другіе способности и недостатки. Остроумно, рядомъ примѣровъ Тэнъ показываетъ, до какой степени Наполеонъ былъ чуждъ Франціи. Онъ не могъ, какъ слѣдуетъ, даже освоиться съ французскимъ языкомъ—хромало не только его правописаніе, но также часто встрѣчаются слова и обороты этому языку вовсе несвойственные. Идеи и чувства, волновавшія тогдашнюю Францію, не имѣли надъ нимъ власти. Воспитанный въ Бріенской королевской школѣ для дворянъ, на счетъ короля, покровительствомъ котораго пользовалось все семейство Бонапартовъ, включенный въ списки французскихъ дворянъ, Наполеонъ отнюдь не раздѣлялъ монархическихъ и дворянскихъ симпатій своихъ школьныхъ товарищей. Культъ королевской власти, жившій въ сердцахъ многихъ французовъ того времени, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Записки маршала Мармона [1]), былъ ему совершенно не знакомъ. Также мало увлекался онъ и демократическими иллюзіями и доктринами своего времени. Питая отвращеніе къ дѣяніямъ революціи, онъ относился кромѣ того съ величайшимъ презрѣніемъ къ модной теоріи державныхъ правъ народной массы.

Въ самый разгаръ борьбы монархистовъ съ революціонерами—въ апрѣлѣ 1792 г., мы видимъ, что Наполеонъ усердно занятъ не политикой, а пріисканіемъ выгодной спекуляціи и весь погруженъ въ коммерческіе планы и соображенія, именно онъ хлопочетъ сначала объ образованіи компаніи, для найма и сдачи квартиръ, а затѣмъ книгопродавческой фирмы.

---

[1]) Въ Мемуарахъ этого маршала, соратника и сверстника Наполеона, весьма характерно изображено настроеніе французской дворянской молодежи 1792 г., въ сердцахъ которой слово король производило магическое дѣйствіе. Cette religion de royauté,—говоритъ онъ,—existait encore dans la masse de la nation et surtout parmi les gens bien nés" (Memoires du marechal Marmont, томъ первый, стр. 15).

20 іюня того же года случайный и равнодушный зритель вторженія бунтующей черни въ Тюльери, при видѣ короля, на котораго надѣли красный колпакъ, онъ только пожимаетъ плечами и громко говоритъ Che coglione [1]). Оскорбленіе короля не возбуждаетъ въ немъ негодованія, но своеволіе черни раздражаетъ его—„зачѣмъ пустили сюда эту сволочь, ее такъ легко было разогнать картечью", прибавляетъ онъ. 10-го августа набатъ мятежниковъ и разыгравшаяся сцена уличнаго бунта вызываютъ въ немъ только любопытство посторонняго зрителя. Онъ спѣшитъ въ квартиру пріятеля, изъ которой удобнѣе слѣдить за ходомъ событій, не обнаруживая ни малѣйшаго признака порыва принять въ ней участіе. Онъ равнодушенъ къ исходу этой роковой борьбы и относится одинаково холодно и презрительно какъ къ бунтующему населенію, такъ и къ королю, которому угрожаютъ мятежники. Чувства, волновавшія въ этотъ день роялистовъ и якобинцевъ, не имѣютъ къ нему доступа. Послѣ паденія замка, онъ отправляется въ Тюльери, обходитъ сосѣдніе съ нимъ кафе. Онъ это дѣлаетъ съ такой спокойной физіономіей, съ такимъ безучастьемъ, что бросается въ глаза и вызываетъ враждебные и подозрительные взгляды окружающихъ. Онъ не питаетъ къ королю ненависти республиканца, но относится къ нему съ равнодушіемъ чужестранца, потому что не считаетъ его своимъ прирожденнымъ вождемъ.

Слѣдуя модѣ, онъ читалъ Руссо и Рейналя и даже писалъ школьныя разсужденія, на философскія темы, въ духѣ ихъ ученія, повторяя общія мѣста о равенствѣ, гуманности и общечеловѣческихъ правахъ и т. д.

Но у него все это только реторическія фразы, упражненія на заданную тему. Онъ пишетъ эти упражненія языкомъ того времени, когда такія фразы считались обязательными, но за этими фразами отнюдь не слышно убѣжденія.

До 9 Термидора онъ казался монтаньяромъ, потому что пользовался покровительствомъ Робеспьера-Младшаго. Посланный послѣднимъ въ Провансъ, онъ игралъ тамъ роль любимца и совѣтника Робеспьера-Младшаго и усерднаго почитателя—Старшаго. Въ Ниццѣ онъ ухаживалъ за Шарлоттой Робеспьеръ и сошелся съ ней [2]). Послѣ Термидора онъ легко

[1]) Грубая и неудобная для перевода насмѣшка.

[2]) Достигнувъ власти и ставъ первымъ консуломъ, Наполеонъ назначилъ Шарлоттѣ Робеспьеръ пенсію въ 3.600 франковъ.

и съ намѣреннымъ трескомъ порвалъ эти дружескія связи, которыя могли его компрометтировать въ будущемъ. Въ письмѣ, назначенномъ для оглашенія, онъ сейчасъ же объявилъ, что считалъ Робеспьера „*чистымъ человѣкомъ*“, но отрекся отъ него видя свою ошибку,—„будь онъ мнѣ даже отцомъ, гласило письмо, я бы закололъ его, убѣдившись въ его деспотическихъ замыслахъ“. Но дѣло шло вовсе не о чистотѣ намѣреній Робеспьера. Наполеонъ просто поспѣшилъ отказаться отъ павшей партіи и примкнулъ къ Баррасу, котораго современники не даромъ называли безстыднѣйшимъ изъ развратниковъ (le plus effronté des pourris). Молодой карьеристъ женился на покровительствуемой Баррасомъ Жозефинѣ и въ приданое за нею получилъ командованіе итальянской арміей.

Вообще вся его карьера свидѣтельствуетъ, что въ вихрѣ страстей и борьбѣ партій, онъ сохранялъ полное самообладаніе, руководился исключительно холоднымъ разсчетомъ и своими личными цѣлями,—политическія партіи и страсти служили ему только орудіемъ.

12 Вандемьера, выходя изъ театра и видя приготовленія къ возстанію, онъ говоритъ Жюно, что, охотно ставъ во главѣ движенія, разогналъ бы негодяевъ Конвента. Нѣсколько часовъ спустя, Баррасъ и члены Конвента приглашаютъ его принять команду надъ войскомъ, для усмиренія возстанія; послѣ трехъ минутъ размышленія, онъ принимаетъ это предложеніе и разгоняетъ картечью не негодяевъ Конвента, а возставшихъ противъ него роялистовъ.

Вообще онъ дѣйствуетъ, какъ истый кондоттьере, т. е. торгуетъ своими услугами, отдавая ихъ тому, кто больше и лучше платитъ. При этомъ онъ работаетъ за свой счетъ и дорожитъ своей самостоятельностью, не отдавая себя всецѣло ни одной изъ партій — самостоятельность ему нужна, потому что онъ ведетъ свою линію, имѣя въ виду все забрать въ свои руки.

Съ первыхъ же шаговъ Наполеона, на политическомъ поприщѣ, въ немъ можно распознать чистокровнаго итальянскаго кондоттьере, прямаго наслѣдника Сфорцы, Малатесты и другихъ. Вся разница между ними въ томъ, что послѣдніе жили въ XIV вѣкѣ, когда людей этого типа было много и имъ было тѣсно въ Италіи—они мѣшали одинъ другому и взаимно другъ друга душили. Ихъ отдаленный потомокъ нашелъ, во Франціи, конца прошлаго вѣка, исключительно благодарную

почву — она была разрыхлена революціей, выпахавшей всѣ историческіе корни прошлаго, и на ней средневѣковый кондотгьере могъ свободно и широко раскинуться. Это отпрыскъ того же лѣса, выросшій на просторѣ, что̀ дало ему возможность втянуть въ себя всѣ соки земли и воздуха. Вышло колоссальное и могучее дерево, но оно, въ сущности, отличается отъ предковъ роднаго, давно переставшаго существовать, лѣса только размѣрами и силой, — которые пріобрѣтены благодаря отсутствію конкурренціи. Это отпрыскъ несомнѣнно той же породы и притомъ почти не тронутый новѣйшей культурой. Природа человѣка нигдѣ не создавала такихъ сильныхъ типовъ личности, по словамъ Альфьери, какъ въ Италіи, въ особенности же въ Италіи XIV и XV вѣковъ, — прибавляетъ Тэнъ, — когда жили Дантъ, Микель Анджелло, Юлій II и Макіавели, типическія черты характера которыхъ отразились въ Наполеонѣ.

Анализируя свойства ума этихъ средневѣковыхъ итальянцевъ, Тэнъ утверждаетъ, что они представляютъ значительное сходство или сродство съ Наполеономъ. Подобно имъ, этотъ отпрыскъ ихъ расы обладалъ изумительной цѣльностью и свѣжестью своего умственнаго апарата (integrité de l'instrument mental). Въ настоящее время органы этого апарата, послѣ трехъ-вѣковой работы, замѣтно утратили прежнюю силу, остроту и гибкость. Вслѣдствіе спеціализаціи занятій и усиленно сидячей жизни, а также подавляющаго множества рутинныхъ, книжныхъ представленій, явилось мозговое утомленіе — мозги притупились и стали болѣе односторонни. Но не таковъ генералъ Бонапарте, который неутомимъ въ умственной работѣ, всегда свѣжъ, бодръ, внимателенъ и одинаково воспріимчивъ къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Такія его свойства бросаются въ глаза и изумляютъ его современниковъ, которые поражены его способностью къ работѣ [1]). Въ своихъ Воспоминаніяхъ (Memorial), написанныхъ на островѣ Св. Елены, онъ самъ весьма наглядно изображаетъ пріемы и качества своей умственной работы, говоря, что всѣ интересовавшіе его вопросы размѣщались у него въ головѣ, какъ въ ящикахъ, въ величайшемъ порядкѣ. По мѣрѣ надобности онъ открывалъ и закры-

---

[1]) При этомъ Тэнъ цитируетъ отзывы Редерера, видѣвшаго Наполеона почти ежедневно въ Совѣтѣ, во время консульства, а также другихъ компетентныхъ современниковъ, которые всѣ, несмотря на различіе ихъ личныхъ взглядовъ, поражены способностями Наполеона.

валъ эти ящики одинъ за другимъ, а когда хотѣлъ, могъ закрыть всѣ ящики разомъ и моментально заснуть, чтобы набраться силами для работы слѣдующаго дня. Такая свѣжесть и упругость мозга явленіе рѣдкое въ наше время!

Онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, продолжавшихся съ 9 часовъ утра до 5 часовъ дня, съ перерывомъ всего въ четверть часа, и въ концѣ засѣданія былъ свѣжъ и бодръ, какъ и въ началѣ его. Онъ руководилъ, съ неослабнымъ вниманіемъ, преніями, не упуская изъ виду мельчайшихъ подробностей, дѣятельно участвуя въ дебатахъ. Кромѣ того, онъ выжималъ у членовъ Совѣта всѣ нужныя свѣдѣнія, отбирая отъ лицъ наиболѣе компетентныхъ обстоятельныя справки, освѣдомляясь о постановленіяхъ относительно обсуждаемаго вопроса стараго французскаго законодательства, законахъ Людовика XIV и Великаго Фридриха, все это взвѣшивалъ, разсматривая всякую проектируемую мѣру съ точки зрѣнія ея пользы и справедливости и затѣмъ ставилъ вопросы, съ величайшей точностью и ясностью.

По словамъ Редерера, въ каждомъ изъ засѣданій Совѣта сказывалось его плодотворное вліяніе, выражаясь какъ въ личномъ его участіи въ преніяхъ, такъ и въ общемъ направленіи дѣлъ. Всѣ подлежавшіе обсужденію вопросы, по его иниціативѣ, всегда изслѣдовались и освѣщались обстоятельнѣе и глубже. Его мозгъ, какъ стальная пружина, высокой пробы, работалъ, когда и сколько было нужно, согласно его волѣ и желанію. Всѣ свѣдѣнія были у него разсортированы и никогда не смѣшивались. Его гибкій умъ съ правильностью машины могъ переходить отъ одного предмета къ другому, не теряясь и не разсѣяваясь въ ихъ разнообразіи, сохраняя способность сосредоточиться на томъ, который стоялъ на очереди, и затѣмъ также легко и свободно перейти къ другому.

По свидѣтельству современниковъ, онъ могъ посвящать работѣ 18 часовъ въ сутки, ни сколько не утомляясь. Физическая усталость, душевныя тревоги и даже порывы гнѣва нисколько не затмевали ясности его мысли и не лишали его способности отчетливо работать головой. Въ ночныхъ засѣданіяхъ различныхъ совѣщаній, его сотрудники изнемогали и иногда просто засыпали, онъ одинъ бодрствовалъ, будилъ ихъ и заставлялъ продолжать работу, обнаруживая изумительную свѣжесть силъ.

Реальность воззрѣній и представленій—другое отличительное его свойство. Il ne fonctionne jamais a vide, какъ выражается Тэнъ. Послѣдніе три вѣка,—говоритъ нашъ авторъ,—люди, въ извѣстной степени благодаря чистому книжному воспитанію и замкнутости исключительно кабинетной жизни, утратили способность живаго и прямаго пониманія вещей. Современный человѣкъ изучаетъ не самые предметы, а установленные для обозначенія ихъ знаки, вмѣсто мѣстности—карту, вмѣсто живыхъ существъ—ихъ классификацію и номенклатуру, вмѣсто людей—статистическія цифры и печатныя слова, взятыя изъ кодексовъ, философіи, литературы, и притомъ слова отвлеченныя, которыя съ каждымъ вѣкомъ все болѣе и болѣе удаляются отъ дѣйствительности. Общество, государство, право, свобода—все это, начиная съ конца XVIII вѣка, превратилось въ метафизическія понятія, умоначертанія теоріи, сочетанія словъ, изъ которыхъ путемъ выводовъ кроились политическіе догматы, мертворожденныя и чудовищныя доктрины. Въ умѣ Наполеона имъ нѣтъ мѣста. Ему, по его природѣ, независимо отъ всякихъ соображеній разсчета, противны въ политикѣ отвлеченныя понятія, безъ фактическаго содержанія, этимъ объясняется его ненависть и презрѣніе къ *идеологіи* и *идеологамъ*. Онъ мало читалъ, но много наблюдалъ и почти всѣ его знанія—плодъ собственнаго опыта. Онъ не терпитъ доктринерства, потому что изъ своей практики знаетъ, какъ и Великая Екатерина, что государственный человѣкъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, „кожа которыхъ чувствительнѣе бумаги“. Его идеи всегда почерпнуты изъ опыта и провѣрены его личными наблюденіями.

Чтеніе книгъ давало ему только матеріалъ или програму вопросовъ, отвѣты на которые онъ искалъ въ указаніяхъ опыта, жизни. Отсюда его превосходство надъ современниками на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, какъ полководца, дипломата, финансиста и администратора.

Онъ обладалъ *практическимъ тактомъ* и *умѣлостью* человѣка опыта, чѣмъ побивалъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Его идеи и взгляды соотвѣтствовали предмету. Онъ любилъ подробности, которыя у него были тѣсно связаны съ цѣлымъ, давая ему точныя и ясныя представленія о послѣднемъ. Дѣла каждаго министерства были ему извѣстны лучше, чѣмъ министру, дѣла каждаго бюро—лучше, чѣмъ за-

вѣдующему имъ чиновнику. У него не было памяти на стихи, но удивительная память—на факты.

Онъ мало и скоро читалъ, какъ замѣчаетъ Стендаль [1]) —но въ разговорѣ не дѣлалъ промаховъ, которые свидѣтельствовали бы объ его невѣжествѣ. Онъ всегда руководилъ разговоромъ и говорилъ исключительно о предметахъ, его интересовавшихъ, всегда зная то, что нужно. Образованіе, полученное имъ въ школѣ, было ниже средняго, къ языкамъ и словесности онъ имѣлъ мало способности и расположенія. Изящная и ученая литература, кабинетная и салонная философія того времени только скользнули по его мозгу, какъ по твердой скалѣ, но математическія свѣдѣнія и положительныя данныя исторіи и географіи въ немъ запечатлѣлись.

Весь остальной, несомнѣнно богатый запасъ знаній, онъ пріобрѣлъ, какъ и его итальянскіе предшественники среднихъ вѣковъ, путемъ самостоятельнаго опыта, изучая людей и вещи *въ натурѣ*, что̀ развило и изощрило его наблюдательность и проницательность. Въ военномъ дѣлѣ онъ былъ хозяиномъ, потому что всѣ отрасли этого ремесла были извѣстны ему на практикѣ. Онъ зналъ, какъ надо лить пушки и дѣлать лафеты, и могъ лично руководить всѣми этими операціями, равно какъ и обученіемъ солдатъ и всѣмъ, что касалось образованія, маневрированія войскъ. Сдѣлавшись первымъ консуломъ, онъ заявилъ себя вполнѣ компетентнымъ администраторомъ и дипломатомъ. Самъ Наполеонъ объяснялъ такую свою подготовку тѣмъ, что ему приходилось командовать арміей. „Я старый и опытный администраторъ,—говорилъ онъ,—такъ какъ долженъ былъ ворочать мозгами, придумывая способы для продовольствія и содержанія стотысячной арміи и поддержанія въ ней духа и дисциплины, вдали отъ родины, такое положеніе живо научитъ секретамъ администраціи и дипломатіи“.

Эта привычка вникать въ обстоятельства, вмѣстѣ съ техническимъ знаніемъ подробностей, создала въ немъ удивительную мѣткость взгляда и умѣніе оріентироваться въ подробностяхъ. Онъ не только обладалъ, по этой части, громадной памятью, но и умѣньемъ попадать въ надлежащую точку, въ самую суть дѣла. Онъ лучше всѣхъ бюро своихъ министерствъ и своего генеральнаго штаба зналъ свое положеніе на моряхъ и на сушѣ, число, величину и качество своихъ судовъ, находящихся въ

---

[1]) Memoires sur Napoleon.

плаваніи и стоящихъ въ портахъ, количество и составъ ихъ экипажа, состояніе своихъ укрѣпленій и предпринятыя въ нихъ работы, организацію, личный и вещевой составъ, количество солдатъ и способы пополненія ихъ рядовъ, прошедшее и настоящее каждаго корпуса и каждаго полка своей арміи. То же самое во всѣхъ другихъ отрасляхъ управленія: онъ зналъ какъ общій ходъ, такъ и всѣ винты своей машины— поэтому всѣ его комбинаціи были основаны на математически точномъ разсчетѣ.

Достигалъ онъ этого тѣмъ, что въ его головѣ постоянно заключались какъ бы три атласа, которые онъ постоянно провѣрялъ и содержалъ въ величайшемъ порядкѣ.

Первый атласъ—военный, составленный изъ топографическихъ картъ и плановъ крѣпостей, съ точнымъ обозначеніемъ полковъ, артиллерійскихъ бригадъ, кораблей, арсеналовъ, парковъ, вещевыхъ складовъ. Второй атласъ—гражданскій— это подробная роспись доходовъ и расходовъ, налоговъ, контрибуцій, долговъ, казенныхъ имуществъ, общественныхъ работъ, административныхъ и судебныхъ должностей, съ присвоенными имъ окладами и кругомъ ихъ дѣятельности. Третій атласъ, такъ сказать, біографическій и нравственный, это живая статистика свѣдѣній высшей полиціи о народахъ, сословіяхъ, корпораціяхъ, профессіяхъ, общественныхъ группахъ, общественныхъ интересахъ, народныхъ нуждахъ и потребностяхъ, съ краткими, но яркими, историческими указаніями, необходимыми для разсчета ихъ вѣроятнаго образа дѣйствій. Въ первыхъ двухъ атласахъ, несмотря на громадное накопленіе матеріала, все, даже въ концѣ царствованія Наполеона, было точно и вѣрно. Въ третьемъ же атласѣ встрѣчались ошибки въ основныхъ данныхъ и въ итогахъ. Эти ошибки не могли быть исправлены, потому что коренились въ самомъ его характерѣ. Эти ошибки появляются съ самаго начала и ростутъ, съ теченіемъ времени. Тэнъ перечисляетъ ихъ, это значеніе папы, религіозныхъ убѣжденій, національнаго чувства въ Германіи и Испаніи—всѣ эти факторы цѣнятся имъ слишкомъ низко, а довѣріе къ собственному престижу слишкомъ высоко. Но эти погрѣшности,—замѣчаетъ Тэнъ,—скорѣе дѣло его воли, чѣмъ его ума, временами онъ самъ ихъ сознаетъ и вообще, какъ бы намѣренно, обманываетъ себя иллюзіями. Это его добровольное самообольщеніе.

Перечисляя качества Наполеона, Тэнъ напираетъ на его

тонкое знаніе человѣческихъ и народныхъ страстей, онъ-де обладалъ рѣдкой способностью взвѣшивать не только механическія силы, которыя приводилъ въ дѣйствіе, но и нравственныя, съ которыми приходилось бороться или которыми можно было пользоваться. Его всеобъемлющій умъ всегда бралъ въ разсчетъ количество и степень участія тѣхъ и другихъ на театрѣ предстоящихъ дѣйствій. Кромѣ того, онъ съ необыкновенной мѣткостью и вѣрностью опредѣлялъ удѣльный вѣсъ своихъ противниковъ, ихъ качества, таланты и недостатки. Вообще,—говоритъ Тэнъ,—онъ былъ не только замѣчательный стратегъ, но и великій психологъ. Дѣлаемая имъ оцѣнка настроеній и душевныхъ движеній отдѣльныхъ лицъ и народныхъ массъ свидѣтельствуетъ о геніальной его прозорливости въ этомъ отношеніи. Онъ видитъ насквозь мотивы, двигающіе и сдерживающіе человѣка вообще и извѣстное лицо въ частности, и потому всегда удачно избираетъ нужныя пружины для воздѣйствія, вѣрно опредѣляя степень цѣлесообразнаго давленія. Въ этой способности Наполеона, унаслѣдованной имъ также отъ средневѣковыхъ италіанцевъ, Тэнъ видитъ одно изъ главныхъ и капитальныхъ проявленій его генія, объясняющее его искусство подчинять себѣ людей и народы и господствовать надъ ними.

Это качество весьма важно,—продолжаетъ Тэнъ,—для оцѣнки Наполеона, этого *инженера въ политикѣ*, вся система котораго была основана на игрѣ человѣческими страстями.

Но вышеуказанными чертами еще не исчерпывается содержаніе и характеръ этого сложнаго и необъятнаго ума, представить и вѣрно изобразить который,—продолжаетъ Тэнъ,—довольно трудно, за недостаткомъ подходящихъ сравненій, за послѣдними приходится углубляться въ исторію; вѣроятно нѣчто сходное представлялъ Юлій Цезарь, но, къ сожалѣнію, историческія лѣтописи сохранили намъ только общій силуэтъ послѣдняго, тогда какъ относительно Наполеона мы имѣемъ подробныя документальныя свѣдѣнія, рисующія намъ черты его физіономіи. Колоссальная „Корреспонденція Наполеона“ даетъ подавляющій, по своему разнообразію, матеріалъ для характеристики его кипучаго ума, который не знаетъ предѣловъ и по своей многосторонности выходитъ изъ рамокъ извѣстнаго и вѣроятнаго.

Въ этомъ бездонномъ мозгу копошится цѣлый міръ всевозможныхъ зародышей мыслей и плановъ. Сначала васъ поражаетъ реальность и практичность его взглядовъ и идей—эта сторона

стоитъ у него на первомъ мѣстѣ. Затѣмъ идетъ слой предположеній возможнаго. Его практическая изобрѣтательность только слабое отраженіе творческаго воображенія (imagination constructive), которое въ немъ неистощимо—это цѣлый вулканъ вѣчно брызжущей лавы, но сдерживаемый усиліями воли и холоднаго разсчета. Приступая къ дѣлу, онъ всегда избираетъ планъ дѣйствія, одинъ изъ многихъ; каждый изъ такихъ плановъ выросталъ изъ ряда предположеній, выношенныхъ въ его головѣ, взвѣшенныхъ и обдуманныхъ—миріады такихъ проектовъ постоянно тѣснятся въ его мозгу. Когда я составляю планъ кампаніи (это его собственныя слова), нѣтъ человѣка болѣе малодушнаго, чѣмъ я. Я преувеличиваю ожидаемыя опасности и бѣдствія; предполагая всевозможныя неблагопріятныя обстоятельства, я переживаю сильнѣйшія тревоги, но сохраняю спокойный видъ передъ окружающими, какъ дѣвушка, испытывающая предродовыя муки. Но хотя онъ говорилъ не разъ и, повидимому, искренно, что никогда не задается слишкомъ отдаленными планами, „я не забѣгаю слишкомъ впередъ, мои предположенія не идутъ дальше того, что будетъ черезъ два года" (je ne vis jamais que dans deux ans), но это не совсѣмъ такъ. Дѣловая злоба дня, которая кипѣла въ немъ и вокругъ него, заботы о настоящемъ и ближайшемъ будущемъ не поглощали всего его творчества. Умственная его лабораторія была гораздо обширнѣе.

Сфера его активной дѣятельности была велика—онъ многое совершилъ, но это только малая часть задуманнаго и предпринятаго имъ, мечты же его шли неизмѣримо далѣе и были, дѣйствительно, громадны и безпредѣльны, занимая гораздо больше мѣста въ его дѣловомъ умѣ, чѣмъ думаютъ. Изумляющая насъ мощь его практической дѣятельности ничтожна, въ сравненіи съ силою его фантазіи, которая бьетъ ключемъ въ самыхъ дѣловыхъ его бумагахъ и распоряженіяхъ, касающихся техническихъ вопросовъ. У него даже слишкомъ много фантазіи для государственнаго человѣка, ибо послѣдняя часто принимаетъ абсурдные размѣры и иногда переходитъ какъ бы въ безуміе—это его больное мѣсто.

Въ Италіи, послѣ 18 Фриктидора, онъ уже объяснялъ Бурьену: „Европа, это нора для крота и жалкая дыра, въ ней никогда не было такихъ великихъ имперій и переворотовъ, какъ на Востокѣ, гдѣ живетъ шестьсотъ милліоновъ людей!" Годъ спустя, подъ Сентъ-Жанъ д'Акромъ, наканунѣ послѣдняго приступа, онъ говоритъ, увлекаясь той же мечтой о Востокѣ

„въ случаѣ успѣха, мнѣ достанутся въ этомъ городѣ сокровища паши и оружіе на триста тысячъ человѣкъ. Имѣя въ рукахъ такія средства, я подниму на ноги и вооружу всю Сирію... Я пойду на Дамаскъ и Алеппо. Двигаясь впередъ, я буду усиливать мою армію всѣми недовольными. Я объявлю народу отмѣну рабства и деспотическаго управленія пашей. Такимъ образомъ, я подойду къ Константинополю, во главѣ громадныхъ вооруженныхъ массъ и опрокину Оттоманскую Имперію, образовавъ вмѣсто нея новое, великое царство на Востокѣ, созданіе котораго дастъ мнѣ мѣсто въ потомствѣ. Затѣмъ я вернусь, можетъ быть, въ Парижъ, черезъ Андріанополь или Вѣну, сокрушивъ по дорогѣ австрійскій домъ".

Впослѣдствіи сдѣлавшись консуломъ, и вслѣдъ за тѣмъ императоромъ, онъ охотно и часто переносился мыслью въ эту счастливую эпоху своей жизни, какъ онъ самъ говорилъ, когда ему открывались широкія перспективы дѣятельности въ странахъ, гдѣ онъ не чувствовалъ надъ собой стѣсняющей узды цивилизаціи (d'une civilisation genante), и могъ дать полную волю фантазіямъ творчества, созидая все, по своему усмотрѣнію. Мечтая о покореніи Востока, онъ воображалъ себя основателемъ новой религіи, шествующимъ по Азіи на слонѣ съ тюрбаномъ на головѣ, съ новымъ Алкораномъ въ рукахъ, именно Алкораномъ собственнаго сочиненія.

Эти восточныя фантазіи, въ которыхъ воображеніе артиста преобладаетъ надъ здравомысліемъ государственнаго человѣка, крѣпко сидѣли въ головѣ Наполеона, какъ это видно изъ цитируемыхъ Тэномъ его разговоровъ съ современниками, притомъ онъ повторялъ ихъ въ различные моменты своей жизни [1]). Въ Майнцѣ, въ 1804 г., Наполеонъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что послѣдніе два вѣка, въ Европѣ, все такъ измельчало, для крупной дѣятельности въ ней нѣтъ болѣе мѣста, теперь она возможна только на Востокѣ. Наканунѣ Аустерлица онъ замѣчаетъ, что рѣшительная побѣда въ Сиріи тогда была для него желательнѣе, чѣмъ теперь въ Моравіи—она бы меня сдѣлала императоромъ Востока; достигнувъ желаемаго успѣха въ Сиріи, я могъ бы вернуться въ Парижъ черезъ Константинополь.

---

[1]) Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ Бурьенъ, г-жа де-Ремюза, Сегюръ, Депрадтъ и графъ Шапталь, послѣдній въ своихъ рукописныхъ запискахъ о Наполеонѣ, которымъ Тэнъ придаетъ большое значеніе.

Вынужденный ограничиться Европой, хотя послѣдняя и казалась ему слишкомъ тѣсной, Наполеонъ, какъ только надѣлъ на себя императорскую корону, сталъ мечтать о возстановленіи имперіи Карла Великаго. Приготовляясь къ походу 1812 года, онъ припоминаетъ, что черезъ Россію идетъ дорога въ Индію, и усердно обдумываетъ планъ такого похода. Въ разговорѣ съ Нарбонномъ, онъ съ увлеченіемъ разбираетъ шансы движенія на Гангъ и объясняетъ, что базисомъ для этой экспедиціи долженъ служить Тифлисъ; предпріятіе, хотя и гигантское, но осуществимое въ XIX вѣкѣ, говоритъ онъ. Побѣдивъ царя или склонивъ Россію къ союзу, я могу это сдѣлать; моя экспедиція, при такихъ условіяхъ, можетъ достигнуть Ганга, до котораго доходило же войско Александра Македонскаго. Я объ этомъ думалъ, подъ Жанъ-д'Акрой, теперь мнѣ представляется возможность изъ восточной окраины Европы проникнуть въ Азію и нанести рѣшительный ударъ Англіи; французская шпага опрокинетъ въ этихъ краяхъ зданіе коммерческаго величія этихъ торгашей.

Все это Наполеонъ излагалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, глаза его горѣли загадочнымъ блескомъ, въ немъ сказывался,—замѣчаетъ Тэнъ,—артистъ, въ которомъ усиленно работаетъ воспламененная фантазія. Приведя этотъ и другіе разсказы о грандіозныхъ замыслахъ Наполеона, его мечты о роли Италіи на Средиземномъ морѣ (см. его „Корреспонденцію“ томъ XXX, стр. 548), его блестящую импровизацію въ Байонѣ о значеніи Испаніи и ея колоній—Мексики и Перу, которая привела въ величайшій восторгъ его собесѣдниковъ, Тэнъ заключаетъ, что все это обнаруживаетъ въ немъ пламенное воображеніе художника, который виденъ подъ оболочкой государственнаго человѣка — художника по грандіозности своихъ замысловъ, бурному полету и силѣ фантазіи, родственнаго Микель-Анджело и Данту.

Таковы свойства и складъ ума Наполеона, но характеромъ онъ еще болѣе подходитъ къ средневѣковымъ итальянцамъ. Три столѣтія общественной дисциплины, государственнаго порядка и наслѣдственной культуры смягчили пылъ и силу страстей, неукротимыхъ и необузданныхъ въ эпоху Возрожденія.

Въ Наполеонѣ, этомъ выходцѣ среднихъ вѣковъ, кипятъ и бушуютъ первобытныя, необузданныя страсти—онѣ прорываются дикими взрывами, которые облегчаютъ его; онъ даже пользуется ими для своихъ цѣлей. Порывы гнѣва служатъ средствомъ, нагоняя страхъ, подчинять себѣ людей. Онъ стучитъ

кулаками и ногами, ломаетъ мебель, расточаетъ самыя грубыя ругательства, выражая свое неудовольствіе и при этомъ всегда старается извлечь пользу изъ своихъ неистовыхъ выходокъ. Онъ хранитъ невозмутимое спокойствіе, какъ бронзовая статуя, въ торжественныхъ случаяхъ и на полѣ сраженій—оттого народъ и армія считаютъ его человѣкомъ невозмутимымъ, но съ приближенными, а также иностранными дипломатами и политическими противниками, онъ даетъ волю своему темпераменту, чтобы отучить ихъ отъ фамильярности и держать ихъ въ трепетѣ. Порывы страсти вспыхивали въ немъ, какъ порохъ, хотя онъ можетъ, когда хочетъ, моментально овладѣть собой. Вообще, онъ не способенъ къ созерцательному мышленію: всякая мысль, всякое впечатлѣніе приводили его въ движеніе, вызывая въ немъ потребность дѣйствія. Онъ крайне нетерпѣливъ и не выноситъ противорѣчій въ тѣхъ вопросахъ, которые рѣшены въ его умѣ. Стремительность его характера выражается въ почеркѣ: онъ пишетъ спѣша и досадуя на буквы, которыя не поспѣваютъ за его мыслью, и потому пропускаетъ половину изъ нихъ. Его писаніе, когда онъ самъ пробуетъ писать, такъ неразборчиво, что онъ не въ состояніи прочесть написаннаго. Въ концѣ царствованія онъ даже совсѣмъ теряетъ способность писать, даже его подписи обращаются въ какія-то каракули. Обыкновенно онъ диктуетъ и съ такой быстротой, что приводитъ въ отчаяніе всѣхъ своихъ секретарей—только потоки брани за медленность даютъ имъ возможность дописывать фразы.

Онъ говоритъ много и любитъ говорить, хотя его нельзя назвать фразеромъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Онъ вдается въ отступленія, повторяется, горячится и вообще пользуется тѣмъ, что прерывать его никто не смѣетъ. Но его слова всегда полны содержанія, брызжутъ мыслями и бьютъ въ цѣль. У меня весьма впечатлительные нервы, говоритъ онъ самъ про себя, и еслибы моя кровь не обращалась съ уравновѣшенной медленностью, я бы рисковалъ сойти съ ума.

Весьма характерна также его капризная впечатлительность: вообще равнодушный къ человѣческимъ страданіямъ, закаленный видомъ кровавыхъ зрѣлищъ войны, онъ рыдаетъ у изголовья умирающихъ старыхъ боевыхъ товарищей, послѣ Ваграма и Ботцена, также какъ и послѣ свиданія со смертельно-раненымъ маршаломъ Ланномъ.

Иногда его трогаютъ даже прочувствованныя слова: рѣчь

взволнованнаго Дондоло, ходатайствующаго предъ нимъ за свою родину, Венецію, преданную Австріи, потрясаетъ его, и онъ слушаетъ жалобы удрученнаго горемъ патріота съ мокрыми отъ слезъ глазами. Прощаясь съ Жозефиной, при отъѣздѣ въ армію, въ 1806 году, онъ такъ расчувствовался, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ такой сильный, что ему надо было подать медицинскую помощь; припадокъ продолжался около четверти часа и разразился градомъ слезъ. То же самое, при прощаньи съ Жозефиной, передъ разводомъ, такой же нервный припадокъ, съ желудочными болями, сопровождавшими у него всѣ сильныя потрясенія.

Въ виду такой впечатлительности, можно только удивляться его обычному хладнокровію, которое, очевидно, было результатомъ напряженія воли, сознаніемъ необходимости владѣть собою, чтобы управлять другими.

Сила его воли дѣйствительно изумительна; она высказывается не только въ обаяніи, производимомъ имъ на милліоны послушныхъ ему людей, или энергіи, съ которою онъ преодолѣвалъ безчисленныя внѣшнія препятствія, но особенно въ обузданіи собственныхъ, неукротимыхъ страстей. Онъ правитъ ими, какъ опытный кучеръ, сдерживающій твердой рукой на возжахъ бѣшеныхъ лошадей, всегда готовыхъ подхватить и унестись впередъ.

Способность все подчинять требованіямъ разсудка, по словамъ Тэна, коренилась въ основной чертѣ характера Наполеона, въ томъ всесильномъ эгоизмѣ, который преобладалъ надъ всѣми другими свойствами его ума и темперамента. Эгоизмъ этотъ не инертное себялюбіе, а все захватывающая страшно активная и хищная сила, пропорціональная величинѣ и качеству его дарованій. Воспитаніе и условія общественнаго быта, среди котораго онъ явился на свѣтъ, могли только развить природный эгоизмъ, свойственный людямъ его расы. Неслыханные успѣхи и всемогущество усугубили свыше всякой мѣры послѣдній. Такимъ образомъ чудовищный и подавляющій эгоизмъ разросся въ колоссальное *я*, которое нещадно тѣснитъ всѣхъ и все. Наполеону вездѣ и всегда мало мѣста, всякое противодѣйствіе его бѣситъ, всякая независимость его оскорбляетъ, все живущее и живое должно ему подчиняться, обращаясь въ послушное орудіе его воли.

Зачатки такого эгоизма,—продолжаетъ Тэнъ,—замѣтны въ немъ уже съ дѣтства. Они развились, подъ вліяніемъ корсикан-

скихъ нравовъ, окружавшихъ дѣтскіе годы Наполеона, констатированы школьнымъ начальствомъ и его собственными признаніями. Въ семьѣ и школѣ онъ обнаруживаетъ признаки самаго свирѣпаго эгоизма, тѣмъ болѣе необузданнаго, что для него какъ бы не существуетъ никакихъ нравственныхъ правилъ совѣсти. Онъ бьетъ и кусаетъ братьевъ и, не давая имъ опомниться, самъ же бѣжитъ на нихъ жаловаться. Съ ранняго дѣтства онъ лжетъ и, такъ сказать, агрессивно лжетъ. Такой неистовый эгоизмъ обнаруживаетъ онъ въ Бріенской и затѣмъ въ военной школѣ. Отмѣтки объ его поведеніи свидѣтельствуютъ о крайне эгоистичномъ характерѣ, чрезмѣрномъ самолюбіи, властолюбіи, самомнѣніи и склонности къ уединенію. Онъ предпочитаетъ одиночество обществу товарищей, потому что долженъ держаться съ ними какъ равный, а это его тяготитъ. Онъ отмежевываетъ себѣ уголъ, чтобы мечтать въ уединеніи, а когда школьные товарищи заходятъ за отведенную имъ черту, бросается на нихъ съ кулаками.

Эгоизмъ вызываетъ его на ложь, въ своей семьѣ онъ лжетъ такъ часто и смѣло, какъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, что одинъ изъ его дядей предрекаетъ ему великую будущность— „смѣлая ложь, училъ его корсиканскій дядя, обыкновенно даетъ власть надъ людьми“. Это наставленіе Наполеонъ хорошо запомнилъ и съ удовольствіемъ повторялъ впослѣдствіи. Эгоизмъ его натуры такимъ образомъ отнюдь не былъ дисциплинированъ воспитаніемъ. Напротивъ того, его первыя представленія о людяхъ и жизни сложились, подъ впечатлѣніями корсиканской анархіи второй половины XVIII вѣка. Тэнъ приводитъ любопытную картину дикихъ нравовъ и быта Корсики того времени, гдѣ нравственныя понятія, какъ право и справедливость, и правила общежитія, выработанныя цивилизаціей, были совершенно неизвѣстны. Все видѣнное и слышанное имъ въ дѣтствѣ — вещи и люди — учили его, что жизнь есть борьба за существованіе, въ которой всякое оружіе хорошо, когда его можно съ успѣхомъ пустить въ дѣло, гдѣ народъ считаетъ ночныя засады и удачный ударъ ножомъ, изъ-за угла, геройскимъ подвигомъ, а законы и нравственныя правила пустыми фразами, написанными для формы въ кодексахъ и книгахъ, которыя не могутъ стѣснять въ жизни, гдѣ сила господствуетъ надъ правомъ. Эти взгляды соотвѣтствовали какъ нельзя болѣе личнымъ инстинктамъ Наполеона, и эта корсиканская точка зрѣнія была имъ вполнѣ усвоена, онъ ее

высказывалъ въ письмахъ къ Паоли и въ своей собственной практикѣ [1]).

Дальнѣйшее знакомство съ жизнью и людьми и указанія опыта еще болѣе развили и утвердили въ немъ эту точку зрѣнія. По выходѣ изъ школы онъ встрѣтился съ французской анархіей. Мишура теорій и парадныя фразы не могли обмануть его проницательнаго взора, подъ ними онъ очень скоро обнаружилъ дѣйствительную сущность революціи—господство разнузданныхъ страстей и торжество буйнаго меньшинства надъ пассивнымъ большинствомъ. Дѣло въ томъ,—замѣчаетъ Тэнъ, —что разлагаемое анархіей общество, точно также, какъ и неуспѣвшее еще сложиться (т. е. Корсика), представляютъ значительную аналогію: въ томъ и другомъ господствуютъ сила кулака и произволъ, только въ различныхъ формахъ; разъигрывается грубое насиліе, попирающее уваженіе къ принципамъ законности — приходится быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ, середины нѣтъ. Послѣ 9 Термидора всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ разсѣялись, на политической сценѣ царили исключительно грубые и разнузданные личные интересы, стремленія къ власти и господству, обнажившіяся съ цинической откровенностью—попеченіе объ общемъ благѣ и народныхъ правахъ перестало служить даже маской. Франція стала добычей ея правителей, т. е. шайки, захватившей власть и старавшейся ее удержать во что бы то ни стало, ради чего пускались всякія средства и въ томъ числѣ штыки, когда общее неудовольствіе начинало угрожать шайкѣ, замѣнившей правительство. При такомъ разложеніи государственнаго порядка, принципы законности стушевались, приходилось быть молотомъ или наковальней; къ послѣдней роли генералъ Бонапарте отнюдь не былъ способенъ, и онъ старается стать молотомъ. Все, что онъ видитъ, во Франціи Конвента и Директоріи, только подтверждаетъ его корсиканскія мнѣнія о людяхъ и общественной жизни. Въ Италіи онъ стоитъ во главѣ молодой, плохо одѣтой и обутой, голодной арміи, которая жаждетъ успѣховъ и денегъ. Эта армія одушевлена не патріотическимъ самоотверженіемъ, не республиканскими принципами, а желаніемъ славы и добычи. Въ Италіи онъ испыталъ на дѣлѣ личное вліяніе на такую армію полководца, который удовлетворяетъ ея аппетитамъ

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ Паоли Наполеонъ говоритъ, что законы, какъ статуи боговъ, должны покрываться въ извѣстныхъ случаяхъ завѣсой.

Египетская экспедиція окончательно формируетъ его. Она предпринята, въ чисто эгоистическихъ видахъ, ради личныхъ цѣлей. Благо Франціи и ея общественные интересы шли прямо въ разрѣзъ съ этой фантастической экспедиціей, для которой страна жертвовала своей лучшей арміей и флотомъ, ради честолюбія молодаго генерала и его вящей славы. Директорія снарядила эту экспедицію, желая отдѣлаться отъ популярнаго въ войскѣ генерала, котораго считала опаснымъ, — она желала удалить его изъ Франціи.

Наполеонъ увидѣлъ, что можетъ располагать арміей и флотомъ, Франціей и другими народами, что все это можетъ служить его личнымъ цѣлямъ, обращаясь въ орудіе его честолюбія. Въ Египтѣ онъ встрѣтилъ пассивныя массы низшей расы, гдѣ его эгоистическія наклонности, внѣ всякаго контроля, могли развернуться широко, совершенно въ восточномъ вкусѣ. Здѣсь окончательно созрѣли его воззрѣнія на человѣческое стадо. Онъ обращался съ туземцами, какъ султанъ, и вполнѣ усвоилъ привычки и деспотизмъ этого послѣдняго. Въ Египтѣ онъ рѣшительно сбрасываетъ съ себя остатки школьныхъ теорій о правахъ человѣка и народовъ—какъ онъ самъ это констатируетъ, говоря: Руссо совсѣмъ мнѣ опротивѣлъ, послѣ того какъ я узналъ Востокъ, — дикій человѣкъ ничто иное, какъ собака. Жозефина часто жаловалась, что Египетская экспедиція испортила характеръ ея мужа, развивъ въ немъ крайне деспотическія наклонности въ домашнемъ быту. Самъ онъ рекомендуетъ всѣмъ, кого подозрѣвалъ въ гуманитарныхъ стремленіяхъ, познакомиться съ Востокомъ, который учитъ (это его собственныя слова современному поэту Лемерсье) пониманію человѣческой природы, радикально излѣчивая отъ всякихъ филантропическихъ бредней.

Франція, въ которой такъ живо выдохлось гражданское чувство, не могла измѣнить его взглядовъ. Послѣ 18 Брюмера, она послушно простерлась къ ногамъ честолюбиваго кондотьере, который скоро замѣтилъ въ гражданахъ республики, громко кричавшихъ о правахъ человѣка, тѣ же животныя свойства, ту же стаю псовъ, которую нужно дрессировать и держать на сворѣ, чтобы они не грызли другъ друга, а кусали, только по приказанію ловчаго, когда онъ пускаетъ ихъ на травлю. Франція, почувствовавъ надъ собой твердую руку властителя, покорно подчинилась его эгоистической волѣ, низшіе классы проявляли передъ нимъ животную преданность, выс-

шіе сановники республики и верхніе классы — византійскую угодливость,—говоритъ Тэнъ. Опытъ оправдалъ его теоріи, французская нація отдалась въ его распоряженіе, съ великой податливостью. Ободренный опытомъ, Наполеонъ, сдѣлавшись консуломъ и императоромъ, далъ самое широкое примѣненіе своимъ теоріямъ.

Онъ не встрѣтилъ при этомъ отпора со стороны республиканцевъ. Они проповѣдывали свободу и равенство только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ ими руководила жажда карьеры, желаніе властвовать, командовать, первенствовать, хотя бы на второстепенныхъ постахъ и мѣстахъ; они алчутъ денегъ, наслажденій и почестей. Наполеонъ, который видитъ ихъ насквозь, пользуется этими инстинктами и вербуетъ изъ нихъ своихъ слугъ, обращая неистовыхъ республиканцевъ въ послушныя орудія своего правленія—членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ, депутатовъ, судей, администраторовъ всѣхъ ранговъ. Въ сущности разница между делегатомъ Комитета общественной безопасности и министромъ или префектомъ имперіи была не велика—она заключалась въ мундирѣ—одинъ человѣкъ могъ быть тѣмъ и другимъ; для этого стоило только снять красную куртку и надѣть вмѣсто нея обшитую золотомъ одежду. Наполеонъ, который это понялъ, такъ и поступилъ—онъ облекъ республиканцевъ въ шитые мундиры и получилъ надежныхъ слугъ имперіи. Исключеній было мало, и они не смутили Наполеона. Не многіе пуритане изъ республиканцевъ, въ родѣ Камбона, отказались отъ такой перемѣны костюма въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ войскѣ нѣсколько якобинскихъ генераловъ, въ родѣ Дельма и Лекурба, сердито ворчали, при торжественномъ обрядѣ его коронованія, но Наполеонъ ихъ зналъ за людей ограниченныхъ. Другимъ, заявлявшимъ въ разговорахъ преданность республиканскимъ идеямъ, какъ Дюма, онъ не вѣрилъ (Тэнъ приводитъ любопытный разговоръ его съ означеннымъ генераломъ, на эту тему, наканунѣ Ваграмскаго боя). Кромѣ того для лицъ преданныхъ гражданскому долгу съ установившейся репутаціей ума и искренности, какъ Лафайэтъ, у него готова кличка *идеологовъ*, т. е. людей обольщенныхъ кабинетными бреднями и салонной болтовней; къ послѣднимъ Наполеонъ питалъ глубокое презрѣніе, потому что видѣлъ их несостоятельность на практикѣ и не даромъ называлъ Лафайэта „eternelle dupe des hommes et des choses.

Повидимому Тэнъ другаго мнѣнія о Лафайэтѣ, но это

симпатичный генералъ революціи не былъ серьезнымъ государственнымъ человѣкомъ и всегда оказывался ниже требованій обстоятельствъ, постоянно обнаруживая явную неспособность руководить событіями. Его всегда дурачили, и злой отзывъ о немъ Наполеона не лишенъ мѣткости.

Инстинкты французскаго общества, нравственно расшатаннаго революціей и выбитаго ею изъ своей исторической колеи, были вѣрно угаданы Наполеономъ—это дало ему увѣренность въ своей непогрѣшимости. Страхъ, жадность, самолюбіе, тщеславіе были тѣ орудія, которыми Наполеонъ достигъ власти, и на нихъ онъ основалъ свою систему управленія. Въ другія чувства онъ не вѣрилъ, потому что не встрѣчалъ ихъ или не хотѣлъ замѣтить въ своей практикѣ. При всей геніальности ума, кругозоръ Наполеона былъ узокъ — какъ случайный человѣкъ и выскочка, онъ не былъ проникнутъ традиціями прошлаго и мало заботился о будущемъ. Въ его глазахъ Франція воплощалась въ немъ одномъ—внѣ себя онъ не признаваль ничего достойнаго существованія и, въ своемъ безграничномъ честолюбіи, сожалѣлъ, что прошли времена Александра Македонскаго, который съ успѣхомъ могъ провозгласить себя сыномъ Юпитера,—„а я не могу этого сдѣлать"—съ огорченіемъ говорилъ онъ—„потому что теперь ни одна кухарка этому не повѣритъ".

Всякая умственная и нравственная сила, которая существовала самостоятельно и помимо него, была ему ненавистна—онъ не выносилъ ничьей независимости, такая нетерпимость росла въ немъ съ годами, по мѣрѣ его успѣховъ. Онъ потакалъ порокамъ и слабостямъ, потому что видѣлъ въ нихъ средство держать людей въ своихъ рукахъ. Ссылаясь на мемуары г-жи де-Ремюза, Тэнъ утверждаетъ, что Наполеонъ сознательно удалялъ отъ себя людей съ независимыми убѣжденіями, добросовѣстныхъ и способныхъ сотрудниковъ; для меня такіе не годятся, говорилъ онъ; по словамъ этихъ мемуаровъ, „мнѣ нужны послушные и усердные исполнители, люди дюжинаго ума и характера". Но записки г-жи де-Ремюза далеко не безпристрастны — эта придворная дама, какъ о томъ свидѣтельствуетъ ея корреспонденція, усердная хвалительница Наполеона, пока онъ былъ предержащей властью, послѣ его смерти въ своихъ запискахъ является безпощадной его обличительницей. Въ характеристикѣ Наполеона, представленной Тэномъ, много выписокъ изъ мемуаровъ и отзывовъ современниковъ, но безъ доста-

точной критической ихъ провѣрки, которая тѣмъ болѣе нужна, что авторъ пользовался не рѣдко рукописными матеріалами (Замѣтками о Наполеонѣ Шапталя, бывшаго при немъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ сенаторомъ, впослѣдствіи пэромъ (pair de France), нѣкоего г. X. (Memoires inédits de M-r X. и т. д.) Печатные матеріалы, отзывы о Наполеонѣ въ воспоминаніяхъ Міо де Мелито, Стендаля и другихъ, цитируемые Тэномъ, также не всегда достовѣрны. Такъ Тэнъ, со слозъ Стендаля утверждаетъ, что Наполеонъ весьма мало и поверхностно читалъ, но сверстникъ и землякъ Наполеона, близко и съ дѣтства его знавшій, гр. Поццо де Борго, его политическій противникъ, говоритъ совершенно противное, разсказывая, какъ они вмѣстѣ, въ юности, читали Монтескье и другія книги, посвященныя политикѣ и законодательству, и Наполеонъ съ жадностью и нетерпѣніемъ поглощалъ великія идеи, въ нихъ излагаемыя [1]).

Наполеонъ цѣнилъ умъ и дорожилъ талантами, хотя и третировалъ своихъ сотрудниковъ, какъ по свойствамъ своего темперамента, такъ и въ силу условій своего положенія. Авантюристъ на престолѣ, онъ долженъ былъ держать въ уздѣ, страхомъ, своихъ слугъ. Люди способные (какъ напримѣръ Талейранъ въ Эрфуртѣ) ему измѣнили, и онъ не безъ основанія относился къ нимъ съ недовѣріемъ.

Деспотизмъ его былъ несносенъ, онъ тѣснилъ и подавлялъ всѣхъ окружающихъ, но это было не только личное его свойство (имъ отличаются и многіе другіе крупные политическіе дѣятели), но и логическое послѣдствіе его исключительнаго положенія. Другой упрекъ, дѣлаемый Тэномъ Наполеону, что онъ не желалъ упроченія созданнаго имъ порядка и не заботился о томъ, что послѣдуетъ послѣ него, также нѣсколько одностороненъ.

Онъ основанъ на словахъ Жозефа Бонапарте, передаваемыхъ Міо (Miot de Melito, Memoires [2]), что для его брата (т. е. Наполеона) нестерпима, мысль объ установленіи прочнаго порядка во Франціи (въ 1803 г.), ибо онъ знаетъ и чувствуетъ, что его власть держится на увѣренности въ его необходимости. Франція не должна думать, что можетъ обойтись безъ него.

---

[1]) Correspondance Diplomatique du Comte Pozzo di Borgo etc. publié avec une introduction et de notes par le Comte Charles Pozzo di Borgo Paris 1890 vol. I.

[2]) Т. 2 стр. 48 и 152.

считая порядокъ обезпеченнымъ при его пріемникѣ, еслибы это случилось, онъ лишится покоя и чувства личной безопасности.

Въ этихъ словахъ, если они достовѣрны, слѣдуетъ прежде всего признать голосъ личнаго неудовольствія—братья Наполеона, которыхъ онъ держалъ въ строгой дисциплинѣ, постоянно на него клеветали.

Но несомнѣнно, что самъ Наполеонъ понималъ, что созданный имъ порядокъ вещей не проченъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самые разнообразные и вполнѣ достовѣрные источники. Онъ сознавалъ, что все сдѣланное имъ рушится вмѣстѣ съ нимъ. Онъ высказывалъ это мнѣніе даже иностранцамъ напр. австрійскому уполномоченному (графу Бубнѣ при заключеніи Пресбургскаго мира), не разъ повторялъ то же, при видѣ сына, котораго любилъ и о будущности котораго жалѣлъ, говоря, что сынъ его будетъ счастливъ, имѣя 40 тыс. франковъ дохода, и т. д.

Но, тѣмъ не менѣе, Наполеонъ желалъ и добивался упроченія созданнаго имъ порядка и въ этихъ видахъ упорно искалъ сближенія съ Россіей, союза съ которой онъ домогался всѣми силами. Желая закрѣпить союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, онъ, жертвуя личнымъ самолюбіемъ, доходилъ до тяжелыхъ для него униженій, домогаясь скрѣпленія этого союза родственными узами [1]).

Онъ компрометтировалъ, говоритъ Тэнъ (стр. 108), прочныя и нужныя для Франціи пріобрѣтенія излишними завоеваніями (il compromet des acquisitions durables par des annexions exagerées), и вслѣдствіе этого Имперія рушится вмѣстѣ съ императоромъ. Но вѣрнѣе сказать, что она рушится не только поэтому, а благодаря отсутствію историческихъ корней. Войны Наполеона 1805, 1806 и 1809 гг. были вызваны не имъ самимъ; разгромивъ враговъ, онъ долженъ былъ взять себѣ соотвѣтствующія вознагражденія, хотя въ Тильзитѣ обнаружилъ несомнѣнное желаніе удовлетворить Россію и устранить всякіе поводы къ столкновеніямъ съ нею.

[1]) Документы, обнародованные, въ послѣднее время, С. С. Татищевымъ, Альберомъ Вандалемъ, Бертраномъ и другими, а также и прежде напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ бумаги кн. Куракина и нѣкоторыя другія извѣстныя, вполнѣ достовѣрныя, показанія современниковъ достаточно объ этомъ свидѣтельствуютъ.

Дѣйствительно, воздвигнутое Наполеономъ зданіе было исключительно его личнымъ дѣломъ и, не имѣя подъ собой твердой исторической почвы, не представляло необходимыхъ условій прочнаго существованія. Въ этомъ отношеніи Тэнъ правъ.

Были и другіе вожди государствъ, говоритъ онъ, также мало дорожившіе людьми, которые, какъ Наполеонъ, руководились политикой насилія. Но они дѣйствовали такъ, служа національнымъ интересамъ. То, что они называли общимъ благомъ, не было исключительно призракомъ ихъ мозга, химерой ихъ воображенія, плодомъ ихъ личныхъ страстей, честолюбія и гордости. Въ своей дѣятельности они исходили изъ интересовъ высшаго порядка, преслѣдовали государственныя и общественныя цѣли цѣлаго ряда поколѣній, потому въ ихъ планахъ и въ итогахъ ихъ дѣятельности всегда было нѣчто существенное, въ ихъ замыслахъ было реальное содержаніе, они служили въ извѣстной степени благу страны. Жертвуя кровью народа, они это дѣлали, имѣя въ виду интересы будущихъ поколѣній, ради устраненія гражданской междоусобицы или огражденія отъ иноземнаго господства. Они были солидарны съ государствомъ, во главѣ котораго стояли, и поступали, какъ хорошіе хирурги, заботясь о жизни и здоровьи своего паціента, въ силу хотя бы династическаго чувства. Сознавая, что продолжаютъ дѣло предковъ и подготовляютъ жизни потомковъ—они старались оградить свое государство отъ будущихъ бѣдствій. Поэтому они избѣгали рискованныхъ предпріятій, щадили кровь своихъ подданныхъ и воздерживались отъ слишкомъ фантастическихъ операцій. Они рѣдко увлекались желаніемъ блеснуть своимъ искусствомъ, доказать новизну своихъ пріемовъ и совершенство своихъ инструментовъ; они чувствовали живую связь съ страной, которой правили, жизнь которой значительнѣе ихъ собственной. Отсюда та совокупность соображеній высшаго порядка, которая при старомъ режимѣ называлась raison d'etat. Въ теченіе восьми вѣковъ исторической жизни Франціи, эти raison d'etat преобладали въ совѣтахъ ея королей, отъ нихъ дѣлались отступленія, они временно уступали мѣсто личнымъ страстямъ и омрачались въ сознаніи ея правителей, но, въ концѣ концовъ, служили руководящимъ принципомъ во внѣшней и внутренней политикѣ.

„Правда“, прибавляетъ Тэнъ, „во имя этихъ raison d'et было совершено не мало беззаконныхъ дѣленій и, гово прямо, преступленій, но, въ концѣ концовъ, какъ руководящ

начало въ политикѣ, особенно въ сферѣ внѣшнихъ сношеній, они должны быть признаны благотворными для государства.

Руководясь ими, рядъ французскихъ королей, шагъ за шагомъ, провинція за провинціей, хотя средствами предосудительными для частныхъ лицъ, но оправдываемыми государственными цѣлями, положилъ прочное основаніе Французскому государству.

Ихъ импровизированный преемникъ совершенно чуждъ этихъ raison d'etat. На императорскомъ престолѣ, онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ, офицеромъ, который исключительно озабоченъ своимъ повышеніемъ, т. е. случайнымъ человѣкомъ. Въ его умѣ и совѣсти не воспиталось сознаніе долга подчинять себя государству. Онъ различаетъ себя отъ государства и всецѣло подчиняетъ послѣднее себѣ — онъ не чувствуетъ живой органической связи съ государствомъ, которое его переживетъ, его мысли и попеченія не идутъ далѣе предѣловъ его собственной жизни.

Это его огромный и коренной недостатокъ. Онъ жертвуетъ будущимъ ради настоящаго, потому что настоящее принадлежитъ ему, а будущимъ онъ располагать не можетъ.

Такова въ общихъ чертахъ характеристика Наполеона, данная Тэномъ. Онъ признаетъ великіе таланты Наполеона, его способности, какъ полководца, администратора и финансиста, чѣмъ и отличается отъ такихъ писателей, какъ Ланфрэ, который, изъ ненависти къ корсиканцу съ гладкими волосами, отрицаетъ даже его неоспоримыя дарованія, обращая историческое изслѣдованіе въ политическій памфлетъ. Оцѣнка Наполеона, представленная Тэномъ, объективнѣе, шире и глубже. Для него Наполеонъ ничто иное, какъ типъ историческаго романа, разыгравшагося на политической сценѣ Франціи въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Онъ изслѣдуетъ этотъ типъ, какъ критикъ-натуралистъ, слѣдуя пріемамъ своей школы, тщательно подбирая характерныя черты дѣятельности и отзывы о ней лицъ, сталкивавшихся съ нимъ на политической сценѣ. Тэнъ свободенъ отъ упрека въ партійномъ пристрастіи и потому своимъ разлагающимъ анализомъ наноситъ болѣе серьезный ударъ наполеоновскому культу, чѣмъ его политическіе противники. Впрочемъ этотъ культъ и безъ того сильно поколебленъ второй Имперіей и ея плачевнымъ концомъ.

Характеристика Тэна вызвала горячія возраженія импе-

ріалистовъ. Недавно умершій принцъ Наполеонъ, послѣ появленія статей Тэна въ „Revue de deux Mondes", написалъ цѣлую книгу въ опроверженіе хулителей своего великаго дяди. Самъ Наполеонъ I, въ своемъ горделивомъ обращеніи къ потомству, краснорѣчиво оправдывая свои дѣянія и распространяясь о своей любви къ Франціи, предрекаетъ будущимъ порицателямъ неблагодарную роль людей, желающихъ укусить твердый гранитъ. Тэнъ разлагаетъ этотъ гранитъ и искусно отмѣчаетъ фальшь его адвокатскихъ пріемовъ, объясняя, что Наполеонъ, какъ великій софистъ, былъ ловкій адвокатъ, всегда смѣло подтасовывавшій факты.

Несмотря на нѣкоторую односторонность, Тэнъ достаточно установилъ, что Наполеонъ былъ чужой человѣкъ для Франціи, что онъ любилъ ее, какъ наѣздникъ хорошую и послушную лошадь, которая по прихоти ѣздока готова до изнеможенія прыгать черезъ барьеры, чѣмъ онъ и пользовался до послѣдней крайности. Наполеонъ, какъ истый кондоттьере, хвалился, что можетъ не стѣсняясь тратить (онъ употреблялъ при этомъ другое, непечатное, выраженіе) милліоны солдатъ.

Его императорскія фантазіи стоили,—говоритъ Тэнъ,—нѣсколько милліоновъ жизней. Съ 1804 по 1815 годъ, подъ его знаменами было убито 1.700.000 французовъ, родившихся въ предѣлахъ старой Франціи. Къ этому надо прибавить свыше 2 милліоновъ солдатъ другихъ націй, погибшихъ при немъ въ сраженіяхъ, въ качествѣ его союзниковъ или враговъ.

Выводъ, который дѣлаетъ Тэнъ изъ характеристики Наполеона, тотъ, что творецъ отразился въ твореніи. Новый порядокъ вещей—политическій и гражданскій, созданный Наполеономъ во Франціи, проникнутъ всепоглощающимъ личнымъ эгоизмомъ, а на этомъ тлетворномъ началѣ ничего прочнаго соорудить нельзя.

П. МАТВѢЕВЪ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Я рабъ, я царь, я червь, я богъ.
Державинъ.

Я—чадо природы,
Рабъ жизни и связанъ судьбой роковою;
А ты, духъ мой, вóленъ,
Какъ птица, и—мнѣ ли угнать за тобою!?...

Ни ястребъ когтистый,
Ни сóколъ не бросятся въ битву съ орлами;
А ты, изъ-за искры
Божественной, вѣчно враждуешь съ богами.

И ласточка, въ страхѣ
Отъ бури, гнѣзда себѣ въ небѣ не лѣпитъ;—
А ты въ небѣ ищешь
Покóя, богами повергнутый въ трепетъ.

На встрѣчу фантазій
Твоихъ, сочетаніемъ формъ изобильныхъ,
Наяды всплываютъ
И тѣни встаютъ изъ-подъ камней могильныхъ.

И рѣзвыя нимфы
Бѣгутъ по лѣсамъ, наготою сверкая...
И бѣсы изъ ада
Грохочутъ... И ангелы вѣютъ изъ рая...

*

И умъ твой холодный
И гордый дерзаетъ слѣдить за путями
Созвѣздій, и видѣть
Какъ вихрится солнце и брызжетъ огнями.

И нѣтъ ни предѣла
Въ пространствѣ, ни грани въ вѣкахъ отдаленныхъ.
Для смѣлыхъ полетовъ
Твоихъ думъ пытливыхъ и думъ вдохновенныхъ.

Какая темница
Тебѣ помѣшаетъ носиться высоко,—
Бесѣдовать съ Богомъ,
И смерти на зло видѣть путь свой далёко?

За что же меня ты
Такъ мучишь, на узы мои негодуя?...
Какъ чадо природы
Я рабъ,—и покоренъ всему, чѣмъ живу я,—

— Всему, что люблю я...
. . . .

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ТОРЖЕСТВО ВААЛА.

РОМАНЪ.

(Продолженіе романа „Тамара Бендавидъ“).

ГЛАВА I.

Новая учительница.

Подъ вечеръ сыраго октябрьскаго дня, по скверной, раскисшей отъ дождей дорогѣ, добралась наконецъ Тамара на земско-почтовой парѣ до села Горѣлова, составлявшаго цѣль ея путешествія. Село большое, длинное; избы стоятъ въ два порядка, вытянувшись вдоль одной широкой улицы; позади дворовъ идутъ огороды, амбары, сарайчики и овины. Большинство избъ въ старомъ великорусскомъ стилѣ, съ рѣзными подзорами и надоконниками, но есть уже нѣсколько домиковъ и въ новомъ „городскомъ“ вкусѣ: иные съ мезонинами, другіе даже въ два этажа. Видно по всему, что было когда-то село зажиточное, но теперь въ упадкѣ. За исключеніемъ этихъ „городскихъ“ домиковъ, бо́льшая часть избъ стоитъ покосившись, осунувшись отъ ветхости, съ обломившимися коньками и гребнями, съ выкрошившимся узо́рочьемъ на поломанныхъ подзорахъ и балкончикахъ. Иныя избы даже подперты съ боковъ бревнами, чтобъ окончательно не завалились; на другихъ давно прогнившія тесовыя крыши забраны соломой, а то и сплошь перекрыты подъ соломенную кровлю; третьи уныло глядятъ на улицу своими на́глухо заколоченными окнами, точно бы выморочныя, —печальное свидѣтельство того, что хозяева ихъ въ отходѣ всею семьей, или пошли на переселеніе, искать себѣ по дальнимъ окраинамъ Россіи новыхъ мѣстъ и угодій, гдѣ въ берегахъ кисельныхъ текутъ рѣки молочныя. Понурыя, тощія ко-

ровы, слабосильныя шершавыя лошаденки виднѣются кое-гдѣ по дворамъ и задворкамъ; босыя крестьянскія ребятишки въ однѣхъ рубашенкахъ, со спущенными отъ холода рукавами, бродятъ около заваленокъ передъ избами. Всѣ эти признаки видимо говорятъ о бѣдности и захудалости, а земскій ямщикъ, между тѣмъ, увѣряетъ Тамару: „ка́къ можно! село самое богатѣющее!“

— Да почему жъ ты такъ думаешь?

— Еще бы!.. Сама разочти: три лавки — одна суровская, да двѣ мелочныхъ, — два кабака, одна портерная, трактиръ при томъ же!.. Кабы бѣдные были мужики-то, нѐшто бъ они вытянули столько заведеній!.. Нѣтъ, это что́ говорить! По нонѣшнимъ временамъ, село богатое... Каждую недѣлю по воскресеньямъ торгъ бываетъ... Надо же съ чего пить-то...

По распоряженію Бабьёгонскаго училищнаго совѣта, Тамарѣ было назначено мѣсто сельской учительницы въ этомъ самомъ селѣ Горѣловѣ. Проколесивъ добрую половину улицы, ямщикъ подвезъ ее къ чистенькому, крытому тесомъ домику, изъ числа „фасонистыхъ“, „городскихъ“, гдѣ виднѣлись даже кисейныя занавѣски въ окнахъ. На бѣлой доскѣ, прибитой надъ крылечкомъ этого домика, Тамара прочла черную надпись: „Волостной старшина“. Выкарабкавшись изъ высокой телѣги, она вошла въ незапертыя сѣнцы и толкнулась въ одну изъ боковыхъ дверей, которая подалась подъ ея нажимомъ, — и дѣвушка очутилась за порогомъ просторной комнаты, оклеенной разными остатками дешевенькихъ „шпалерокъ“ и омеблированной не по-деревенскому. Старинный диванъ съ высокою выгнутою спинкой изъ краснаго дерева, такія же кресла и стулья съ тонкою рѣзьбою, массивный овальный столъ, покрытый синею камчатною салфеткой съ узорами, буфетный шкафъ со стеклянными верхними створками, наполненный разною расписанною фаянсовою посудой и чайными чашками, — вся эта обстановка, несвойственная крестьянскому быту, видимо попала сюда за́дешево, „по случаю“, изъ какого-нибудь помѣщичьяго гнѣзда. Въ этомъ предположеніи убѣждали Тамару и потемнѣвшая отъ времени картина на какой-то миѳологическій сюжетъ, висѣвшая на стѣнѣ въ старинной золоченой рамѣ, и пустая клѣтка изъ-подъ попугая, въ углу на столикѣ. Передній уголъ былъ занятъ полкою съ образами, подъ которою пестрѣли приклеенные къ стѣнѣ портреты императорской фамиліи и разныя рыночныя олеографіи, повсюду замѣнившія собою нынѣ лубоч

ныя картинки добраго стараго времени. Въ простѣнкѣ между двумя окнами стоялъ большой письменный столъ, на которомъ лежали новые хомуты, наполнявшіе комнату запахомъ юфти и ворвани, а надъ хомутами—какія-то дѣловыя бумаги и счетныя книги. Надъ столомъ висѣли въ томъ же простѣнкѣ костяшковые счеты, линейка и настѣнный календарь изъ „приложеній" къ „Нивѣ". Часы съ пунсовымъ розаномъ на деревянномъ циферблятѣ скучно отбивали размахами маятника секунду за секундой.

Осмотрѣвшись въ этой комнатѣ и видя, что въ ней никого нѣтъ, Тамара нарочно откашлялась погромче, чтобы подать какой-нибудь живой душѣ знакъ о своемъ присутствіи.

— Кто тамъ? окликнулъ ее изъ смежной комнаты не совсѣмъ-то довольный мужской голосъ, какъ бы съ просонья.

— Учительница новая, отозвалась дѣвушка: — Господинъ старшина дома?

За перегородчатой стѣною послышался трескъ деревянной кровати подъ встававшимъ съ нея человѣкомъ и заскрипѣли половицы подъ чьими-то грузно-мягкими шагами, а затѣмъ, кряхтя и зѣвая, въ дверяхъ показалась дородная, кореңастая фигура заспаннаго мужика, изъ такъ называемыхъ „бѣлотѣлыхъ", лѣтъ пятидесяти, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу и въ ситцевой рубахѣ на выпускъ съ низко пущенной по чреву опоясочкой.

— Вы это что̀ жъ безъ доклада? Такъ нельзя! внушительно, почти тономъ выговора обратился онъ къ Тамарѣ.

Нѣсколько опѣшенная такимъ пріемомъ, дѣвушка объяснила, что если она вошла прямо сюда, то это по незнанію, такъ какъ никого не встрѣтила въ сѣняхъ, къ кому могла бы обратиться съ вопросомъ, и что, пріѣхавъ лишь сію минуту въ село, она не могла еще ознакомиться со здѣшними порядками настолько, чтобы знать, что̀ можно и чего нельзя.

— То-то, что нельзя!.. Это совсѣмъ не порядокъ. Тутъ мало ли какихъ государственныхъ дѣло̀въ у меня, пояснилъ старшина, кивнувъ головою на письменный столъ:—и ежели, скажемъ такъ, каждый будетъ безъ доклада лѣзть прямо въ залъ, такъ это совсѣмъ не модель. Вамъ что же надо? спросилъ онъ въ заключеніе своей рацеи уже болѣе мягкимъ образомъ.

Тамара объяснила, что когда ее отправляли сюда изъ Бабьёгонской земской управы, такъ тамъ ей было сказано господиномъ де-Казатисъ, чтобы, по прибытіи на мѣсто, она обратилась

къ волостному старшинѣ, который-де укажетъ ей квартиру и все, что̀ требуется по ея должности.

— Это точно-что, согласился старшина:—бумагу изъ управы на счетъ васъ получили еще вчера, и распоряженіе сдѣлано. Однако, поэтому рекомендую вамъ—къ старостѣ, онъ ужь тамъ укажетъ.

И затѣмъ прибавилъ онъ тономъ снисходительнаго внушенія:

— Вамъ, барышня, спервоначалу къ старостѣ-то и слѣдовало бы явиться,—по инстанцыи, значитъ, а ужь потомъ ко мнѣ представиться. Ну, да все равно! махнулъ онъ рукою.

„Ого да это совсѣмъ по-чиновничьи, строгости какія!“ подумалось Тамарѣ.—„Точно бы и въ самомъ дѣлѣ начальство!“ Однако она ничего не сказала ему на это послѣднее замѣчаніе и съ молчаливо сухимъ поклономъ повернулась къ выходной двери.

— Ты чего, дурья голова, барышню припёръ сюда? накинулся волостной старшина съ выговоромъ на ямщика, выйдя вслѣдъ за Тамарою на крылечко:—Порядковъ не знаешь?.. а?... Сколь много должо̀нъ я учить вашего брата, вахлака сиволапаго, и все никчему!—Народецъ тоже!.. Андельскаго терпѣнія, и того съ вами не хватитъ!.. Вези къ Ѳадей Саврасову, болванъ, скажи, старшина, молъ, приказали учительницу препроводить по назначенію.

Опять взобралась Тамара на облѣпленную снаружи густою грязью телѣгу и снова тяжело заколесила вдоль села по колдобинамъ развороченной мостовой, мимо трехъ лавокъ, двухъ кабаковъ и портерной съ трактирнымъ „заведеніемъ“, взапуски сопровождаемая хриплымъ лаемъ презлющихъ кудластыхъ собакъ, выползавшихъ изъ-подъ каждой подворотни на встрѣчу громыхающей телѣгѣ. Старосту Ѳадея Саврасова застала она дома, въ избѣ, за самоваромъ, въ самый пріятный для него моментъ, когда, разсѣвшись въ красномъ углу, рядомъ со своею бабой, онъ только-что приготовился было схлёбывать горячій, дымящійся паромъ чай съ ловко установленнаго на всей пятернѣ блюдца. Поэтому Ѳадей Саврасовъ вовсе не чувствовалъ себя въ расположеніи прерывать ради посторонней посѣтительницы свое пріятное занятіе.

— Это не ко мнѣ, это вамъ къ сотскому надо,—онъ ужь тамъ знаетъ, онъ и препроводитъ куда слѣдуваетъ,—къ сотскому отправляйтесь, предложилъ онъ Тамарѣ, которой ста

новилось уже нѣсколько досадно, что всѣ отъ нея точно бы отпихиваются и никто ничего не хочетъ объяснить толкомъ, а заставляютъ ее только попусту колесить по глубокой грязи вдоль села то въ ту, то въ другую сторону.

Но нечего дѣлать, опять взбирается она на свою телѣгу, и везетъ ее ямщикъ, съ неудовольствіемъ ворча себѣ подъ носъ, къ сотскому. Тотъ, слава Богу, вышелъ къ ней самъ, на окликъ ямщика, постучавшаго въ окно кнутикомъ, и принялся неторопливо и раздумчиво разспрашивать сначала у него, а потомъ у нея,— какъ, что̀, зачѣмъ и почему, и наконецъ, выслушавъ до конца и взявъ себѣ въ толкъ все сказанное, почесался въ видимомъ затрудненіи — какъ тутъ быть, староста-де ничего ему на этотъ счетъ не приказывалъ.

— Ну, да все едино!.. Васютка! кликнулъ онъ своего мальчонку:—садись на облучекъ, проводи барышню въ училищу... Скажи тамъ сторожу Ефимычу, учительницу-де новую прислали... такъ пущай онъ тамъ, какъ знаетъ... Это евойно дѣло... Вы ужь тамъ къ нему, барышня, онъ вамъ все покажетъ,— Ефимычъ, значитъ,—онъ знаетъ.

Поѣхали съ Васюткой на облучкѣ къ училищу. На селѣ, между тѣмъ, замѣтили кое-гдѣ, что какая-то новая барышня все колеситъ изъ конца въ конецъ, и это послѣднее обстоятельство вызвало въ обывателяхъ нѣкоторое любопытство,— кто, молъ, такая могла бъ это быть и чего ей тутъ надо? Одни изъ любопытныхъ провожали ее глазами изъ окошекъ, другіе выходили съ тою же цѣлью даже на улицу и удивленно глядѣли ей вслѣдъ, но все это съ какою-то тупою и совершенно равнодушною апатіей.

Сторожа Ефимыча не оказалось дома: всѣ наружныя двери заперты.

— Надо быть, въ трактирѣ, домекнулся Васютка и побѣжалъ его разыскивать.

Усталая, голодная и вся разбитая отъ долгой тряской дороги, Тамара присѣла пока на крылечкѣ, куда ямщикъ сложилъ всѣ ея пожитки, и осталась одна, послѣ того какъ тотъ, получивъ съ нея на водку, направился на своей тощей парѣ къ тому же трактирному „заведенію“.

Горѣловская школа—одноэтажное бревенчатое зданіе подъ тесовою кровлей—одиноко и какъ-то недомовито торчала особнякомъ на пустой и голой площадкѣ, противъ церковной ограды. За этой оградой бѣлѣлась старинная каменная церковь съ

высокою колокольней, а вокругъ нея виднѣлось подъ березами нѣсколько намогильныхъ плитъ и два-три памятника. Съ противоположной стороны ограды, изъ-за ея рѣшетчатаго частокола и выбѣленныхъ кирпичныхъ столбиковъ, выглядывалъ на школу своимъ мезонинчикомъ скромный старенькій домикъ, сопровождаемый крышами хозяйственныхъ надворныхъ построекъ и небольшимъ садомъ. Тамара сообразила, что тамъ, должно быть, живетъ здѣшній священникъ.

Вечерѣло. Стая галокъ, осѣдая на ночлегъ, съ непрерывнымъ, сливающимся крикомъ кружила надъ церковными крестами и оголенными вершинами садовыхъ деревьевъ, въ вѣтвяхъ которыхъ чернѣли вороньи гнѣзда. Небо сплошь было затянуто сѣрыми тучами, скрывавшими за своею холодною, непроницаемою мглою всѣ краски заката, и оттого наступавшія безцвѣтныя сумерки казались еще сѣрѣй и скучнѣе. Въ окрестности, куда ни глянь,—все одна и та же плоская, однообразная равнина, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ полосами распаханныхъ полей, и эта тишь да гладь полевая какъ будто полна какого-то дремотнаго недомоганья и мертвеннаго спокойствія. Было что-то невыразимо тоскливое въ бѣдномъ пейзажѣ, окружавшемъ село Горѣлово, что̀ въ особенности живо чувствовалось Тамарѣ, привыкшей на юго-западѣ Россіи совсѣмъ къ другой природѣ, къ другимъ, болѣе разнообразнымъ и яркимъ краскамъ.

Васютка давно уже запропалъ куда-то въ поискахъ своихъ за Ефимычемъ, а вокругъ ни души, ни голоса человѣческаго,— и Тамара въ долгомъ и тщетномъ ожиданіи возвращенія мальчика или сторожа, среди всей этой монотонной и непривѣтливой картины, невольно поддалась въ душѣ тоскливому чувству одиночества и скуки.

Такъ во̀тъ гдѣ предстоитъ ей жить и работать!.. Что̀-то ожидаетъ ее на новомъ поприщѣ, среди совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ ей людей? ка̀къ-то они къ ней отнесутся? освоятся ли съ нею, полюбятъ ли ее, или же останутся для нея совсѣмъ посторонними, равнодушными къ ея печалямъ и радостямъ, къ ея заботамъ и стремленіямъ на пользу ихъ же ребятишекъ?.. Да и ка̀къ-то еще сама она примется за дѣло, знакомое ей до сихъ поръ только въ общихъ своихъ чертахъ да и то лишь теоретически? Не слишкомъ ли самонадѣянно было съ ея стороны взяться съ легкимъ сердцемъ за такое серьезно и нравственно отвѣтственное дѣло? Справится ли она съ нимъ

будутъ ли понимать ее, а главное, сама-то она вѣрно ли пойметъ сразу, что именно здѣсь надо?.. Какъ бы не стать не на ту дорогу, на какую нужно, не взять фальшивую ноту, которою сразу можно испортить все дѣло?—А какая именно должна быть эта дорога и эта вѣрная нота,—для нея самой еще было не вполнѣ ясно; и ей казалось, что если она и угадываетъ ихъ, то это скорѣе чувствомъ, чѣмъ отчетливо поставленнымъ „на научныхъ основахъ“ сознаніемъ.

Первыя минуты пребыванія въ этомъ, совершенно новомъ для нея, мѣстѣ нѣсколько разочаровали Тамару. Ѣдучи сюда, она представляла себѣ это село совсѣмъ не такимъ, какимъ оно оказалось въ дѣйствительности, и почему-то ожидала совсѣмъ инаго, болѣе привѣтливаго и теплаго въ себѣ отношенія со стороны его обывателей: ей казалось, что здѣсь будетъ ей гораздо веселѣй, что пріѣзду ея обрадуются, что встрѣтятъ ее добрые, радушные люди, обласкаютъ, обогрѣютъ, пріютятъ ее,—и вдругъ, вмѣсто всего этого, полное равнодушіе, полное безучастіе, какъ словно бы никому до нея и дѣла нѣтъ никакого! А вдобавокъ ко всему, со стороны этого толстаго старшины даже начальническій выговоръ какой-то получила здорово-живешь, по первому же шагу!.. Неужели и впредь пойдетъ все такъ же?!

Среди этихъ печальныхъ размышленій, Тамара и не замѣтила, что къ ней со стороны священническаго дома приближается какая-то сѣренькая, нѣсколько сгорбленная фигурка, и только тогда очнулась отъ своего сосредоточеннаго раздумья, когда услышала вблизи себя слова:

— Здравствуйте, сударыня!

Съ удивленіемъ поднявъ глаза, она увидѣла предъ собою старенькаго священника, въ ватномъ демикотоновомъ подрясникѣ, съ рѣденькою бородкой и съ заплетенною сѣдою косицей на затылкѣ. Старичекъ ласково привѣтствовалъ ее, приподнявъ свою широкополую, порыжѣлую отъ времени шляпу.

— Вѣрно, новая учительница наша? спросилъ онъ, глядя на нее своими обвѣтренными, слезящимися глазками, въ которыхъ тихо свѣтилась добрая улыбка, и получивъ отъ Тамары утвердительный отвѣтъ, — Я такъ и думалъ! такъ и думалъ! продолжалъ онъ, закивавъ на нее сивенькою бородкой:—Вижу, подъѣхала къ школѣ молодая особа, — кому бы, думаю, быть, какъ не учительницѣ? Навѣрное учительница!—Анъ оно такъ и есть!.. Очень ради, очень ради вамъ, сударыня!..

— А вы, батюшка, вѣрно, священникъ здѣшній? спросила въ свой чередъ Тамара.

— Бывшій, сударыня, бывшій... Сорокъ-пять лѣтъ на приходѣ сидѣлъ... ну, а нынѣ на покоѣ живу... отпущенъ. Вотъ, отъ третьяго Спаса четвертый годъ пошелъ, какъ на покоѣ. Владыка тогда въ Бабьёгонскѣ былъ,—объѣздомъ по епархіи, значитъ, — ну, и меня къ себѣ вытребовалъ. „Пора бы, говоритъ, тебѣ, отецъ Макарій, и на покой, старъ ужь ты сталъ и немощенъ; послужилъ, будетъ съ тебя! Надо бы и молодому мѣсто уступить".—Чтò жъ, говорю, владыко, оно и точно, человѣкъ я вдовый, одна дщерь у меня, дѣвица на зрѣломъ уже возрастѣ, и кабы ей женихъ подходящій по нашей линіи, по священству, значитъ, я готовъ ему съ вашего архипастырскаго благословенія приходъ уступить.—„Ладно, говоритъ, ступай съ миромъ, я пришлю жениха". И точно: мѣсяца не прошло, какъ прислалъ, не оставилъ въ забвеніи. Ну, порѣшили мы тогда свадьбу, и вотъ, такимъ-то родомъ, я и живу теперь при зятѣ... Онъ ужь теперь священствуетъ, а я такъ только, въ доброхотную помощь ему, въ родѣ какъ викарный, скажемъ. Вотъ, и въ школѣ замѣсто его законъ Божій преподаю ребяткамъ,— совмѣстно, значитъ, съ вами подвизаться будемъ, учительствовать...

Словоохотливый старичекъ сразу понравился Тамарѣ своимъ неподдѣльнымъ добродушіемъ.—„Слава Тебѣ, Господи, хотя одна живая душа, кажись, будетъ!" подумалось ей въ эту минуту.

— Да что жъ вы сидите-то, сударыня, тутъ, на дворѣ? спохватился онъ наконецъ: въ комнату бы пожаловали... Э, да никакъ и дверь на замкѣ?.. Ну, такъ и есть!.. Ай-ай, какъ же это такъ?.. Пойдемте хоть къ намъ пока, предложилъ онъ:— обогрѣетесь, по крайности.

Тамара поблагодарила, объяснивъ, что рада бы душевно, да не можетъ отойдти отъ вещей, которыхъ нè на кого покинуть,—сторожъ запропастился куда-то.

— Ну, вотъ!.. Ахъ, ужь этотъ Ефимычъ! досадливо закачалъ головой священникъ:—бѣда съ нимъ!.. И вѣдь хорошій человѣкъ, сударыня, совсѣмъ хорошій... Одно горе: выпивать любитъ. А кабы не это, работникъ-то какой золотой, я вамъ доложу,—на всѣ руки!.. Онъ у насъ и сапожникъ, онъ и башмачникъ, и столяръ, и маляръ, на всякую подѣлку домашнюю первый человѣкъ, одно слово!.. Ну, только чуть зашиб

копѣйку, сейчасъ въ трактиръ, и непремѣнно это чтобы въ компаніи...

— Семейный? спросила Тамара, заинтересованная въ этомъ болѣе со стороны возможности найдти въ его семьѣ кого-нибудь для своей домашней услуги.

— Нѣтъ, куда ему! безнадежно махнулъ старичекъ рукою:—бобыль, старый солдатъ въ отставкѣ, жить негдѣ,—ну, и пристроили сторожемъ при школѣ, такъ, Христа ради... Изъ-за одного лишь теплаго угла живетъ.

— У насъ-то, сударыня,—началъ священникъ, помолчавъ немного:—вотъ, хоть школьное зданіе приличное есть, и то благодареніе Господу,—хорошее зданіе, что̀ и говорить!—при старыхъ помѣщикахъ строено, лѣтъ двадцать, а то и поболѣ, назадъ. Все же нѣкоторое удобство вамъ будетъ, потому какъ тутъ и комната особливая для учителя полагается, и сторожъ для услуги есть. А вотъ, какъ въ другихъ-то селеніяхъ, я вамъ доложу, такъ и не приведи Богъ, сколь плохо!.. Школы-то земскія помѣщаются больше все по наемнымъ лѣтнимъ избамъ,—тѣснота, холодъ, сырость, воздухъ спертый, да какъ еще на̀ зиму печурку желѣзную приладятъ,—совсѣмъ смерть!.. Учительницы всю зиму такъ и не вылѣзаютъ ни днемъ, ни ночью изъ овчиннаго тулупа... Многія все здоровье потеряли на этомъ.

— И гдѣ же онѣ помѣщаются? участливо спросила дѣвушка:—неужели въ этихъ самыхъ школахъ?

— Нѣтъ, куды тамъ въ школахъ? Въ школахъ негдѣ,—и безъ того тѣснота,—а такъ, больше все по крестьянскимъ светёлкамъ, либо на задворкахъ, въ баняхъ ютятся, за уголъ платятъ хозяевамъ... Одинъ учитель, такъ тотъ цѣлую зиму въ амбарѣ выжилъ. А у насъ еще что̀! У насъ, слава Богу, жить можно! Да и лавки есть на селѣ,—того-сего купить подъ рукою, а въ другой-то деревнѣ—не угодно ли верстъ за пятнадцать на своихъ на двоихъ за четверкой чаю бѣжать! Шутка ль!..

Наконецъ, Васютка разыскалъ и привелъ старика Ефимыча, немножко подъ хмѣлькомъ и потому не совсѣмъ довольнаго, что его оторвали отъ пріятной компаніи въ трактирѣ. Впрочемъ, увидѣвъ новую учительницу вмѣстѣ съ отцомъ Макаріемъ, онъ пересталъ ворчать, сейчасъ же подбодрился и браво, „по-николаевски“, выпалилъ имъ свое „здравія желаю!“

Старый „батюшка“ началъ было слегка журить его, что

какъ же-де можно такъ бросать безъ призора школу и пропадать невѣсть-гдѣ столько времени,—хоть бы ключъ оставлялъ ему, что ли, когда уходитъ! Но тотъ только головой мотнулъ ему на это, какъ лошадь въ хомутѣ,—не замай, молъ!—и повернулся къ дѣвушкѣ.

— Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить!.. Вы наши наставники, мы ваши слуги, это я, значитъ, должо̀нъ понимать... и со всѣмъ моимъ почтеніемъ... а батюшка это напрасно... потому я святымъ духомъ знать не могъ и къ мѣсту тоже человѣкъ не пришитый. Вѣрно! А ежели виноватъ,—виноватъ, одно слово!.. Прошу любить да жаловать... Ужь извините, смёрзлись, чай, безъ меня-то? Ну, да вѣдь не ждали васъ сегодня, потому какъ...

— Отворите пожалуйста, перебила его Тамара, предвидя, что если не напомнить ему объ этомъ, такъ болтовнѣ его и конца не будетъ.

— Въ секунтъ! подхватилъ сторожъ, встрепенувшись по-военному—будьте покойны, сейчасъ отворимъ, и чемоданчики ваши перенесемъ, и все что̀ угодно,—въ одинъ секунтъ!.. Это мы живо... А вы, барышня, никакъ, изъ жидовъ будете? съ добродушнымъ и наивнымъ удивленіемъ спросилъ онъ вдругъ, вглядываясь въ черты лица Тамары.

Та нѣсколько смутилась отъ этого, совершенно уже неожиданнаго и не совсѣмъ пріятнаго ей вопроса; но не рѣшаясь отвѣтить ни „да“, ни „нѣтъ“, съ принужденной улыбкой спросила его въ свой чередъ, почему онъ такъ думаетъ?

— А съ лица быдто похоже показалось мнѣ, я и подумалъ себѣ... Мы тоже, вишь ты, въ Польшѣ въ этой самой долго стояли, въ Аршавѣ, значитъ, пояснилъ онъ:—такъ тамъ ужь чего-чего, а жидовъ—хоть прудъ пруди! И такъ намъ эти самые жиды примелькались, что вотъ и въ Рассеѣ теперь кажиннаго, въ какой онъ одежѣ ни будь, сейчасъ по лицу признаю... Вѣрно!

— Ну, отворяй-ка, отворяй, братъ, поскорѣе, нѐчѣмъ пустяки болтать-то! внушительно понудилъ его батюшка,—барышня, вишь, и то зазябла вся, а ты зря только мѐлевом мелешь!

— Зазябла? предупредительно спохватился сторожъ:—Э ничего... Это мы мигомъ печку затопимъ! Вотъ только дровецъ-то гдѣ раздобыть, не знаю. Къ намъ-то мужички еще не собрались доставить изъ лѣсу. Просилъ онамѐдни старосту.

обѣщался распорядиться, ну, а только еще не привозили... Да ничего, какъ-нибудь и такъ согрѣемся!.. Пожалуйте! обратился Ефимычъ къ Тамарѣ, отворивъ ей наконецъ дверь:— Сюда-сюда, налѣво,—тутъ вотъ и будетъ эта самая ваша фатѐра, а направо—тамъ классная.

Черезъ темныя сѣни вошла Тамара въ небольшую прихожую, или кухню, съ широкою русскою печью, откуда одностворчатая низковатая дверь вела въ слѣдующую комнату о двухъ окнахъ.

— Вотъ здѣсь, значитъ, я, а тутъ, значитъ, вы, пояснилъ Ефимычъ, указывая ей въ дверяхъ на оба смежныя помѣщенія.

Такое непосредственное сосѣдство со сторожемъ, не всегда, къ тому же, трезвымъ, показалось дѣвушкѣ не совсѣмъ удобнымъ; но, очевидно, дѣлать было нечего, приходилось мириться съ тѣмъ, чтò есть, и тѣмъ болѣе, если это помѣщеніе, по словамъ священника, считается ёще, сравнительно съ другими, чуть не роскошнымъ. Учительская „фатѐра", однако, произвела на нее не очень-то пріятное впечатлѣніе: тускло, голо, да и холодно, какъ въ погребѣ; на стѣнахъ мѣстами облупилась штукатурка, на окнахъ и по угламъ протянулись пыльныя тенета старой паутины, въ воздухѣ отдаетъ какою-то затхлостью нежилой каморы, которая давнымъ давно уже не провѣтривалась и не подметалась. Ни мебели, ни вообще изъ предметовъ домашней обстановки не было ровно ничего. Выхода особаго тоже не оказалось,—приходится, значитъ, ходить черезъ помѣщеніе сторожа.

— На чемъ же я спать тутъ буду? спросила Тамара, оглядывая вокругъ всю комнату, съ недоумѣвающимъ и нѣсколько брезгливымъ выраженіемъ.

— А вотъ! показалъ ей сторожъ, похлопывая ладонью по кирпичной и когда-то даже выбѣленной лежанкѣ. Коли-ежели истопить печку, тутъ пречудесно! И снизу припекаетъ, и отъ стѣны духъ идетъ,—первый сортъ!.. Я-то самъ тоже на печи сплю,—лучше не надо!

Но у Тамары имѣлась при себѣ только одна подушка; тюфяка не было, да и при школѣ, говоритъ Ефимычъ, таковаго не полагается.

— Это ничего! утѣшалъ онъ дѣвушку:—можно сѣнца, либо соломки раздобыть,—это мы подстелемъ! И ежели чтò на счетъ стола или скамейки, такъ это тоже можно изъ клас-

ной захватить пока,—столу ничего съ того не сдѣлается. Это мы все можемъ и всѣмъ распорядимся.

Вещи тамары были перенесены съ крыльца въ ея комнату, послѣ чего отецъ Макарій счелъ своевременнымъ откланяться ей, сказавъ на прощаніе, что не смѣетъ долѣе стѣснять ее собою, такъ какъ она, конечно, устала съ дороги и навѣрное желаетъ отдохнуть, а въ случаѣ если нужно будетъ самоваръ, или другое что̀, такъ ужь пожалуйста присылайте Ефимыча къ намъ, дочка отпуститъ все, что̀ понадобится.

Старичекъ удалился, а за нимъ въ припрыжку побѣжалъ домой и Васютка, получивъ отъ Тамары за свои хлопоты цѣлый пятакъ на гостинцы. Вслѣдъ за тѣмъ ушелъ и Ефимычъ добывать для нея гдѣ-нибудь охапку дровъ или хвороста, да соломы, на подстилку, а кстати купить для нея же въ лавкѣ сальную свѣчку.

Въ ожиданіи его возвращенія, Тамара не раздѣваясь присѣла на лежанку и, въ раздумьи, тупо какъ-то и неподвижно уставилась глазами въ тусклыя окна своей, все болѣе и болѣе погружавшейся во мракъ, комнаты.

На дворѣ, между тѣмъ, совсѣмъ уже стемнѣло; въ оконцахъ избъ, по ту сторону площади, замигали тамъ и сямъ огоньки, уличные звуки дневной жизни мало по малу затихли, — и въ самой комнатѣ установилась та мертвая тишина пустоты, при которой каждый случайный шорохъ, подпольный скребокъ мыши, или легкій трескъ половицы гораздо чутче уловляются ухомъ, кажутся громче обыкновеннаго и, какъ-то невольно останавливая на себѣ вниманіе, заставляютъ настороженно къ нимъ прислушиваться. Жуткое чувство одиночества въ потьмахъ еще тоскливѣе, чѣмъ давеча на крылечкѣ, охватило дѣвушку; грустныя мысли сами собою лѣзли въ голову, и перспектива будущей жизни ея въ этой школѣ стала представляться далеко не столь свѣтлою, какою казалась ей еще сегодня утромъ. Полное одиночество — вотъ какъ теперь — и матеріальное, и нравственное; не съ кѣмъ ни мыслью подѣлиться, ни душу отвести... Нужда, лишенія, можетъ быть, болѣзнь... Никого-то близкаго и ничего-то своего у нея нѣтъ,—ничего, даже изъ числа самыхъ необходимыхъ вещей, — всѣмъ, значитъ, надо обзаводиться, средствъ на это такъ мало... Да и когда-то еще, и гдѣ он успѣетъ обзавестись всѣмъ, что нужно!.. То-ли дѣло было в Украинскѣ, въ дѣдушкиномъ домѣ, подъ крылышкомъ у „бо Сорре“, которая ее такъ любила, такъ пестовала!.. Да, был

тамъ у нея когда-то своя уютная комнатка съ окнами прямо въ садъ, подъ которыми росли кусты сирени; была своя любимая библіотечка, своя мягкая, эластическая постель подъ снѣжно-бѣлымъ кисейнымъ пологомъ... И какъ тепло и свѣтло было въ этой комнаткѣ, какъ хорошо и беззаботно жилось въ ней, и какъ ее всѣ тамъ любили!.. Кто-то теперь живетъ въ ней и что-то тамъ дѣлается?.. Вспоминаютъ ли порою о ней, о „фѣйгеле-Тамарѣ“, о „Тамарѣ-лёбенъ“, какъ звала ее, бывало, бабушка?.. Но что жъ это? Неужели сожалѣніе о прошломъ? Неужели это оно незамѣтно закралось къ ней въ душу и вдругъ такою щемящею болью заговорило въ ея сердцѣ?!. Господи, да что жъ это съ нею?! Съ чего это вдругъ?.. Нѣтъ, нѣтъ не надо!.. Не надо вспоминать объ этомъ... Все это было когда-то, давно уже, и все минуло, прошло, какъ дѣтскій сонъ... Со всѣмъ этимъ разъ на всегда уже покончено, — зачѣмъ же напрасно бередить старую рану!.. Лучше думать о чемъ другомъ,—о настоящемъ, о сегодняшнемъ... О чемъ-бишь она думала?.. Да, о томъ, что ничего-то у нея нѣтъ и что всѣмъ надо будетъ обзавестись. И точно: нѣтъ вотъ ни стола своего, ни стула, ни постели, не говоря уже о самоварѣ, о чашкахъ, тарелкахъ и прочей посудѣ,— а гдѣ все это достанешь въ деревнѣ, и чего все ато будетъ стоить!.. А потомъ еще вотъ что̀: гдѣ и что она будетъ ѣсть, и кто станетъ готовить ей пищу? Кто стирать бѣлье? Неужели все тотъ же Ефимычъ?.. Кабы вотъ у священника, что-ли, можно было столоваться... Хорошо, если тамъ согласятся принять ее на хлѣба̀ за плату, а если нѣтъ, тогда какъ? Искать по крестьянамъ — не возьмется ли кто изъ нихъ, или же брать обѣдъ изъ трактира? Но послѣднее, вѣроятно, будетъ ей не по карману... Не надо забывать, что отнынѣ ей предстоитъ жить всего лишь на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, удовлетворяя изъ этого скуднаго жалованья, какъ знаешь, всѣ свои житейскія нужды и потребности.

Въ первый разъ еще о̀троду такіе насущные и чисто практическіе вопросы нужды и жизни встали предъ Тамарой, во всей своей наготѣ и неотразимости, и она невольно терялась пока предъ ихъ разрѣшеніемъ, сама еще не зная, какъ и что̀ это будетъ даже завтра. На войнѣ было куда лучше и легче! Тамъ хотя и много было трудовъ и лишеній, но зато не приходилось самой заботиться ни о кускѣ хлѣба, ни о ночлегѣ, ни объ остальныхъ всѣхъ нуждахъ, — тамъ за нихъ, за сестеръ, заботились объ этомъ другіе, уполномоченные „Краснаго Креста“, а здѣсь

теперь все сама обо всемъ подумай и сама все себѣ сдѣлай, — за всякую работу другимъ вѣдь не накланяешься и не наплатишься, — ни поклоновъ, ни денегъ не хватитъ! Но, впрочемъ, что жъ! Это ее не особенно еще пугаетъ: живутъ же другія учительницы, да еще — вонъ сказываютъ — много хуже, чѣмъ ей здѣсь приходится. Чѣмъ же она лучше ихъ!? Назвался груздемъ, говоритъ пословица, полѣзай въ кузовъ! — Дастъ Богъ, проживетъ и она какъ-нибудь, пока есть молодость да силы. Энергіи пока, слава Богу, не занимать-стать, да и характеръ, и сила воли найдутся. Въ этомъ отношеніи она, какъ видно, вышла въ своего покойнаго отца: тому не разъ ужь какъ вѣдь плохо приходилось въ жизни! совсѣмъ прогоралъ человѣкъ, а все же духомъ не падалъ, — и каждый разъ одна только собственная своя энергія спасала!.. О, да, это былъ настоящій боецъ жизни, думалось Тамарѣ: — боецъ до конца, пока смерть не сразила... И будь онъ живъ, — какъ знать! — ей сдается, ей чувствуется, ей вѣрится, что онъ не отнесся бы къ ней, къ своей Тамарѣ, такъ безсердечно и безпощадно, какъ другіе, за то, что она поступила такъ, а не иначе, въ силу своего глубокаго внутренняго убѣжденія. Не даромъ же евреи всегда называли его вольнодумцемъ!.. Но дѣдушка? Неужели онъ, этотъ умный, добрый, сердечный дѣдушка не въ состояніи понять и простить ее?.. Правда, она много причинила ему горя, но все же она вѣдь родная ему, самая близкая, единственная родная теперь на свѣтѣ, — и неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, способенъ искренно ненавидѣть и проклинать ее?!.. О, чего бы она не дала, чѣмъ бы не пожертвовала, чтобы видѣть и обнять его христіаниномъ, на столько же убѣжденнымъ и искреннимъ, на сколько теперь онъ убѣжденный еврей!.. Дѣдушка навѣрное полюбилъ бы тогда Атурина, благословилъ бы ихъ, и всѣ жили бы вмѣстѣ и всѣ были бы счастливы... Сколько добра можно бы было дѣлать!.. Однако, что жъ это? блуждающія мысли ея опять незамѣтно возвращаются къ прошлому, къ родному гнѣзду, къ дорогимъ ей лицамъ. — Опять она ловитъ себя на этомъ. Да что̀ съ нею сегодня дѣлается?!. А, всему этому одна причина: ея одиночество... Да, одиночество, — это такъ понятно. Скорѣй бы что-ли за дѣ[ло] приниматься, — отдаться ему всею душой, всѣми помыслам[и] всей, всей, какъ есть, уйдти въ него, въ это дѣло, встряхнут[ься] нравственно, — и всю эту блажь какъ рукою сниметъ!.. Борьба? — Что жъ, будемъ бороться и съ голодомъ, и съ холодомъ, ес[ли] ужь судьба такая! Стало быть, для чего-нибудь это такъ нужн[о].

Но обращаясь мысленно къ сегодняшней дѣйствительнос[ти]

одно только находила Тамара ужасно для себя непріятнымъ,— это то, что Ефимычъ угадалъ въ ней еврейку. Обстоятельство само по себѣ совершенно пустое, но непріятно оно было тѣмъ, въ особенности, что подавало ей поводъ тревожиться за будущія отношенія къ ней деревенскихъ дѣтей, а главное, ихъ родителей. Ахъ, этотъ Ефимычъ противный!.. И нужно же было!.. Пойдутъ теперь „жидовка“ да „жидовка“!..

И что это, въ самомъ дѣлѣ, за печать такая на ихъ племени! Ничѣмъ ее не изгладишь!.. Ужь кажется, въ ея лицѣ такъ мало этихъ рѣзкихъ, типично еврейскихъ чертъ и особенностей,—сами евреи не разъ, бывало, при ней высказывались объ этомъ, иные даже удивлялись „такой странности“, а другіе сожалѣли, что въ ней, „въ отпрыскѣ корня Давидова“, на ихъ взглядъ, совсѣмъ ничего нѣтъ „нашего“, и за глаза не безъ ехидства называли ее за это „вѣнскимъ продуктомъ“, желая набросить такою кличкой сомнительную тѣнь на самую чистоту еврейскаго ея происхожденія. Разныя жидовочки-сверстницы еще въ гимназіи дразнили ее изъ зависти этими самыми словами, чтò въ дѣтствѣ нерѣдко до слезъ оскорбляло и огорчало Тамару, заставляя ее еще болѣе сторониться отъ своихъ маленькихъ соплеменницъ. И вотъ, поди-жъ ты!—для „своихъ“ она—„вѣнскій продуктъ“, а здѣсь—простой солдатъ сразу узнаётъ въ ней еврейку!

Происхожденія своего стыдиться, конечно, нечего, да она и не стыдится,—она не виновата, что въ ней течетъ семитическая кровь,—но тутъ досадно другое. Этотъ старый болтунъ ужь навѣрное не утерпитъ, чтобы не разблаговѣстить по всему селу, что наша-де новая учительница „изъ жидовъ“, и сдѣлаетъ это даже безъ всякаго злаго намѣренія, а такъ по тому же наивному добродушію, съ какимъ онъ давеча задалъ и самый вопросъ свой Тамарѣ. А между тѣмъ, молва съ его словъ пойдетъ все дальше да дальше, и не трудно предвидѣть, что послѣдствіемъ ея на первыхъ же порахъ явится у крестьянъ невольное предубѣжденіе противъ учительницы и недовѣріе къ ней, какъ „жидовкѣ“, которая естественнымъ образомъ перейдетъ отъ родителей и къ дѣтямъ, будущимъ ея ученикамъ и воспитанникамъ, а это уже совсѣмъ плохо, потому что сразу можетъ поставить ихъ въ ненадлежащія къ ней отношенія.— Вотъ чтò прискорбно. Тамъ поди еще, жди, пока-то отцы и дѣти разубѣдятся въ своемъ предубѣжденіи. Да и сколько нравственныхъ усилій, сколько осторожности и такта придется приложить къ дѣлу, чтобы возстановить между собой и ими

доброе довѣріе и хорошія, простыя отношенія! Да и вопросъ еще,—удастся ли это вполнѣ, несмотря на всѣ ея старанія?— Можно скорѣе предполагать, что кое-какой осадокъ предубѣжденія все-таки останется въ душѣ если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ, и глядя на нее, они будутъ себѣ думать: „хороша-то хороша, и очень тобой мы довольны, а какъ-ни-какъ, все же ты изъ жидовъ выходишь, — значитъ, *не наша*“, и будутъ отъ нея сторониться. Этого болѣе всего опасалась Тамара, предчувствуя, что подобное положеніе въ состояніи будетъ намного отравить ея существованіе въ русской деревнѣ. Раньше она и не думала объ этомъ, ей и въ голову не приходили такія опасенія, — и вотъ одинъ простодушный вопросъ стараго солдата вводитъ ее въ сомнѣніе и нарушаетъ всѣ ея радужныя мечты о жизни въ деревнѣ и надежды на благотворность своей душевной скромной дѣятельности, среди народа, который она успѣла такъ полюбить за время войны, въ лицѣ того же русскаго солдата, считая и самоё себя также „русской“. Неужели же эта несчастная „печать жидовства“ будетъ служить ей вѣчною помѣхою въ жизни?!.

* * *

На лѣсенкѣ школьнаго крыльца послышался наконецъ Тамарѣ тяжелый топотъ чьихъ-то всходящихъ шаговъ, сопровождаемый кряхтеньемъ человѣка, очевидно, тащившаго на себѣ какую-то тяжесть, которую, вслѣдъ за симъ, онъ грузно сбросилъ съ плечъ на полъ въ сѣняхъ; затѣмъ пѣвуче заскрипѣла отворявшаяся дверь и изъ сѣней,—и на порогѣ раздался въ потемкахъ добродушный голосъ Ефимыча:

— Ну, вотъ и я!.. Соскучились, чай?.. сейчасъ свѣчку заправлю, свѣтло будетъ. Староста вязанку хвороста отпустилъ! продолжалъ онъ докладывать многодовольнымъ тономъ, словно бы ему и самому радостно было, что хлопоты его увѣнчались успѣхомъ:—Эва-на, какая вязанка! Я ужь постарался—благо, своя рука владыка!—чтобъ и на завтра намъ хватило. А вотъ тоже отъ сотскаго сейчасъ сѣнничекъ вамъ принесутъ, — у нихъ, вишь ты, залишній нашелся, — пущай-де, говоритъ, барышня поспитъ, пока свой справитъ, намъ никчему. Важно!

— Спасибо, голубчикъ! отъ души поблагодарила его Тамара

— То-то, „спасибо“!.. Ты спасибо-то вонъ Кому, — Богу, значитъ, говори, да добрымъ людямъ, а мнѣ что!—Я должность свою справляю... Вотъ, сожди малость, сейчасъ къ батькѣ с самоваромъ сбѣгаю.

И невнятно ворча себѣ подъ носъ, Ефимычъ принялся ш

рить и копошиться надъ чѣмъ-то у себя на окнѣ да на печкѣ, послѣ чего, спустя минутку, внесъ къ Тамарѣ зажженную свѣчку, вставленную въ горлышко пустой бутылки изъ подъ пива.

— Ишь ты, лиминацыя какая! похвалился онъ, высоко поднявъ въ рукѣ свой импровизованный подсвѣчникъ, и съ основательнымъ видомъ поставилъ его пока на окошко.

Черезъ полчаса въ комнатѣ уже весело трещалъ и пощелкивалъ пылающій хворостъ въ печкѣ, и стоялъ между окнами крашеный „учительскій" столъ, на которомъ кипѣлъ и пыхтѣлъ поповскій самоваръ, наполняя комнату горячимъ паромъ; и лежали тутъ же тюрички, съ чаемъ и сахаромъ, связка бубликовъ, холодная курица да ветчина съ колбасою, припасенные Тамарой на дорогу еще въ Бабьёгонскѣ, и сама Тамара сидѣла уже не на лежанкѣ, гдѣ Ефимычъ прилаживалъ ей теперь постель, а на стулѣ, позаимствованномъ все тѣмъ же Ефимычемъ у „батюшки".

Расположеніе духа ея приняло менѣе грустное направленіе, и самъ Ефимычъ повеселѣлъ еще больше, — быть можетъ, отъ превкушенія предстоявшаго ему удовольствія попарить нутро чайкомъ и спать сегодня у себя на давно нетопленной печи въ болѣе теплой температурѣ.

Чтобы достать себѣ чистую наволочку и простыни, пришлось Тамарѣ распаковать чемоданъ, и тутъ, разбирая въ немъ свое добро, она съ грустной усмѣшкой созналась себѣ, что зря накупила въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ много лишняго, безполезнаго.—Ну, на что̀ ей, напримѣръ, эти лайковыя и шведскія перчатки о шести пуговкахъ, если здѣсь, въ такомъ холодѣ, впору носить только вязанныя варешки; на что этотъ красивый абажуръ при сальной свѣчкѣ въ пивной бутылкѣ, эта изящная костяная разрѣзалка, хрустальная чернильница съ бронзовою крышкой, баночка любимыхъ духовъ, или эта пудра съ лебяжьей пуховкой,—къ чему все это, когда тутъ даже спать-то не на чемъ полюдски! Не лучше ли было приберечь лишнюю копѣйку, да купить на нее желѣзную кровать съ матрацемъ... А теперь жди, пока-то еще скопитъ денегъ на такую роскошь!.. Но что̀ же дѣлать,—на то и промахи, чтобъ была впередъ наука.

За то давно уже не пила она чаю съ бубликами и мясными закусками съ такимъ удовольствіемъ и аппетитомъ, какъ сегодня, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на свѣжемъ, сыромъ воздухѣ, въ дорогѣ. Назябшія, обвѣтрившіяся щеки и уши ея разгорѣлись теперь, послѣ двухъ стакановъ чая, и пылали

яркимъ алымъ румянцемъ. Да и сама она послѣ этого почувствовала себя гораздо благосостоятельнѣе, живѣе, спокойнѣе нервами, и потому замѣтно повеселѣла и уже не съ такимъ мрачнымъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ смотрѣла на свое будущее. Даже самая комната эта показалась ей теперь болѣе привѣтливой и удобной.—Ничего себѣ, стоитъ только немного почистить ее, вымыть полъ да стекла, обтереть углы и стѣны,—и будетъ, пожалуй, совсѣмъ сносно, особенно, если удастся современемъ кое-какую мебелишку поставить.

„Нѣтъ, думалось ей въ эти минуты:—свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Найдутся они, безъ сомнѣнія, и въ Горѣловѣ. Да что жъ, хоть бы этотъ отецъ Макарій, напримѣръ, или даже этотъ Ефимычъ,—въ сущности говоря, вѣдь прекраснѣйшіе люди. Да и сотскій тоже, должно быть, хорошій человѣкъ: и слова, вишь, не сказалъ, а самъ еще охотно сѣнничекъ предложилъ, когда у него только соломы просили. Найдутся, вѣрно, и другіе хорошіе,—стоитъ лишь пообжиться да приглядѣться къ нимъ поближе. А тамъ, дастъ Богъ, все хорошо пойдетъ, все наладится понемножку“.

— Ну, барышня, спасибо, что остатки чайку старику пожертвовала, и на сахарѣ благодарствую, поклонился ей солдатъ, прибирая со стола лишнее:—Вотъ, значитъ, я и побалуюсь малость у себя въ кельѣ, за твое здоровье. Люблю я этта чаёкъ-то, когда угостятъ!.. А ты запри-ко-ся на крючекъ, дверь-то,—тутъ крючечекъ есть такой,—да и спи-себѣ съ Богомъ! прибавилъ онъ въ тонѣ наставительнаго совѣта.—Ишь ты, лежанка-то какъ нагрѣлась,—одна сласть!

Посидѣвъ еще немного послѣ его ухода, Тамара почувствовала, какъ въ согрѣвшейся комнатѣ ее все сильнѣй и сильнѣй начинаетъ разбирать охота ко сну. Постель на лежанкѣ, подъ чистымъ, свѣжимъ бѣльемъ и байковымъ одѣяломъ, показалась ей и оригинальной, и даже привлекательной. На войнѣ и не такъ еще спать приходилось, и ничего, спала же!—а тутъ и подавно спать будетъ. Испытывая здоровую физическую усталость и на много уже успокоенная нравственно, она не хотѣла ни о чемъ болѣе думать сегодня, ни загадывать о будущемъ и, только ложась въ постель, горячо помолилась Богу, съ полною вѣрой и надеждой предавая себя Его святой волѣ и прося устроить о ней и о всемъ на благо, „яко же самъ Ты, Господи, вѣси!“

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА БЕРЕГАХЪ ДИКОЙ ОРЛИЦЫ.[1]

Изъ поѣздки въ Чехію лѣтомъ 1890 г.

(*Окончаніе*).

IV.

Мы не разъ уже упоминали о высокомъ горномъ хребтѣ, высящемся на другомъ берегу Дикой Орлицы, на юго-западѣ отъ Потштейна. Круто обрываясь надъ Орлицей, онъ постепенно понижается въ противоположную сторону, на западъ; онъ весь поросъ густымъ, уже старымъ лѣсомъ, частью хвойнымъ, частью лиственнымъ, напр. буковымъ, и его дикій, нѣсколько сумрачный характеръ представляетъ особенную привлекательность какъ для туриста-любителя дикой природы—если только онъ хорошій ходокъ и не придерживается удобныхъ дорожекъ,—такъ и для добраго охотника на всякую дичь, которой здѣсь должно быть достаточно.

Самая высокая вершина этой горной громады носитъ названіе *Велешовъ*. Есть мнѣніе, что оно происходитъ отъ языческаго бога Велеса, покровителя пастуховъ и стадъ, которому-де, вѣроятно, существовалъ здѣсь культъ, но доказать этого, конечно, нельзя. На самой вершинѣ горы среди лѣса видны развалины какого-то зданія, какихъ-то стѣнъ. Предположеніе, что тутъ стоялъ нѣкогда монастырь или градъ ордена Тампліеровъ, не имѣетъ никакого основанія; но отрицать вообще существованіе здѣсь стараго града нѣтъ возможности. Слѣды его слишкомъ очевидны; въ нихъ трудно признать развалины простой хозяйственной постройки, какъ нѣкоторые полагали. Наконецъ, есть упоминаніе града Велешова (catrum welischov) безъ сомнѣнія этого самаго и въ одной старой грамотѣ (1358 г.) Очень возможно,

---

[1]) См. „Русск. Вѣст. 1891 г. IV.

что Карлъ IV, разрушивъ и опустошивъ Потштейнскій градъ—устроилъ здѣсь, на Велешовѣ, сторожевой, наблюдательный пунктъ. Нынѣ остатки стѣнъ поросли травой и мхомъ, а все это мѣсто, какъ вся гора,—старымъ лѣсомъ. Обстановка самая дикая; кругомъ царствуетъ глубокая тишина... Старая народная молва разсказываетъ, что здѣсь бывало по воскресеньямъ, среди такой тишины, можно было слышать отдаленное торжественное пѣніе, раздававшееся какъ-бы изъ лона горы. По всей вѣроятности, это отголосокъ тѣхъ временъ, когда дѣйствительно въ этихъ лѣсахъ, особенно во тьмѣ ночной, раздавалось таинственное пѣніе духовныхъ стиховъ и псалмовъ изъ устъ скрывавшихся здѣсь и совершавшихъ въ лѣсной глуши свое богослуженіе чешскихъ братьевъ. Тому же воспоминанію о чешскихъ братьяхъ обязано и названіе сосѣдней ложбины „молитвенный долъ“ (Modlivý důl) и связанное съ нимъ преданіе. Здѣсь, среди огромныхъ каменныхъ глыбъ и утесовъ, въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, близъ стремительнаго горнаго ручья, показываютъ пещеру, гдѣ будто-бы проводилъ свои дни въ постоянной молитвѣ нѣкій невѣдомый отшельникъ. Быть можетъ и здѣсь было просто тайное убѣжище бѣдныхъ изгнанниковъ за вѣру... Дикая, поэтическая обстановка этой горной тѣснины въ лѣсной глуши производитъ глубокое чарующее впечатлѣніе.

Не очень далеко отъ Велешовской вершины, къ югу, тамъ, гдѣ лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, уступая наконецъ мѣсто широкому простору полей, на гребнѣ горы, у крутого обрыва надъ Орлицей, находится возвышенная площадка, не закрытая деревьями, съ которой открывается на сѣверъ и востокъ грандіозный, великолѣпный видъ, съ неизмѣримо-далекой перспективой.

Мѣсто это носитъ оригинальное имя „Na kazatelnĕ (т. е. на церковной каѳедрѣ)—конечно благодаря своему открытому возвышенному положенію. Остановимся тутъ на минуту и взглянемъ на чудный видъ. Прямо впереди, черезъ долину Орлицы—вся какъ на ладони, красуется замковая гора со своими руинами, а у ея подошвы скромно ютится самое мѣстечко Потштейнъ; далѣе къ сѣверу ясно видны сосѣдніе города—Вамберкъ и Рыхновъ, и Костелецъ, и Частоловицы и друг., восточнѣе все Орлицкое погорье, а еще далѣе верхи Крконошъ (исполиновы горы), а въ ясные дни видать и самую Снѣжку (Sněžka)... Если пройти отъ этого пункта нѣсколько

далѣе въ противоположную отъ обрыва сторону, то достигаешь скоро совсѣмъ открытаго голаго мѣста на самомъ перевалѣ черезъ хребетъ, откуда представляется еще болѣе величественная панорама—ужь не въ одну, а въ двѣ стороны на сѣверъ и на югъ. На сѣверъ видно приблизительно то же, что съ перваго пункта, а на югъ—кромѣ ближайшихъ окрестностей—города—Хоцень, Высокое Мыто и до Литомышля, а западнѣе—вся мѣстность до самыхъ Пардубицъ и Хрудима. Отъ этихъ вершинъ одна изъ дорогъ спускается къ западу по другой сторонѣ хребта и скоро достигаетъ оригинально расположеннаго по крутымъ откосамъ довольно глубокой лощины, очень маленькаго селенья или поселка „Proruby", совершенно уединеннаго въ этой дикой горной глуши и, благодаря своей сравнительной неприступности, какъ-бы отрѣзаннаго отъ остальнаго міра. Но если путникъ, забредшій въ это мѣстечко, чувствуетъ его физическую или—такъ сказать—географическую заброшенность и замкнутость, то онъ тотчасъ же замѣчаетъ, что на внутренней жизни обитателей этого уголка это почти не отражается, что въ духовномъ и культурномъ отношеніи нѣтъ признаковъ заброшенности, что, напротивъ, свѣтъ культуры и просвѣщенія широкимъ потокомъ вливается въ это глухое горное ущелье, хотя изъ него нѣтъ даже удобной проѣзжей дороги въ ближайшій сравнительно крупный центръ—Потштейнъ. Проводникомъ этого свѣта, является, конечно, школа. И здѣсь есть сельская школа, занимающая самое видное и благообразное зданіе поселка, имѣющая свой школьный садикъ и проч. Мнѣ памятенъ этотъ скромный уголокъ Орлицкаго края именно посѣщеніемъ школы и ея единственнаго учителя и хозяина. Мы навѣстили его съ моимъ потштейнскимъ учителемъ-спутникомъ г. В., которому тоже пришлось нѣкоторое время до того завѣдывать этой школой и испробовать этой уединенной жизни. Хозяинъ и учитель школы оказался еще молодымъ человѣкомъ съ симпатичнымъ и интеллигентнымъ лицомъ. Когда мы пришли, онъ давалъ урокъ въ просторной классной комнатѣ (съ обычными учебными пособіями)—нѣсколькимъ десяткамъ мальчиковъ и дѣвочекъ, но для рѣдкихъ гостей оставилъ ненадолго классъ и радушно принялъ насъ въ своей миніатюрной квартиркѣ, въ другой половинѣ школьнаго домика.

Онъ оказался семейнымъ человѣкомъ: у него молодая, видно тоже живая и дѣятельная жена и двое дѣтокъ. Только семейный

элементъ и дѣлаетъ его положеніе переносимымъ въ этой глуши. Одинокому почти немыслимо такое существованіе. Достаточно было самой краткой бесѣды, чтобы убѣдиться, какъ разумно, высоко-добросовѣстно и раціонально ведется дѣло первоначальнаго обученія и воспитанія въ этомъ микроскопическомъ уголкѣ, въ какихъ надежныхъ, опытныхъ и талантливыхъ рукахъ оно находится, какъ спокойны и довольны должны быть родители этихъ счастливыхъ въ своемъ наставникѣ школьниковъ и школьницъ. Во всей обстановкѣ, во всемъ, въ самыхъ мелочахъ, окружающихъ этого педагога, видна любовь и преданность своему дѣлу, своимъ святымъ обязанностямъ... Таково впечатлѣніе,—и едва-ли оно можетъ обмануть. Стоитъ упомянуть и о томъ, что онъ—нашъ хозяинъ—оказался замѣчательнымъ мастеромъ и искусникомъ на всевозможныя ручныя работы, и это искусство идетъ опять-таки на школьныя цѣли. Пользуясь дѣйствительно большимъ досугомъ и затрачивая даже свои деньги, онъ изготовляетъ множество всякихъ учебныхъ приборовъ и механизмовъ, а также и игрушекъ для своихъ учениковъ, и понятно, что преподаваніе иныхъ предметовъ при такихъ средствахъ наглядности должно идти особенно успѣшно. Чрезвычайно умѣло занимается нашъ педагогъ рѣзьбою изъ дерева, и масса изящныхъ его работъ въ этомъ родѣ украшаетъ его квартирку. Къ сожалѣнію, ему рѣшительно некуда ихъ сбывать. Наконецъ, онъ и музыкантъ: въ крохотной его гостиной почетное мѣсто занимаетъ инструментъ (вицъ-гармоній). Такая разносторонность, конечно, вообще не очень частое явленіе (впрочемъ, правда, между чехами рѣдко можно встрѣтить не музыканта),—тѣмъ любопытнѣе ее встрѣтить въ такомъ захолустномъ мѣстечкѣ.

Мы не хотѣли долго отрывать отъ дѣла нашего хозяина и, пробывъ у него съ полчаса, простились и продолжали свой путь. Какъ-то особенно тепло и уютно было посидѣть въ этомъ мирномъ пріютѣ добра и гуманности, скромномъ, но вѣрномъ разсадникѣ истиннаго просвѣщенія и культуры простого люда...

Изъ Прорубъ, какъ мы сказали, нѣтъ прямого, удобнаго пути въ Потштейнъ: чтобъ пройти напрямикъ, надо одолѣть всю горную громаду, ихъ раздѣляющую, и притомъ по узкимъ лѣснымъ тропамъ—по камнямъ и крутизнамъ. Но есть другой путь—очень дальній—въ обходъ всей горы; спустившись изъ Прорубъ, онъ идетъ, минуя небольшой, одинокій хуторокъ, по дикой лощинѣ среди лѣса, называемой Закопан-

кой (Zákopanka), и, прорѣзавъ хребетъ, выходитъ на равнину, примыкающую съ запада къ Потштейну. На этомъ пути, въ лѣсистой долинѣ—находится минеральный (желѣзистый) источникъ, нынѣ совершенно запущенный, но который могъ бы—по удобному своему мѣстоположенію—стать предметомъ эксплоатаціи, при нѣкоторой предпріимчивости владѣльца земли (того же барона Добрженскаго).

Изъ другихъ близкихъ окрестностей Потштейна продолженіе долины Дикой Орлицы вверхъ по ея теченію представляетъ такой же романтическій живописный характеръ, а ея лучшимъ украшеніемъ и вмѣстѣ важной исторической примѣчательностью является селеніе *Литицы* (Litice) съ развалинами извѣстнаго зáмка, о которыхъ мы сейчасъ разскажемъ, а въ другія стороны (на сѣверъ и сѣверо-западъ) мѣстность въ общемъ сравнительно ровная, но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько ближайшихъ пунктовъ, какъ напримѣръ городокъ *Вамберкъ*, мѣстечко *Дудлебы* (Doudleby) и городокъ *Костелецъ*, о которыхъ стоитъ особо сказать нѣсколько словъ.

Городъ *Вамберкъ* расположенъ на нѣкоторомъ возвышеніи надъ притокомъ Орлицы, Здобницей (Zdobnice), въ 3/4 часа ходьбы отъ Потштейна въ сѣверномъ направленіи. Это ближайшій городокъ и слѣдовательно главное подспорье для потштейнскихъ жителей. Городъ самъ по себѣ ничего выдающагося не представляетъ и подобенъ всѣмъ другимъ чешскимъ городишкамъ этого размѣра съ числомъ жителей, не превышающимъ 3.000 душъ. Въ центрѣ довольно просторная, продолговатая площадь съ порядочнымъ зданіемъ Ратуши и лавками, тутъ же обычнаго типа церковь, ветхіе каменные и деревянные дома старинной архитектуры вперемѣшку съ новыми, отъ площади нѣсколько узкихъ улицъ и переулковъ, а далѣе къ окраинамъ домики и усадьбы, и наконецъ просто деревенскія избы—вотъ и весь Вамберкъ.

Обыватели живутъ отчасти земледѣліемъ, впрочемъ весьма мало выгоднымъ, частью ремеслами. Есть нѣсколько фабрикъ, напримѣръ ткацкая, красильная, бѣлильная, кирпичный заводъ и проч., но главный мѣстный промыселъ, которымъ прославился Вамберкъ, какъ мною уже однажды упомянуто, это—*плетеніе кружевъ*. Основаніе этого промысла принадлежитъ бельгійкѣ Магдалинѣ Грамбовой (родомъ изъ Мелдека), женѣ одного изъ владѣльцевъ Вамберка и его града (котораго—кстати сказать—нынѣ нѣтъ и слѣдовъ) въ первой половинѣ XVII вѣка. Эта

бельгійка — сама мастерица — научила кружевному искусству нѣсколькихъ вамберкскихъ дѣвушекъ, и такимъ путемъ оно привилось и пустило корни не только въ самомъ Вамберкѣ, но впослѣдствіи распространилось и по всѣмъ его окрестностямъ, такъ что нынѣ этимъ дѣломъ занимаются въ 2-хъ—3-хъ десяткахъ сосѣднихъ селъ и мѣстечекъ и имъ прокармливаются до 5.000 человѣкъ. Въ самомъ Вамберкѣ насчитывается болѣе 900 рабочихъ подушекъ. Конечно, это работа — женская и надъ нею трудятся женщины и дѣвушки—отъ старыхъ до самыхъ маленькихъ дѣвчонокъ, которыхъ матери уже пріучаютъ къ этой работѣ, но въ зимнее время въ бѣдныхъ семьяхъ и мужчины помогаютъ женщинамъ. Кружева плетутся изъ различнаго матеріала: бумаги, шерсти, шелку, на самые различные лады и разной стоимости—отъ самыхъ дешевыхъ, копѣечныхъ по-нашему — до весьма цѣнныхъ. Проворная работница можетъ заработать въ день до 50 крейцеровъ, работая при этомъ отъ 14—15 часовъ. Существуетъ нѣсколько десятковъ различныхъ сортовъ кружевъ (со своими названіями), но надо думать, что лишь немногія изъ нихъ собственно мѣстнаго происхожденія; большинство же посредствомъ добытыхъ или случайно занесенныхъ образцовъ заимствовано съ разныхъ сторонъ. Готовый кружевной товаръ скупаютъ у мастерицъ разносчики и перекупщики, развозящіе и разносящіе его по бѣлому свѣту: одни торгуютъ имъ въ сосѣднихъ краяхъ и вообще въ Чехіи, другіе—отправляются въ болѣе далекія страны, Венгрію, Силезію и т. д. Для дальнѣйшаго развитія и успѣховъ этого промысла устроена недавно въ Вамберкѣ спеціальная школа, и ею руководитъ опытная спеціалистка.

Еще два слова о прошломъ Вамберка. Его основали члены чешскаго рода Дрславичей (въ XIII в.) и назвали его по обычаю того времени нѣмецкимъ именемъ Waldenberg — по его мѣстоположенію; чешскій народъ сдѣлалъ изъ него сперва Walmberg и наконецъ Vamberk. Отъ Дрславичей въ XV вѣкѣ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока въ началѣ прошлаго вѣка не былъ присоединенъ къ Рыхновскому владѣнію. Былъ тамъ въ старину и градъ съ зáмкомъ, но посторонній посѣтитель узнаётъ объ этомъ не безъ удивленія, такъ какъ нынѣ и признаковъ этого сооруженія не видно; осталось лишь преданіе о немъ и старожилы показываютъ домъ, на мѣстѣ котораго онъ нѣкогда стоялъ. Въ заключеніе о Вамберкѣ прибавимъ еще, что это—родина извѣстнаго чешскаго историка, проф.

и академика Калоуска, имѣющаго свою дачку въ Потштейнѣ и проводящаго тамъ ежегодно лѣтнія каникулы.

Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Вамберка на западъ (по дорогѣ къ Костельцу), на правомъ, низменномъ берегу Орлицы лежитъ небольшое селеніе *Дудлебы* (Doudleby), съ давнихъ поръ владѣніе извѣстнаго чешскаго рода „z Bubna", въ которомъ и нынѣ имѣется панскій за̀мокъ (постр. въ XVI в.) съ прекраснымъ паркомъ. Дудлебы—судя по названію—должны принадлежать къ древнѣйшимъ чешскимъ осѣдлостямъ. Кто не узнаетъ въ этомъ имени стародавняго славянскаго племени Дулѣбовъ, столь извѣстнаго и изъ русской лѣтописи! Это племенное названіе принадлежитъ къ такимъ, которыя встрѣчаются въ разныхъ концахъ славянской территоріи, и потому трудно сказать что-нибудь болѣе опредѣленное о происхожденіи тѣхъ Дулѣбовъ, которые дали имя этой чешской осѣдлости. Нынѣ жители с. Дудлебъ занимаются, кромѣ земледѣлія и работы на мѣстной сахарной фабрикѣ, спеціальною сплавкой дерева въ большихъ размѣрахъ. Рыболовство даетъ и имъ, какъ и вообще приорлицкимъ жителямъ, также извѣстный заработокъ.

Къ древнѣйшимъ поселеніямъ края принадлежитъ и городъ (okresni mĕsto) *Костелецъ*, лежащій еще нѣсколько западнѣе на томъ же берегу Орлицы на возвышенномъ мѣстѣ, какъ бы самой природой предназначенномъ для укрѣпленнаго града. Происхожденіе его, т. е. именно *укрѣпленія* (castellum) относятъ къ эпохѣ прадавней, еще языческой, въ пользу чего говорятъ кое-какіе остатки древности, находимые около города. Впослѣдствіи, въ средніе вѣка Костелецкій градъ входилъ въ систему или цѣпь твердынь, окружавшихъ градъ Потштейнъ, и представлялъ одинъ изъ надёжныхъ его оплотовъ. Костелецъ имѣетъ свое небезъинтересное историческое прошлое, распространяться о которомъ здѣсь не входитъ въ нашъ планъ. Нынѣ Костелецъ довольно оживленный городъ, особенно процвѣтающій со времени проведенія черезъ него желѣзной дороги.

Я сказалъ, что самымъ привлекательнымъ и вмѣстѣ примѣчательнымъ мѣстомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Потштейномъ по справедливости считаются *Литицы* съ ихъ замковыми руинами. Прогулку туда—благодаря чудной мѣстности, особенно если погода благопріятствуетъ, можно дѣйствительно назвать очаровательной. Это любимая пѣшеходная экскурсія потштейнскихъ дачниковъ, и всякій, заглядывающій хоть на самое короткое время въ Потштейнъ, чтобъ погулять и отдох-

нуть, обязательно долженъ посѣтить и Литицы. Туда можно доставиться тремя способами: во-первыхъ пѣшкомъ—прямымъ путемъ черезъ лѣсистый хребетъ, образующій съ востока Орлицкую долину, во-вторыхъ пѣшкомъ же вверхъ по этой долинѣ—въ обходъ—по узкому берегу Дик. Орлицы, дѣлающей здѣсь значительную извилину (удобной проѣзжей дороги изъ Потштейна въ Литицы совсѣмъ нѣтъ), и наконецъ по желѣзной дорогѣ, идущей по той же живописной Орлицкой долинѣ, минуя тотъ небольшой изгибъ, на которомъ стоятъ Литицы,—до полустанціи „Bohousov", откуда по прекрасному шоссе подходишь къ Литицамъ уже съ противоположной стороны (идя внизъ по рѣкѣ).

Всего привлекательнѣе, хотя и нѣсколько утомительнѣе, первый изъ этихъ путей (1 ч. ходьбы). Наша небольшая компанія выбрала его тѣмъ охотнѣе, что съ нами не было дамъ, для которыхъ путь по горнымъ тропинкамъ и крутизнамъ дѣйствительно затруднителенъ. Пройдя полосу полей, отдѣляющую Потштейнъ отъ лѣсного пояса, мы стали подниматься по довольно отлогому въ эту сторону боку горнаго кряжа среди стараго высокаго хвойнаго лѣса. Такъ прошли мы порядочное пространство, хотя этотъ переходъ мнѣ показался очень недолгимъ. Вдругъ совершенно незамѣтно мы очутились на краю обрыва; горный хребетъ здѣсь круто обрывается надъ подошедшей сюда съ сѣверо-востока Орлицкой долиной, каменистая тропинка почти отвѣсно спускается по крутизнѣ, но лѣсъ еще густъ и высокъ, и впереди еще ничего не видать... Но вотъ мы спустились еще нѣсколько, до слуха нашего сталъ долетать шумъ бурливаго бѣга Дикой Орлицы, и лѣсъ сталъ замѣтно рѣдѣть. Еще нѣсколько шаговъ, деревья разступились передъ нами и—глазамъ нашимъ предстала необыкновенно живописная, величественная картина. У нашихъ ногъ, какъ-бы описывая дугу, глубокая долина вѣчно шумящей Орлицы, дѣлающей тутъ крутой изгибъ къ югу и потомъ къ востоку; прямо впереди, на другомъ берегу—на мысу, ею огибаемомъ, гора правильной формы, вся покрытая лѣсомъ съ поэтическими развалинами стараго замка на вершинѣ, а у е подножья среди зелени на узкомъ лѣвомъ берегу рѣки скро ные домики и лачуги маленькаго селенія Литицъ. Вся же кр тая сторона горнаго гребня, съ котораго мы спускались, г правому берегу Орлицы покрыта также сплошнымъ и густым нѣсколько сумрачнымъ лѣсомъ и носитъ характерное назв

ніе „Гривы“ (Hřiva). Если читатель представитъ себѣ весь этотъ пейзажъ, да еще при удачномъ освѣщеніи, припомнитъ стремительно-дикій характеръ горной рѣки, и дополнитъ все разнообразіемъ роскошной растительности, то онъ легко поймётъ, какое очаровательное впечатлѣніе производитъ Литицкая долина съ ея обломками замѣчательной средневѣковой старины, почему она пользуется у чеховъ такой популярностью — какъ одинъ изъ самыхъ дивныхъ и романтичныхъ уголковъ ихъ родины!

Спустившись къ самому берегу Орлицы, мы достигли скоро небольшого мостика и, перейдя черезъ рѣку, направились по улицѣ селенія, расположеннаго по лѣвому ея берегу у подошвы замковой горы. Поселокъ „Литицы“ — ничтожный и убогій, но и тутъ есть школа—въ самомъ видномъ и порядочномъ каменномъ домѣ. Проходя по селенію, къ тому мѣсту, гдѣ начинается подъёмъ на гору, мы замѣтили въ ряду домовъ—единственный въ Литицахъ постоялый дворъ или трактирчикъ („Hostinec“) довольно бѣдный и невзрачный, но мы были утомлены и чувствовали голодъ, а потому рѣшились зайти отдохнуть и закусить передъ восхожденіемъ на гору. Было время послѣобѣденное (третій часъ), когда народъ еще отдыхаетъ или изрѣдка сидитъ за пивомъ, и въ трактирѣ почти никого не было; мы сомнѣвались, достанемъ ли тамъ чего-либо кромѣ пива, этого главнаго народнаго напитка, замѣняющаго простому люду и нашъ квасъ и нашу водку... Мы вошли въ просторную, но низкую, просто и даже убого убранную горницу, уставленную вдоль стѣнъ и оконъ скамьями и столами. Старушка-хозяйка засуетилась при нашемъ приходѣ, но оказалось дѣйствительно, что она предложить намъ почти ничего не имѣетъ. Черный кофе,—ибо ни молока, ни сливокъ не оказалось,—сыръ (особ. сорта—въ кружочкахъ „syreček“), хлѣбъ и пиво,—вотъ все, что можно было получить. Но мы и тѣмъ были довольны. Кофе, правда, оказался очень не важенъ, но нельзя было быть взыскательнымъ. Сыръ былъ не дуренъ, и мы спросили еще хлѣба. Старуха подала цѣлый каравай, чтобъ мы сами отрѣзали. Когда мы расплачивались и спросили, что слѣдуетъ за съѣденный сверхъ порціи хлѣбъ (въ Чехіи, какъ и вездѣ заграницей, платятъ за хлѣбъ, подаваемый къ кушанью, особо), хозяйка пробормотала, что это—пустяки и не хотѣла взять ничего... Это насъ удивило. „Вотъ это по-славянски, — видно, что вы настоящая славянка“! замѣтилъ мой русскій спутникъ,

и мы ей разсказали при этомъ о нашемъ обычаѣ относительно хлѣба.

Подкрѣпивши силы, утоливъ голодъ и жажду, мы пошли осматривать руины замка. Дорога не крутая и удобная. Только что мы поднялись на нѣкоторую вышину, какъ изъ зелени показался красиво-расположенный домъ или лѣтняя дача, построенная здѣсь очевидно какимъ-то любителемъ уединенія и дикой природы. Это—частная вилла. Видъ отсюда дѣйствительно великолѣпный—на красивую Орлицу и противоположный вѣковымъ лѣсомъ убранный хребетъ „Гриву", на которомъ, прямо противъ, на значительной высотѣ, пріютился и таинственно выглядываетъ изъ лѣса хорошенькій охотничій домикъ (принадлежащій владѣльцамъ „Литицъ"); за виллой дорога вступаетъ въ густой лѣсъ и идетъ такъ до самаго града. Мы не замѣтили, какъ дошли до нѣкогда глубокаго рва, нынѣ сильно заросшаго, черезъ который перекинутъ мостикъ изъ нѣскольких дощечекъ. Перейдя черезъ него, мы очутились уже у развалинъ когда-то величественныхъ и красивыхъ воротъ. Они еще носятъ слѣды разныхъ украшеній и фигуръ. Надъ воротами—доска съ четырьмя гербами (чешскимъ, моравскимъ, лужицкимъ и кунштатскимъ); тутъ кромѣ латинской и чешская надпись, гласящая, что эта башня сооружена при королѣ чешскомъ Юрьѣ (Подѣбрадѣ), маркгафѣ моравскомъ („tato věže dělána za najjasnějšieho krale Jiřiho, ríkého krále, markrabí Moravského"). Но прежде чѣмъ идти далѣе, кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ историческомъ прошломъ Литицкаго града.

Основаніе его относится къ концу XIII или началу XIV вѣка и есть дѣло одного изъ членовъ рода Дрславичей, укрѣпившихъ твердынями все Орлицкое порѣчье, какъ мы выше видѣли. Но Литицы очень скоро перешли во владѣніе чешской короны: именно во 2-ой половинѣ XIV вѣка они достались панскому роду Кунштатскому и Подѣбрадскому, и вотъ великому чешскому королю изъ этого рода, знаменитому Юрію Подѣбрадскому, Литицкій градъ и обязанъ своимъ историческимъ значеніемъ и славой. При немъ онъ былъ одною изъ лучшихъ и надёжныхъ твердынь Чехіи. Есть преданіе, что Юрій хранилъ здѣсь свои безчисленныя сокровища, и тѣмъ старательнѣе укрѣплялъ свой замокъ. Сколько воспоминаній о важныхъ событіяхъ и трагическихъ эпизодахъ той эпохи связано съ этими запустѣлыми обломками стѣнъ и башенъ!..

Вспомнимъ хоть эпоху послѣгуситскую, когда въ Литицкій градъ былъ заточенъ одинъ изъ самыхъ славныхъ героевъ гуситской борьбы и самыхъ ревностныхъ и пылкихъ вождей таборитовъ, священникъ Вацлавъ Коранда. Одушевленный приверженецъ Гуса и его ученія, онъ одинъ изъ первыхъ громко призывалъ чешскій народъ къ борьбѣ за право, за чистоту церкви, къ мщенію за великаго учителя. Его пламенное краснорѣчіе увлекало всюду народъ, массами за нимъ слѣдовавшій. Явившись въ Таборъ, Коранда всей душой примкнулъ къ таборитамъ, къ ихъ ученію и дѣламъ. Тогда онъ побывалъ и въ плѣну у противниковъ. Въ разгаръ гуситскихъ войнъ онъ участвовалъ во всѣхъ подвигахъ Жижки и Прокопа, и наконецъ пережилъ и разгромъ гуситовъ, послѣ чего продолжалъ жить въ Таборѣ. Когда же табориты не хотѣли подчиниться избранному на чешскій престолъ Юрію Подѣбрадскому, послѣдній въ 1452 г. взялъ и разорилъ это сектантское гнѣздо, забравъ въ плѣнъ его послѣднихъ духовныхъ вождей. Вотъ тутъ-то былъ схваченъ уже престарѣлый Коранда и заключенъ въ Литицахъ, гдѣ и томился до смерти. Но знаменитому узнику (годъ смерти его въ точности не извѣстенъ), повидимому, суждено было еще дожить до знаменательныхъ для его жизненнаго подвига дней, наставшихъ именно въ краю его заточенія... Черезъ пять лѣтъ по водвореніи въ Литицахъ послѣдняго таборскаго священника — въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ томъ же самомъ владѣніи, въ маленькомъ Кунвальдѣ, было положено основаніе (1457) знаменитой Общинѣ Чешскихъ Братьевъ, выросшей на почвѣ гуситскаго и въ частности таборскаго ученія!..

Вспомнимъ еще, что Литицкій градъ былъ надежнымъ оплотомъ короля Юрія въ годину его борьбы съ королемъ угорскимъ Матвѣемъ Корвиномъ (1469) и не могъ быть взятъ тщетно его осаждавшимъ врагомъ. Но прошли слава и время Юрія, и Литицкій градъ не удержался въ его родѣ. Сынъ Юрія Генрихъ изъ-за долговъ продалъ Литицы Вильгельму Пернштейнскому. Вскорѣ потомъ владѣніе перешло въ руки рода Бубновскаго (z Bubna), члены котораго и жили тамъ до половины XVII вѣка, когда первенствующая роль Литицъ досталась Жамберку, давшему имя и всему владѣнію. Съ этихъ поръ начинается упадокъ и запустѣніе Литицкаго града. Уже въ концѣ XVII в. навѣстившій Литицы знаменитый іезуитъ-историкъ и патріотъ Богуславъ Бальбинъ нашелъ его пустымъ... Въ самомъ

началѣ нынѣшняго вѣка Литицы достались графу Виндишгрецу, у котораго вскорѣ (1815) пріобрѣлъ ихъ J. Parish, предокъ нынѣшнихъ владѣльцевъ. Къ сожалѣнію, годъ отъ года остатки замка все болѣе разрушаются и гибнутъ, и для ихъ поддержанія не принимается никакихъ мѣръ, а этого бы, кажется, не заслуживалъ такой памятникъ жизни и дѣятельности одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ славянскихъ государей...

Отъ описанныхъ нами выше воротъ, тоже, къ сожалѣнію, быстро разрушающихся, мы поднялись мимо старыхъ стѣнъ и укрѣпленій къ самому замку на вершинѣ горы. Литицкій замокъ, хоть и стоитъ въ развалинахъ, постепенно все болѣе ветшающихъ, но все же сохранился гораздо лучше Потштейнскаго, и о его формахъ и размѣрахъ можно составить себѣ гораздо лучшее понятіе. Къ главному корпусу примыкаетъ высокая четвероугольная башня, недурно сохранившаяся и нынѣ покрытая деревянной крышей. Она имѣетъ *внизу* двери, что̀ составляетъ особенность сравнительно съ другими подобными замковыми башнями. Подняться въ ея помѣщенія нельзя — за неимѣніемъ внутренней лѣстницы. Своими величественными размѣрами и общей конструкціей замокъ напоминаетъ своего Потштейнскаго собрата, производя такое же сильное впечатлѣніе и всей обстановкой своей. Побродивъ и осмотрѣвшись среди этихъ грандіозныхъ обломковъ достопамятной старины, мы пошли обратно, тѣмъ же путемъ спустились съ горы, но затѣмъ пошли не назадъ — по Литицкому поселку, а далѣе — Орлицкой долиной, чтобы обойти кругомъ замковую гору и взглянуть еще на одну, такъ сказать, природную достопримѣчательность.

Надо сказать, что здѣсь-то долиной Орлицы и идетъ прекрасная шоссейная дорога, соединяющая Литицы съ полустанціей (Богоусовъ) желѣзной дороги. Замковая гора соединена съ возвышенностью, идущею съ востока, отъ Жамберка, — довольно узкимъ и не высокимъ хребтомъ: въ основаніи этого хребта пробито насквозь узкое отверстіе или родъ тунеля, такъ расположенное, что вода протекающей въ непосредственной близи Орлицы можетъ быть пускаема черезъ него; съ противоположной стороны уровень обогнувшей замковую гору Орлицы, конечно, гораздо ниже, отверстіе тунеля приходится на значительной высотѣ, а потому вода, будучи пущена черезъ него, падаетъ на лугъ лѣваго берега рѣки въ видѣ весьма порядочнаго, красиваго водопада. Это отверстіе в-

скалѣ, слывущее подъ именемъ „Мышьей дыры“ (My.i dira) было прорыто еще въ XVII вѣкѣ, по преданію, плѣнными турками. До сихъ поръ искусственный водопадъ этотъ пускался лишь изрѣдка—по особому распоряженію мѣстнаго управленія. Но недавно возникъ, уже одобренъ и даже приводится въ исполненіе смѣлый проектъ измѣнить окончательно русло Орлицы и направить ее въ этотъ тунель, сокративъ, такимъ образомъ, ея теченіе на всю ту дугу, которую она описываетъ вокругъ замковой горы. Не знаю, чѣмъ главнымъ образомъ мотивированъ этотъ проектъ. Огибающая Литицкую гору съ сѣверо-запада красивая долина, конечно, отъ этого потеряетъ, но мѣстность на юго-востокъ отъ града, съ новымъ величественнымъ Орлицкимъ водопадомъ, естественно выиграетъ.

По случаю производимыхъ работъ „Мышья дыра“ при насъ была свободна отъ воды, и мы могли пройти этимъ оригинальнымъ тунелемъ, и очутились снова на лѣвомъ берегу Орлицы, имѣющемъ тутъ низкій, луговой характеръ. Для разнообразія мы направили обратный свой путь въ Потштейнъ ужь не напрямикъ черезъ горный хребетъ, а болѣе кружнымъ образомъ — то лѣвымъ, то правымъ берегомъ Орлицы, почти все время великолѣпными, хотя и не широкими, лугами, прекращавшимися лишь тамъ, гдѣ лѣсистыя горы подступали къ самому берегу рѣки. На эту дорогу требуется полтора часа времени. Мы вернулись домой, правда, усталые, но съ самыми пріятными и разнообразными впечатлѣніями.

Близость очаровательныхъ Литицъ придаетъ еще болѣе цѣны и привлекательности и безъ того богатому красотами природы и интересными прогулками Потштейну.

V.

Живя въ Потштейнѣ, нельзя не побывать въ Брандейсѣ (или Брандысѣ), нѣкогда владѣніи знаменитаго чешскаго патріотическаго рода Жеротиновъ, этомъ прославленномъ пребываніемъ великаго чеха Коменскаго уголкѣ Орлицкаго края. Кто знакомъ съ біографіей этого замѣчательнаго человѣка, тотъ знаетъ, какую роль въ ней играетъ это скромное мѣстечко. Къ сожалѣнію, имя и творенія Амоса Коменскаго (род. 1592 г., † 1671 г.), этого геніальнаго педагога и глубочайшаго мыслителя, возвышеннаго поэта и философа, плодо-

витѣйшаго ученаго и общественнаго дѣятеля, истинно христіанскаго и самоотверженнаго пастыря своей паствы (т. е. Общины Чешскихъ Братьевъ, въ которой Коменскій былъ послѣднимъ епископомъ), наконецъ, гуманнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени, съ рожденія котораго скоро исполнится 300-лѣтіе, у насъ не пріобрѣли еще такой общеизвѣстности и популярности, какихъ они поистинѣ заслуживаютъ; это тѣмъ прискорбнѣе, что Коменскій — нашъ соплеменникъ,—тѣмъ удивительнѣе, что творенія его имѣютъ общечеловѣческое, можно сказать, міровое значеніе и пользуются громкой и прочной славой въ западной Европѣ.

Въ виду этого не лишне будетъ припомнить здѣсь обстоятельства, связывающія это дорогое для славянства имя съ Орлицкимъ порѣчьемъ и Брандейсомъ. Но прежде всего скажу еще два слова о судьбѣ этого мѣстечка до эпохи Коменскаго. Стоящій нынѣ въ развалинахъ старый градъ былъ воздвигнутъ, подобно другимъ сосѣднимъ, также уже въ XIII в. и былъ долго страшилищемъ окрестнаго края. Въ половинѣ XIV в. Брандейсъ достался роду z Boškovic, которому принадлежалъ около столѣтія; затѣмъ нѣсколько разъ мѣнялъ владѣльцевъ (z Postupic, z Pernstejna), пока въ половинѣ XVI в. не пріобрѣлъ его знаменитый родъ Жеротинскій, время владѣнія котораго ознаменовалось самыми выдающимися явленіями и фактами въ исторіи Брандейса и всего края. Однакожъ уже въ половинѣ слѣдующаго вѣка (XVII-го), по смерти жены Карла изъ Жеротинъ, Брандейсъ перешелъ въ другія руки и съ тѣхъ поръ имѣлъ еще многихъ владѣльцевъ, по большей части чужестранцевъ.

Историческое значеніе Брандейса неразрывно связано съ судьбами Общины чешскихъ братьевъ. Братья уже съ самаго возникновенія своей Общины (въ Кунвальдѣ), съ половины XV в., распространяясь по всему Орлицкому краю, имѣли и здѣсь свои поселенія. Имъ жилось здѣсь привольно и мирно подъ покровительствомъ приверженнаго имъ рода z Postupic. Правда, имъ пришлось подвергнуться нѣкоторымъ стѣсненіямъ, когда этотъ родъ пострадалъ за свою невѣрность католицизму, но за то съ переходомъ владѣнія къ Жеротинскому роду (пол. XVI в.) наступили для нихъ счастливѣйшія времена, но не на долго... Настала въ политической и народной жизни Чехіи великая трагическая развязка на Бѣлогорскомъ полѣ въ 1620 году, и разразилась гроза и надъ чешскими братьями, которые подверглись

всюду и въ Чехіи, и въ Моравіи жестокимъ гоненіямъ... Вотъ тогда-то Брандейсъ и все владѣніе жеротинское, благодаря горячему участію знаменитаго пана, тоже „брата“ Карла Жеротина и его великодушію, стало убѣжищемъ, „обѣтованной землей“ для всѣхъ гонимыхъ братьевъ, искавшихъ еще пока могущественнаго и вліятельнаго его покровительства. Болѣе двадцати братскихъ священниковъ собрались здѣсь и отсюда тайно посѣщали всѣ сосѣднія братскія поселенія для служенія и утѣшенія гонимыхъ. Это было оживленное, знаменательное, но и многоскорбное время въ Брандейсѣ!.. Тогда-то судьба привела сюда и молодого, 30-лѣтняго Коменскаго.

Коменскій жилъ передъ тѣмъ въ Моравіи, въ Фульнекѣ, будучи братскимъ священникомъ, проповѣдникомъ, а также наставникомъ и надзирателемъ братской школы. Въ 1621 г. Фульнекъ подвергся разгрому служившими Фердинанду II испанскими войсками, а затѣмъ послѣдовалъ указъ о закрытіи всѣхъ братскихъ „сборовъ“, молитвенныхъ домовъ и изгнаніи всѣхъ братскихъ священниковъ. Коменскому пришлось скрываться и искать пріюта, и вотъ изъ окрестностей Фульнека онъ перебрался въ восточную Чехію, во владѣнія Карла Жеротина, хотя и „брата“, но по политическимъ отношеніямъ пользовавшагося еще милостью Фердинанда, и здѣсь вмѣстѣ со многими нашелъ пріютъ въ Брандейсѣ. Если примемъ въ соображеніе, что въ то же самое время Коменскій лишился своей жены и ребенка-первенца, то поймемъ, подъ какими тяжелыми впечатлѣніями и въ какомъ глубоко-печальномъ настроеніи онъ находился въ ту пору. Великій его духъ, удрученный безутѣшнымъ горемъ, искалъ и нашелъ успокоеніе и утѣшеніе лишь въ религіи и въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и вотъ плоды долгихъ размышленій, критическихъ наблюденій надъ окружающимъ міромъ и высокихъ вдохновеній въ полномъ уединеніи, среди красотъ природы, нашли себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ глубокомысленныхъ твореніяхъ, которыя уже сами по себѣ, хотя и представляютъ лишь частицу всего созданнаго Коменскимъ, составляютъ украшеніе и славу чешской литературы... Тутъ и написанъ знаменитый „Лабиринтъ свѣта и рай сердца“—одинъ изъ перловъ чешской и славянской поэзіи — глубочайшая сатира-аллегорія на человѣчество, его жизнь и дѣятельность, интересы и отношенія. Смотря кругомъ себя, вдумываясь въ людскую жизнь и ея условія, начиная съ самыхъ высшихъ и до самыхъ низшихъ степеней и состояній, Коменскій не

находитъ нигдѣ и ни въ чемъ удовлетворенія и душевной отрады, покоя своему духу и сердцу, и приходитъ наконецъ къ убѣжденію, что человѣкъ можетъ найти полное удовлетворение и душевный миръ единственно только въ Богѣ, во внутренней христіанской правдѣ, замкнувшись въ своемъ сердечномъ мірѣ и живя по чистымъ христіанскимъ идеаламъ и требованіямъ. Этотъ смыслъ его творенія ясно выраженъ и въ подробномъ его заглавіи: „Лабиринтъ свѣта и рай сердца, ясное изображеніе того, какъ въ этомъ свѣтѣ и во всѣхъ его предметахъ нѣтъ ничего, кромѣ суеты и блужданія, сомнѣній и заботъ, ослѣпленія и обмана, бѣдствій и скорбей, наконецъ пресыщенія всѣмъ и разочарованія, и какъ только тотъ добивается истиннаго и полнаго успокоенія духа и радости, кто, оставаясь дома въ своемъ сердцѣ, замыкается съ однимъ Господомъ Богомъ". Коменскій жилъ въ Брандейсѣ въ хижинѣ подъ лѣсистой горой Клопотомъ около дома, называвшагося „na srubu", какъ разъ противъ замка своего защитника и благодѣтеля, стараго пана Карла Жеротина, съ которымъ, вѣроятно, часто сходился. Вообще гонимые братья жили тѣсной семьей подъ крыломъ покровителя, но все-же постоянно подъ угрозой новыхъ напастей и преслѣдованій. Дѣйствительно скоро, въ 1624 г. защита Жеротина оказалась уже безсильною, ему запрещено было держать въ своихъ владѣніяхъ братскихъ священниковъ,—и Коменскій вмѣстѣ съ другими долженъ былъ оставить его гостепріимный пріютъ—съ тѣмъ, чтобы скрываться затѣмъ еще нѣсколько лѣтъ въ сѣверо-восточной Чехіи, то въ лѣсахъ и скалахъ съ опасностью жизни, то у добрыхъ людей, пока новыя правительственныя мѣры не принудили этихъ лучшихъ чеховъ своего времени навсегда покинуть отечество. Такова связь Коменскаго съ Орлицкой долиной и Брандейсомъ. Относительно г. Брандейса можно еще прибавить, что отсюда по мѣстному преданію (хотя другіе его и оспариваютъ) былъ родомъ славный чешскій полководецъ Искра, отвоевавшій себѣ въ полов. XV вѣка большую часть сѣверной Угріи и властвовавшій тамъ много лѣтъ — въ интересахъ угорскаго славянства и во славу своей родины.

Брандейсъ расположенъ очень живописно на берегу Тихой Орлицы, привлекаетъ лѣтомъ также значительное число дачниковъ и служитъ весьма любимою цѣлью прогулокъ и такъ называемыхъ „вылетовъ" изъ Праги и другихъ мѣстъ,— особен-

но благодаря своему положенію на важной желѣзно-дорожной линіи изъ Праги въ Вѣну (на которой и Устье).

Понятно по всему этому, что поѣздка туда обѣщала быть интересной. Брандейсъ отстоитъ отъ Потштейна въ двухъ часахъ ѣзды (на лошадяхъ). Я собирался съѣздить въ Прагу съ посѣтившимъ насъ въ Потштейнѣ русскимъ знакомымъ, и мы рѣшили ѣхать на Брандейсъ, чтобъ взглянуть на этотъ историческій уголокъ. Чтобы попасть на поѣздъ желѣзной дороги, проѣзжающій черезъ Брандейсъ въ 2 часа дня, мы выѣхали изъ Потштейна въ 8 часовъ утра, нанявъ единственную имѣющуюся въ мѣстечкѣ парную коляску. День былъ пріятный, солнечный, но не слишкомъ жаркій.

Путь въ Брандейсъ на лошадяхъ удлинняется благодаря тому, что въ прямомъ направленіи проѣзду мѣшаютъ горы, и приходится дѣлать значительный объѣздъ къ востоку. Мы ѣхали сперва по пути въ Устье—намъ уже знакомому, и уже съ полдороги свернули вправо, къ юго-западу, чтобъ перерѣзать возвышенность, окружающую Брандейсъ съ сѣвера и образующую съ этой стороны долину Тихой Орлицы. Эта часть дороги интереснѣе и живописнѣе, какъ пролегающая по горамъ и большею частью среди чуднаго, то хвойнаго, то лиственнаго лѣса. Мѣстами мы подвигались медленно, вслѣдствіе работъ надъ новымъ шоссе. Тѣмъ не менѣе мы пріѣхали даже ранѣе, чѣмъ предполагали. Подъѣзжая узкою живописною лѣсистою долиной къ Брандейсу (съ сѣвера), до послѣдняго момента не видишь самаго мѣстечка, скрывающагося за хребтомъ. Тихая Орлица протекаетъ здѣсь по довольно широкой долинѣ: вдоль ея по самому берегу идетъ полотно желѣзной дороги. Мѣстечко расположено на правомъ (сѣверномъ) берегу у подошвы горы, вершина которой увѣнчана живописными развалинами стараго замка. На другомъ, лѣвомъ берегу роскошные зеленые луга отдѣляютъ рѣчку отъ горнаго хребта (нѣсколько превышающаго правый), сплошь обросшаго густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Это Klopoty, на вѣки прославленные памятью Коменскаго.

Городокъ *Брандейсъ* (Brandýs) насчитываетъ до 1.300 жителей; лѣтомъ онъ значительно оживляется пріѣзжими, изъ Праги въ особенности. Самъ по себѣ городокъ, смотрящій чисто и привѣтливо, ничего выдающагося не представляетъ, не отличается особенною красотою или оригинальностью построекъ, а интересенъ только своими историческими воспоми-

наніями, связанными съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ, съ тѣмъ или другимъ зданіемъ.

Оставивъ свои вещи на желѣзно-дорожной станціи, мы прежде всего зашли въ мѣстную школу—лучшая изъ новыхъ построекъ города, гдѣ мы надѣялись найти cicerone въ одномъ нѣсколько знакомомъ мнѣ школьномъ учителѣ. Но было еще время ученія,—онъ тоже былъ занятъ, и мы рѣшились, не теряя времени, осмотрѣть хоть часть того, что̀ заслуживало вниманія, и вернуться въ школу къ обѣденному времени. Мы направились черезъ городъ къ противоположному концу его, откуда идетъ подъёмъ на замковую гору къ руинамъ. Центръ, какъ вездѣ, составляетъ довольно большая площадь, на которой находится Ратуша и къ которой примыкаетъ со стороны рѣки однимъ своимъ фасадомъ небольшой за̀мокъ владѣльцевъ Брандейса—одна изъ мѣстныхъ историческихъ примѣчательностей. Это - скромное невысокое зданіе, сверху до низу увитое зеленью дикаго винограда, съ открытой галлереей въ сторону рѣки и съ красивымъ садомъ. Нынѣ живутъ въ немъ управители брандейсскаго имѣнія. Интересенъ не столько самый за̀мокъ, построенный уже въ XVII в., когда старый градъ приходилъ въ ветхость и уже потерялъ свое значеніе, а собственно мѣстность, на которой онъ построенъ. Вблизи нынѣшняго замка показываютъ зданіе, стоящее на мѣстѣ прежняго „панскаго дома“, гдѣ родился, въ 1564 году, Карлъ Жеротинъ—эта замѣчательная, высокопросвѣщенная, даровитая и благородная личность послѣдняго періода политической жизни Чехіи. На мѣстѣ же самаго замка находился въ первой четверти XVII вѣка Братскій конвентъ, гдѣ помѣщалось въ описанную выше эпоху гоненій (послѣ Бѣлогорской битвы) собравшееся отовсюду подъ крыло сильнаго Жеротина братское духовенство. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, построенныхъ четырехугольникомъ; въ главномъ изъ нихъ жилъ братскій епископъ, а въ другихъ священники. Тутъ же неподалеку стояла братская школа и построенная Карломъ Жеротиномъ въ братскомъ стилѣ деревянная часовня или молельня.

Кстати будетъ упоминать здѣсь о другомъ историческомъ мѣстѣ, въ другой части городка (ul. Loukot'), гдѣ была когда-то гробница славнаго рода Жеротинскаго, небольшая церковь и кладбище, устроенныя въ половинѣ XVI вѣка Яномъ Жеротиномъ. Нынѣ нѣтъ почти и слѣдовъ этихъ сооруженій, на мѣстѣ ихъ лужокъ съ деревьями, травой поросшіе обломки

старой церковной стѣны, да въ сосѣднемъ саду полуразвалившійся скромный памятникъ, поставленный въ 1843 году. Въ фамильной гробницѣ былъ въ свое время погребенъ и самъ Карлъ Жеротинъ, но судьба этихъ останковъ славнаго чешскаго рода была довольно необычна и наводитъ на безотрадныя мысли... Вотъ что о ней разсказываютъ.

Карлъ Жеротинъ построилъ еще рядомъ съ маленькой церковью обширный храмъ. Когда онъ принужденъ былъ также, какъ чешскій „братъ“, оставить свое отечество и любимый уголокъ, то изъ опасенія, чтобъ сооруженіями его не воспользовались виновники его изгнанія, онъ велѣлъ разобрать большой храмъ. Однакожъ, питая глубокую привязанность къ своему родному мѣсту, онъ, выселяясь, попросилъ у императора и архіепископа разрѣшенія быть въ случаѣ смерти похороненнымъ въ семейной гробницѣ. И дѣйствительно, по смерти его въ 1636 г. въ Преровѣ, прахъ его былъ перевезенъ въ Брандейсъ и преданъ землѣ безъ всякихъ обрядовъ при многочисленномъ стеченіи друзей и народа. Вскорѣ затѣмъ въ эпоху реакціи Жеротинская гробница была забыта и заброшена, пока руины ея не были открыты уже въ XVIII вѣкѣ (1721), когда Брандейсомъ владѣли ревностные католики, и... разграблены! Въ то время братскія преданія уже заглохли, заброшенное кладбище заросло и опустѣло, гробница съ часовней развалились, и камни ихъ пошли на частныя постройки, такъ что остались лишь развалины стѣны. Когда въ 1721 году пастухъ открылъ въ развалинахъ подземный ходъ, ведшій въ склепъ съ цѣлымъ рядомъ гробовъ, то произошелъ въ мѣстечкѣ большой переполохъ, и народъ хотѣлъ вскрыть и ограбить гробы, въ надеждѣ найти тамъ сокровища. Во время возникшей затѣмъ изъ-за этой находки распри между владѣтелями Брандейса и пражской консисторіей, длившейся 26 лѣтъ, гробы были дѣйствительно вскрыты... Не легко было справиться съ мѣднымъ гробомъ Карла Жеротина... Когда мастеръ отбилъ крышку, жадные люди не пощадили останковъ великаго покойника: гробовщикъ долженъ былъ при всѣхъ вынуть ихъ изъ гроба и отрясти, чтобъ видѣть, нѣтъ ли какихъ драгоцѣнностей,—но не оказалось ничего... Въ 1746 г. всѣ фамильные останки были сложены въ одинъ дубовый гробъ, который и оставленъ въ пустомъ склепѣ. Лишь въ началѣ нашего вѣка кто-то сжалился надъ ихъ участью и закопалъ ихъ въ сосѣднемъ саду. Наконецъ, въ 40 хъ годахъ потомки Же-

ротиновъ вспомнили о прахѣ своихъ славныхъ предковъ и перевезли ихъ изъ Брандейса въ Моравію.

Но вернемся однакожъ къ нашей прогулкѣ. Миновавъ площадь и замокъ, мы вышли на дорогу, идущую за городъ у самой подошвы круто поднимающейся здѣсь замковой горы. Намъ показали извилистую дорожку къ руинамъ. Другая тропинка къ нимъ, но очень крутая и не такъ удобная, идетъ съ другого пути, позади Ратуши. Бывшій градъ—по всему видно—представлялъ весьма сильную, укрѣпленную твердыню. Гора, на которой онъ стоялъ, перерыта и перерѣзана со всѣхъ сторонъ рвами, и отдѣльныя ея части носятъ слѣды внушительныхъ укрѣпленій: было тутъ и „предградье“, были передній и адній градъ. Нынѣ на голыхъ, изрытыхъ, поросшихъ лишь кустарникомъ верхахъ горы торчатъ лишь кое-гдѣ одинокія, живописно рисующіяся развалины и обломки стѣнъ и укрѣпленій; кругомъ кучи камней и мусору, все заросло кустами и травой. Надо быть хоть нѣсколько спеціалистомъ и имѣть большой навыкъ, чтобъ оріентироваться среди этихъ хаотическихъ обломковъ и составить себѣ хоть общее понятіе о конструкціи стараго града.

Не задаваясь этимъ, мы побродили среди руинъ, невольно воскрешая въ своей памяти нѣкоторые факты и имена изъ временъ давнопрошедшихъ, и затѣмъ налюбовавшись чудными видами, открывшимися отсюда на всѣ стороны, вернулись тѣмъ же путемъ въ городъ, чтобы, захвативъ нашего школьнаго учителя, осмотрѣть еще оставшееся изъ достопримѣчательностей Брандейса, а главное знаменитыя „Клопоты“.

Учитель любезно взялся быть нашимъ проводникомъ и повелъ насъ опять мимо новаго замка, на другой берегъ рѣки—къ достопамятнымъ мѣстамъ. Дорога шла по роскошному зеленому лугу, но на бѣду, благодаря обильнымъ дождямъ, лугъ былъ почти залитъ водою, и мы должны были сдѣлать порядочный кругъ, чтобъ добраться до подошвы лѣсистой горы, и все-таки мѣстами шли по водѣ. Но вотъ мы уже подъ Клопотами, прошли нѣсколько шаговъ по опушкѣ лѣса и очутились передъ самымъ памятникомъ Коменскаго—главной цѣли нашей прогулки. Памятникъ этотъ—довольно большой, пирамидальной формы на пьедесталѣ въ видѣ лѣстницы, съ надписью; онъ поставленъ въ 1865 г. (5 сент.). Его видно отовсюду, такъ какъ онъ стоитъ у самой подошвы горы, будучи обращенъ къ рѣкѣ и городу, и очень красиво и рельефно вырисов

вается на темно-зеленомъ фонѣ стараго, еловаго лѣса. Недалеко оттуда на той же опушкѣ Клопотскаго лѣса показываютъ и мѣсто, гдѣ по преданію стояла хижина (vedle „sruba“), въ которой жилъ и писалъ великій мыслитель-поэтъ. Она была построена, тоже по мѣстному преданію, извѣстнымъ братомъ Григоріемъ, основателемъ чешско-братской Общины, который, кстати сказать, и умеръ и похороненъ въ Брандейсѣ. И такъ вотъ гдѣ была задумана, прочувствована и вылилась изъ-подъ мастерского пера 30-ти-лѣтняго Коменскаго эта оригинально-умная и живая сатира на родъ людской,—этотъ глубокомысленный „Лабиринтъ Свѣта“... Окружающая чудная, романтическая природа, чарующій видъ на Тихую Орлицу съ ея зелеными берегами, на противоположную гору съ ея тогда еще могучимъ градомъ, на уютно прислонившееся къ ней и утопающее въ зелени мѣстечко, а сзади нѣсколько дикій и мрачный лѣсъ по крутому склону Клопотскаго хребта,—все это уже способно возвышающе дѣйствовать на чуткую душу, располагая умъ къ философскимъ размышленіямъ и поэтическимъ вдохновеніямъ. А мы знаемъ, въ какомъ притомъ исключительномъ душевномъ настроеніи находился въ ту пору Коменскій!

Отъ памятника мы пошли еще сдѣлать прогулку по Клопотскому лѣсу, по прекрасно-содержимымъ дорожкамъ, и нашъ проводникъ съ гордостью обращалъ наше вниманіе на все, свидѣтельствовавшее о дѣятельности и заботахъ мѣстнаго „Украсительнаго Общества“. Дѣйствительно, надо отдать честь предпріимчивости и усердію мѣстныхъ обывателей, дѣлающихъ все возможное, чтобъ доставить побольше удобныхъ и разнообразныхъ прогулокъ пріѣзжимъ и туристамъ—по сосѣднимъ горамъ и окрестностямъ. Всюду проложены прекрасныя дорожки, множество скамеекъ, бесѣдокъ и т. д. Неудивительно, что пражане особенно охотно посѣщаютъ Брандейсъ.

Погулявъ насколько позволяло время и затѣмъ распростившись съ нашимъ любезнымъ провожатымъ, мы зашли пообѣдать въ рекомендованный намъ, впрочемъ, очень плохенькій и грязненькій ресторанчикъ, носящій фривольное названіе „Любовницы“ („Milenka“), утолили голодъ очень не важнымъ обѣдомъ, наслушались болтовни хозяина—на видъ пьяненькаго старичка, большого чудака, смѣшившаго насъ потѣшными производствами французскихъ словъ и выраженій изъ

чешскаго языка, и наконецъ, часа въ 2 оставили хорошенькій Брандейсъ, сѣвъ на поѣздъ, умчавшій насъ въ Прагу.

VI.

О *Студанкѣ* близъ Рыхнова, какъ о чудномъ лѣсномъ уголкѣ съ холоднымъ и всякимъ купаньемъ, спеціально приспособленномъ къ лѣтнему пребыванію (впрочемъ, весьма ограниченнаго числа гостей), я слышалъ уже тогда, когда наводилъ справки о мѣстностяхъ сѣверо-восточной Чехіи. Въ Потштейнѣ приходилось тоже нерѣдко о ней слышать, а потому очень интересно было познакомиться самому съ этимъ, повидимому, весьма популярнымъ въ восточной Чехіи мѣстечкомъ.

Исполнить это было очень легко, ибо до Рыхнова не болѣе 1½ часа ѣзды (на лошадяхъ), а оттуда до Студанки—рукой подать, всего ¼ часа ѣзды. Въ одинъ изъ чудныхъ, лѣтнихъ дней мы въ открытомъ экипажѣ послѣ ранняго обѣда двинулись въ путь.

Рыхновъ расположенъ на сѣверѣ отъ Потштейна на берегу рѣчки Кнежны, сливающейся съ р. Альбой („Бѣлой") невдалекѣ отъ впаденія въ Дикую Орлицу. Дорога идетъ по довольно холмистой мѣстности, оживленной множествомъ поселковъ, черезъ Вамберкъ, находящійся приблизительно на полпути. Въ Вамберкѣ мы остановились, чтобъ пріобрѣсти на память образчикъ тамошнихъ знаменитыхъ кружевныхъ издѣлій. Насъ направили сначала въ школу кружевницъ, но тамъ какъ разъ предстояла выставка издѣлій, и купить ничего нельзя было; оттуда насъ проводили въ частный домъ, хозяева котораго занимались этимъ ремесломъ, и тамъ мы дѣйствительно нашли, что̀ нужно. Надо было видѣть радостное изумленіе и недоумѣніе этихъ простыхъ, добрыхъ чеховъ, когда они узнали, откуда Богъ занесъ къ нимъ гостей... Z Ruska?! (изъ Россіи?) повторяли они, видимо, совсѣмъ озадаченные неожиданнымъ и черезчуръ необычнымъ въ ихъ домѣ явленіемъ, и въ голосѣ ихъ явственно звучала струна тѣхъ глубокихъ и непосредственныхъ, хотя обыкновенно и затаенныхъ симпатій къ Россіи, которыя живутъ въ народныхъ массахъ всѣхъ зарубежныхъ славянскихъ племенъ, и которыя хорошо извѣстны русскому человѣку,

если онъ имѣлъ случай соприкасаться съ заграничнымъ славянскимъ людомъ.

Но мы спѣшили, а потому долго бесѣдовать не могли, и отправились далѣе. Скоро стали показываться на горизонтѣ церковныя башни и вышки рыхновскихъ зданій, но весь Рыхновъ съ красивой группой величественныхъ старыхъ построекъ на возвышеніи, расположенный живописно внизу кругомъ этого центра, показался только тогда, когда мы достигли края возвышенности, по которой пролегала дорога. Видъ отсюда прелестный. Но вотъ мы спустились въ долину Кнежны и черезъ нѣсколько минутъ уже въѣзжали въ городское предмѣстье.

Рыхновъ (по-нѣмецки Reichenau, стар. Richenave, лѣсной уѣздъ), нѣчто въ родѣ нашего уѣзднаго города съ ок. 5.000 жителей-чеховъ, былъ основанъ въ половинѣ XIV вѣка въ лѣсистомъ краю, и первыми поселенцами были повидимому нѣмцы, давшіе ему и имя. Рыхновъ, въ которомъ былъ и замокъ, принадлежалъ тогда чешскому роду z Druholce; въ концѣ XV в. онъ достался Перնштейнамъ. Впослѣдствіи владѣніе Рыхновское побывало во многихъ рукахъ, пока въ XVII вѣкѣ не пріобрѣлъ его и нынѣ имъ владѣющій родъ графовъ Коловратовъ (z Kolovrat). Нѣкогда Рыхновъ носилъ прозвище суконнаго (soukennický, soukenný) отъ исконнаго спеціальнаго мѣстнаго промысла — суконодѣлія, процвѣтавшаго тутъ не только до эпохи упадка Чехіи, но и въ XVIII в. Въ новѣйшее время оно пало, не выдержавъ конкуренціи большихъ суконныхъ фабрикъ. Нынѣ только ткачество занимаетъ еще болѣе видное мѣсто между мѣстными производствами. Кромѣ ремеслъ жители занимаются торговлей и земледѣліемъ. Рыхновъ съ самаго начала былъ однимъ изъ важныхъ средоточій Общины чешскихъ братьевъ, и имя его часто встрѣчается въ ея исторіи. Лишь въ концѣ XVI в., когда имѣньемъ владѣлъ извѣстный своею католическою ревностью Ярославъ Перնштейнскій, для братьевъ наступило тяжелое время, и они должны были вслѣдствіе направленнаго противъ нихъ императорскаго указа въ 6-ти недѣльный срокъ оставить рыхновскія владѣнія. Никакія мольбы не помогли, и они въ значительной массѣ изъ Рыхнова, сосѣднихъ мѣстечекъ и всего края—подверглись изгнанію и отправились искать убѣжища въ польскихъ земляхъ.

Нынѣшній Рыхновъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: верхней — на горѣ, центръ которой составляютъ нѣсколько луч-

шихъ и старѣйшихъ построекъ города, и нижней подъ горой— у рѣки Кнежны, гдѣ не мало еще старинныхъ деревянныхъ строеній. Тутъ въ саду одного домика можно найти скромный памятникъ — славному чешскому ученому историку прошлаго вѣка, одному изъ первыхъ дѣятелей чешскаго возрожденія—Пельцлю—рыхновскому уроженцу. Расположенныя на горѣ и издалека видныя самыя монументальныя зданія города, сооруженныя уже (въ XVII в.) родомъ Коловратовымъ, суть реальная гимназія, бывшая Піаристская коллегія, построенная на развалинахъ стараго града, большой храмъ св. Троицы и нынѣшній обширный величественный за̀мокъ съ прекрасной картинной галлереей и разными историческими достопримѣчательностями. Въ верхнемъ городѣ есть еще и старые деревянные дома, отъ которыхъ вѣетъ стариной. Въ Рыхновѣ имѣется еще женская школа, занимающая великолѣпное новое каменное зданіе.

Здѣсь, въ женской школѣ мы навѣстили молодую дѣвицу—учительницу Ш., имѣющую знакомыхъ намъ родственниковъ въ Россіи, и предложили ей намъ сопутствовать въ Студанку. Она согласилась, но не отпустила насъ изъ дома, не угостивъ предварительно всякой всячиной съ чисто славянскимъ гостепріимствомъ. Явились кофе, разное печенье, вишни, и мы не могли отказываться. Наконецъ мы снова усѣлись въ экипажъ и поѣхали въ „Студанку“.

Студанкой называется маленькая предназначенная для пріѣзжихъ гостей усадьба надъ великолѣпнымъ студёнымъ ключемъ среди восхитительнаго обширнаго хвойнаго лѣса, покрывающаго холмистое пространство въ нѣсколько верстъ на сѣверо-востокъ отъ Рыхнова, по обѣимъ сторонамъ живописной долины притока р. Кнежны. Это—своего рода климатическая станція или, какъ говорятъ нѣмцы, Luftcurort. Чрезвычайно оригинальное впечатлѣніе производитъ это уединенное и лежащее совершенно въ сторонѣ отъ городской и желѣзно-дорожной сутолоки и тѣмъ не менѣе оживленное лѣсное затишье. Правда, въ немъ всего только два дома или гостинницы (вторая выстроена очень недавно), но за то устроенныхъ со всѣмъ комфортомъ и всегда занятыхъ пріѣзжими изъ избраннаго и болѣе состоятельнаго общества, такъ какъ цѣны тамъ приближаются къ тѣмъ, что вообще „на водахъ“, да и не могутъ быть низкими. Привлеченіемъ служатъ рядомъ съ красотою природы и поэтической обстановкою—купанье въ чудной родниковой водѣ (холодной или согрѣтой) и необыкновенно сильный, почти

опьяняющій цѣлебный воздухъ отчасти молодого, отчасти стараго хвойнаго лѣса, въ глубинѣ котораго ютится Студанка. Съ ранней весны всѣ помѣщенія Студанки наполняются пріѣзжими, главнымъ образомъ конечно чехами, особенно пражанами, ищущими здѣсь отдыха и возстановленія силъ и здоровья и остающимися здѣсь обыкновенно по нѣскольку недѣль, такъ какъ цѣлое лѣто провести въ такой лѣсной глуши, хотя и привлекательной, но все же слишкомъ уединенной, въ очень однообразной обстановкѣ и самомъ ограниченномъ обществѣ— рѣдко кто рѣшится.

Уголокъ этотъ извѣстенъ и приспособленъ для лѣтняго пребыванія очень давно, и купальня была устроена здѣсь чуть-ли еще не въ концѣ XVII вѣка. Вновь было отстроено это заведеніе вмѣстѣ съ гостинницей въ 1854 году, а недавно выстроено еще другое гостинничное зданіе. Миновавъ равнинную полосу разнообразныхъ полей, отдѣляющую Рыхновъ отъ „Пчелинаго“ лѣса (Včelni l.), мы свернули съ дороги и, слѣдуя все такимъ же прекраснымъ шоссе, въѣхали подъ ароматную сѣнь свѣжаго, по преимуществу еловаго и сосноваго—то возвышающагося, то спускающагося въ долину лѣса. Широкой аллеей идетъ образцово содержимая дорога въ самую глубь его. Кругомъ—невозмутимая тишина и только замѣтные во всемъ чистота и порядокъ, да мелькающія въ лѣсу дорожки свидѣтельствуютъ о близости заботливыхъ человѣческихъ рукъ и благоустроеннаго жилья. Но вотъ вдали виденъ уже конецъ аллеи, мелькаетъ роскошная зелень поляны, за которой опять чернѣетъ безконечный лѣсъ; еще немного,—и изъ-за деревьевъ показываются очертанія построекъ. Мы подъѣзжаемъ къ Студанкѣ.

Широкая красивая поляна живописно раскинулась среди густого лѣса. Прямо передъ нами красуется на ней великолѣпный развѣсистый столѣтній дубъ—настоящій великанъ, надъ верхушкой котораго развѣвается флагъ. Налѣво неподалеку стоитъ красивый новый домъ для пріѣзжихъ; вправо дорога поворачиваетъ къ главному зданію въ швейцарскомъ стилѣ, стоящему на склонѣ горы, надъ самымъ ключемъ, и вмѣщающемъ въ себѣ и купальню (съ ваннами), и гостинницу съ довольно большимъ рестораномъ и всякими хозяйственными помѣщеніями; около дома и противъ него, примыкая къ лѣсу, цѣлый рядъ крытыхъ террасъ и бесѣдокъ, а кругомъ во всѣ стороны все лѣсъ да лѣсъ со своей освѣжающей прохладой, со своимъ упоительнымъ благоуханіемъ.

Подъѣзжая къ „Студанкѣ“, мы уже съ перваго взгляда замѣтили, что это ужъ не то, что мы видѣли до сихъ поръ, — что этотъ уголокъ со всей своей обстановкой имѣетъ характеръ „курорта“ и притомъ популярнаго, что это не та чисто сельская простота и безъискусственность, къ которой мы такъ привыкли и въ Потштейнѣ, и вообще во всемъ Орлицкомъ краѣ.

Ближайшее знакомство съ Студанкой убѣдило насъ въ этомъ. Странствуя по Орлицкимъ горамъ, лѣсамъ и мѣстечкамъ, мы привыкли имѣть дѣло по большей части съ сельскимъ людомъ, съ непритязательными обывателями городковъ, съ скромной мѣстной интеллигенціей въ лицѣ сельскихъ учителей, и лишь изрѣдка съ горожанами изъ высшаго общества, пріѣзжающими отдыхать въ деревенскую обстановку, а потому и оставляющими дома свои городскія привычки, обращеніе и костюмъ, а тутъ мы сразу себя почувствовали въ другой средѣ: едва мы подъѣхали къ гостинницѣ и вышли изъ экипажа, какъ глазамъ нашимъ предстала необычная для насъ въ этихъ краяхъ картина: около дома по всѣмъ террасамъ и бесѣдкамъ сидѣло за столиками и прохлаждалось за разными напитками свѣтское элегантное общество, въ которомъ дамы и дѣвицы видимо щеголяли своими совсѣмъ ужь не сельскими нарядами, да и мужчины очевидно должны были къ этому примѣняться; однимъ словомъ, это было общество любого бойкаго лѣчебнаго мѣста, нѣсколько натянутое и занятое собой.

Вся окружающая обстановка, этотъ уединенный уголокъ людскаго довольства и комфортабельнаго житья-бытья среди величественной, почти дикой природы, это размѣренное по часамъ принятіе пищи и вставленная въ рамки довольно монотонная жизнь группы случайно съѣхавшихся свѣтскихъ людей, то ищущихъ, то избѣгающихъ сближенія другъ съ другомъ, этотъ всѣмъ отъ скуки любезный звонъ колокола для сбора къ завтраку, обѣду и проч., — все это очень напоминаетъ обстановку и жизнь многихъ замѣчательныхъ своимъ мѣстоположеніемъ и излюбленныхъ туристами (особенно изъ англичанъ) западно-европейскихъ пунктовъ, напр. въ Швейцаріи. Мнѣ вдругъ показалось, что я внезапно перенесся куда-нибудь на „Мюрренъ“, „Беатенбергъ“ или „Риги-Кульмъ“, только вмѣсто необъятной чарующей перспективы озеръ, зеленыхъ долинъ, снѣжныхъ горъ и ледниковъ—меня отовсюду окружаетъ, тѣснитъ и обдаетъ своимъ свѣжимъ ароматнымъ дыханіемъ безконечный и таинственно-чудный лѣсъ...

Таково впечатлѣніе, произведенное на меня Студанкой, т. е. собственно людскимъ ея пріютомъ. Лѣсная природа кругомъ дѣйствительно очаровательна. Мы поспѣшили насладиться ею, и долго, до утомленія, гуляли по лѣсу по прекраснымъ дорожкамъ, прорѣзывающимъ его во всѣхъ направленіяхъ, на далекое пространство кругомъ. Въ этомъ лѣсномъ лабиринтѣ не трудно и заблудиться, особенно въ темную пору. Въ виду этого на деревьяхъ вдоль дорожекъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ, понадѣланы знаки яркой масляной краской. Не мало разставлено повсюду и скамеекъ и даже бесѣдокъ, и вообще администрація Студанки повидимому много дѣлаетъ для удобства своихъ гостей.

Мѣстами лѣсъ разнообразится зелеными полянами и лощинами, а долина протекающей черезъ него рѣчки представляетъ нѣсколько замѣчательно живописныхъ и дико-поэтическихъ мѣстъ.

Нагулявшись вдоволь и обозрѣвъ все наиболѣе интересное, благодаря хорошему знакомству со Студанкой нашего любезнаго cicerone M-lle Ш., мы напились кофе и отдохнули на одной изъ террасъ гостинницы и въ 6½ часовъ поспѣшили оставить этотъ своеобразный и дѣйствительно привлекательный лѣсной уголокъ, чтобъ не слишкомъ еще поздно и засвѣтло вернуться домой.

Черезъ 1½ часа мы уже были въ нашемъ уютномъ Потштейнѣ.

VII.

Яблонное (Jablonné, нѣм. Gabel), на Тихой Орлицѣ, небольшое мѣстечко, лежитъ на востокъ или точнѣе нѣсколько на юго-востокъ отъ Потштейна въ часовомъ разстояніи по той же желѣзно-дорожной линіи изъ Праги—въ Прусскую Силезію (Mittelwalde), почти на границѣ чешской народности: это послѣдній *чешскій* городокъ въ сторону Моравіи съ одной стороны, и въ сторону прусской Силезіи вверхъ по Орлицѣ—съ другой. Я собрался заглянуть туда съ цѣлью навѣстить тамъ знакомаго школьнаго учителя г. П., посѣтившаго насъ въ Устьѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ познакомиться кстати съ новой стороной и новымъ пунктомъ Орлицкаго порѣчья. Путь изъ Потштейна въ Яблонь тоже не безъинтересенъ, такъ

какъ пролегаетъ мимо исторически примѣчательныхъ мѣстностей и поселеній.

Желѣзная дорога идетъ сперва живописной долиной Дикой Орлицы, мимо ея Литицкаго изгиба (ст. Bohousov)—до города и станціи Жамберка (Senftenberg), откуда сворачиваетъ на юго-востокъ и у гор. (станціи) Кишперка (Geiersberg, Supí Hora) вступаетъ уже въ долину Тихой Орлицы, соединяется здѣсь съ маленькой желѣзно-дорожной вѣтвью изъ Устья и, сдѣлавъ затѣмъ значительный уголъ къ югу, обращается довольно круто къ сѣверу и скоро достигаетъ Яблоннаго. Слѣдовательно на пути, кромѣ уже знакомыхъ намъ Литицъ, достойны вниманія еще города Жамберкъ и Кишперкъ. Не останавливаясь однако долго на нихъ—такъ какъ я видѣлъ ихъ только издали—скажу лишь два слова. Жамберкъ, по-нѣмецки Senftenberg (болѣе 3.000 жителей), возникъ въ ту же эпоху, что и всѣ почти мѣстечка Орлицкаго края, т. е. въ XIII в. (при Премыслѣ Оттокарѣ II) и тоже заселенъ былъ первоначально призванными нѣмецкими поселенцами, какъ доказываетъ его старое нѣмецкое названіе. И онъ имѣетъ свою полную превратностей судьбы исторію, тѣсно связанную съ исторіей сосѣднихъ владѣній Литицкаго и Потштейнскаго, съ которыми онъ (по крайней мѣрѣ половина его) имѣлъ по большей части однихъ владѣльцевъ; и нынѣ онъ принадлежитъ роду, владѣющему и Литицами (гр. Parish). Особенно выдающихся построекъ и архитектурныхъ памятниковъ старины въ Жамберкѣ не имѣется,—есть однакожъ кое-какія воспоминанія о нѣкогда многочисленныхъ здѣсь чешскихъ братьяхъ. Проѣзжая мимо Жамберка, нельзя же забыть, что находишься въ достопамятныхъ мѣстахъ самаго зарожденія Братской Общины, что въ получасѣ сѣвернѣе Жамберка, на рѣчкѣ Рокитенкѣ, находится самая колыбель ея—исторически знаменитый *Кунвальдъ*! Невольно припоминаются и обстоятельства этого знаменательнаго момента въ религіозномъ и культурномъ развитіи чешскаго народа, и дорогія имена, на вѣки съ нимъ связанныя... Живо востаетъ въ памяти эта интересная эпоха половины XV вѣка, когда чешскій народъ, послѣ кровопролитной патріотической борьбы гуситской за свои идеалы и въ отмщеніе за нанесенное ему въ Констанцѣ оскорбленіе и нравственный ударъ,—сложилъ наконецъ оружіе, но далеко не умиротворенный и, конечно, неудовлетворенный въ своихъ духовныхъ и религіозныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ, разочарованный

въ своихъ надеждахъ, продолжалъ искать выхода изъ этого положенія, и все еще жаждалъ обновленія церкви въ духѣ истиннаго христіанства и благочестія, руководимый въ этомъ лучшими своими представителями... И тутъ возстаютъ передъ нами образы этихъ замѣчательныхъ людей, этого высокаго христіанскаго мыслителя и прямого вдохновителя организаторовъ Братской Общины, проповѣдника идей, легшихъ въ основаніи ея ученія, Петра Хельчицкаго, а рядомъ съ нимъ его ревностнаго практическаго послѣдователя, задавшагося цѣлью осуществить въ жизни эти христіанскіе идеалы, и дѣйствительно образовавшаго первое зерно будущей славной братской церкви въ этомъ самомъ Кунвальдѣ (1457), скромнаго брата Григорія и еще другихъ его сотоварищей. Вспоминаются и всѣ невзгоды и преслѣдованія, которыя на первыхъ же порахъ пришлось испытать братьямъ!..

Но слишкомъ увлекаться воспоминаніями не приходится; поѣздъ мчится отъ Жамберка между обѣими Орлицами и уже подъѣзжаетъ къ Кишперку на Тихой Орлицѣ. *Кишперкъ* (Kišperk), называемый такъ обыкновенно вмѣсто собственнаго имени Supí Hora (Коршунова гора), Geiersberg, небольшое мѣстечко въ 1.700 жителей приблизительно, принадлежитъ также къ числу старыхъ поселеній и средневѣковыхъ твердынь, но отъ стараго града не осталось нынѣ и слѣдовъ, и память о немъ сохраняетъ лишь вершина „Hradisko", на которой онъ стоялъ. Нынѣшній за̀мокъ (изъ XVII в.) живописно красуется на горѣ, онъ, правда, не отличается ни своимъ стилемъ, ни историческими памятниками, но всякаго, а тѣмъ болѣе русскаго человѣка, можетъ поинтересовать одна случайно попавшая сюда и хранящаяся на за̀мковомъ дворѣ историческая достопримѣчательность. Это—тѣ обыкновенныя деревенскія сани, въ которыхъ покоритель Европы Наполеонъ I подъ именемъ своего придворнаго (маркиза Coulaincourt), бросивъ свою полуживую армію, спасался на родину!... Остановившись incognito въ Дрезденѣ, онъ видѣлся здѣсь съ королемъ и, говорятъ, былъ гостемъ саксонскаго министра графа Марколина. При дворцѣ послѣдняго и остались сани, на которыхъ примчался побѣжденный Русью великій завоеватель, и именно до 1822 года, когда сынъ графа, получивъ за женой Кишперкское владѣніе, велѣлъ перевезти сюда эту интересную рѣдкость... И она хранится здѣсь, въ этомъ мало кому извѣстномъ чешскомъ уголкѣ, въ сторонѣ отъ

любопытныхъ, но рѣдко когда проникающихъ сюда взоровъ европейскихъ туристовъ...

Но пора намъ и въ Яблонное, къ которому уже и подъѣзжаетъ нашъ поѣздъ.

Яблонное, мѣстечко въ 900 душъ слишкомъ, лежитъ довольно живописно въ долинѣ Тихой Орлицы, при впаденіи въ нее рѣчки или потока Орлички, среди лѣсистыхъ холмовъ. Мѣстечко болѣе скучено, чѣмъ Потштейнъ, и имѣетъ болѣе городской характеръ. Центръ старой его части, расположенной выше, составляетъ квадратная площадь, довольно просторная, окруженная деревянными и каменными домами, между которыми многіе — старинной архитектуры. Здѣсь находится между прочимъ школа—пока въ старомъ зданіи, но для которой уже отведено мѣсто и приступлено къ постройкѣ новаго зданія, а также главная, хотя и очень невзрачная гостинница. Тутъ же нѣсколько порядочныхъ магазиновъ и лавокъ. Остальной городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ неправильно идущихъ отъ центра улицъ, застроенныхъ большею частью маленькими непредставительными домиками. Никакихъ большихъ и выдающихся сооруженій не видно.

На станціи меня встрѣтилъ мой знакомый школьный учитель г. П., который повелъ меня сначала къ себѣ, а затѣмъ взялся мнѣ показать мѣстечко со всѣмъ, что въ немъ стоило вниманія. Г. П., почтенный педагогъ и труженикъ славянской науки, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но уже усердно подвизающійся на научномъ поприщѣ, не дурно говорящій по-русски, принялъ меня въ своей скромной комнаткѣ въ вышеупомянутой гостинницѣ, гдѣ мы и посидѣли съ полчаса въ пріятной бесѣдѣ. Болѣе чѣмъ скромная обстановка и меблировка крошечной комнатки въ одно окно, ея главное богатство и украшеніе—маленькая библіотека, занимающая и полки, и столъ, и другую мебель, всюду—книги, бумаги и признаки усидчиваго умственнаго труда, все это — лучше всякихъ словъ и разсказовъ характеризуетъ труженическую, истинно почтенную жизнь моего собесѣдника...

Обозрѣніе Яблоннаго мы начали съ прогулки въ ближайшую прелестную долину потока Орлички, текущаго прямо съ востока, съ границъ Моравіи и впадающаго у Яблоннаго въ Орлицу. Эта живописная лѣсистая долина тянется къ востоку до самой моравской границы, отстоящей въ 2-хъ часахъ ходьбы. Выйдя изъ мѣстечка, мы шли сперва вдоль чуднаго зеленаго луга,

орошеннаго множествомъ, цѣлою сѣтью канавокъ, отведенныхъ отъ потока, и скоро достигли устья долины, черезъ которое прорывается Орличка, образуемаго высокими, другъ противъ друга стоящими гранитными скалами. Дорожка по правому берегу потока ведетъ насъ въ долину, поражающую своею красотой и поэтичностью. Съ обѣихъ сторонъ надъ прозрачнымъ журчащимъ потокомъ, то надъ самыми его берегами, то надъ зелеными лужайками, его окаймляющими, возвышаются густымъ, большею частью хвойнымъ лѣсомъ поросшіе холмы и скалы... Природа во всей своей безъискусственной, нѣсколько дикой красотѣ, тишина, нарушаемая лишь журчаньемъ потока да шелестомъ листвы, и какая-то таинственность темнаго лѣса производятъ чарующее впечатлѣніе. Эта долина — по имени Hradiska — любимое мѣсто прогулки жителей мѣстечка. Вотъ мы дошли до мѣста, гдѣ направо, на лѣвомъ берегу живописно рисуется среди деревьевъ группа скалъ. Это такъ называемая „панская“ скала. Преданіе разсказываетъ, что тутъ было нѣкогда укрѣпленіе (быть можетъ сторожевой пунктъ), что тутъ, въ эпоху войнъ гуситскихъ, скрывался подъ скалой какой-то „панъ“ или рыцарь... Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что здѣсь въ этомъ затишьѣ скрывались и чешскіе братья, и другіе гонимые за вѣру въ эпоху послѣ 1620 года. Разсказы объ этихъ преданіяхъ дали поводъ моему собесѣднику подѣлиться нѣкоторыми своими соображеніями касательно древностей этого пограничнаго края.

Не вдаваясь въ подробности, замѣчу только, что по мнѣнію г. П. здѣсь, по этой мѣстности (кстати сказать — сравнительно позже колонизованной чехами) пролегалъ издревле важный путь въ Чехію изъ сосѣднихъ земель, Моравіи и Силезіи, на что есть не мало указаній, напр. въ мѣстной номенклатурѣ (въ родѣ г. Stražnice), доказывающихъ обиліе здѣсь встарину всякихъ сторожевыхъ пунктовъ и укрѣпленій. Край этотъ дѣйствительно отличается сравнительно большою доступностью со стороны горъ и пограничной черты (отъ прусск. Силезіи). Недаромъ въ 1866 г. австрійцы ожидали вторженія пруссаковъ именно въ этомъ краѣ и здѣсь приготовились ихъ встрѣтить, но непріятель неожиданно вторгся сѣвернѣе, около Находа. Въ самомъ мѣстечкѣ, на его окраинѣ г. П. показывалъ мнѣ одинъ любопытный памятникъ глубокой древности, значеніе котораго впрочемъ еще не вполнѣ разгадано.

Это довольно большой высѣченный изъ камня крестъ осс-

бенной формы, какихъ нашлось не мало напр. въ Моравіи и каковые пріурочиваются нѣкоторыми современными чешскими учеными археологами къ эпохѣ кирилло-меѳодіевской. Онъ стоитъ на краю пригорка, неподалеку отъ нынѣшняго кладбища и церкви, и повидимому глубоко врытъ или такъ сказать вросъ въ землю въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Глубокая древность его несомнѣнна. Г. П., выражавшій между прочимъ мысль, не служилъ ли онъ просто пограничнымъ знакомъ, собирался произвести раскопку и посмотрѣть, не найдутся ли въ глубинѣ подъ нимъ человѣческія кости или какіе-нибудь другіе археологическіе предметы.

Вернувшись съ нашей прогулки за городъ, мы посѣтили школу (въ Яблонномъ только 3-хъ классная, слѣдовательно меньше Потштейнской, 5-ти классной), которую мнѣ показывалъ вмѣстѣ съ г. П. старшій учитель и вмѣстѣ завѣдующій ею, тоже еще очень молодой человѣкъ. Нынѣшнее помѣщеніе школы—очень скромно и тѣсновато, но организація и обстановка ея, какъ повсюду, образцовыя. Всѣ классы и тутъ увѣшаны таблицами, картинами, всякими изображеніями (зоологич., ботанич.) и учебными пособіями. По стѣнамъ въ классахъ и внѣ ихъ такъ же, какъ и вездѣ,—крупными буквами надписи, содержащія пословицы и изреченія, касающіяся обязанностей дѣтей, школьной и домашней дисциплины, религіи и нравственности, гражданскаго долга, вѣрноподданства и любви къ родинѣ...

Маленькая школьная библіотека и естественный кабинетъ производятъ и здѣсь самое пріятное впечатлѣніе. Учителя съ усердіемъ и любовью заботятся объ обогащеніи послѣдняго, обязаннаго главнымъ образомъ пожертвованіямъ мѣстной кассы „záложны“. Впрочемъ и сами учителя участвуютъ въ этомъ снабженіи школы учебными наглядными пособіями—и собственными своими издѣльями. Такъ г. П. исполнилъ очень удачно изъ папье-маше рельефъ мѣстечка Яблоннаго съ окрестностями во всѣхъ подробностяхъ, что̀ потребовало, разумѣется, много труда и знанія. Послѣ школы мы совершили прогулку по самому мѣстечку, чтобъ познакомиться съ занятіями жителей и мѣстной производительностью. Обыватели мѣстечка живутъ частью ремеслами, частью кое-какими промыслами, частью земледѣліемъ, которое, впрочемъ, какъ вообще въ горныхъ краяхъ, не особенно процвѣтаетъ, хотя почва около Яблоннаго все-таки сравнительно плодородна. Особенно хорошо родится здѣсь лёнъ, такъ что въ былое время выдѣлка льна и приго-

товленіе льняныхъ издѣлій была главною отраслью промышленности. Изъ ремеслъ наиболѣе процвѣтаетъ сапожное. Нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть столько сапожниковъ, хотя это ремесло вообще распространено въ краю. Изъ Яблоннаго масса этого товара развозится и въ большіе торговые центры. Конечно, съ этимъ ремесломъ въ тѣсной связи процвѣтаетъ и кожевенный промыселъ. Есть и особый, спеціальный мѣстный промыселъ—приготовленіе столярнаго *клея*, плитки котораго массами лежатъ и просушиваются у нѣсколькихъ домиковъ на окраинѣ мѣстечка. Проходя по этой окраинѣ вдоль р. Орлички, я еще обратилъ вниманіе на небольшой домикъ или павильонъ, отдѣльно стоящій на орошаемомъ потокомъ лугу. На немъ я прочелъ надпись „umělý chov rýb", т. е. искусственное разведеніе рыбъ, а именно *рѣчной форели*, чеш. pstruh (откуда также названіе завода pstruhárna). Надо сказать, что этимъ видомъ рыбы изобилуютъ и Орлица и другія горныя рѣчки и потоки, доставляя мѣстами доходъ поселенцамъ, но рядомъ съ этимъ любители занимаются еще, какъ въ Яблонномъ, и искуственнымъ разведеніемъ этой вкусной рыбы. Къ сожалѣнію, не пришлось поближе познакомиться съ устройствомъ этого. Наконецъ мнѣ еще удалось осмотрѣть въ Яблонномъ фабрику щетокъ, заведенную однимъ предріимчивымъ, дѣльнымъ и интеллигентнымъ мѣстнымъ жителемъ—чехомъ. Мы подробно осмотрѣли фабрику, выслушивая интересныя объясненія самого хозяина.

Матеріалъ привозный—частью изъ Россіи (щетина), частью изъ Америки (особая трава). Выдѣлываются здѣсь всевозможные виды щетокъ и все—ручная работа мужчинъ и женщинъ (сортировка, расческа, обрѣзываніе и проч.). Особеннымъ станкомъ выдѣлываются тутъ же жестяныя оправы для щетокъ. На это собственное свое изобрѣтеніе хозяинъ имѣетъ патентъ. Вообще видно, что дѣла этого добросовѣстнаго фабриканта идутъ очень успѣшно, и онъ подумываетъ о постройкѣ особаго зданія для своего завода, помѣщающагося пока въ его частномъ домѣ.

Послѣ длинной прогулки и осмотра городка, пріятно было вернуться въ гостинницу, подкрѣпить свои силы ужиномъ изъ вкусныхъ мѣстныхъ форелей и отдохнуть въ дружеской бесѣдѣ за кружкой очень порядочнаго чешскаго пива. Въ этотъ же вечеръ на верху, въ залѣ собранія (смежной съ комнаткой г. П.) мѣстные „соколы" (члены чешскаго гимнастическаго и патріотическаго общества) должны были собраться для гимнастическихъ упражненій (cvičeni, tělocvik). Однакожъ вмѣ-

сто обычныхъ 20—25 лицъ, собралось всего 6 человѣкъ, по той причинѣ, что утромъ того дня были похороны одного отставного генерала, мѣстнаго старожила, и притомъ съ щедрымъ поминальнымъ угощеніемъ, приведшимъ многихъ или въ слишкомъ тяжелое, или въ слишкомъ веселое настроеніе. Но любопытно было все-таки посмотрѣть на эту гимнастику „соколовъ", впрочемъ лишь недавно организовавшихся въ Яблонномъ, а потому еще и не очень опытныхъ. Лучшій гимнастъ руководилъ упражненіями. Въ заключеніе имъ же было прочитано товарищамъ какое-то патріотическое стихотвореніе. Отрадно смотрѣть на этихъ уже прославленныхъ чешскихъ „соколовъ" всюду, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ,—конечно, не какъ на искусныхъ гимнастовъ, а какъ на сплоченную и организованную общественную силу, одушевленную пламенною любовью къ родинѣ, готовностью всячески и во всякую минуту служить ей, наконецъ, плодотворной идеей поддержанія славянскаго братства и духовной взаимности.

Въ 11 часовъ вечера, въ совершенныхъ потьмахъ меня съ фонарями проводили мои новые знакомые на станцію желѣзной дороги. Пожелавъ имъ всего добраго и поблагодаривъ за гостепріимство, я покатилъ обратно въ свой Потштейнъ съ самыми пріятными впечатлѣніями.

Не одну еще интересную экскурсію можно было бы совершить по Орлицкому порѣчью и внизъ и вверхъ по теченію обѣихъ Орлицъ и по отрогамъ горъ Орлицкихъ, но побывать всюду въ сравнительно короткое время нѣтъ возможности.

Но и изъ разсказаннаго мною въ этихъ бѣглыхъ очеркахъ читатель, надѣюсь, можетъ себѣ составить нѣкоторое понятіе объ этомъ привлекательномъ краѣ, о его красотахъ природы, объ историческихъ его достопримѣчательностяхъ, о культурномъ состояніи, наконецъ, о тѣхъ условіяхъ жизни, которыя можетъ найти тамъ пріѣзжій, желающій провести нѣсколько лѣтнихъ недѣль или мѣсяцевъ въ чудномъ горномъ воздухѣ, въ самой пріятной и здоровой обстановкѣ и безъ большихъ расходовъ.

А въ этомъ и заключалась моя задача. Я не говорю здѣсь о томъ спеціальномъ интересѣ, который можетъ представить этотъ чешскій край для этнографа, археолога, языковѣда, наконецъ, естествоиспытателя и т. д. И въ этихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ свои типическія черты и особенности, отличающія

его отъ другихъ мѣстностей, а потому представляетъ достаточно матеріала для наблюденій спеціалистовъ. Я имѣлъ въ виду лишь его общій интересъ—для русской образованной публики, много путешествующей заграницей, но къ сожалѣнію такъ еще мало знакомой съ родными намъ и вмѣстѣ столь привлекательными землями. А Орлицкій край выбранъ нами случайно и составляетъ лишь маленькій уголокъ Чехіи, слѣдовательно, безмѣрно малую частицу всей западно-славянской территоріи. Сколько же найдется такихъ же равныхъ описанному и другихъ еще гораздо болѣе выдающихся красотами природы, комфортабельныхъ и интересныхъ уголковъ—и всегда гостепріимныхъ намъ лѣтнихъ пристанищъ, на этой разнообразной территоріи, хотя бы напр. въ чешскихъ Крконошахъ и Шумавѣ, въ Бескидахъ, въ Карпатахъ словацкихъ и русскихъ, въ славянскихъ Альпахъ!.. Мы такъ усердно и часто объѣзжаемъ Германію и нѣмецкую Австрію, Италію и Францію, охотно заглядываетъ даже въ Англію и на Скандинавскій сѣверъ и, конечно, посѣщаемъ всѣ эти чужія страны съ немалыми для себя и удовольствіемъ и пользою. Но не пора ли, наконецъ, хоть между прочимъ обратить свои взоры и на родные, всегда готовые принять насъ въ свою братскую среду, нами забытые края? И, кажется, дѣйствительно, пора!

Несомнѣнно, мы переживаемъ нынѣ періодъ могущественнаго подъёма національнаго духа и сознанія во всемъ славянствѣ, во всѣхъ разбросанныхъ вѣтвяхъ его,—періодъ явнаго усиленія взаимнаго тяготѣнія и оживленія стремленій къ духовному сближенію, какъ въ области языка, литературы, науки, такъ и на чисто практической почвѣ—путемъ разнообразныхъ сношеній и обмѣна произведеній народнаго труда и культуры. Это—естественный ходъ вещей, но его еще ускоряетъ нынѣшнее политическое состояніе Европы и обусловливающее его развитіе національнаго вопроса, какъ первенствующаго начала въ политической жизни современныхъ государствъ.

Очень желательно, чтобъ славяне всѣми средствами, гдѣ можно и правительственнымъ почином (въ независимыхъ странахъ), и общественными силами, и личной иниціативой какъ можно энергичнѣе и настойчивѣе работали на томъ же благодарномъ пути къ духовному объединенію. Однимъ изъ могучихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ безспорно служитъ и непосредственное ознакомленіе и общеніе славянъ между собой, особенно русскихъ людей съ соплеменниками на югѣ и западѣ (и об-

ратно), но ознакомленіе именно *на мѣстѣ*, не на нейтральной почвѣ, а у себя *дома*, на родной почвѣ, среди условій народнаго быта и жизни. Конечно, поѣздки и путешествія славянъ по Россіи и всестороннее изученіе ея въ этомъ отношеніи особенно важны и цѣлесообразны, и надо радоваться, что число нашихъ заѣзжихъ славянскихъ гостей постепенно увеличивается, несмотря на то, что для иныхъ такія поѣздки сопряжены съ значительными трудностями и жертвами. Однакожъ слѣдуетъ признать, что и намъ весьма полезно посѣщать нашихъ соплеменниковъ у нихъ дома, этимъ путемъ давать имъ случай общенія и сближенія съ нами—духовными интересами, случай—слышать русскую рѣчь и упражняться въ ней, да наконецъ и намъ самимъ, думаю, найдётся—чему у нихъ поучиться...

Если же при всемъ этомъ имѣть въ виду, что большая часть земель, населенныхъ нашими братьями, соединяетъ въ себѣ чрезвычайное изобиліе и разнообразіе красотъ природы съ здоровыми условіями жизни, дешевизной и удобствами, то, право, нельзя не подивиться, какъ рѣдко и лишь случайно русскіе люди заглядываютъ въ родные и особенно для нихъ гостепріимные края славянскаго запада.

К. Гротъ.

Варшава, окт. 1890.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго. Кн. 1. Спб. 1890 г.

Первый томъ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", вышедшій въ концѣ прошлаго года—это одна изъ интереснѣйшихъ новинокъ въ русской исторической литературѣ. Изучая это изданіе, невольно съ одной стороны удивляешься, что до сихъ поръ могли остаться неизвѣстными такіе, по истинѣ драгоцѣнные, матеріалы, съ другой—чувствуешь удовлетвореніе, видя, какія еще возможны находки и открытія. Вышедшій пока томъ относится къ царствованію Петра Великаго; въ немъ напечатаны бумаги сподвижника Петрова, кн. Б. И. Куракина (1676—1727), а именно: Указы и письма къ нему Петра Великаго, за время отъ 1711 по 1724 годъ, числомъ 61 (1—38), три отрывка, пока единственные извѣстные, изъ задуманнаго княземъ Б. И. Куракинымъ обширнаго сочиненія о Россійской Имперіи, а именно: Вѣдѣніе о главахъ въ исторіи (79—94), вѣдѣніе о нужныхъ именахъ въ исторіи (95—100) и наконецъ—часть самаго текста этого труда, обнимающая время отъ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича до 1694 г. (41—78), затѣмъ дневникъ и путевыя замѣтки кн. Куракина за 1705—1708 г. (101—240), его автобіографія, доведенная до 1710 г. (241—287), записки о русско-шведской войнѣ по 1710 же годъ (291—328), наконецъ записки, поданныя кн. Б. И. Куракинымъ Петру Великому

по политическимъ и своимъ личнымъ дѣламъ (288—290 и 329—348); издателемъ присоединены краткое предисловіе, родословіе кн. Куракиныхъ, описаніе ихъ герба и указатель.

Нечего, конечно, и говорить, что въ высшей степени важно обнародованіе писемъ и указовъ самого Петра; его всякая строка драгоцѣнна. Въ высокой степени замѣчательны и бумаги самого кн. Куракина. Особую группу документовъ составляютъ путевыя замѣтки, автобіографія и записки о шведской войнѣ, ибо содержаніе ихъ постоянно, такъ сказать, переплетается. Не сообщая многихъ важныхъ, новыхъ фактовъ, они, особенно путевыя замѣтки, представляютъ очень интересный матеріалъ для характеристики умственнаго склада людей, переживших петровскую реформу. Кн. Б. Куракинъ, повидимому, принадлежалъ—по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ своей жизни, имѣя лѣтъ 35, 40—къ числу тѣхъ людей, которые отказались уже отъ враждебнаго отношенія къ новому, но еще вовсе и не увлеклись имъ, а только всматривались во все новое съ величайшимъ интересомъ; для такихъ людей, повидимому, новизна—была главнѣйшее качество во всякомъ впечатлѣніи, качество, заслонявшее все остальное: кн. Куракинъ описываетъ и устройство конюшенъ у одного архіепископа, и церемоніи оффиціальныхъ визитовъ при папскомъ дворѣ, и развратъ среди католическаго духовенства въ Римѣ—совершенно въ одномъ тонѣ; все это для него одинаково ново и потому одинаково интересно. Таково, вѣроятно, было отношеніе и не одного кн. Куракина, а многихъ; это и совершенно естественно, да подтверждается и прямо фактами. Такъ, существуютъ путевыя замѣтки 1697—1698 гг. одного изъ участниковъ великаго посольства, авторъ которыхъ совершенно въ томъ же тонѣ, какъ и кн. Куракинъ, описываетъ рѣшительно все, что только встрѣчалъ онъ новаго.

Но особенно важны въ первомъ томѣ „Архива" уцѣлѣвшіе отрывки изъ большаго труда кн. Куракина по русской исторіи. Уже въ „вѣдѣніи о главахъ" находимъ мы интересныя указанія—такъ, тутъ прямо сказано, что авторомъ извѣстнаго проекта объ измѣненіи управленія и чиновъ былъ Языковъ, тутъ встрѣчаемъ мы какой-то интересный намекъ въ словахъ: „о матери Пушкина и о другихъ амурныхъ интригахъ" и пр. Къ сожалѣнію, изъ 344 предположенныхъ главъ до насъ дошли, да можетъ быть только и были написаны 35, отъ 93 до 127. Въ нихъ изложены событія 1682—1694 г.

Въ запискахъ этихъ, составленныхъ въ 1723—1724 г., т. е. приблизительно черезъ 40 лѣтъ послѣ описанныхъ событій, мы не находимъ, конечно, интересныхъ и важныхъ фактическихъ подробностей, но мнѣнія и замѣчанія кн. Куракина въ высшей степени драгоцѣнны. Такъ, онъ прямо говоритъ объ интригахъ Софьи передъ бунтомъ 15—17 мая: „а между тѣмъ временемъ царевна Софья Алексѣевна,—отца и матери одной съ царевичемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, желая его на царство посадить и правленіе государства въ руки свои взять, всячески трудилась въ полкахъ стрѣлецкихъ возмущеніе учинить. И всѣ тѣ происходили интриги черезъ боярина И. Милославскаго и двухъ его держальниковъ, И. Циклера и П. И. Толстова" (44). Между тѣмъ, вотъ что говоритъ кн. Куракинъ о правленіи Софьи: „правленіе ц. Софьи Алексѣевны началось со всякою прилежностію и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, черезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства" и т. д. (50) – слѣд., онъ далеко не врагъ Софьи, и потому его свидѣтельство объ ея участіи въ первомъ возмущеніи стрѣльцовъ имѣетъ огромное значеніе, ибо, хотя и прежде это участіе можно было считать почти совершенно доказаннымъ, но все-таки надо сознаться, что до сихъ поръ свидѣтельства этого рода шли отъ явныхъ враговъ Софьи, или были вынуждены пытками. Далѣе, чрезвычайно цѣнно и очень живо рисуетъ намъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Москвѣ сообщеніе кн. Куракина, что, передъ бѣгствомъ Петра къ Троицѣ и послѣдовавшимъ за тѣмъ переходомъ власти прямо въ его руки, обѣ партіи совершенно явно набирали сторонниковъ между стрѣльцами; кн. Куракинъ называетъ даже поименно лицъ, орудовавшихъ за ту и за другую сторону; „и такъ, заключаетъ онъ, тѣ интриги съ обѣихъ сторонъ были употреблены: всякая партія къ полученію себѣ стрѣльцовъ, понеже въ оныхъ вся сила состояла, для того, что оныхъ было на Москвѣ жилыхъ полковъ болѣе 30.000 и весь дворъ въ ихъ рукахъ былъ" (57). Все это сообщеніе первостепенной важности для правильнаго изученія исторіи этихъ лѣтъ. Чрезвычайно любопытны у Куракина характеристики цар. Натальи Кириловны, Льва Нарышкина, Стрешнева, кн. Бориса Голицына, Гаврилы Головкина, кн. Ромодановскаго, Лефорта и др. (63 – 67); онѣ обыкновенно жестки, но представляютъ большой интересъ для историка, равно какъ и замѣчанія о

царевнахъ, сестрахъ Софьи, и разсказы о времяпрепровожденіи Петра въ первые годы послѣ смерти матери, въ эпоху всепьянѣйшаго собора (54—55, 66—76.) Мы указали здѣсь только наиболѣе важные пункты этихъ записокъ, которыя займутъ, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду источниковъ для исторіи начала петровскаго царствованія.

Самый языкъ въ произведеніяхъ князя Куракина весьма интересенъ: онъ испещренъ всевозможными варваризмами и очень похожъ на языкъ повѣствованій современника его, графа А. А. Матвѣева, который, такъ же какъ и князь Куракинъ, служилъ преимущественно по дипломатической части заграницею. Но замѣчательно, что въ дѣловыхъ, оффиціальныхъ бумагахъ у обоихъ ихъ языкъ несравненно проще и ближе къ языку XVII вѣка. (Относительно Матвѣева мы имѣемъ въ данномъ случаѣ замѣчаніе Пекарскаго въ его статьѣ „Русскіе мемуары XVIII вѣка“. Современникъ, т. 50—52). Поэтому можно думать, что они вовсе неумышленно щеголяли знаніемъ иностранныхъ словъ; чрезвычайно широкое пользованіе ими надо, кажется, объяснять тѣмъ, что у людей вдругъ появилась громадная масса новыхъ понятій, новыхъ идей, явилось стремленіе шире взглянуть на вещи и разносторонѣе отмѣтить ихъ связь и взаимодѣйствіе, а выразить всего этого словами своего языка они еще не умѣли, не имѣя для этого образцовъ; въ бумагахъ же оффиціальныхъ они писали проще потому, что имѣли готовые и хорошо разработанные образцы въ языкѣ дѣловыхъ приказныхъ сношеній XVII в. Быть можетъ, ни въ чемъ другомъ не выражается яснѣе, чѣмъ въ этомъ безобразномъ языкѣ начала и всей первой половины XVIII в., глубина и значеніе переворота, совершеннаго Петромъ въ умахъ и взглядахъ его современниковъ.

Внѣшній видъ изданія—бумага, печать, портреты и два факсимиле князя Куракина—не оставляютъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же о редакціи изданія. Бумагамъ даны произвольныя заглавія, подъ одно заглавіе соединены разныя бумаги, ошибки подлинника то исправлены—такъ что, повидимому, можно положиться на замѣчанія редакціи и самому ихъ не опасаться, то оставлены неисправленными, переводы итальянскихъ фразъ, часто вставляемыхъ княземъ Куракинымъ, не даны никогда, а даны лишь переводы отдѣльно встрѣчающихся итальянскихъ и французскихъ словъ, да и то далеко не всѣхъ, да еще съ такими ошиб-

ками, что, напр., слово президій и президіумъ переведены то какъ добыча (отъ prise), то какъ представительство, хотя очевидно по самому смыслу мѣстъ, что это значитъ гарнизонъ (315 и 318); или еще: редакція Архива къ слѣдующимъ словамъ князя Куракина: „Царское Величество подъ Выборгомъ городъ разорилъ и выжегъ и шкуту получа великимъ удивленіемъ, и взявъ то все, возвратился въ Санктъ-Петербурхъ“ дѣлаетъ примѣчаніе: „scudo – щитъ“; „взяти на щитъ—сдѣлать военною добычею“ (171)—хотя и по смыслу и по времени (1706 г.) очевидно, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о взятіи Выборга, а о знаменитомъ подвигѣ Петра, когда онъ съ однѣми лодками захватилъ съ бою шведскій корабль. Затѣмъ еще, редакторъ Архива, М. И. Семевскій, упоминаетъ, что въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884 г. помѣщена автобіографія кн. Куракина по другому списку, съ собственноручными поправками автора, беретъ оттуда одну вставку и переводъ одной итальянской фразы, но даже не оговаривается, что тамъ изложеніе идетъ на годъ дальше! Можно бы указать, къ сожалѣнію, и еще не мало подобныхъ промаховъ; обстоятельная оцѣнка Архива съ этой стороны очень мягко сдѣлана въ „Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія“ за январь нынѣшняго года. Нельзя не подивиться и не пожалѣть искренно, что такіе драгоцѣнные документы изданы до такой степени неудовлетворительно...

Н. ЧЕЧУЛИНЪ.

II.

Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси (до XVIII вѣка), обще и мѣстно чтимыхъ. Изложены въ таблицахъ, съ картою Россіи и планомъ кіевскихъ пещеръ. Справочная книжка по русской агіографіи. Составилъ *архимандритъ Леонидъ*. Спб. 1891. Стр. 220+IV.

Павелъ Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго. Сообщилъ *архимандритъ Леонидъ*. Съ предисловіемъ и указателемъ *Николая Барсукова*. Спб. 1891. Стр. 343+XVIII.

Обѣ названныя книги изданы Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности, составляя уже 97-й и 98-й томы изданій этого почтеннаго общества, учрежденнаго, какъ извѣстно, лишь въ 1877 году, отличаются обычною этимъ образцовымъ изданіямъ изящною внѣшностью, равно какъ и тща-

*

тельностью корректуры. Обѣ онѣ обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ трудамъ двухъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой лавры архимандрита Леонида и Николая Барсукова [1]), и внимательному отношенію его предсѣдателя къ тѣмъ памятникамъ нашей старины, которые освѣщаютъ духовныя и нравственныя основы исторической русской жизни.

„Справочная книжка" архимандрита Леонида находится въ тѣсной связи съ извѣстнымъ сочиненіемъ Николая Барсукова: „Источники Русской Агіографіи" [2]). Самъ высокоуважаемый намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры ссылается на него въ своемъ предисловіи, какъ на подробный указатель существующихъ житій нарочитыхъ святыхъ и подвижниковъ благочестія на Руси, предлагая въ то же время, для знакомства съ оцѣнкою этихъ житій, какъ литературныхъ памятниковъ, изданную въ 1871 году книгу В. О. Ключевскаго: „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ". Послѣ этихъ двухъ сочиненій, и въ особенности послѣ замѣчательнаго по добросовѣстности и полнотѣ изслѣдованія и по своимъ высокимъ достоинствамъ библіографическаго труда Барсукова, можно считать вполнѣ расчищеннымъ путь для всякихъ справочныхъ работъ по части русской агіографіи. Доказательствомъ сему можетъ служить составленная архимандритомъ Леонидомъ „Справочная книжка", въ которой русскіе святые и подвижники благочестія расположены по группамъ. Архимандритомъ Леонидомъ руководила мысль побудить „мѣстныхъ чтителей памяти святыхъ составить Патерики по областямъ и городамъ: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иныхъ". Причемъ авторъ въ своемъ предисловіи выражаетъ особенное желаніе, „чтобы существующія житія нарочитыхъ святыхъ непремѣнно были напечатаны вполнѣ съ самыхъ древнихъ и исправныхъ, дошедшихъ до насъ списковъ первой начальной редакціи (если ихъ нѣсколько)". Имѣя готовые образцы въ Патерикахъ: Печерскомъ (Кіевскомъ) и Соловецкомъ, а также въ сказаніяхъ и повѣстяхъ о Псково-Печерскомъ монастырѣ, представляется возможность достойно выполнить въ монастырской тиши предлагаемую архимандри-

[1]) О ихъ дѣятельности см. въ брошюрѣ графа С. Д. Шереметева: „Основ. общ. люб. древ. письм.", Спб. 1891.

[2]) LXXXI т. изданій Имп. Общ. любит. древн. п., Спб. 1882.

томъ Леонидомъ задачу и тѣмъ воскресить одно изъ лучшихъ преданій монастырской жизни, послѣдовать примѣру иноческихъ трудовъ во времена истиннаго благочестія и укрѣпленія вѣры въ нашемъ отечествѣ. Соотвѣтственно своему назначенію и заглавію: „Святая Русь", новый трудъ архимандрита Леонида, заключаетъ въ себѣ лишь краткія свѣдѣнія о 795 святыхъ угодникахъ и подвижникахъ благочестія. Свѣдѣнія эти расположены въ видѣ таблицъ изъ пяти графъ: имена и званія святыхъ; годъ и день преставленія; день памяти, открытія мощей или ихъ перенесенія; гдѣ почиваютъ св. мощи и какъ: открыто или подъ спудомъ; есть ли житіе и служба, кѣмъ и когда написаны. Авторъ придерживается не хронологическаго и не алфавитнаго, а географическаго порядка изложенія. Всю „Святую Русь" онъ дѣлитъ на четыре области и въ каждой изъ нихъ имена святыхъ группируетъ въ частныя подраздѣленія: по городамъ, пещерамъ, монастырямъ и храмамъ. Для облегченія справокъ, составленъ алфавитный указатель именъ тоже по областямъ, и приложена карта Европ. Россіи, на которой границы каждой области обведены особою краскою и отмѣчены мѣста подвижничества или упокоенія св. угодниковъ, а на планѣ Кіевскихъ пещеръ обозначены даже мѣста нахожденія мощей въ настоящее время, что̀ придаетъ плану значеніе путеводителя Кіевскихъ святынь. Въ пятой графѣ мы замѣтили нѣкоторые пропуски. Такъ, напр., противъ именъ Саввы и Варсонуфія, преподобныхъ Тверскихъ, основателей (въ 1397 г.) Саввина монастыря, въ этой графѣ находится бѣлое мѣсто. Между тѣмъ, въ „Источникахъ Русской Агіографіи", на столбцѣ 479-мъ, читаемъ: „Житіе преподобныхъ Саввы и Варсонофія довольно подробно описываетъ св. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ *Сказаніи о Святыхъ отцѣхъ, иже въ Русстей земли сущихъ*". Затѣмъ излагается и самое сказаніе по „Лѣтописи занятій Археограф. Коммисіи" (II, отд. 2, стр. 84—87). Но существенное въ „Справочной книжкѣ"—это группировка по областямъ того обильнаго матеріала, который собранъ Николаемъ Барсуковымъ въ „Источникахъ Русской Агіографіи", а потому пробѣлы, подобные только-что указанному, легко могутъ быть пополнены изъ тѣхъ же „Источниковъ", къ которымъ обязательно долженъ будетъ обратиться каждый труженикъ, предпринимающій по совѣту архимандрита Леонида составленіе областныхъ Патериковъ.

Совмѣстный трудъ архимандрита Леонида и Николая Барсукова по изданію составленнаго П. М. Строевымъ описанія монастырскихъ рукописей знакомитъ русское общество съ нѣкоторыми новыми фактами изъ исторіи нашей археографіи, благодаря предисловію г. Барсукова [1]) и помѣщенному вслѣдъ затѣмъ письму Строева къ госуд. канцлеру, гр. Н. П. Румянцову, отъ 17-го дек. 1817 года. Мы узнаемъ, что книгохранилище созданнаго патріархомъ Никономъ Новаго Іерусалима внезапно было опустошено во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія епископомъ Сильвестромъ, который жегъ рукописи, „почитая ихъ совсѣмъ ненужною дрянью", и еслибы архимандритъ Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго всесожженія, то, по словамъ бывшаго во времена Строева намѣстника Новаго Іерусалима, вся библіотека подверглась бы одинаковой участи. Нельзя не быть благодарнымъ Н. П. Барсукову также и за приложеніе превосходнаго письма Строева, въ которомъ нашъ знаменитый археографъ объясняетъ, между прочимъ, великое духовное и нравственное значеніе въ старину Волоколамской обители.

Н. П. Барсуковъ напоминаетъ въ своемъ предисловіи, что архимандритъ Леонидъ, сообщившій Обществу любителей древней письменности рукописи Строева, былъ прежде настоятелемъ монастыря Новый Іерусалимъ и составилъ (въ 1876 г.) описаніе этого монастыря, помѣстивъ тамъ же и описаніе рукописей, хранившихся въ монастырской библіотекѣ.

III.

Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая 1822 — 1827. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1891.

Совершенно справедливо переводчикъ этой интересной книги, г. Аверкіевъ, въ своемъ предисловіи къ переводу, называетъ ее „*литературнымъ первоисточникомъ*". Это первоисточникъ, во-первыхъ, для изученія Гете, о которомъ на русскомъ языкѣ литература не особенно богата—всего нѣсколько статей, главнымъ образомъ о „Фаустѣ", да книга Льюиса. Въ „Разго-

[1]) Считаемъ долгомъ напомнить, что тѣмъ же Н. П. Барсуковымъ въ 1878 г. выпущено въ свѣтъ извѣстное сочиненіе: „Жизнь и Труды П. М. Строева".

ворахъ“ же мы переносимся въ домашнюю обстановку Гете, присутствуемъ при его занятіяхъ, при его бесѣдахъ въ интимномъ кружкѣ или въ болѣе обширномъ обществѣ; мы видимъ великаго писателя. уже глубокимъ старцемъ, но старцемъ съ юношеской душой, умѣющимъ всегда сказать что-нибудь умное, непрерывно стремящимся къ самосовершенствованію, къ пополненію старыхъ и усвоенію новыхъ познаній; передъ нами неустанный работникъ, которому за непрерывнымъ умственнымъ творческимъ трудомъ некогда одряхлѣть и опуститься. Мы знакомимся съ массой характернѣйшихъ и любопытныхъ мнѣній Гете по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, ибо разговоры велись „о греческой трагедіи и линяньи птицъ, о возможности прорытія Панамскаго канала и тайнахъ поэтическаго творчества, о паденіи барометра и литературы, о башкирскомъ лукѣ и художественномъ самовоспитаніи“, о современныхъ политическихъ событіяхъ и теоріи цвѣтовъ, о Байронѣ, Шиллерѣ, Мольерѣ, Шекспирѣ и объ иллюстраціяхъ къ „Фаусту“, сдѣланныхъ Делакруа, о китайскомъ романѣ и пѣсняхъ Беранже и пр. и пр. Такимъ образомъ становится понятнымъ огромное значеніе „Разговоровъ“ для біографіи и характеристики Гете. Съ другой стороны „Разговоры“ являются первоисточникомъ въ томъ смыслѣ, что, заключая множество вѣрныхъ и мѣткихъ мыслей и наводя на плодотворныя размышленія читателя, побуждаютъ его вмѣстѣ съ тѣмъ „къ самостоятельному мышленію, къ самостоятельному изслѣдованію предмета“, по вѣрному заключенію г. Аверкіева. Таково безотносительное значеніе „Разговоровъ“,—значеніе едва-ли не большее, чѣмъ для характеристики и біографіи самого Гете. Особеннаго вниманія и размышленія заслуживаютъ взгляды великаго писателя на искусство, которому онъ посвятилъ всю долгую жизнь и въ которомъ былъ геніальнымъ мастеромъ. Эти мысли объ искусствѣ и различныхъ писателяхъ древняго и новаго времени, разсыпанныя по всей книгѣ, достойны быть собранными воедино и систематизированы: въ такомъ видѣ, по своей глубинѣ, онѣ могли бы сдѣлаться, такъ сказать, эстетическимъ катехизисомъ.

Гете находилъ, что настоящее творчество начинается тогда, когда поэтъ научается схватывать и живописать индивидуальныя черты даннаго предмета. Въ изображеніи „общаго“ всякій можетъ поддѣлаться подъ поэта. Многіе стихотворцы, пишущіе очень милые, красивые и звучные стихи, часто останавли-

ваются, хилѣютъ и не идутъ далѣе именно потому, что не могутъ или не умѣютъ переступить этой грани отъ общаго къ индивидуальному. Гете не раздѣлялъ довольно распространенной теоріи, будто-бы художественное творчество идетъ такимъ путемъ, что художникъ сперва наблюдаетъ отдѣльныя черты, потомъ дѣлаетъ изъ нихъ обобщенія и наконецъ сливаетъ наиболѣе общіе признаки въ типъ. Онъ, наоборотъ, врожденной способностью труженика-творца считалъ *предзнаніе міра*, антиципацію (т. е. знаніе, предшествующее изученію). Безъ такой врожденной способности было бы немыслимо созданіе вполнѣ живыхъ и цѣльныхъ лицъ съ ясно опредѣленнымъ характеромъ и даже съ индивидуальными чертами; немыслимо вѣрное угадываніе художникомъ душевныхъ состояній и волненій создаваемыхъ имъ лицъ, въ различные моменты дѣйствія. Замыселъ художника, такимъ образомъ, какъ все органическое, развивается изнутри кнаружи; изученіе же и наблюденіе даютъ только краски и собираютъ, такъ сказать, питательный матеріалъ, необходимый для окончательнаго развитія и полнаго воплощенія замысла—зародыша. Характерности, которая въ новѣйшей литературѣ заняла такое преобладающее значеніе, онъ придавалъ значеніе второстепенное. Характерности нынѣ ищутъ не только во внѣшности лицъ, въ ихъ состояніи и бытовой обстановкѣ, въ особенности ихъ языка, но даже въ мотивахъ психологическихъ, откуда появилось стремленіе къ изображенію душевнобольныхъ, сумасшедшихъ, идіотовъ, истеричныхъ, а равно къ особенно яркой и даже подчеркнутой рисовкѣ мимолетныхъ ощущеній исключительныхъ психическихъ моментовъ. Въ такой погонѣ за характернымъ забываются высшія задачи искусства, сущность котораго въ провидѣніи душевныхъ свойствъ человѣка и даже животныхъ. — У художника, говорилъ Гете, двойное отношеніе къ природѣ: онъ въ одно и то же время и господинъ ея, и рабъ. Онъ рабъ ея—поскольку принужденъ дѣйствовать при помощи земныхъ средствъ, чтобы стать понятнымъ; но онъ ея господинъ—поскольку подчиняетъ земныя средства своимъ высшимъ намѣреніямъ и заставляетъ ихъ служить себѣ. Искусство выше природы. Художникъ въ подробностяхъ, конечно, долженъ подражать природѣ, но не нужно забывать, что онъ говоритъ людямъ при помощи *цѣлаго*, котораго въ природѣ нѣтъ: оно плодъ его собственнаго духа или „дуновеніе божественно-оплодотвореннаго дыханія“. Художникъ можетъ для достиженія своихъ

цѣлей прибѣгать къ фикціи. Примѣры подобнаго можно найти у многихъ великихъ художниковъ; Гете указывалъ на Рубенса и Шекспира („Макбетъ"). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гете склонялся болѣе всего къ мнѣнію, что „*чѣмъ несоизмѣримѣе и для ума недостижимѣе данное поэтическое произведеніе, тѣмъ оно лучше*". Про себя Гете говорилъ, что, какъ поэтъ, онъ никогда не стремился къ воплощенію какого-нибудь абстракта. „Я, говорилъ великій писатель, собиралъ въ душѣ *впечатлѣнія*, и притомъ впечатлѣнія чувственныя, полныя жизни, пріятныя, пестрыя, многообразныя, какія мнѣ давало возбужденное воображеніе; затѣмъ, какъ поэту, мнѣ оставалось только художественно округлять и развивать эти образы и впечатлѣнія, и, при помощи живаго изображенія, проявлять ихъ, дабы и другіе, читая или слушая изображенное, получали тѣ же самыя впечатлѣнія".

Отсюда понятно, какъ Гете смотрѣлъ на произведенія, въ которыхъ авторы преднамѣренно проводятъ „идеи и глубокія мысли". Но требуя отъ творчества непосредственности, Гете въ то же время убѣжденно говорилъ, что всякій талантъ долженъ питаться знаніемъ и только при его помощи онъ овладѣетъ своими силами.

Таковы въ общихъ чертахъ взгляды Гете на искусство, въ которыхъ и публика, и критика, и наши молодые литераторы могутъ почерпнуть не мало поучительнаго и назидательнаго. Послѣднихъ словно и подразумѣвалъ Гете, говоря, напримѣръ: „Несомнѣнно, что, еслибъ каждый зналъ въ раннихъ годахъ, сколько совершенныхъ вещей уже существуетъ и что требуется, чтобы произвести вещь, достойную стать съ нами рядомъ, то изъ ста пишущихъ стихи юношей едва-ли одинъ почувствовалъ бы въ себѣ достаточно твердости, таланта и мужества, чтобы покойно идти къ достиженію подобнаго мастерства". Много полезнаго и вѣрнаго можетъ почерпнуть и критикъ, напримѣръ въ такой проницательной оцѣнкѣ Байрона, о которомъ Гете, между прочимъ, говорилъ: „То обстоятельство, что онъ отказался отъ всякаго преданія, отъ всякаго патріотизма, не только повело къ личной гибели такого замѣчательнаго человѣка, но его революціонное стремленіе и соединенныя съ нимъ душевныя волненія не дозволили должнымъ образомъ развиться его таланту. Равнымъ образомъ, вѣчныя оппозиція и осужденіе, поскольку они отразились на его творчествѣ, въ высшей степени повредили его замѣчательнымъ произведеніямъ, и не только потому, что недовольство поэта

сообщается читателю, но и потому, что всякое оппозиціонное дѣйствіе выходитъ изъ отрицанія, а отрицаніе есть ничто... Ибо дѣло не въ ломкѣ, а въ такомъ созданіи, гдѣ человѣчество могло бы почерпнуть чистыя радости". Такихъ мѣткихъ характеристикъ немало въ „Разговорахъ", и всѣ онѣ могутъ стать темами для обширныхъ статей. Вообще поводами для отдѣльныхъ этюдовъ можетъ послужить цѣлый рядъ страницъ изъ интересныхъ „Разговоровъ", которымъ пожелаемъ самаго широкаго распространенія, что̀ рѣшительно необходимо въ наше время паденія литературнаго и критическаго вкуса.

Переводъ г. Аверкіевымъ сдѣланъ прекрасно, снабженъ предисловіемъ и необходимыми примѣчаніями.

IV.

Организація полеваго хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвообороты. А. С. Ермолова. Изданіе второе. Петербургъ 1891 г. Изданіе А. Ф. Девріена.

Наше земледѣльческое хозяйство постоянно переживаетъ какой-нибудь кризисъ, а жалобы на него стали уже давно общимъ мѣстомъ. Однако, разобраться въ этихъ жалобахъ вовсе не такъ-то легко. Мы жалуемся и на дешевизну сбыта (что̀ собственно къ хозяйству уже совсѣмъ не относится), и на дороговизну, плохое качество и недобросовѣстность рабочихъ (что̀ тоже особая статья), и на недостатокъ и неприспособленность путей сообщенія и подъѣздныхъ вѣтвей, и наконецъ, собственно, на урожай. Конечно, всѣ эти факторы имѣютъ свое вліяніе въ полученіи той не весьма отрадной картины, которую представляетъ въ настоящее время наше сельское хозяйство, но тѣмъ не менѣе ихъ нужно умѣть тщательно раздѣлить. Если главнѣйшимъ образомъ дѣло состоитъ въ томъ, что сильно и значительно упали цѣны на хлѣбъ, сравнительно съ концомъ семидесятыхъ и началомъ восьмидесятыхъ годовъ, то съ этимъ надо примириться. Теперь.когда въ міровую торговлю хлѣбомъ включены и Соединенные Штаты Америки, и Индія, и Австралія, а въ недалекомъ будущемъ обѣщаетъ выступить и Египетъ, когда Россія потеряла свою привилегію быть „житницей Европы", разсчитывать на сильное поднятіе цѣнъ безполезно. Съ этимъ, повторяемъ, надо примириться и постараться компенсировать вліяніе этого фактора на хозяйство другими мѣрами

Оставаясь же въ предѣлахъ чисто земледѣльческой дѣятельности, мы видимъ, что у насъ до сихъ поръ и здѣсь много ненормальнаго. Въ Курской губерніи, напримѣръ, давно все уже распахано преимущественно подъ пшеницу, вплоть до береговъ рѣчекъ, овраговъ и балокъ включительно. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи множество удобной земли пропадаетъ даромъ, а на югѣ, напримѣръ, въ Таврической губерніи, нѣмцы-колонисты сѣютъ на одно и то же мѣсто свою излюбленную гирку и ячмень, пока почва окончательно не истощится.

Книга г. Ермолова, заглавіе которой выписано выше, является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу сельско-хозяйственную литературу. Авторъ прямо говоритъ, что его сочиненіе не научитъ сельскихъ хозяевъ тому, какъ они должны поступать, чтобъ добиться успѣха. Такая задача, вообще, представляется недостижимой. Напротивъ того, авторъ имѣетъ въ виду только показать, „какимъ образомъ въ различное время, въ разныхъ странахъ и при разныхъ условіяхъ, сельское и, въ частности, полевое хозяйство приноравливается къ условіямъ времени и мѣста и принимаетъ, подъ вліяніемъ ихъ, тѣ или другія формы". Г. Ермоловъ сильно вооружается противъ тѣхъ доморощенныхъ агрономовъ, которые думаютъ, что „раціональное хозяйство только то, которое составляетъ сколокъ съ заграничнаго", и совершенно справедливо находитъ, что „только то хозяйство можетъ и назваться разумнымъ, только то и сулитъ хозяину болѣе или менѣе постоянный доходъ, которое построено строго сообразно условіямъ времени и мѣста, отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ окружающей его среды, а не идетъ съ ними въ разрѣзъ, не противорѣчитъ имъ во имя какихъ бы то ни было отвлеченныхъ цѣлей и задачъ". Въ книгѣ г. Ермолова особенно подробно разобраны „сѣвообороты", само собою разумѣется, очень разнообразные, въ такой обширной странѣ, какъ Россія, и богато иллюстрированы примѣрами нашихъ болѣе или менѣе раціональныхъ частныхъ хозяйствъ. Вообще, книга почтеннаго автора заключаетъ въ себѣ обширный запасъ фактическаго матеріала и теоретическихъ свѣдѣній, хорошо расположенныхъ и освѣщенныхъ, и по справедливости должна занимать мѣсто настольной книги у русскаго сельскаго хозяина.

Иностранной.

Les grands ecrivains français. *Theophile Gautier*, par Maxime Du-Camp. Librairie Hachette et C°. Paris 1890.

Въ 1886 году извѣстная книжная фирма Гашета въ Парижѣ вошла въ соглашеніе съ извѣстными писателями и учеными, съ цѣлію изданія ряда очерковъ, посвященныхъ жизни и произведеніямъ великихъ французскихъ писателей (Grands ecrivains français). Литературный патріотизмъ, если можно такъ выразиться, весьма развитъ у французовъ; поэтому, согласно плану изданія, въ него входятъ не только свѣтила, но и болѣе мелкія звѣзды французской литературы. Благодаря такому взгляду, циклъ великихъ французскихъ писателей оказался не малъ, что̀, конечно, льститъ національному самолюбію французской публики, вызывая ядовитыя замѣчанія нѣмецкой критики, что-де фирма Гашета весьма таровата на раздачу званія великаго писателя.

Эта фирма уже выпустила и ежегодно выпускаетъ нѣсколько изящныхъ томиковъ, объемомъ въ 200 страницъ, съ приложеніемъ портрета писателя, имя котораго стоитъ въ заглавіи, цѣною по 2 франка за каждый, подводя такимъ образомъ итоги литературному наслѣдію прошлаго. Цѣль изданія сдѣлать достояніемъ домашняго очага каждаго француза—идеи и плоды литературной и ученой дѣятельности выдающихся писателей Франціи, обновивъ и скрѣпивъ связь литературнаго развитія прошлаго съ настоящимъ. Эта цѣль отчасти достигается, такъ какъ вышеуказанное изданіе Гашета имѣетъ значительный успѣхъ въ публикѣ и въ немъ приняли участіе многіе изъ весьма извѣстныхъ современныхъ писателей.

Въ настоящее время уже вышли въ свѣтъ Викторъ Кузенъ—Жюля Симона, госпожа де-Савинье - Гастона Буасье, Жоржъ-Сандъ—недавно умершаго академика-философа Каро, Монтескье и г-жа Сталь -- Альбера Сореля, Расинъ - Анатоля Франси и нѣкоторые другіе. Сверхъ того объявлено, что приготовляются къ печати Бальзакъ—Полемъ Бурже, Мюссе — Жюлемъ Леметромъ, Сентъ Бевъ - Тэномъ и многіе другіе, составленіе этюдовъ о которыхъ поручено лицамъ вполнѣ компетентнымъ, занимающимъ видное мѣсто въ современной французской литературѣ.

Послѣдній изъ вышедшихъ томиковъ этого собранія посвященъ Теофилю Готье. Онъ написанъ его другомъ, извѣстнымъ писателемъ и академикомъ Максимомъ Дюканомъ.

Теофиль Готье — писатель весьма разнообразный, любопытный и притомъ—явленіе весьма рѣдкое во Франціи,—совершенно чуждый политики. Политическія страсти и политическія злобы дня были ему, художнику по натурѣ, глубоко ненавистны. Политика была настоящимъ бичомъ бѣднаго Тео (такъ обыкновенно называли Теофиля Готье въ дружескихъ литературныхъ кружкахъ), говоритъ Максимъ Дюканъ. Первый томикъ его стиховъ вышелъ въ свѣтъ 28 іюля 1830 года и, благодаря іюльской революціи, остался совершенно незамѣченнымъ—Франція была тогда всецѣло поглощена политикой, и ей было не до стиховъ. Революціи 1848 и 1870 г. были также тяжелыми ударами для этого писателя, въ смыслѣ его личной судьбы. Онъ, всегда равнодушный къ политикѣ, такимъ образомъ не мало терпѣлъ отъ политическихъ переворотовъ, постигавшихъ Францію. Разгромъ Франціи въ 1870 году и коммуна были смертельными ударами для этого писателя-художника, онъ не долго пережилъ ихъ и скончался 23 октября 1872 г. среди общаго къ нему равнодушія публики, увлеченной болѣе, чѣмъ когда-либо, политикой. Теофиль Готье, спеціальный фельетонистъ оффиціальнаго органа имперіи, „Монитера", очевидно, не могъ въ то время разсчитывать на популярность.

Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Политика набила оскомину столь падкимъ на нее французамъ, и литературная память писателя-романтика, тонкаго и изящнаго художника, усердно реставрируется въ литературныхъ кружкахъ и періодической печати, которая все чаще и чаще вспоминаетъ еще недавно такъ рѣшительно забытаго Тео,— говоритъ одинъ изъ французскихъ рецензентовъ разсматриваемаго нами очерка Дюкана.

Три года тому назадъ, т. е. въ 1887 году, виконтъ Шпельберхъ-де-Ловенжуль издалъ два объемистыхъ тома Histoire des Oeuvres de Theophile Gautier, представляющихъ самую полную и весьма цѣнную библіографію этого писателя, который, хотя и слылъ за лѣнтяя, но въ теченіе своей 40 лѣтней карьеры написалъ и напечаталъ болѣе 300 томовъ, въ стихахъ и прозѣ, обнимающихъ всѣ роды и виды литературы.

По призванію Теофиль Готье былъ поэтъ, но онъ страстно любилъ путешествія и мастерски изображалъ картины природы,

памятники искусства и все изящное и своеобразное въ нравахъ и бытѣ тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ (Испанію, Италію, Востокъ, т. е. Константинополь и Аѳины). Ему страстно хотѣлось заглянуть далѣе, въ Египетъ, Сирію и Палестину, Китай и Японію [1]); скудость его денежныхъ средствъ постоянно мѣшала исполненію этой его завѣтной мечты. Онъ всей душой ненавидѣлъ все, что носило печать стереотипной казенщины современной цивилизаціи, и рвался въ края, бытъ и природа которыхъ сохранили своеобразную красоту и оригинальность,—въ страны солнца, свѣта и яркихъ красокъ, но ремесло еженедѣльнаго фельетониста, сначала газеты „Presse", а потомъ „Монитёра", приковывало его къ Парижу.

Гасконецъ по происхожденію, Теофиль Готье выросъ и воспитался въ Парижѣ—онъ учился въ лицеѣ Карла Великаго и сначала думалъ посвятить себя живописи, поступивъ ученикомъ въ мастерскую къ извѣстному живописцу. Французская молодежь 30 годовъ бѣшено увлеклась романтизмомъ и великимъ проповѣдникомъ новой школы—Викторомъ Гюго. Южное воображеніе молодаго живописца разъигралось, и онъ примкнулъ къ одному изъ неистовыхъ кружковъ романтиковъ молодой Франціи, ставившихъ цѣлью своей жизни побѣду этой школы и ея творца. Въ экцентрическомъ красномъ жилетѣ (который, какъ оказывается, былъ розовый), юный Готье являлся съ цѣлой толпой такой же рьяной молодежи на всѣ представленія пьесъ Гюго; первое представленіе Эрнани на сценѣ Comédie Française было событіемъ своего рода въ тогдашней Франціи. Въ февралѣ 1830 года, послѣ перваго бурнаго представленія Эрнани, Готье сталъ завзятымъ романтикомъ и, оставивъ кисть живописца, взялся за перо писателя, которое онъ считалъ болѣе пригоднымъ для пропаганды ученія новой школы.

Имя его уже было извѣстно въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ, когда, въ 1836 году, онъ выступилъ въ качествѣ постояннаго еженедѣльнаго фельетониста, по художественной части, новой газеты „Presse" Емиля Жирардена. Ради насущнаго хлѣба, онъ надѣлъ на себя этотъ хомутъ, который не могъ скинуть до могилы. Великій практикъ, извлекавшій

[1]) Египетъ и Алжиръ онъ посѣтилъ гораздо позднѣе на короткое время въ качествѣ корреспондента „Оффиціальнаго Журнала" при открытіи Суэзскаго канала.

изъ газеты крупные барыши, Жирарденъ, пользуясь безпечностью поэта-художника, помыкалъ имъ какъ почтовой лошадью, заставляя его писать преимущественно театральные фельетоны, которыми особенно интересовалась читающая публика.

Теофиль Готье, какъ замѣчаетъ его біографъ, хотя въ молодости былъ неистовымъ романтикомъ, но, человѣкъ съ большой эрудиціей и тонкимъ художественнымъ вкусомъ, никогда не доходилъ до тѣхъ романтическихъ нелѣпостей, которыми щеголяли его друзья и единомышленники.

Дюканъ въ своемъ очеркѣ послѣ весьма интересной первой главы, посвященной жизни Готье, въ четырехъ послѣдующихъ изображаетъ его какъ критика (гл. II), путешественника (гл. III), беллетриста (глава IV) и наконецъ поэта (глава V).

Какъ авторъ „Комедіи Смерти“ и въ особенности „*Изумрудовъ и Камей*“ (Emaux et Camées), Готье занимаетъ мѣсто рядомъ съ первоклассными поэтами Франціи романтической школы, т. е. Викторомъ Гюго и Альфредомъ Мюссе.

Сборникъ его стихотвореній, носящій названіе „Изумрудовъ и Камей“,—по красотѣ стиха и изяществу образовъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ перловъ французской поэзіи, вообще говоря, не особенно богатой ими.

Теофиль Готье, хотя и былъ восторженнымъ послѣдователемъ романтической школы, но онъ оцѣнилъ по достоинству значеніе греческаго искусства. Посѣтивъ въ 50-хъ г. Аѳины, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: Я восхищенъ Аѳинами. Рядомъ съ Парѳенономъ всѣ произведенія современнаго искусства кажутся варварскими и грубыми, это краснокожіе дикари передъ лицомъ чистыхъ и лучезарныхъ мраморовъ старыхъ эллиновъ. Современная живопись передъ ними татуировка людоѣдовъ (tatouage de canniballes), а наши статуи—грубыя и безобразныя глыбы камня. Послѣ Аѳинъ, Венеція мнѣ показалась пошлой, съ ея произведеніями искусства грубаго упадка (grotesquement decadente).

Такое мнѣніе, несмотря на всю пылкость выраженій, не было только мимолетнымъ впечатлѣніемъ; позднѣе въ своей автобіографіи онъ высказываетъ то же самое, хотя и въ болѣе смягченной формѣ: я очень любилъ средневѣковые соборы подъ вліяніемъ Notre Dame de Paris, но, увидѣвъ Парѳенонъ, я сразу излѣчился отъ этой готической болѣзни, которая во мнѣ впрочемъ никогда не была очень сильна.

Два тома путевыхъ впечатлѣній Теофиля Готье по Востоку

(они изданы подъ заглавіемъ L'Orient) представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію искусства, чаруя читателя великолѣпіемъ картинъ, изображенныхъ мастерскимъ перомъ писателя-художника.

Мастеръ и знатокъ французскаго языка и литературы, Теофиль Готье, въ теченіе 40 лѣтъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ работавшій на поприщѣ писателя, не попалъ однако въ Академію. При второй Имперіи въ Академіи сосредоточивалась оппозиція этому режиму и господствовали орлеанисты, которые не прощали Готье, что онъ состоялъ библіотекаремъ принцессы Матильды и писалъ театральные фельетоны въ оффиціальной газетѣ.

Сентъ-Бевъ, высоко цѣнившій его литературные таланты, старался доставить мѣсто сенатора своему другу—оно обезпечило бы Готье въ матеріальномъ отношеніи, освободивъ его отъ поденной работы фельетониста. Но когда ему, передъ всемірной выставкой 1867 г., правительствомъ было поручено составить отчетъ объ успѣхахъ французской поэзіи со времени Людовика Филиппа, онъ въ своемъ мемуарѣ напечатанномъ въ Отчетахъ выставки, не усумнился поставить во главѣ современныхъ французскихъ поэтовѣ Виктора Гюго, жерсейскаго изгнанника, громившаго въ стихахъ и прозѣ Имперію. Такимъ образомъ, мѣсто сенатора онъ не получилъ, а обнаруженная имъ въ этомъ случаѣ независимость мнѣній, какъ критика, была забыта, и послѣ паденія Имперіи его считали и называли бонапартистомъ. Несмотря на свои крупныя литературныя заслуги, Готье не попалъ въ Академію, въ качествѣ бонапартиста, а въ Сенатъ—какъ слишкомъ усердный почитатель, въ оффиціальномъ отчетѣ, непріятнаго для наполеоновскаго правительства французскаго поэта.

Бѣдный Тео,—говоритъ въ заключеніе своего біографическаго очерка Дюканъ,—проклятая политика, которую ты такъ не любилъ, въ теченіе всей жизни постоянно мѣшала тебѣ получить независимое литературное положеніе, которое было такъ нужно для развитія твоихъ замѣчательныхъ способностей.

Въ книжкѣ Дюкана много весьма характерныхъ анекдотовъ, рисующихъ литературные нравы съ 30 по 70-ые годы.

Ее можно рекомендовать вниманію читателей, желающихъ познакомиться съ личностью и произведеніями этого выдающагося писателя Франціи, до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненнаго.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Присоединеніе къ православію Великой Княгини Елисаветы Өеодоровны.—Мѣры къ выселенію евреевъ изъ Москвы и вообще изъ мѣстъ, закрытыхъ для еврейской осѣдлости. — Законъ объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. — Льгота для оставляющихъ отечество обывателей Царства Польскаго.--Варшавскіе безпорядки.—Управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ.—Новое доказательство прочности нашего государственнаго кредита. — Небывалый случай въ лѣтописяхъ финансовыхъ сдѣлокъ —Кончина Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Православная Церковь восприняла въ лоно свое, познавшую истину ея ученія, Великую Княгиню Елисавету Өеодоровну. Супруга августѣйшаго генералъ-губернатора, отнынѣ *Благовѣрная* Великая Княгиня, прибудетъ въ первопрестольную столицу исполненная благоговѣйнаго почитанія нашихъ святынь, соединенная въ вѣрѣ и въ общеніи церковныхъ молитвословій и таинствъ съ православнымъ русскимъ народомъ и его Вѣнценоснымъ Вождемъ. Москва будетъ ей, такимъ образомъ, родною по самой основѣ русской жизни, по духу вѣры, и съ тѣмъ большею любовью, разумѣется, встрѣтитъ великокняжескую чету, монаршею волею призванную помогать царственнымъ заботамъ о благѣ ея населенія. И какое широкое поприще для добрыхъ дѣлъ открывается передъ Благовѣрною Великою Княгинею! Святыни Москвы, вознося духъ къ горнимъ вершинамъ, конечно, укрѣпятъ ея силы на этомъ благодатномъ, но трудномъ поприщѣ, и сердечная признательность населенія къ Особѣ Императорскаго Дома, предпочитающей внѣшнему блеску внутреннюю красоту добродѣтели, станетъ новымъ надежнымъ залогомъ неразрывности глубокой нравственной связи русскаго Царя съ его народомъ.

* * *

Печать ставитъ въ связь съ назначеніемъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ брата Государева послѣднюю мѣру охраны Москвы отъ наплыва въ нее евреевъ и постепенной ея очистки отъ этого инородческаго элемента.

Министру внутреннихъ дѣлъ Высочайше соизволено: впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ паспортныхъ правилъ для евреевъ, воспретить всѣмъ вообще мастерамъ и ремесленникамъ Моvсеева закона переселяться изъ черты еврейской осѣдлости, а равно переходить изъ другихъ мѣстностей имперіи въ Москву и Московскую губернію. Министру предоставлено, по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, озаботиться принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы евреи мастера и ремесленники постепенно выѣхали изъ Москвы и Московской губерніи въ мѣстности, опредѣленныя для постоянной осѣдлости евреевъ. Въ нашей столицѣ въ свою очередь сдѣланы особыя распоряженія с.-петербургскаго градоначальника. Одновременно съ обнародованіемъ приведеннаго Высочайшаго соизволенія, появился приказъ по столичной полиціи приставамъ пригородныхъ участковъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ наступающее лѣтнее время не были допускаемы къ пребыванію на дачахъ евреи, которые не предъявятъ надлежащаго разрѣшенія на жительство въ мѣстахъ, для еврейской осѣдлости закрытыхъ.

* * *

Отрадное впечатлѣніе на общество произвелъ новый законъ объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака или въ бракѣ недѣйствительномъ. Въ немъ привѣтствуютъ „приращеніе правды и милости въ нашемъ законодательствѣ", снятіе съ неповинныхъ дѣтей нескончаемой кары, которую несли они за грѣхъ и правонарушеніе родителей. Но есть и недовольные „умѣренностью" новаго закона. Нѣкоторые не находятъ достаточныхъ основаній къ различію между дѣтьми, рожденными отъ прелюбодѣянія и внѣ брака, къ сохраненію отказа въ правѣ отыскивать отца и къ требованію нѣкоторыхъ процессуальныхъ формальностей. Указываютъ на законодательства Швеціи, Финляндіи и даже нашихъ Прибалтійскихъ губерній, какъ на гораздо болѣе „гуманныя". Въ нихъ-де при признаются законными дѣти, рожденныя невѣстою отъ жени

хотя бы бракъ между ними не состоялся, а равно и происшедшія отъ матери, „ставшей беременной въ виду обѣщанія на ней жениться"; въ этихъ законодательствахъ институтъ легитимаціи поставленъ такъ широко, что его благодѣтельныя послѣдствія распространяются не только на дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и на тѣхъ изъ нихъ, которыя рождены отъ кровосмѣсительныхъ сожитій („Суд. Газ.") и т. д. Какъ бы ни была безнравственна и противозаконна связь, отъ которой произошли дѣти—они не отвѣтственны за грѣхъ и преступленіе своихъ родителей. Такое утвержденіе безспорно, и законъ, дѣйствительно *карающій* дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія, былъ бы вопіющею несправедливостію. Но этого нѣтъ и никогда не было. Юридически невѣрно выраженіе, будто такія дѣти „несутъ кару за грѣхъ и правонарушеніе родителей". Никакой законъ не подвергаетъ ихъ карѣ; но законы гражданскіе и о состояніяхъ не признаютъ за ними только такихъ правъ, которыя пріобрѣтаются *единственно* законностію рожденія, не препятствуя въ то же время главѣ брачнаго союза, мужу, молчаливо даровать и эти права ребенку блудной жены. Что касается случая рожденія ребенка дѣвушкою или вдовою отъ женатаго мужчины, то и здѣсь строгость закона значительно смягчается новыми правилами объ усыновленіи, о чемъ будетъ рѣчь ниже, а также имущественною полноправностію у насъ женщины, отвергаемою „передовыми" и „гуманными" законодательствами Запада. Надо думать, что люди, требующіе совершеннаго уничтоженія въ положительномъ законодательствѣ понятія о *незаконности* рожденія, не вполнѣ ясно сознаютъ свое требованіе. Вѣдь если упразднить понятіе о незаконности, то само собою отпадетъ и понятіе о законности рожденія. А такъ какъ законность рожденія есть ничто иное, какъ нравственно-чистое, т. е. не загрязненное прелюбодѣяніемъ, явленіе брачнаго сожительства, и только *брачнаго*, то и его причина—самый институтъ брака долженъ быть вычеркнутъ изъ положительнаго законодательства, ибо преемственность правъ и обязанностей родителей есть главная юридичеекая основа этого института, его maxima ratio. Правда, существуетъ модное ученіе, приравнивающее къ прелюбодѣянію и брачное сожительство; но развѣ желаютъ ввести это ученіе въ наши положительные законы?

* * *

Дѣти, рожденныя въ условіяхъ, порицаемыхъ закономъ и общественною нравственностію, страдали у насъ не столько отъ легальной охраны брачнаго института, сколько отъ укоренившихся въ обществѣ предразсудковъ. Въ прошлое царствованіе былъ такой случай. Писарь одного центральнаго вѣдомства въ декабрѣ получилъ разрѣшеніе жениться, а въ февралѣ подалъ по начальству просьбу о выдачѣ ему пайка на новорожденнаго ребенка. Начальникъ былъ крайне смущенъ такою просьбою; по его понятіямъ, казна не могла расходоваться на содержаніе ребенка, рожденнаго въ столь короткій срокъ брачнаго сожительства, а когда одинъ изъ подчиненныхъ, къ которому онъ обратился за разъясненіемъ, показалъ ему статью X т., устраняющую всякое сомнѣніе въ законности новорожденнаго, то начальникъ объявилъ: „вижу, что долженъ признать ребенка законнымъ, но все же онъ *не настолько законный*, чтобы получать казенный паекъ“.

* * *

Законъ не порождалъ ни парій, ни рабовъ; онъ только санкціонировалъ соціальныя (или антисоціальныя) отношенія, задолго до его появленія возникшія и установившіяся въ силу обычая. Еслибы гражданскій законъ не былъ пассивенъ и шелъ впереди жизни, то вмѣсто водворенія порядка онъ производилъ бы перевороты. Законодателю въ области гражданскихъ отношеній не подобаетъ щеголять гуманностью или великодушіемъ; онъ долженъ, напротивъ, строго придерживаться міровоззрѣнія среды, для которой издаетъ законы, обязанъ не сходить съ исторической почвы, если не желаетъ навлечь на себя нареканіе въ произволѣ. Какимъ бы анахронизмомъ ни казалось ему то или другое постановленіе изъ числа возникшихъ на этой почвѣ, онъ долженъ оставлять его въ силѣ, пока въ обществѣ, т. е. въ сознательной части народа, не созрѣетъ и не сдѣлается общимъ достояніемъ мысль о необходимости его отмѣны или коренной поправки.

Примѣняя высказанныя соображенія къ закону 12-го март сего года о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ, не можемъ н признать, что онъ вводитъ новизну съ соблюденіемъ требуемо мѣры. Современное русское общество сознало необходимость дат дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака или въ бракѣ недѣйствител

номъ, правильное общественное положеніе, а ихъ родителямъ возможность загладить свою вольную или невольную вину по отношенію къ нимъ, возстановить нарушенную ихъ легкомысліемъ или несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ естественную семейную связь и всѣ происходящія отъ нея или ею порождаемыя юридическія и нравственныя права и обязанности; но оно по-прежнему твердо вѣруетъ въ святость брачнаго союза и не думаетъ отрицать несомнѣнной его важности, какъ установленія гражданскаго. Въ виду такого, строго консервативнаго, настроенія общества законодателю не представлялось ни малѣйшаго повода къ гуманничанью *въ обходъ* брака. Требовалось призвать блудныхъ къ порядку, открывъ имъ правильный путь къ исполненію родительскаго долга—и законодатель говоритъ имъ, что они могутъ достигнуть этой благой цѣли, если вступятъ въ бракъ между собою, что тогда все прошлое предастся забвенію, что невинныя жертвы ихъ безпорядочнаго образа жизни, ихъ собственныя дѣти, перестанутъ быть какими-то отверженниками общества и пріобрѣтутъ всѣ права законныхъ дѣтей. Даже изъ метрикъ исчезаетъ слѣдъ незаконности ихъ рожденія, такъ какъ судъ взамѣнъ прежнихъ метрическихъ свидѣтельствъ выдаетъ новыя, въ которыхъ обозначаетъ просто, что сынъ или дочь такого-то и законной его жены, такой-то, родились и крещены тогда-то. Всѣ дѣла объ узаконеніи рожденныхъ внѣ брака дѣтей производятся при закрытыхъ дверяхъ, и не допускается даже подача прошеній чрезъ повѣренныхъ.

* * *

— Но развѣ бракъ всегда возможенъ? — спрашиваютъ неудовлетворенные новымъ закономъ. Можетъ же умереть отецъ до рожденія ребенка или мать во время родовъ; тотъ и другая могутъ сойти съ ума, подвергнуться лишенію всѣхъ правъ состоянія и т. д. Конечно, бываютъ такія препятствія; но ихъ нельзя приводить въ доказательство несостоятельности новаго закона. Мало ли встрѣчается внѣшнихъ препятствій къ возмѣщенію понесенныхъ убытковъ, къ возврату данныхъ взаймы денегъ и вообще къ охранѣ и осуществленію имущественныхъ правъ. Но развѣ виновато въ томъ положительное законодательство? Суды и законы, какъ бы они ни были совер-

шенны, никого не обезпечиваютъ отъ превратностей судьбы и не могутъ спасать людей отъ несчастій. Во многихъ случаяхъ узаконеніе дѣтей помимо брака ихъ родителей было бы безразсудствомъ и могло бы повести къ существенному нарушенію сословныхъ правъ. Кáкъ, напр., узаконить сына княжны, прижитаго ею съ грумомъ? Даровать ему права и преимущества матери — было бы очевиднымъ абсурдомъ и противно дѣйствующимъ законамъ и общепринятымъ понятіямъ о состояніяхъ, а надѣлить его *преимуществами* отца—развѣ благодѣяніе для такого несчастнаго ребенка? При рѣзкихъ различіяхъ въ общественномъ положеніи отца и матери, въ особенности при ничтожествѣ перваго, самый бракъ между ними не облегчаетъ трудности задачи законодателя—дать прижитому ими ребенку правильное положеніе въ обществѣ, потому что, въ случаѣ узаконенія путемъ брака, ребенокъ долженъ будетъ слѣдовать состоянію своего отца. Если же summum jus узаконенія является въ данномъ и подобныхъ случаяхъ настоящею summa injuria, то слѣдуетъ искать выхода къ справедливости помимо тѣсныхъ рамокъ положительнаго закона, безъ всякихъ посягательствъ на сословный порядокъ и семейное начало. Въ исключительныхъ обстоятельствахъ у насъ никому не возбраненъ путь къ источнику высшей правды въ государствѣ,—къ монаршей милости.

* * *

Новый законъ поручаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предстательство за неповинныхъ дѣтей, этихъ безгласныхъ жертвъ неправильной жизни родителей, оффиціальнымъ органамъ правосудія. Такъ, въ случаѣ признанія брака незаконнымъ и недѣйствительнымъ, подлежащій судъ повергаетъ на милостивое воззрѣніе Государя Императора ходатайство о сохраненіи за дѣтьми, рожденными въ семъ бракѣ, правъ законныхъ дѣтей. Если же одинъ изъ супруговъ вовлеченъ былъ въ противозаконный бракъ обманомъ или насиліемъ, то и участь невиннаго супруга, вступившаго по невѣдѣнію или принужденію въ недѣйствительный бракъ, можетъ быть повергнута судомъ на Высочайшее воззрѣніе. Во всякомъ случаѣ родители происшедшихъ отъ недѣйствительнаго брака дѣтей подчиняются, до

ихъ совершеннолѣтія, обязанностямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 172 законовъ гражданскихъ.

* * *

Независимо отъ узаконенія per rescriptum principis (по соизволенію верховной власти) участь дѣтей, рожденныхъ внѣ брака или покинутыхъ родителями, можетъ быть въ значительной мѣрѣ обезпечена новыми правилами объ усыновленіи.

Законъ 12-го марта предоставляетъ лицамъ всѣхъ состояній, безъ различія пола (кромѣ тѣхъ, кои по сану своему обречены на безбрачіе), если они не имѣютъ собственныхъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, усыновлять своихъ воспитанниковъ, пріемышей и чужихъ дѣтей. Разрѣшеніе подлежащаго начальства требуется только для священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, а воспрещено усыновлять: православныхъ лицамъ, принадлежащимъ къ раскольничьимъ и инымъ сектамъ, христіанъ нехристіанамъ и наоборотъ. Усыновитель (мужчина или женщина) долженъ имѣть общую гражданскую правоспособность, не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду и быть старше усыновляемаго по крайней мѣрѣ 18-ью годами; для усыновленія требуется согласіе родителей усыновляемаго, или его опекуновъ и попечителей, а также его самого, если онъ достигъ 14-ти-лѣтняго возраста. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами пріобрѣтаютъ личное почетное гражданство, если имѣютъ меньшія права состоянія. Усыновитель можетъ передать усыновленному и свою фамилію, но передача фамилій потомственными дворянами можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, а лица женскаго пола, не вступившія въ бракъ, при жизни своихъ родителей, обязаны испросить на то ихъ согласіе. Усыновленный вступаетъ по отношенію къ усыновителю во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей и наслѣдуетъ ему въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ, съ тѣмъ однако, что наслѣдуемое имѣніе усыновителя, не имѣющаго родныхъ сыновей, а имѣющаго лишь дочерей, дѣлится между сими послѣдними и усыновленнымъ поровну. Усыновленный не имѣетъ права на пенсію и единовременныя пособія за службу усыновителя и, если не состоитъ съ нимъ въ законномъ родствѣ, то не можетъ заступать его мѣсто при наслѣдованіи, по праву представленія;

въ случаѣ бездѣтной смерти усыновленнаго, благопріобрѣтенное или полученное отъ усыновителя въ даръ имущество его поступаетъ къ усыновителю.

Эти постановленія даютъ возможность пристроить, т. е. поставить въ правильныя имущественныя и общественныя отношенія, и такихъ рожденныхъ внѣ брака дѣтей, которыя не могутъ быть узаконены путемъ послѣдующаго брака ихъ родителей по причинѣ физической, нравственной или юридической невозможности брачнаго союза, или потому, что вслѣдствіе слишкомъ рѣзкихъ различій въ общественномъ положеніи отца и матери ихъ семейный очагъ представлялся бы явленіемъ уродливымъ, постыднымъ для одного изъ супруговъ, съ его же точки зрѣнія, а признаніе ребенка законнымъ нисколько не улучшило бы его участи.

Заслуга законодателя состоитъ не въ ломкѣ исторически сложившихся понятій и основъ гражданскаго порядка, а въ примиреніи ихъ съ новыми явленіями и требованіями жизни; онъ не долженъ забывать, что положительный законъ и правосудіе имѣютъ дѣло съ общественнымъ организмомъ и что никакой организмъ не выноситъ насилія.

* * *

Въ концѣ марта правительство нашло возможнымъ предоставить варшавскому генералъ-губернатору выдачу эмиграціонныхъ свидѣтельствъ „обывателямъ Царства Польскаго“ безъ испрошенія на то особаго, каждый разъ, Высочайшаго повелѣнія и временно, на 3 года, освободить ихъ отъ сторублеваго сбора за выходные паспорты. Такимъ образомъ, обывателямъ Царства, желающимъ оставить свое отечество, не только не создается новыхъ препятствій, не дѣлается никакихъ угрозъ, но даже оказывается нѣкоторое содѣйствіе, разумѣется, въ уважительныхъ случаяхъ. Всенароднымъ объявленіемъ, что правительство вовсе не намѣрено удерживать насильно въ предѣлахъ государства людей, полагающихъ свое счастье въ переселеніи за океанъ, по всей вѣроятности, будетъ значительно ослаблено въ Привислинскомъ краѣ дѣйствіе тайныхъ подговоровъ къ оставленію отечества, и воровской побѣгъ заграницу обманутыхъ разными агентами поселянъ и горожанъ замѣнится открытымъ и болѣе или менѣе упорядоченнымъ переселенческимъ движеніемъ. Конечно, нельзя не пожалѣть, что

движеніе это направляется не въ русскія земли на пустующія нынѣ мѣста, а на далекій Западъ, откуда для огромнаго большинства переселенцевъ уже нѣтъ возврата въ отечество; но если горячечныя стремленія охлаждаются только горькимъ опытомъ, то никакія увѣщанія не подѣйствуютъ на людей легкомысленныхъ и невѣжественныхъ, а если они въ то же время составляютъ безпокойный элементъ населенія, который будетъ вынесенъ за предѣлы государства эмиграціей, то такая убыль соотечественниковъ доставитъ, пожалуй, истинное утѣшеніе людямъ здравомыслящимъ. Надо полагать, что высшая мѣстная власть въ Привислинскомъ краѣ будетъ пользоваться даннымъ ей полномочіемъ съ должною осторожностію и разсчетомъ и съумѣетъ сохранить для края дѣйствительно цѣнныя трудовыя и культурныя силы.

* * *

Варшавскіе безпорядки, о зачатіи коихъ съ трескомъ и шумомъ возвѣщалось въ заграничной польской печати и ходили слухи у насъ, родили мышь. „Всенародное" празднованіе столѣтней годовщины Конституціи 1791 года ограничилось поклоненіемъ въ Ботаническомъ саду сотенъ трехъ лицъ—студентовъ, гимназистовъ и праздношатающихся „штатскихъ"—остаткамъ фундамента несостоявшейся каплицы, подъ которымъ погребенъ, будто-бы, свитокъ конституціонной хартіи, да пѣніемъ въ Саксонскомъ саду патріотическихъ пѣсенъ. Разумѣется, нарушители общественной тишины были тотчасъ же арестованы и всего, сколько извѣстно, въ числѣ 32 человѣкъ.

Гораздо серьезнѣе этой вздорной выходки легкомысленной молодежи были безчинства рабочихъ на Жирардовской фабрикѣ. Двѣ трети забастовавшихъ 1-го мая (по нов. стилю) рабочихъ хотѣли ворваться на фабрику, съ цѣлью заставить отказаться отъ работы остальныхъ своихъ товарищей. Они разбили ворота, но внутрь фабричныхъ помѣщеній проникнуть не могли, такъ какъ были остановлены поспѣшно прибывшими на мѣсто безпорядка двумя баталіонами пѣхоты и казаками; вскорѣ пріѣхалъ губернаторъ и другія власти. Стачникамъ не удалось повредить и шлюзы въ прудахъ, служащихъ источникомъ двигательной силы на фабрикѣ. Сообщаютъ, что наружно рабочіе успокоились, но грозили возобновить стачку по уходѣ

войскъ. Отличительная сторона жирардовскихъ безчинствъ въ томъ, что они произошли 1-го мая, т. е. въ самый день, назначенный для забастовки международнымъ союзомъ рабочихъ. Это ясно показываетъ, что часть фабричнаго населенія Привислинскаго края находится во власти соціалистической агитаціи.

* * *

Сосѣдній съ Привислинскимъ, Сѣверо-Западный край представляетъ отрадный примѣръ тишины и спокойствія. Нѣкогда тревожные элементы его улеглись подъ твердымъ, но спокойнымъ и ровнымъ управленіемъ. Высшая мѣстная администрація, видимо, вполнѣ примѣнилась къ характеру населенія и, ни на шагъ не отступая отъ возложенной на нее трудной задачи укрѣпленія русскаго начала въ ополяченной Литвѣ, умѣетъ водворять миръ въ обществѣ и охранять установленный порядокъ отъ всякаго на него посягательства съ чьей бы то ни было стороны. Такое оздоровленіе политико-нравственной атмосферы края составляетъ несомнѣнную заслугу администраціи и служитъ надежнымъ ручательствомъ за правильное въ будущемъ развитіе мѣстной общественной жизни. Конечно, нравственная связь съ русскимъ народомъ отторженной отъ него разновѣріемъ значительной части мѣстнаго населенія не можетъ быть окончательно закрѣплена безъ освященія въ его глазахъ національнаго (т. е. русскаго) языка дополнительнымъ богослуженіемъ и проповѣдью на этомъ языкѣ въ католическихъ костелахъ края; но рѣшеніе этого важнаго вопроса не зависитъ отъ воли мѣстной администраціи. Она заслуживала бы упрека лишь въ томъ случаѣ, еслибы не возбуждала ходатайствъ въ этомъ смыслѣ. Намъ извѣстно, что вопросъ о дополнительномъ богослуженіи на русскомъ языкѣ для католиковъ Сѣверо-Западнаго края, возбужденный виленскимъ генералъ-губернаторомъ, затормозился при покойномъ графѣ Д. А. Толстомъ, во время управленія имъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по весьма странному недоразумѣнію. Нѣкоторыя центральныя вѣдомства наши вообразили, что православіе погибнетъ, если ксендзамъ дать *право* говорить съ народомъ и обращаться къ нему съ поученіями на русскомъ языкѣ. Они совершенно упустили изъ виду, что всякій вѣрующій народъ, не исключая и русскаго, считаетъ своимъ національнымъ языкомъ тотъ языкъ, на которомъ ему *объясняютъ* съ церковной

каѳедры слово Божіе и на которомъ самъ онъ возноситъ свои молитвы къ Богу.

* * *

Въ четыре мѣсяца текущаго года мы могли совершенно свободно произвести досрочное погашеніе голландскихъ займовъ болѣе чѣмъ на 18½ милл. р. кред.; теперь Высочайше повелѣно выкупить всѣ невышедшія до сего времени въ тиражъ облигаціи перваго 4½ % займа 1850 г. на сумму 1.100.000 фунт. стерл. и втораго такого же займа 1860 г. на сумму 3.580.000 фунт. стерл. и весь расходъ по оплатѣ сихъ облигацій (по существующему курсу, свыше 39 милл. р. кред.) отнести на свободную наличность государственнаго казначейства.

Первый 4½ % заемъ въ 5½ милл. фунт. стерл. на расходы по окончанію Николаевской желѣзной дороги былъ заключенъ, черезъ Штиглица, въ Лондонѣ у Бр. Бэрингъ и К°. Второй такой же заемъ, для подкрѣпленія размѣннаго фонда, а затѣмъ для расходовъ государственнаго казначейства, истощеннаго востребованіемъ консолидированныхъ имъ вкладовъ, имѣетъ цѣлую исторію. Въ 1859 году заключенъ былъ чрезъ посредство банкирскихъ домовъ Томсонъ Бонаръ и К° въ С.-Петербургѣ и Ф. Март. Магнусъ въ Берлинѣ внѣшній заемъ въ 12 милл. ф. стерл., съ платежемъ по 3% въ годъ; но война, возгорѣвшаяся въ Италіи, произвела пониженіе цѣнныхъ бумагъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ, а потому названные банкирскіе дома успѣли помѣстить трехпроцентныхъ облигацій лишь на сумму 7.000.000 фунт. стерл. нарицательнаго капитала, выручивъ, кажется, не болѣе 4 р. за фунтъ. Къ началу 1860 года усилилась нужда въ деньгахъ и нашего правительства; въ маѣ былъ заключенъ второй 4½ % заемъ на 8 милл. фунт. стерл., но изъ нихъ реализовано въ 1860 г. только 5 милл. нарицательнаго капитала, да въ 1861 г. еще 1½ милл. Реализація производилась въ Лондонѣ у Бр. Бэрингъ и К°, по цѣнѣ 92 и въ Амстердамѣ, у Гопе и К°, по 90 за 100. Въ очистку получено 89,22 %, а по счету Гейлера только 88,59 %.

По условіямъ выпуска билеты, вышедшіе въ тиражъ, оплачивались въ Лондонѣ по нарицательной цѣнѣ въ фунтахъ стерлинговъ, а для Амстердама назначенъ былъ курсъ въ 11 г. 80 ц. за фунтъ стерлинговъ. Но такъ какъ фунтъ стерлинговъ стоитъ не менѣе 12 г. 04 ц., то, понятно, что почти всѣ

$4^1/_2\%$ займы оплачивались въ Лондонѣ, такъ какъ и голландскіе ихъ владѣльцы предпочитали посылать свои купоны въ Лондонъ, дабы получать фунты, за которые покупали бо́льшее число гульденовъ, чѣмъ значилось гульденовъ на купонахъ.

Выкупъ облигацій назначенъ на 20-е іюля, и съ этого же срока прекращается теченіе по нимъ процентовъ. Въ Амстердамѣ, у гг. Гопе и К°, выплата капитала будетъ произведена по стоимости, отвѣчающей нарицательной цѣнѣ въ фунтахъ стерлинговъ и исчисленной по оффиціальному курсу по предъявленіи на Лондонъ.

Въ теченіе полугода государственное казначейство выдастъ изъ своей свободной наличности на досрочную уплату прежнихъ долговъ болѣе $57^1/_2$ милл. р. кред. Возможность производить такія крупныя уплаты долговъ безъ малѣйшаго стѣсненія для казны служитъ новымъ доказательствомъ нашей финансовой силы и прочности нашего государственнаго кредита. Такое положеніе давало полное основаніе думать, что въ настоящее время имѣли бы полный успѣхъ трехъ-процентные внѣшніе займы для производительныхъ цѣлей, еслибы въ томъ встрѣтилась надобность, для другихъ же расходовъ въ мирное время наше отечество, благодаря Бога, не нуждается болѣе ни въ какихъ займахъ.

Въ этихъ, очевидно, видахъ, и имѣя въ виду вовсе не удовлетвореніе потребностей казначейства, а облегченіе заемщиковъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, министерство финансовъ вошло въ переговоры съ домомъ Альфонса Ротшильда въ Парижѣ и его группою для конверсіи $4^1/_2\%$ закладныхъ листовъ сего Общества, и контрактъ былъ уже подписанъ, какъ интрига, поднятая противъ русскихъ финансовъ, опирающаяся якобы на принятыя въ Россіи строгія противъ евреевъ мѣры (состоящія въ дѣйствительности въ точномъ исполненіи существующихъ законовъ), а равно и плохое положеніе западныхъ биржъ, не оправившихся еще отъ Бэрингова краха, побудили группу Ротшильда просить объ уничтоженіи заключеннаго контракта. Этимъ, конечно, попыталась воспользоваться спекуляція съ цѣлію пониженія русскихъ цѣнностей на иностранныхъ биржахъ; но понижательная клика не могла понизить курсъ кредитнаго рубля на $2^1/_2$ пфенн. иначе, какъ распространивъ на фондовыхъ рынкахъ нѣкоторую общую панику, повлекшую за собою паденіе цѣнностей австрійскихъ, германскихъ и даже англійскихъ и французскихъ; это пока-

зываетъ съ достаточною ясностію, что прошло уже то время, когда разными банкирскими ухищреніями можно было вызвать за-границей недовѣріе *исключительно* къ русскому государственному кредиту. Независимо отъ водворившагося, въ послѣдніе годы, въ нашихъ финансахъ прочнаго порядка—реальной основы довѣрія къ русскимъ цѣнностямъ, это довѣріе обусловливается еще извѣстнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія Франціи, съ которымъ не въ силахъ бороться биржевые „синдикаты". Неумѣстныя домогательства главарей этихъ синдикатовъ могутъ лишь побудить наше министерство финансовъ къ востребованію хранящихся у нихъ весьма крупныхъ суммъ въ золотѣ.

Конечно, теперь еще неизвѣстно, воспользуется ли и въ какой мѣрѣ министерство финансовъ этою возможностію, и какой отвѣтъ получатъ Ротшильды на ихъ просьбу—объ уничтоженіи контракта. Но все предъидущее нашего министерства финансовъ достаточно удостовѣряетъ, что, не увлекаясь минутными впечатлѣніями, а соображая интересы Россіи, оно приметъ такія мѣры, которыя обезпечатъ эти интересы и въ то же время не помѣшаютъ будущимъ кредитнымъ операціямъ, которыя, конечно, должны состоять во введеніи на европейскіе рынки типа 3 % займовъ, къ чему и сдѣланъ былъ первый шагъ нынѣ,—шагъ, не увѣнчавшійся успѣхомъ по причинамъ, которыхъ дѣйствительно никто въ мірѣ предвидѣть немогъ, такъ какъ просьба объ уничтоженіи заключеннаго договора со стороны такого дома, какъ Ротшильдъ, притомъ просьба, мотивированная обстоятельствами, совершенно посторонними предмету договора и условіямъ его исполненія, — есть случай небывалый въ лѣтописяхъ финансовыхъ сдѣлокъ.

* * *

Праздничные дни Свѣтлой недѣли омрачились трауромъ по скончавшемся послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ.

„По волѣ Всемогущаго Бога, — сказано въ Высочайшемъ манифестѣ 13-го апрѣля,—Императорскій Домъ Нашъ постигла новая скорбь... Оплакивая утрату любезнѣйшаго дяди Нашего, жизнь коего была посвящена ревностному служенію Престолу и Отечеству и ознаменована подвигами, стяжавшими ему доблестное имя, мы увѣрены, что всѣ вѣрные Наши подданные

соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя".

Русскіе люди молились и стекались на поклонъ бреннымъ останкамъ покойнаго по всему протяженію длиннаго пути слѣдованія ихъ отъ Севастополя до Петербурга въ усыпальницу Петропавловскаго собора. Молились объ упокоеніи души вѣрнаго и доблестнаго сына отечества, много потрудившагося для образованія его боевой силы, для его обороны и славы новыхъ побѣдъ надъ врагами. Велики заслуги усопшаго, какъ генералъ-инспектора кавалеріи, главнаго начальника военно-инженернаго вѣдомства, главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго округа въ мирное время и дѣйствовавшею въ Европейской Турціи арміей въ послѣднюю Восточную войну. Всѣмъ извѣстны эти заслуги и всѣми оцѣнены по достоинству. Доблестные подвиги покойнаго августѣйшаго фельдмаршала составляютъ одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи, достойны стать предметомъ національной гордости великаго народа, своею сплоченностію и мощностію единаго духа создавшаго русское государство. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, всѣ расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ войска отдаютъ фельдмаршалу послѣднюю честь, населеніе столицы, за себя и отъ имени всѣхъ русскихъ людей, — послѣдній долгъ. Съ искреннею скорбью провожаютъ усопшаго въ мѣсто вѣчнаго успокоенія его многочисленные подчиненные, дѣлившіе съ нимъ служебные труды и заботы, участники его славы, люди приближенные, на себѣ испытавшіе его доброту и привѣтливость, его всегдашнюю снисходительность къ невольнымъ ошибкамъ. Тяжкими страданіями въ послѣдній годъ своей жизни онъ искупилъ и свои невольныя прегрѣшенія. Человѣческіе недостатки затмеваются достоинствами, а усопшій Великій Князь былъ добрый человѣкъ. Тысячи поклонятся его праху съ любовью и въ народѣ вѣчною пребудетъ добрая о немъ память.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Парижъ 19 апрѣля (1 мая) 1891 года.

Грозный призракъ разрушительнаго соціализма снова встаетъ надъ Западною Европой. Сегодня торжественно чествуется онъ рабочими всѣхъ странъ въ день такъ называемаго всеобщаго „праздника труда“.

На Западѣ существуютъ два рода соціализма. Первый—съ виду самый бурный, ярый, свирѣпый, самый невоздержный въ своихъ цѣляхъ и неразборчивый въ средствахъ. Это соціализмъ—революціонный и международный. Гражданскому обществу грозитъ онъ безпощадною кровавою расправой. Идеалъ его—полное безначаліе. Имъ зараженъ пролетаріатъ преимущественно въ странахъ населенныхъ латинскимъ племенемъ, которое, по темпераменту, наиболѣе склонно къ воспринятію крайнихъ ученій.

Не таковъ соціализмъ, исповѣдуемый рабочими племени германскаго: швейцарцами и голландцами, скандинавами, англичанами и въ особенности нѣмцами. Отличительная черта его—національная обособленность. Не къ разрушенію государства стремится онъ, а къ переустройству его на такихъ началахъ, которыя обезпечивали бы рабочему сословію преобладаніе надъ всѣми прочими. Конечная цѣль эта имѣетъ быть достигнута законными средствами.

Изъ двухъ отраслей соціализма для нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя Западной Европы вторая несомнѣнно опаснѣе первой. Опаснѣе націоналисты, чѣмъ международники, „умѣренные“, чѣмъ „крайніе“. Пока одни шумятъ и болтаютъ по-пусту, другіе дѣйствуютъ. Всякая революціонная вспышка безъ труда подавляется правительствами.

Они безсильны противъ „легальной агитаціи", подтачивающей государство, какъ червь точитъ дерево, какъ вода сверлитъ камень. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только оглянуться на поразительные успѣхи соціально-демократической организаціи въ Германіи.

Начало ей положено Лассалемъ тридцать лѣтъ тому назадъ, почти одновременно съ основаніемъ въ Лондонѣ международнаго союза рабочихъ. За эти три десятилѣтія послѣдній все болѣе и болѣе терялъ первоначальное свое значеніе, между тѣмъ какъ нѣмецкій соціализмъ росъ не по днямъ, а по часамъ и нынѣ густою сѣтью покрываетъ все пространство новосозданной Германской имперіи.

Съ какою энергіею ведется на избирательной почвѣ борьба между соціализмомъ и государственностью въ Германіи, показываютъ недавніе выборы въ Гестемюндѣ, которые хотя и завершились пораженіемъ соціалистическаго кандидата, но все же служатъ живымъ свидѣтельствомъ того, что для одолѣнія общаго врага едва хватаетъ соединенныхъ силъ всѣхъ прочихъ политическихъ партій.

Каждая изъ нихъ выставила на этихъ выборахъ своего кандидата. Первый былъ виднѣйшій представитель государственнаго начала въ Германіи, создатель нѣмецкаго единства, опальный бывшій канцлеръ имперіи, князь Бисмаркъ. Соперниками его явились представители гвельфовъ, доселѣ не примирившихся съ присоединеніемъ Ганновера къ Пруссіи, свободно-мыслящихъ, мечтающихъ о замѣнѣ нынѣшняго образа правленія въ Германіи парламентаризмомъ по англійскому образцу, наконецъ простой рабочій, кандидатъ соціалистовъ. Результатъ перваго дня выборовъ была перебаллотировка между величайшимъ государственнымъ мужемъ современной Германіи и Европы и поденщикомъ сигарной фабрики. Онъ крайне знаменателенъ въ томъ смыслѣ, что наглядно выражаетъ тѣ два противуположные полюса, между которыми колеблется настоящее Германіи и изъ которыхъ одинъ призванъ восторжествовать надъ другимъ въ будущемъ.

Такой нерѣшительный исходъ избирательной борьбы поразилъ общественное мнѣніе въ нѣмецкой землѣ и за ея предѣлами и былъ истолкованъ сначала какъ чувствительное пораженіе князя Бисмарка. На нашъ взглядъ, мнѣніе это неосновательно. Исходъ выборовъ въ Гестемюндѣ представляется намъ лишь новымъ доказательствомъ того, какъ мало пригодно на-

чало всеобщаго голосованія для удовлетворенія насущныхъ потребностей государства, посылая въ законодательное собраніе не тѣхъ, кто по личнымъ своимъ качествамъ и достоинствамъ могли бы сослужить наиболѣе полезную службу странѣ, а представителей частныхъ, партійныхъ интересовъ въ противуположность интересамъ общегосударственнымъ. И гвельфы и свободно-мыслящіе лишь тогда рѣшились подать голоса свои за Бисмарка, когда убѣдились, что, въ противномъ случаѣ, соціалистъ восторжествуетъ надъ бывшимъ канцлеромъ. Какъ ни ненавистенъ имъ Бисмаркъ, они сообразили, что изъ двухъ золъ надо выбрать меньшее. Такимъ образомъ вчера князь получилъ три тысячи лишнихъ голосовъ, и нынѣ, министръ, полновластно распоряжавшійся въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія судьбами Пруссіи и Германіи, занялъ скромное мѣсто посреди собранныхъ въ имперскомъ сеймѣ четырехъ сотъ представителей нѣмецкаго народа.

И все же избирательную побѣду князя Бисмарка нельзя признать торжествомъ государственности надъ враждебнымъ напоромъ противугосударственныхъ силъ, нельзя вслѣдствіе того положенія, въ которомъ стоитъ опальный министръ къ своему государю, Вильгельму II, королю Пруссіи, императору Германіи.

Положеніе это — явная, рѣзкая и весьма мало почтительная оппозиція особѣ монарха. Какъ бы ни былъ правъ князь Бисмаркъ по существу, избранный имъ способъ выраженія разногласія съ политикою императора не согласуемъ съ первою обязанностью вѣрноподданнаго: уваженіемъ къ государю. Настоящимъ своимъ поведеніемъ онъ колеблетъ въ основахъ ту самую монархію, утвержденію которой въ Пруссіи, а потомъ, и въ Германіи онъ посвятилъ всю жизнь свою.

Въ силу основныхъ законовъ королевства и имперіи, министры — не избранники парламентскаго большинства, а совѣтники короны, ею назначаемые и смѣняемые, исполнители велѣній императора-короля. Отвѣтственные предъ нимъ, они не только въ правѣ, а прямо обязаны чистосердечно и откровенно высказывать монарху мнѣнія свои по предметамъ, входящимъ въ кругъ ихъ министерской дѣятельности, и даже сомнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда расходятся съ нимъ во взглядахъ. Возраженія и противорѣчія не могутъ быть имъ поставлены въ вину. Министръ, преданный своему государю, ревнующій о благѣ отечества, истощитъ всѣ способы убѣжденія, чтобы про-

вести въ совѣтѣ мѣру, признаваемую имъ полезною, или воспрепятствовать принятію такой, послѣдствія которой представляются ему вредными. Поступая иначе, онъ нарушаетъ свой первый священный долгъ, долгъ чести и присяги. Но тотъ же долгъ велитъ ему покорно склониться предъ рѣшеніемъ верховной власти и если приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія тяготитъ его совѣсть, то отъ него же зависитъ сложить съ себя званіе министра и удалиться отъ дѣлъ.

Такъ и поступилъ князь Бисмаркъ годъ тому назадъ, когда убѣдился, что молодой императоръ пересталъ внимать его совѣтамъ. Но съ тѣхъ поръ не проходитъ единаго дня безъ того, чтобы онъ не заявилъ гласно о своемъ разномысліи съ императоромъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Всѣ способы пригодны ему для проявленія неудовольствія, возбуждаемаго въ немъ рѣчами и поступками его преемниковъ у власти. Онъ началъ съ пространныхъ бесѣдъ съ представителями главнѣйшихъ иностранныхъ органовъ печати, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, восхваляя собственную политическую дѣятельность, рѣзко осуждая и порицая все, что совершается въ Германіи со дня удаленія его на покой. Нѣсколько газетъ, непосредственно имъ вдохновляемыхъ, повторяютъ на всѣ лады эти, то грозныя, то жалобныя причитанія, воспроизводимыя и въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ, аподиктическимъ тономъ выдающихъ свое происхожденіе. Наконецъ настойчивость, съ которою князь Бисмаркъ добивался избранія въ Рейхстагъ, въ прямой ущербъ своему достоинству, вызвана неудержимымъ желаніемъ выступить на парламентской трибунѣ этого собранія тѣмъ же самымъ Юпитеромъ-Громовержцемъ, какимъ онъ столько лѣтъ являлся въ немъ на министерской скамьѣ.

Поступая такимъ образомъ, князь Бисмаркъ, повидимому, убѣжденъ, что продолжаетъ служить дѣлу всей своей жизни: утвержденію монархіи въ Пруссіи и Германіи и сплоченію воедино общаго нѣмецкаго отечества. Мы охотно вѣримъ искренности подобнаго взгляда, но должны признать въ немъ несомнѣнное роковое заблужденіе. Объяснимся.

Въ конституціонныхъ государствахъ министръ, руководившій судьбами страны, по удаленіи отъ власти, естественно переходитъ въ оппозицію, становится ея вождемъ и главою. Это въ порядкѣ вещей, вполнѣ согласно съ духомъ парламентаризма, и если не установлено закономъ, то освящено вѣко-

вымъ и всеобщимъ обычаемъ. По конституціонной фикціи, личность Государя, царствующаго, но не управляющаго, безотвѣтственна, и парламентская борьба ведется между партіями, не касаясь короны и ея носителя. Вопросъ о томъ, которая изъ нихъ должна управлять государствомъ, рѣшается большинствомъ голосовъ въ палатахъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ самыя ожесточенныя нападки отставныхъ министровъ на своихъ преемниковъ не наносятъ ни малѣйшаго ущерба главѣ государства, не колеблятъ уваженія къ нему, не подрываютъ его обаянія.

Между тѣмъ, и королевство Прусское и сама Германская имперія, хотя и имѣютъ представительныя собранія, но отнюдь не могутъ быть причислены къ разряду государствъ конституціонныхъ. Никто яснѣе и убѣдительнѣе князя Бисмарка не доказалъ и словомъ и примѣромъ, что въ Пруссіи и въ Германіи императоръ-король и царствуетъ и управляетъ, что назначеніе министровъ составляетъ тамъ исключительное право короны, на которое парламентское большинство и по закону и по обычаю лишено всякаго воздѣйствія. Слѣдовательно, нельзя въ Германскомъ Рейхстагѣ нападать на министровъ, критиковать ихъ распоряженія, заподозрѣвать виды и намѣренія, осмѣивать личности, словомъ, нельзя вести съ ними парламентскую борьбу, не вовлекая въ нее и источника ихъ власти, царствующаго короля-императора.

Да если было бы и иначе, то князь Бисмаркъ все же не имѣлъ бы ни малѣйшаго шанса сгруппировать вокругъ себя большинство въ средѣ имперскаго сейма, по той причинѣ, что всѣ партіи болѣе или менѣе чужды государственному дѣятелю, который, съ перваго дня вступленія своего на политическомъ поприщѣ, всѣ свои усилія направилъ къ тому, чтобы обуздать ихъ притязанія, смирить своеволіе, съузить преимущества и поставить ихъ въ положеніе подчиненное относительно короны и ея совѣтниковъ. Бывшій канцлеръ былъ во всю жизнь свою борцомъ за права престола, противъ вожделѣній такъ называемаго народнаго представительства. Онъ можетъ воскликнуть съ Шиллеровскимъ Валленштейномъ:

Im ganzen Reiche lebte mir kein Mann,
Weil ich allein gelebt für meinen Kaizer! [1])

---

[1]) Во всей имперіи никто не стоялъ за меня, потому что самъ я стоялъ только за моего императора.

*

Этого не забыли злопамятные представители нѣмецкихъ политическихъ партій, не забыли и того, что онъ, въ бытность у власти, употреблялъ ихъ лишь какъ орудія, постоянно мѣняя одну партію на другую, беззастѣнчиво принося въ жертву союзникамъ нынѣшняго дня вчерашнихъ своихъ сообщниковъ. Такъ промѣнялъ онъ консерваторовъ на націоналъ-либераловъ, а этими послѣдними поступился въ пользу католическаго центра въ тотъ день, когда рѣшился прекратить Kulturkampf.

Но предположимъ даже такую невѣроятную случайность: допустимъ, что князь Бисмаркъ дѣйствительно станетъ главою большинства въ Рейхстагѣ. Какія были бы практическія послѣдствія этого по истинѣ чудовищнаго сочетанія?

Оно ни на шагъ не приблизило бы его къ власти, а только углубило бы пропасть, отдѣляющую нынѣ отъ Вильгельма II опальнаго канцлера. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что пылкій и необузданный германскій императоръ не подчинится парламентскому давленію, не дозволитъ навязать себѣ въ совѣтники лицо, удаленное имъ отъ власти. Да и самъ князь Бисмаркъ не можетъ искать подвергнуть своего монарха такому униженію, не ставъ въ противорѣчіе со всѣмъ своимъ прошлымъ, не вызвавъ кореннаго переворота въ государственныхъ учрежденіяхъ своей родины, не подорвавъ наконецъ въ корнѣ монархическое начало, служащее основаніемъ и силы Пруссіи, и единства Германіи.

А если такъ, то замышляемыя имъ громогласныя обличенія съ трибуны Рейхстага настоящихъ порядковъ не ухудшатъ ли положенія вмѣсто того, чтобы его улучшить? Вмѣсто того, чтобы просвѣтить разумъ молодаго государя, разсѣять въ немъ заблужденія, возвратить его изъ области туманной мечты и безотчетныхъ увлеченій къ здравымъ началамъ государственной мудрости, провѣренной опытомъ и освѣщенной преданіемъ, къ той политикѣ, что создала Пруссію и поставила ее во главѣ вовсоединенной Германіи,—развѣ эти обличенія не усилятъ въ немъ раздраженія и, распаливъ страсть, не заглушатъ голоса разсудка? Невольно приходятъ намъ по этому поводу на память слова, нѣкогда сказанныя Жюлю Фавру никѣмъ инымъ, какъ самимъ княземъ Бисмаркомъ и которыя мы позволимъ себѣ напомнить ему нынѣ: *Отечество требуетъ, чтобы ему служили, а не искали господствовать надъ нимъ.* Служить же отечеству значитъ дѣйствовать ему на пользу, тщательно устраняя все, что можетъ нанести ему вредъ. Чѣмъ болѣе князь

Бисмаркъ убѣжденъ въ правильности своихъ политическихъ воззрѣній, тѣмъ страстнѣе долженъ онъ желать практическаго ихъ осуществленія. Вѣрнѣйшій путь къ тому—самозабвеніе, принесеніе въ жертву родинѣ своего тщеславія и гордыни. Мы разумѣемъ такое воздѣйствіе на разумъ государя, которое, не будучи гласнымъ, явилось бы тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, что не ставило бы общественнаго мнѣнія судьею между имъ и знаменитѣйшимъ изъ слугъ его престола.

Отдавая предпочтеніе государственной опытности князя Бисмарка предъ юношескимъ пыломъ Вильгельма II, мы имѣемъ въ виду разногласіе ихъ только по вопросамъ внутренней политики. Въ противоположность безпокойному почину молодаго императора во всѣхъ вѣтвяхъ правительственной дѣятельности, старецъ-канцлеръ въ трехъ словахъ вѣрно и точно опредѣлилъ свою программу: quieta non movere. Дѣйствительно, въ сложномъ вѣковомъ зданіи государства слѣдуетъ перестраивать лишь тѣ части, что грозятъ паденіемъ или разрушеніемъ, тщательно оберегая и охраняя все устойчивое и прочное. Въ этихъ словахъ заключается строгое порицаніе преобразованій, одновременно затѣянныхъ Вильгельмомъ II и въ арміи и во флотѣ, въ администраціи и въ школѣ, въ области финансовъ, торговли, промышленности, вообще народнаго хозяйства, безъ всякой видимой нужды, въ силу исключительно умозрительныхъ соображеній. Еще строже осуждаетъ князь Бисмаркъ попытку нынѣшняго нѣмецкаго правительства какъ бы вступить въ сдѣлку съ соціализмомъ, требованія котораго онъ считаетъ непримиримыми съ существующимъ общественнымъ строемъ. Справедливо находитъ онъ, что опасно играть съ огнемъ и что легче предупредить пожаръ, чѣмъ тушить его, давъ ему охватить обширное пространство.

Но критику свою князь Бисмаркъ не ограничиваетъ внутренними мѣропріятіями своихъ преемниковъ у власти. Онъ распространяетъ ее и на внѣшнюю ихъ политику и здѣсь, какъ намъ кажется, самъ впадаетъ въ странное заблужденіе. Не говоря уже о томъ, что политика эта составляетъ въ сущности лишь продолженіе собственныхъ его начинаній, естественное, такъ сказать, развитіе началъ, имъ самимъ положенныхъ въ ея основаніе,—средствъ, предлагаемыхъ имъ для выхода изъ стѣсненнаго положенія, въ которое нынѣ поставлена Германія между соединенными узами искренней дружбы и тѣсной политической солидарности Россіей и Франціей, предста-

вляется намъ политическимъ архаизмомъ, вовсе не соображеннымъ съ условіями современной дѣйствительности. Мы убѣдимся въ томъ, ознакомясь съ появившеюся на дняхъ въ Дрезденѣ брошюрою, озаглавленною: *Упадокъ Австріи* и излагающею взгляды пустынника изъ Фридрихсруэ на этотъ важный политическій вопросъ.

Въ ней князь Бисмаркъ приходитъ къ слѣдующему замѣчательному выводу: Германіи слѣдуетъ пожертвовать Австро-Венгріей, чтобы снова разъединить Францію и Россію.

Вѣнскій дворъ, разсуждаетъ онъ, не оправдалъ тѣхъ надеждъ, что побудили Германію вступить съ нимъ въ союзъ въ 1879 году. За свою политическую поддержку Австро-Венгрія требуетъ нынѣ уступокъ на почвѣ торгово-промышленной, принесеніе ей въ жертву хозяйственныхъ интересовъ нѣмцевъ. Но для Германіи это не разсчетъ, такъ какъ военныя силы австрійцевъ ничтожны и не могутъ доставить ей перевѣса надъ соединенными средствами Россіи и Франціи. Нынѣшній тройственный союзъ, связующій Берлинъ съ Вѣною и Римомъ—комбинація искусственная. Ее нужно замѣнить естественною комбинаціей, каковою является союзъ Германіи съ Италіей и Россіей. Необходимымъ его послѣдствіемъ было бы расторженіе столь же ненавистной, сколько и опасной для имперіи Гогенцоллерновъ, связи Россіи съ Франціей. Чтобы осуществить его, средство предлагается простое: пожертвовать Австріей Италіи, уступивъ послѣдней Трентино, а Тріестъ съ Балканскимъ полуостровомъ Россіи, предоставивъ ей водворить свое господство въ Болгаріи и занять Константинополь. Авторъ брошюры не договариваетъ, но объ этомъ не трудно догадаться, что, по мнѣнію его, удовлетворенныя такимъ образомъ Россія и Италія не задумаются отдать беззащитную и одинокую Францію на растерзаніе и съѣденіе Германіи, ея заклятому и непримиримому врагу.

Отмѣтимъ прежде всего вѣрность князя Бисмарка излюбленному его политическому пріему: щедро расплачиваться чужимъ добромъ за требуемыя въ пользу Германіи услуги. Вспомнимъ также, что даже эта своеобразная расплата обыкновенно происходитъ на словахъ и, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, рѣдко и скупо производилась на дѣлѣ.

Чтобы обезпечить себѣ соучастіе Австріи въ разбойничьемъ набѣгѣ, задуманномъ противъ Даніи въ 1864 году, Бисмаркъ обѣщалъ ей равноправный дѣлежъ добычи не только въ приэльбскихъ герцогствахъ, но и въ Германіи, которую предла-

галъ раздвоить по теченію Майна и подчинить сѣверную половину Пруссіи, а Австріи южную. Но какъ только состоялся разгромъ Даніи, при помощи австрійцевъ, Пруссія не только присоединила Шлезвигъ, Голштинію и Лауэнбургъ и, предательски напавъ на бывшую свою союзницу, разгромила и ее и вытѣснила однимъ ударомъ изъ Италіи и Германіи.

Чтобы восторжествовать надъ монархіей Габсбурговъ, Бисмарку нужно было если не вооруженное содѣйствіе, то все же терпимость Франціи. Ища заручиться ея согласіемъ на захватъ Ганновера, Гессенъ-Кесселя, Нассау и Франкфурта на Майнѣ, на установленіе прусскаго господства надъ сѣверомъ Германіи, онъ не задумался предложить Наполеону III и Бельгію и французскіе кантоны Швейцаріи, но когда настал часъ разсчета, то не уступилъ и Люксембурга, а за потворство въ 1866-мъ году отплатилъ Франціи вторженіемъ въ ея предѣлы и насильственнымъ отторженіемъ Эльзаса и Лотарингіи независимо отъ выкупа въ пять милліардовъ.

Но разгромъ Франціи могъ быть предпринятъ лишь при условіи нейтрализаціи Россіи. И тутъ Бисмаркъ не поскупился на обѣщанія. Полную свободу дѣйствій Германіи на западѣ самъ онъ обусловилъ предоставленіемъ такой же свободы Россіи на востокѣ. Когда же, повѣривъ ему на слово, Россія захотѣла воспользоваться ею, не для своекорыстныхъ цѣлей, а во исполненіе своего историческаго призванія, для освобожденія соплеменныхъ и единовѣрныхъ ей народовъ отъ варварскаго ига, то онъ же, собравъ въ Берлинѣ подъ своимъ председательствомъ европейскій судъ надъ Россіей, изрекъ ей именемъ Европы строгій приговоръ, унизилъ ее, обездолилъ и лишилъ плодовъ ея побѣдъ.

Мало того: съ этого дня начинаются усилія Бисмарка составить всеобщую коалицію изъ всѣхъ великихъ державъ противъ Россіи. Ядромъ ея имѣлъ послужить союзъ Германіи съ Австро-Венгріей, къ которому вскорѣ примкнула Италія. Англія устами лорда Салисбюри провозгласила полную свою съ нимъ солидарность. Франціи протянулъ онъ руку примиренія, прельщая ее возбужденіемъ надежды на возвращеніе отторженныхъ областей, лишь бы вовлечь и ее въ скопъ и заговоръ, замышленный противъ Россіи.

Къ счастію, французская республика устояла противъ коварныхъ искушеній. Здравый смыслъ французовъ и сознаніе національнаго достоинства предохранили ихъ отъ новыхъ,

горькихъ разочарованій. Между тѣмъ исторія сдѣлала свое дѣло. Она пролила яркій свѣтъ на источникъ недоразумѣній, въ продолженіе двухъ столѣтій возникавшихъ между Франціей и Россіей, къ явному ущербу обоихъ государствъ, къ выгодѣ и радости ихъ общихъ враговъ и ненавистниковъ. Сознавъ вѣковыя заблужденія, Россія и Франція не долго искали способа оградить себя отъ опасности, грозившей и той и другой отъ сплоченной въ тройственномъ союзѣ и поддержанной на морѣ Великобританіей Средней Европы. Онѣ нашли его въ честномъ, прямодушномъ и дружественномъ сближеніи.

Единеніе двухъ могущественнѣйшихъ державъ въ мірѣ—бѣльмо на глазу Германіи. Расторгнуть его во что бы то ни стало—такова мысль, неустанно преслѣдующая государственныхъ людей ея. Простѣйшимъ къ тому средствомъ представлялось бы повидимому добровольное возвращеніе Франціи Лотарингіи и Эльзаса. Но не въ обычаѣ прусской политики расплачиваться изъ собственнаго кармана. И вотъ, послѣ многолѣтней и безплодной дипломатической борьбы съ Россіею, отставному имперскому канцлеру приходитъ блестящая мысль: посулить Россіи Болгарію и Константинополь и тѣмъ оторвать ее отъ Франціи.

Болгарію! Но кто, какъ не Бисмаркъ, дружно содѣйствовалъ Австро-Венгріи и Англіи, чтобы вытѣснить оттуда русское вліяніе? Развѣ не онъ руководилъ политикою Германіи, когда самовольно и въ противность договорамъ воцарился въ Софіи принцъ нѣмецкаго владѣтельнаго дома, доселѣ возсѣдающій на похищенномъ престолѣ? И тогда, также какъ и теперь, не грянулъ громъ изъ Берлина, не послѣдовало приказанія главы имперіи одному изъ его вассаловъ не нарушать мира и покоя Европы и возвратиться во-свояси подъ страхомъ лишенія правъ, присвоенныхъ ему въ качествѣ члена Саксенъ-Кобургской герцогской семьи?

Константинополь! Но вѣдь доступъ къ нему загражденъ турецкою арміею, а армію эту воспитываютъ, вооружаютъ, обучаютъ, ею начальствуютъ нѣмецкіе генералы и офицеры. Кто послалъ ихъ туда, если не Бисмаркъ? Кто велѣлъ имъ укрѣпить Босфоръ и Дарданеллы, ввести стройность, порядокъ и дисциплину въ полудикія толпы редифовъ и баши-бузуковъ и прирожденную храбрость солдата-мусульманина пріурочить къ исполненію задачъ тактическихъ, заданныхъ берлинскимъ генераль-

нымъ штабомъ. Неужели князь Бисмаркъ думаетъ, что объ этомъ не знаютъ и не размышляютъ въ Россіи?

Для осуществленія новой „естественной“ комбинаціи онъ— что тоже весьма естественно,—разумѣется, предлагаетъ самъ себя. Надежду на успѣхъ почерпаетъ онъ въ томъ представленіи, которое онъ за двадцать пять лѣтъ нахожденія у власти составилъ себѣ о нашихъ правительственныхъ кругахъ.

„Въ Берлинѣ“—читаемъ въ упомянутой выше брошюрѣ— „недостаетъ только одного: человѣка, который обладалъ бы надлежащими качествами для такого сближенія, понималъ бы натуру русскаго правительства и русской дипломатіи. Человѣкъ этотъ—князь Бисмаркъ. Въ серіозныхъ, богатыхъ жизненнымъ опытомъ русскихъ высшихъ сферахъ, опытность Бисмарка внушаетъ большое довѣріе. Какъ нравы этихъ сферъ, такъ и преданія русской дипломатіи имѣютъ для Бисмарка особую личную прелесть и возбуждаютъ въ немъ желаніе принимать участіе въ ихъ государственной дѣятельности для обоюдной выгоды. Въ этомъ кругу Бисмаркъ будетъ чувствовать себя привольнѣе, чѣмъ въ австрійскомъ обществѣ“.

Въ строкахъ этихъ такъ и сквозитъ непростительное для геніальнаго государственнаго человѣка самообольщеніе. Онъ хвалится тѣмъ, что знаетъ и понимаетъ „натуру русскаго правительства и русской дипломатіи“. Въ послѣдній разъ посѣтилъ онъ Петербургъ въ 1873 году. Едва-ли бы онъ узналъ его, еслибы вернулся къ намъ въ настоящую минуту.

Смѣемъ увѣрить князя Бисмарка, что нигдѣ въ Россіи: ни при дворѣ, ни въ дипломатіи, ни въ высшемъ столичномъ обществѣ онъ не найдетъ уже прежней податливости, прежняго подчиненія внушеніямъ и указаніямъ извнѣ. За послѣдніе десять лѣтъ, русскіе люди, дѣятели государственные и общественные, возмужали и созрѣли. Этимъ обязаны они пробужденію въ нихъ народнаго самосознанія. Въ направленіи, указанномъ съ высоты престола, въ тѣсномъ единеніи, движутся представители власти и общества.

Исторія освѣщаетъ имъ путь. Тщательное изученіе прошлаго выясняетъ настоящее, предопредѣляетъ будущее. Мы вѣримъ и исповѣдуемъ, что русскій Императорскій дворъ не пойдетъ ни на какую сдѣлку, въ основаніе которой положены насиліе и обманъ. На что ему распаденіе Австро-Венгріи? Возвращеніе древняго Галича не возмѣстило бы намъ приращенія могущества Германской имперіи, вслѣдствіе присоединенія къ

ней нѣмецкихъ земель монархіи Габсбурговъ. Не господства ищетъ Россія надъ единовѣрными государствами Балканскаго полуострова; она хочетъ утвержденія ихъ гражданской самобытности и самостоятельности политической противъ хищныхъ посягательствъ средне-европейскихъ державъ. Наконецъ, когда пробьетъ урочный часъ, Россія разрѣшитъ великую всемірно-историческую задачу, твердою ногою ставъ въ Царьградѣ, на рубежѣ Европы и Азіи, почерпая въ самой себѣ и свое право, и свою силу. Чтобы приблизить этотъ часъ, она не пожертвуетъ равновѣсіемъ, миромъ и покоемъ Европы, коихъ она является надежнымъ щитомъ и опорою. Такова державная воля Русскаго Царя. Въ полномъ единодушіи съ вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ мыслитъ и чувствуетъ, и дѣйствуетъ русское общество, великій народъ русскій.

С. ТАТИЩЕВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Пріобрѣтенъ нами отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ, за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **15** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

Самый значительный въ Россіи складъ:

ВЕЛОСИПЕДОВЪ,

ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ, ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ,

ВѢСОВЪ,

ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.

Пишущая машина РЕМИНГТОНА № 5 новѣйшая изо всѣхъ существующихъ системъ. **ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЙ въ свѣтѣ** Сотни въ употребленіи въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

КЕРОСИНОВЫЕ ОСВѢТИТЕЛЬН. АППАРАТЫ «УЭЛЬЗЪ» для ночныхъ работъ, рудниковъ, копей, туннелей, сооруженія мостовъ и проч.

ШВЕЙНЫЯ и ВЯЗАЛЬНЫЯ МАШИНЫ ВСѢХЪ СОРТОВЪ.

Всѣ предметы исключительно высшаго качества.

Общій прейсъ-курантъ спеціальностей высылается безплатно.

Болѣе 500 велосипедовъ въ наличности.

НОВОСТЬ.

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ „ПРИСТМЭНЪ“.

АМЕРИКАНСКІЕ: вѣтряные двигатели **ЭКЛИПСЪ** насосы **ДУГЛАСЪ** пилы **ДИСТОНЪ** и пр. и пр.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ.

МОСКВА, Кузнецкій мост., уг. Лубянки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, 21. | **ВАРШАВА,** Сенаторская, 27.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ, Соборная.

Общій прейсъ-курантъ спеціальностей Торговымъ Домомъ высылается безплатно.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1891 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1891 году стóитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15** р. **50** к., съ доставкою **16** р., съ пересылкою во всѣ города Россіи **17** р.

Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня.

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — **18** руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — **въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ (Большая Морская. 30.** Редакторъ Фед. Никол. Бергъ принимаетъ тамъ же), въ Книжномъ Магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Тов. „Общ. Польза“ (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“—на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

И городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника“, Спб., Большая Морская, д. 30.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ **1 руб. 50 коп.**, а иногородные, переходя въ городскіе— **40 коп.**— 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель **Ф. Бергъ.**

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Спб., Больш. Подъяч., № 39.